ВИЗАНТІЙСКІЙ ПИСАТЕЛЬ

И

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ

МИХАИЛЪ ПСЕЛЛЪ.

Часть первая.

БІОГРАФІЯ

Михаила Пселла.

Изслѣдованіе П. В. Безобразова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

Пров. 1961

DF
505
.7

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1943
60

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Михаилъ Пселлъ былъ несомнѣнно однимъ изъ знаменитѣйшихъ византійцевъ. Въ Константинополѣ его называли треблаженнымъ, великимъ философомъ, ставили на одну доску съ Демосѳеномъ и Ѳукидидомъ. Вмѣстѣ съ греческими рукописями, перевезенными съ востока въ Италію въ эпоху возрожденія, перешла на западъ и слава Пселла. Сочиненія его печатали въ Венеціи, Римѣ, Парижѣ, начиная съ 1503 г. Его хорошо знали ученые византинисты какъ Аллаціи, Дюканжъ, Газе и другіе; зналъ его и нашъ ученый митрополитъ Евгеній. Свѣдѣнія о немъ помѣщались и помѣщаются во всѣхъ исторіяхъ греческой литературы, во всѣхъ энциклопедическихъ словаряхъ. До сихъ поръ однако никто не представилъ удовлетворительной біографіи Пселла, никто не разобралъ его сочиненій и не отвѣтилъ на вопросъ, за что же пользуется онъ такой славой, заслужена ли она или нѣтъ? Не было времени, когда Пселлъ не пользовался бы извѣстностью, и этого одного уже достаточно, чтобы заняться его личностью, признаваемою всѣми выдающеюся.

Михаилъ Пселлъ былъ ученымъ писателемъ и государственнымъ дѣятелемъ: отсюда двоякій интересъ, связанный съ его личностью. Въ первой части моего труда я представляю біографію этого византійца, пользуясь почти исключительно его собственными произведеніями, мемуарами, рѣчами и перепискою *). Тутъ имѣется достаточно ма-

*) Такъ какъ мнѣ постоянно приходится ссылаться на сочиненія Пселла, изданныя Саѳою и Буассонадомъ я обозначаю эти изданія сокращенно.

Ps.-Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi. Paris. 1874 и 1876. Въ четвертомъ и пятомъ томѣ этого изданія напечатаны сочиненія Пселла.

Boiss.-Boissonade, Michael Psellus de operatione daemonum. Accedunt inedita opuscula Pselli. Norimbergae 1838.

теріала, чтобы прослѣдить государственную и преподавательскую дѣятельность Пселла и представить его характеристику. Біографія этого знаменитаго мужа можетъ до нѣкоторой степени способствовать разрѣшенію все еще открытаго вопроса, почему пала восточная имперія? Нельзя же думать, что сильное царство Комниновъ, съумѣвшее отразить многочисленныя толпы хищныхъ Печенѣговъ и Половцевъ, блистательно справившееся съ громаднымъ войскомъ первыхъ крестоносцевъ, распалось исключительно потому, что Константинополь былъ взятъ западными рыцарями въ 1204 г. Если внѣшнія обстоятельства, политика Венеціанцевъ, походы Турокъ-османовъ играли нѣкоторую роль въ судьбахъ восточной имперіи, не въ этомъ надо искать коренныхъ причинъ ея паденія. Не Турки погубили Византію, она сама себя погубила; погубили ее чиновники, не имѣвшіе ничего общаго съ народомъ, видѣвшіе въ немъ исключительно плательщиковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ извлекать какъ можно больше денегъ всякими способами, дозволенными и недозволенными. Народъ ненавидѣлъ администрацію больше, чѣмъ ненавидѣлъ онъ Печенѣговъ и Турокъ. Вотъ въ чемъ заключалось главное несчастіе византійской имперіи. Приступая къ изученію Пселла, я считалъ его высокообразованнымъ, талантливымъ и полезнымъ дѣятелемъ, но чѣмъ больше я работалъ, чѣмъ пристальнѣе присматривался къ его мемуарамъ и перепискѣ, тѣмъ больше убѣждался, что это не такъ. Эти плачевные результаты я изложилъ въ первой части своего труда, въ біографіи Михаила Пселла.

Во второй части я представлю подробный разборъ всѣхъ сочиненій этого ученаго. Такъ какъ Пселлъ былъ энциклопедистомъ, написалъ трактаты по всѣмъ наукамъ, философіи, грамматикѣ, праву, агрономіи, медицинѣ, математикѣ, риторикѣ, музыкѣ, анализъ его сочиненій представитъ общую картину византійскаго образованія. Византія гордилась своей наукой, съ презрѣніемъ относилась къ западу, а потому не безъинтересно разъяснить, чѣмъ же была эта наука, стояла ли она дѣйствительно выше за-

падной или нѣтъ? Вопросъ этотъ не можетъ быть чуждъ русскимъ историкамъ. Въ послѣднее время много говорятъ о византійскомъ вліяніи въ русской исторіи, вліяніе византійской литературы не подлежитъ ни какому сомнѣнію; но какъ же разсуждать о вліяніи, не давая себѣ отчета въ томъ, что вліяло?

Кромѣ того Михаилъ Пселлъ имѣетъ еще спеціальный интересъ для русской исторіи, потому что онъ говоритъ о варяго-русской дружинѣ и подробно описалъ послѣдній походъ Руси на Византію (1043 г.), потому что въ перепискѣ его сохранились два письма императора Михаила Дуки къ одному русскому князю.

При составленіи біографіи Пселла мнѣ удалось воспользоваться не только изданными сочиненіями, но и рукописнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ мною изъ западныхъ библіотекъ, преимущественно Ватиканской, Флорентійской, Венеціанской, Парижской и Оксфордской. Я обязанъ этимъ милостивому ко мнѣ вниманію Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича и благосклонному участію его сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова. Императорское православное палестинское общество, по указанію и желанію своего Августѣйшаго Предсѣдателя, командировало меня въ 1886 г. на востокъ и въ Италію для изученія хранящихся тамъ греческихъ рукописей. Годомъ раньше я имѣлъ полугодовую ученую командировку отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Я радъ случаю публично засвидѣтельствовать, что вездѣ и на востокѣ и на западѣ мнѣ не только охотно разрѣшали заниматься рукописями, но всячески старались облегчить мой трудъ и помочь моимъ занятіямъ. Въ этомъ отношеніи я особенно признателенъ нашему чрезвычайному послу въ Константинополѣ А. И. Нелидову и драгоманамъ посольства гг. Иванову и Вамваки, и нашему посланнику въ Тегеранѣ Е. К. Бюцову (бывшему посланнику въ Аѳинахъ). Изъ ученыхъ, въ Константинополѣ мнѣ помогали

гг. Мордтманнъ и Пападопуло Керамевсъ, въ Аѳинахъ проф. Ламбросъ, Хадзидаки и г. Миліараки. Я обязанъ особенною благодарностью г. Делилю, директору національной библіотеки въ Парижѣ, и хранителю рукописей той же библіотеки г. Омону, а также Е. Ренану, Е. Леграну, Г. Шлумбергеру, г. Кастеланни, директору библіотеки св. Марка въ Венеціи и его помощнику гр. Сонцаро, графу Анджело де-Губернатисъ во Флоренціи, покойному кардиналу Питра и также покойному г. Сальвіати въ Римѣ, г. Никольсону, директору Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ, и проф. Оксфордскаго университета Голланду.

Въ заключеніе вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность выразить искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ такъ или иначе, совѣтомъ, указаніями, теплымъ участіемъ, и прежде всего конечно моему дорогому учителю и руководителю проф. В. Г. Васильевскому, а также Е. В. Барсову, Г. С. Дестунису, Ѳ. Е. Коршу, А. С. Павлову, М. П. Степанову, В. Н. Хитрово.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Воспитаніе и дѣятельность Пселла до 1042 г. 1

Глава II. Государственная дѣятельность Пселла въ царствованіе Константина Мономаха. 9

Глава III. Государственная дѣятельность Пселла въ царствованія Ѳеодоры, Михаила VI и Исаака Комнина (1055—1059). 49

Глава IV. Государственная дѣятельность Пселла въ царствованіе императоровъ изъ дома Дукъ (1059—1077). 95

Глава V. Преподавательская дѣятельность Пселла. 122

Глава VI. Характеристика Михаила Пселла. 182

Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Біографія Михаила Пселла*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воспитаніе и дѣятельность Пселла до 1042 г.

Въ началѣ XI вѣка проживали въ Константинополѣ тамошніе

---

* Лучшая біографія Пселла написана его издателемъ Саѳою и помѣщена въ предисловіи къ IV тому его Bibliotheca Graeca; авторъ однако далеко не воспользовался всѣмъ матеріаломъ, заключающимся въ рѣчахъ и перепискѣ Пселла. Неточности Саѳы будутъ указаны нами въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. На основаніи предисловія Саѳы написанъ какъ всегда талантливый біографическій очеркъ извѣстнымъ историкомъ Рамбо, не представляющій впрочемъ ничего новаго (Revue historique 1877 v. 3).

До изданія мемуаровъ Пселла Саѳою (до 1874 г.) невозможно было написать сколько-нибудь обстоятельную біографію Пселла, такъ какъ о немъ говорятъ только два византійскіе писателя и то очень мало (Скилицъ и Анна Комнина). Изъ старыхъ писателей лучше всѣхъ зналъ Пселла Аллацій, выписавшій въ своей Diatriba de Psellis (перепечатана Migne, patrologia t. 122) кое-что изъ рукописей; но онъ думалъ, что Константинъ и Михаилъ Пселлъ два разныя лица, между тѣмъ это все тотъ же Пселлъ въ міру называвшійся Константомъ или Константиномъ, а въ монашествѣ Михаиломъ. Изслѣдованіе Аллація полезно до сихъ поръ, потому что въ немъ перечислено множество сочиненій Пселла, изъ которыхъ многія до сихъ поръ неизданы. Понятно, что у старыхъ историковъ литературы, какъ у Брукера, Каве, Удена, Гамбергера, Шрека, Фосса, и въ старыхъ словаряхъ Беля, Іехера, Сакса, Гофманна нельзя найти хорошей біографіи Пселла; если эти сочиненія могутъ быть чѣмъ-нибудь полезны, то ука-

уроженцы нѣкто Пселлъ и жена его Θеодота [1]. Этотъ Пселлъ насчитывалъ въ числѣ своихъ предковъ лицъ титулованныхъ, но самъ не занималъ никакой государственной должности и былъ очень бѣденъ [2]. Въ 1018 г. родился у него третій ребенокъ, сынъ Константъ [3].

заніями на старинныя изданія Пселла. Въ такомъ случаѣ конечно полезнѣе всего обращаться къ греческой библіотекѣ Фабриція.

Brucker, Historia critica philosophiae v. III, 550—554, Lipsiae 1743.

Vossius, de historicis graecis, v. II, 352—354. Lips. 1838.

Cave, script. eccles. historia litteraria, v. II, 608 (изд. 1688 г.).

Oudinus, Comment. de scriptoribus ecclesiasticis, v. II, 646—684. Lipsiae 1722.

Hamberger, Zuverlässige Nachrichten von den vornehmsten Schrifstellern vom Anfang der Welt bis 1500. v. IV Lemgo 1764.

Его-же Kurze Nachrichten von den vornehmsten, Schriftstellern, v. II, 1360—1369, Lemgo 1767.

Schroeckh, Christliche Kirchengeschichte, XXIV, 455—457.

Jöcher, Allgemein. Gehlerten Lexicon, v. III, 1797—1798. Leipz. 1751.

Saxii, Onomasticon v. II, 185 (изд. 1875 г.).

Hoffmann, Bibliographisches Lexicon gesammt. Literatur der Griechen, v. III, 303—307 (Leipz. 1845).

[1] Единственный источникъ о семействѣ Пселла и первыхъ годахъ его жизни до поступленія на службу это его панегирикъ матери. Пользоваться имъ надо осторожно, потому что по требованіямъ византійской риторики Пселлъ долженъ былъ выставлять своихъ родителей въ гиперболически хорошемъ видѣ, и кромѣ того многое отзывается шаблономъ. Поэтому не рѣшаюсь выдавать за истину напр. описаніе наружности его родителей, какъ это дѣлаетъ Сафа; разумѣется они выставлены красивыми. Свою мать Пселлъ не называетъ прямо по имени, но что ее звали Θеодотой видно изъ разсказаннаго имъ видѣнія (Ps. V, 46).

Что Пселлъ былъ уроженцемъ Константинополя сказано прямо: τῇ μὲν μεγαλωνύμῳ ταύτῃ πόλει ὡς πατρίδι περιγραφόμενοι (Ps. V, 5).

[2] Ps. V, 9. τῷ τοίνυν ἐμῷ πατρὶ τὸ μὲν ἄνωθεν γένος εἰς ὑπάτους ἀνῆκτο καὶ πατρικίους, τὰ δὲ κατ' ἐκεῖνον πράγματα οὐχ οὕτω δεξιῶς εἶχεν.

[3] Годъ рожденія Пселла опредѣляется изъ его мемуаровъ. Когда умеръ Константинъ VIII (15 ноября 1028 г.), онъ окончилъ первональный курсъ наукъ (Ps. IV, 30), а изъ панегирика матери видно, что ему было тогда 10 лѣтъ. Передъ самой смертью Романа (11 апрѣля 1034 г.) ему было почти 16 лѣтъ (Ps. IV, 45). Когда вступилъ на престолъ Константинъ Мономахъ (іюнь 1042 г.), ему было 24 года (Ps. IV, 119). Константомъ (Κώνστας) называется онъ въ синодальномъ постановленіи противъ Латинянъ 1054 г. (Migne, patrol. t. 120); самъ себя онъ тоже называлъ Константомъ, какъ видно изъ акростиха его памфлета на монаха Іакова. Константиномъ называетъ его историкъ Скилицъ, и называется онъ въ заглавіяхъ нѣкоторыхъ сочиненій.

Когда ему исполнилось пять лѣтъ, мать отдала его въ ученіе какому-то учителю, научившему его грамотѣ [1]. Чрезъ нѣсколько лѣтъ въ семействѣ возникъ вопросъ, стоитъ ли давать мальчику образованіе? Родственники совѣтовали лучше обучить его какому-нибудь ремеслу, чтобы онъ могъ скорѣе заработывать деньги [2]. Но съ этимъ не согласилась честолюбивая Θеодота, игравшая главную роль въ домѣ и распоряжавшаяся какъ ей было угодно своимъ безхарактернымъ мужемъ; поняв, что ея Константъ мальчикъ недюжинный и что при его способностяхъ можно далеко пойти, она рѣшила во чтобы то ни стало дать ему надлежащее образованіе. Два видѣнія окончательно утвердили ее въ ея намѣреніи. Во снѣ явился ей мужъ, похожій на Іоанна Златоуста и сказалъ: не смущайся, жена, подаваемыми тебѣ совѣтами, дай своему сыну образованіе, я буду его воспитателемъ и учителемъ. Въ другой разъ явилось ей подобное же видѣніе въ храмѣ св. Апостоловъ и также совѣтовало обучить сына наукамъ [3].

Участь мальчика была рѣшена, лѣтъ десяти онъ поступилъ приходящимъ въ одну изъ византійскихъ школъ, гдѣ изучилъ грамматику, особенно правописаніе, и піитику. Онъ разсказываетъ самъ о себѣ, что способности у него были хорошія и при этомъ большая охота учиться, такъ что въ теченіе года онъ изучилъ всю Иліаду и не только умѣлъ читать ее по размѣру, но зналъ и правила стихосложенія и разбиралъ Гомера съ риторической точки зрѣнія, могъ указать у него удачныя метафоры и гармонію въ сочетаніи словъ [4]. Преподавателемъ въ этой школѣ былъ можетъ быть Іоаннъ Мавроподъ, впослѣдствіе митрополитъ Евхаитскій; по крайней мѣрѣ въ панегирикѣ этому лицу Пселлъ называетъ его своимъ учителемъ и говоритъ, что учился у него, когда былъ малолѣтнимъ [5].

Пселлъ учился кажется до 16 лѣтъ. Когда онъ достигъ этого возраста, онъ былъ освобожденъ отъ изученія поэтическихъ произведеній и могъ заняться риторикой, другими словами онъ покончилъ со среднимъ образованіемъ и былъ достаточно подготовленъ, чтобы приступить къ высшему образованію, къ изученію риторики, философіи и

---

[1] Ps. V, 12. εἰς πέμπτον ἔτος τελέσαντα διδασκάλῳ ἐφίστησι.

[2] Ps. V, 12. πολλοῖς, μὲν οὖν τοῦ γένους παρίστατο μὴ εἰς τοῦτό με ἐφεῖναι πέλαγος, ἀλλ' εἰς ἄλλοτι τῶν ράστων μεθέντας καὶ διαπεραιωσαμένους ἐπὶ λιμένος ἐγκαθορμίσαι.

[3] Ps. V, 12—13.

[4] Ps. V, 14, 21.

[5] Ps. V, 143, 148.

юриспруденціи [1]. До 16 лѣтъ жилъ онъ безвыѣздно въ Константинополѣ и присутствовалъ въ апрѣлѣ 1034 г. при похоронахъ императора Романа Аргира [2]. Вскорѣ послѣ этого онъ въ первый разъ вышелъ изъ города и находился нѣкоторое время у одного образованнаго судьи одной изъ ближайшихъ къ столицѣ ѳемъ, должно быть Ѳракійской. Не знаемъ, что онъ дѣлалъ у этого судьи, поступилъ ли онъ къ нему на службу или только гостилъ, желая ознакомиться съ администраціей. Прожилъ онъ тамъ недолго, потому что получилъ отъ родителей письмо, вызывавшее его домой. Дома узналъ онъ, что его потребовали вслѣдствіе тяжкой болѣзни сестры. Своей любимой сестры онъ однако не засталъ уже въ живыхъ. То была старшая дочь Пселла, замужняя и имѣвшая дѣтей; эти дѣти по всей вѣроятности тѣ племянники, къ которымъ адресовано нѣсколько писемъ Михаила Пселла [3].

Пселлъ началъ государственную службу съ очень незначительной должности; онъ былъ подъ началомъ какого-то должностнаго лица можетъ быть практора въ Месопотамской ѳемѣ. Это было тогда, когда онъ былъ юношей, только что переставшимъ быть малолѣтнимъ, т.-е. достигшимъ 19 лѣтъ, слѣдовательно въ 1037 г. [4]. Къ этому времени Пселлъ съумѣлъ уже составить себѣ нѣкоторыя связи, во время Михаила IV (1034—1041) занималъ довольно видное мѣсто Константинъ Лихудъ, который впослѣдствіе былъ однимъ изъ его пріятелей. Онъ былъ знакомъ и съ евнухомъ Іоанномъ, братомъ имератора Михаила IV, бывшимъ мѣнялой, вошедшимъ въ большую силу, съ тѣхъ поръ какъ благодаря его интригѣ императрица вышла замужъ за его безхарактернаго брата. Благодаря этимъ связямъ Пселлъ получилъ болѣе важное мѣсто судьи въ Месопотамской ѳемѣ [5].

---

[1] Ps. V, 28. ἐκκαιδεκέτης ὢν... ἄρτι τοῦ ποιημάτων ἀκούειν ἀπαλλαγείς.

[2] Ps. IV, 49.

[3] Ps. V, 28—32.

[4] Въ одномъ письмѣ Пселлъ пишетъ: φιλῶ τὸ χωρίον τὴν Φιλαδέλφειαν... ὀφειλέτης εἰμὶ τοῖς χωρίταις ἀρχαίας ὑποδοχῆς καὶ ἀποδοχῆς, ἐξενοδοχήθην γὰρ παρ' αὐτοῖς ὁπότε τῷ κατὰ Φλῶρον ἐκείνῳ εἱλώτευον, ἄρτι ἀφήβης γενόμενος καὶ τὴν εὐθὺ Μεσοποταμίας μετ' αὐτοῦ διϊών. Ps. V, 459.

[5] Въ томъ же письмѣ Пселлъ пишетъ: εἶτα δὴ καὶ τὰς κρίσεις τοῦ θέματος πιστευθείς Ps. V, 459. Трудно сказать, когда именно Пселлъ былъ судьей Месопотамской ѳемы (а не Филадельфіи, какъ пишетъ Саѳа, такой ѳемы не было, Ps. IV, p. XXXVII); но вѣроятнѣе всего въ царствованіе Михаила IV, потому что начиная съ царствованія Михаила V онъ постоянно находился въ Константинополѣ.

Въ царствованіе Михаила V (декабрь 1041 г.—апрѣль 1042 г.), Пселлъ занималъ должность асикрита т.-е. чиновника въ приказѣ протасикрита или по нашему въ императорской канцеляріи. Когда поднялся народный бунтъ противъ императора, Пселлъ, какъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, находился во внѣшней колонадѣ дворца, передъ входомъ во дворецъ, гдѣ исполнялъ свои секретарскія обязанности и писалъ какую-то секретную бумагу. Въ это время ему сообщилъ кто-то, что все столичное населеніе устраиваетъ демонстрацію противъ царя; онъ сѣлъ на коня и отправился въ центръ города посмотрѣть, что такое творится. Бунтъ противъ Михаила поднялся, потому что онъ отправилъ въ ссылку императрицу Зою, усыновившую его и этимъ способомъ возведшую его на престолъ. Зоя была возвращена изъ ссылки и вмѣстѣ съ тѣмъ подняла голову партія ея сестры Ѳеодоры, требовавшая, чтобы и Ѳеодора была признана императрицей, такъ какъ она имѣла на это одинаковое право съ Зоей. Къ партіи Ѳеодоры присоединился Пселлъ, когда увидѣлъ что Михаилу не усидѣть на престолѣ. По его словамъ, онъ сочувственно относился къ Ѳеодорѣ и сердился на Михаила за дурное съ ней обращеніе. Начальникомъ отряда, защищавшаго Ѳеодору, былъ одинъ аристократъ другъ Пселла: они отправились вмѣстѣ въ церковь Студійскаго монастыря, куда убѣжали императоръ и его дядя новелиссимъ Константинъ. Пселлъ вошелъ въ церковь и вступилъ въ разговоръ съ бѣглецами. Онъ пожурилъ новелиссима за то, что тотъ дѣйствовалъ за одно съ царемъ и согласился отправить въ ссылку Зою, а императора спросилъ, что дурнаго сдѣлала ему его мать и государыня, что онъ рѣшился поступить съ ней такъ безжалостно. На это новелиссимъ отвѣтилъ, что онъ не принималъ участія въ ссылкѣ, а императоръ только плакалъ и рыдалъ. Вслѣдъ за этимъ Михаила и Константина постригли, и наступило трехмѣсячное правленіе Зои и Ѳеодоры. Пселлъ понялъ, на чьей сторонѣ сила, во время отказался отъ императора, въ канцеляріи котораго служилъ еще въ день народнаго бунта, и поэтому конечно не былъ лишенъ мѣста въ слѣдующее царствованіе, хотя мы ничего положительнаго объ этомъ не знаемъ [1].

Служебныя обязанности не мѣшали Пселлу заниматься наукою, которую онъ любилъ. „Какая-то особенная сила приковываетъ меня къ книгамъ, говоритъ онъ въ панегирикѣ матери, и я не могу оторваться отъ нихъ. Меня прельщаетъ риторика, я очень люблю цвѣтистую красоту рѣчи. Подобно пчеламъ летаю я по рѣчистымъ лугамъ

[1] Ps. IV, 92, 98—100.

(т.-е. читаю ораторовъ), то срѣзаю цвѣты, то втягиваю живительную росу слога и изо всего этого приготовляю медъ въ своемъ ульѣ. Круговое движеніе земнаго шара не позволяетъ мнѣ успокоиться, но заставляетъ изыскивать, что такое движеніе, откуда началось вращеніе, какова природа земнаго шара, каковы круги, какъ они наложены, какъ раздѣлены, что такое углы, равенство, эклиптики, какимъ образомъ происходитъ движеніе и какого оно бываетъ рода, произошла ли вселенная изъ огня или чего-нибудь другаго. Привлекаетъ меня также логика, и я изслѣдую, какъ изъ ума исходятъ мнѣнія, изъ мнѣнія непосредственно предложенія. что такое аналогія и вѣроятность, соизмѣримое и несоизмѣримое. А первая и невещественная часть (т.-е. сущность) вселенной не даетъ мнѣ заснуть; я удивляюсь ея отношенію ко всѣмъ вещамъ и всѣхъ вещей къ ней, предѣльному и безпредѣльному, какимъ образомъ изъ этихъ двухъ элементовъ вышло остальное, какимъ образомъ идея, душа и естество сводятся къ числамъ. Музыка несказанно влечетъ меня къ себѣ, и я занимаюсь ею не поверхностно, не только внѣшними ея проявленіями, но изслѣдую ея силы, причины, сущность ритмовъ, которые изъ нихъ правильны и которые нѣтъ, откуда происходитъ ихъ красота. Я нетолько занимаюсь высшей мудростью, стоящей во главѣ всѣхъ наукъ и подающей всѣмъ начало, невещественной, но почитаю и поклоняюсь этой мудрости, которую можно назвать діалектикой или лучше просто мудростью (σοφία, философіей); ибо діалектикой новые философы стали звать часть логики. Я люблю и доказательства чрезъ силлогизмы, не только изъ которыхъ сейчасъ же слѣдуетъ заключеніе, но и тѣ для которыхъ нужно наведеніе. Софизмами же я занимаюсь только, чтобы они не вводили меня въ заблужденіе, чтобы мнѣ не заключать, что „знаніе и мудрость тоже самое“ и не говорить, что „знающіе науку мудрецы (σοφοί, философы), а мудрецы (философы) это знающіе мудрость (философію)“, и чтобы мнѣ не дѣлать такого заключенія: „только человѣкъ—животное“, изъ посылокъ: „только человѣкъ смѣется“ и „всякое смѣющееся существо—животное“. Вотъ это привлекаетъ меня, а еще больше познаніе вещей сокрытыхъ, что такое провидѣніе и судьба, что такое неподвижное, что самo себя двигающее, имѣетъ ли душа съ самаго рожденія нѣкоторыя свойства или нѣтъ, представляетъ ли безсмертіе—сущность души или оно является по какимъ-нибудь другимъ причинамъ; я изслѣдую также есть ли у души какая-нибудь связь съ тѣломъ, какимъ образомъ къ ней примѣшана неразумная часть“ [1].

[1] Ps. V, 54—56.

Въ мемуарахъ Пселлъ разсказываетъ о своемъ образованіи слѣдующее: „Мнѣ былъ тогда двадцать пятый годъ (при вступленіи на престолъ Константина Мономаха) и я занимался самыми важными науками. Я заботился всего больше о двухъ вещахъ о томъ, чтобы посредствомъ риторики научиться красиво говорить и во вторыхъ философіей очистить умъ. Такъ какъ я недавно научился риторикѣ, я обращалъ главное вниманіе на философію; изучивъ уже достаточно логику я занимался естественными науками, чтобы при ихъ посредствѣ перейти къ высшей философіи. Но такъ какъ я не нашелъ сколько-нибудь замѣчательныхъ учителей, я обратился прямо къ древнимъ философамъ и ихъ комментаторамъ, и прежде всего къ Аристотелю и Платону. Затѣмъ я занялся Плотинами, Порфиріями и Ямвлихами, а послѣ нихъ дошелъ и до удивительнѣйшаго Прокла, на которомъ и остановился, какъ бы причаливъ къ величайшей пристани. Намѣреваясь послѣ этого дойти до высшей философіи и посвятить себя чистому знанію, я прежде всего сталъ заниматься ученіемъ о безтѣлесныхъ величинахъ, которыя составляютъ предметъ математики и занимаютъ среднее мѣсто между естественными науками, трактующими о вещественныхъ тѣлахъ, и невещественномъ о нихъ мышленіи и самосущностями, составляющими предметъ чистаго мышленія, чтобы такимъ образомъ обнять кое-что изъ стоящаго выше ума и сущности. Поэтому я занялся ариѳметическимъ методомъ и геометрическими доказательствами, музыкой и астрономіей, не оставивъ въ сторонѣ ни одной изъ этихъ наукъ. Но такъ какъ я узналъ отъ лучшихъ философовъ, что есть мудрость, стоящая выше опыта, которую постигаетъ только умъ, приходящій въ цѣломудренное изступленіе, я и ей не пренебрегъ, но напавъ на секретныя книги научился ей сколько могъ. Усмотрѣвъ, что есть два отдѣла знаній, одинъ объемлется риторикой, другой философіей, что первая, не заключая болѣе важныхъ свѣдѣній, хвалится только обиліемъ рѣченій, вращается на построеніи частей рѣчи, имѣетъ приложеніе къ рѣчамъ политическаго содержанія и, украшая слово, сообщаетъ пышность рѣчамъ политическимъ, философія же, менѣе заботясь о словесныхъ красотахъ, изслѣдуетъ природу сущаго, представляетъ невыразимыя словомъ созерцанія, не только возводя до небесъ, но обнажая во всемъ разнообразіи и ту красоту, которая на небѣ, усмотрѣвъ это, я не считалъ нужнымъ, какъ многіе дѣлаютъ, заимствовать только искусство (риторику) и пренебречь знаніемъ (философіей), или же занявшись знаніемъ и пріобрѣвъ богатство мыслей, пренебречь изяществомъ рѣчи, раздѣленіемъ и построеніемъ ея по законамъ искусства (риторики). Я держусь правила, за что многіе меня осуждаютъ, занимаясь риторике-

скимъ предметомъ, вводить въ него какое-нибудь доказательство изъ сферы знанія (философіи), а доказывая какое-нибудь философское мнѣніе украшать его прелестями искусства (риторики) дабы душа читателя, съ трудомъ усвоивающаго глубину мысли, не была лишена философическаго слова. Такъ какъ выше этой философіи есть еще другая, содержаніе которой составляетъ тайна слова, тайна же эта двойственно опредѣляется и по природѣ и по времени, да и самая эта другая философія двойственна, одною стороною доступна доказательствамъ, а въ другой представляетъ знаніе бывающее по наитію свыше, то я тою первою философіей занимался болѣе, чѣмъ этою второю, что же касается послѣдней, то частію руководствовался въ ней словами великихъ отцовъ, частію внесъ и отъ себя нѣчто въ божественное исполненіе“ [1].

Въ письмѣ къ Махитарію Пселлъ пишетъ, что изучилъ риторику, геометрію, музыку, ритмику, ариѳметику, право, богословіе [2].

Въ надгробномъ словѣ Никитѣ, бывшему учителемъ орѳографіи (т.-е. грамматики), другими словами средней школы, Пселлъ сообщаетъ, что сначала научился риторикѣ, потомъ уже философіи. Вмѣстѣ съ Никитою посѣщалъ онъ школу риторики и здѣсь научился этому искусству [3]. Философіи же онъ научился самъ, читая Аристотеля, Платона и ихъ комментаторовъ, такъ какъ въ это время не было философской школы. Юридической школы тоже не было (она была основана при Мономахѣ) и юриспруденціи Пселлъ научился случайно, когда сблизился съ однимъ бѣднымъ юношей Ксифилиномъ, переселившимся изъ Трапезунта въ Константинополь для довершенія своего образованія. Это было тогда, когда по словамъ Пселла, у него не росла еще борода; юноши обучали другъ друга: Пселлъ Ксифилина риторикѣ, а Ксифилинъ Пселла праву [4].

Изъ сказаннаго видно, что по образованію Пселлъ былъ выдающимся человѣкомъ, такъ какъ въ его время большинство занималось или риторикой или философіей или юриспруденціей, онъ же изучилъ всѣ эти науки.

---

[1] Ps. IV, 119—122. Конецъ этого отрывка приведенъ мною въ переводѣ г. Скабалановича (Христіанское Чтеніе 1884 г., ч. I, стр. 742).

[2] Ps. V, 352.

[3] Ps. V, 88 — 89. Сава (Ps. IV, p. XXXV) ошибочно называетъ Никиту учителемъ Пселла. Что они учились вмѣстѣ видно изъ фразы: τῶν αὐτῶν μὲν παιδευμάτων συγκοινωνήσας, εἰς τοὺς αὐτοὺς δὲ φοιτήσας παιδευτάς τε καὶ διδασκάλους (Ps. V, 88).

[4] Ps. IV, 427.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Государственная дѣятельность Пселла въ царствованіе Константина Мономаха (1042—1055).

При вступленіи на престолъ Константина Мономаха Пселлъ служилъ по всей вѣроятности въ приказѣ протасикрита, занимая тамъ должность асикрита. Онъ былъ недоволенъ своимъ начальникомъ и вообще своимъ положеніемъ, желая вѣроятно получить повышеніе. Въ числѣ писемъ, напечатанныхъ Саѳою, есть и одно никому не адресованное, въ которомъ авторъ говоритъ о своей службѣ. Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ, такъ какъ онъ проливаетъ свѣтъ на византійскую государственную службу вообще, въ частности же на положеніе Пселла.

„Часто слышалъ я, говоритъ Пселлъ, божественныя изреченія, что за теперешнія дѣла полезныя или худыя будетъ въ будущемъ воздаяніе, но я пораженъ не видя, чтобы это была правда. Такъ какъ въ будущей жизни будетъ различное воздаяніе, не слѣдовало бы и здѣсь карать лукавыхъ и отличать почестями добрыхъ. Теперь же здѣшнія почести гораздо выше и цѣннѣе будущихъ Елисейскихъ полей, чтобы не сказать амброзіи и нектара, и здѣшнія бѣдствія гораздо тяжеле и хуже Пирифлегеѳонта, Кокита или какой другой рѣки, наполненой грязью. Я пришелъ къ такому размышленію не подъ вліяніемъ чужихъ словъ, и къ такой рѣчи привели меня ни чья-нибудь печальная судьба или плачъ, что порождаетъ современная жизнь, но потому что я самъ испыталъ бѣдствія и могу привести собственный примѣръ. Такъ такъ я по волѣ злой и злосчастной судьбы, родившей и вскормившей меня, причисленъ къ разряду асикритовъ и вслѣдствіе своей службы испыталъ множество непріятностей, я понялъ насколько наказанія будущей жизни слабѣе здѣшнихъ тягостей. Да не подумаютъ, что всякое земное бѣдствіе я считаю страшнѣе небесной кары. Несомнѣнно, смертная казнь, сажаніе на колъ, засѣканіе до смерти, если сравнить ихъ съ муками ада, покажутся легче послѣднихъ. Но никто не скажетъ, что огонь геенны ужаснѣе службы асикрита; ибо что можетъ быть невыносимѣе и тяжеле здѣшняго огня?

Прежде всего это очень тяжелый трудъ и писать приходится такъ много, что нельзя ни почесать уха, ни поднять головы, ни во время напиться и поѣсть, ни очистить тѣла омовеніемъ, если не считать естественнаго омовенія т.-е. пота, ручьями текущаго съ лица и головы. И какое великое за это воздаяніе: оскорбленія, угрозы, пре-

небреженіе; все это течетъ въ изобиліи, какъ будто изъ какого-то источника золъ, и нѣтъ у насъ никакого облегченія и освобожденія отъ золъ, но ежедневно зло увеличивается и прибавляется, и наполняется море бѣдствій, какъ будто въ него впадаютъ рѣки и заставляютъ его разливаться. Нѣкоторое время положеніе наше казалось намъ сноснымъ, такъ какъ мы все приписывали негодности начальниковъ, у насъ являлась кое-какая надежда, воскрешавшая насъ и облегчавшая тяжесть нашего бѣдственнаго положенія, теперь же насъ покинула и цѣлебная надежда и бѣдствіе стало безвыходнымъ, такъ какъ царствующій царь, разливъ на подобіе рѣки свои милости и обильно притекши ко всѣмъ, насъ не оросилъ ни единою каплею.

Что значатъ сравнительно съ этимъ муки Промиѳея или Тантала, что значитъ бояться висящаго надъ головою камня или быть лишеннымъ питья, стоя среди источника? Ибо хотя у Промиѳея и была вырѣзана печень, но надежда на измѣненіе положенія облегчала его несчастіе, и дѣйствительно онъ не ошибся въ своей надеждѣ; предсказавъ Зевсу стремленіе къ Ѳемидѣ онъ былъ освобожденъ отъ наказанія. Хотя Танталъ и не пользовался водою и фруктами, висѣвшими надъ его головою, онъ по крайней мѣрѣ наслаждался ароматомъ, отъ нихъ исходившимъ, и вмѣсто горла угощалось его зрѣніе. Мы же пригвождены не на Кавказѣ—это бѣдствіе было бы меньше, такъ какъ никто не видѣлъ бы его—но среди столицы, и всѣ смѣются надъ нами и поносятъ насъ. И это терпимъ мы не сдѣлавъ ничего дурнаго, не похитивъ огня, мы вскормленные музами, ученики ученаго Ерма, часто плясавшіе на Еликонѣ, и рѣшаюсь, сказать, мы, которымъ Калліопа подставивъ свои груди доставила чистоту знанія. Но какъ бы претерпѣвая кару за какія-то злодѣянія насъ поражаютъ со всѣхъ сторонъ, ранятъ, мы находимся подъ ударами людей. Мы какъ будто заперты въ тюрьмѣ, со всѣхъ сторонъ насъ стерегутъ стражи и мы выносимъ много каръ и наказаній. Царскія же милости тѣшатъ только нашъ слухъ или лучше сказать представляютъ для насъ еще болѣе тяжкое оскорбленіе. Ибо если бы всѣ наравнѣ съ нами были лишены блага, мы не страдали бы такъ, но всего невыносимѣе и ужаснѣе то, что въ то время какъ тѣ имѣютъ крайній избытокъ хорошаго, мы сгораемъ въ печи несчастій. Нѣтъ утѣшенія въ томъ, что рѣка разливается, источникъ течетъ и море наполняется волнами, и мы одни ничего не получаемъ изъ этого потока. Черпаетъ изъ него Эѳіопъ, пользуется милостью житель Индіи, Скиѳъ насыщается богатствомъ этого источника по самое горло, для насъ же, сидящихъ у самаго устья потока, онъ не существуетъ, и мы даже не осуждены, какъ

Данаиды, наполнять бездонную бочку, чтобы какъ-нибудь не насладились водою.

Уйдя отсюда, я не встрѣчаю худшихъ наказаній, хотя одинъ терпитъ мучительнаго червя, другой потоки огня, исходящіе съ царскаго престола, третій глубокую тьму или что другое болѣе страшное. Служба асикрита болѣе тяжкое и невыносимое зло чѣмъ огонь, мракъ и червь. Какое гнѣвное у нихъ сборище! Какъ будто запертые и стѣсненные въ какомъ то узкомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя пройти, они тѣснятъ другъ друга и давятъ бока, такъ что невольно текутъ изъ глазъ слезы и изо рта течетъ слюна. Оттого у нихъ сжимается печень и вмѣстѣ съ нею страдаетъ селезенка, сердце сжимается, дѣлается головокруженіе и становится трудно дышать. Но можетъ быть кто скажетъ, они наслаждаются своими страданіями, увы, не говори, не вспоминай о язвахъ Іова и о мертвецахъ въ адѣ! я могу задохнуться отъ однихъ этихъ воспоминаній. Итакъ, если сдѣланное намъ для наслажденія тяжсле всякаго наказанія, желающій можетъ вывести отсюда, каковы грустныя обстоятельства!

Извѣстно, что эгоизмъ и личное самолюбіе порождаютъ величайшія бѣдствія; это достаточно доказывается многими примѣрами, а также самомнѣніемъ и нелѣпыми о себѣ мечтаніями асикритовъ. Ибо не по справедливости считаютъ они себя достойными награды, но воображая о себѣ очень много; желая выдаться надъ сослуживцемъ, каждый считаетъ себя достойнымъ высшей награды. Одинъ выставляетъ правомъ на повышеніе умѣнье скоро писать, другой считаетъ себя выдающимся по своимъ знаніямъ, третій выставляетъ свою физическую силу, четвертый умѣнье красиво говорить, пятый умѣнье отпускать пошлыя шутки и льстить, какъ напр. Павелъ Самосатскій [1], шестой старшинство возраста, не понимая несчастный, что лѣсные звѣри гораздо старше тутъ проживающихъ (т.-е. людей), но поэтому они не болѣе цѣнны. Одинъ выставляетъ душевныя преимущества, другой физическія, и всякій старается такимъ образомъ оказаться побѣдителемъ надъ всѣми. Многіе же не имѣя никакихъ преимуществъ, стараются укрѣпить за собою побѣду своими недостатками, вмѣшательствомъ въ чужія дѣла и болтовнею.

Отсюда возгорѣлось пламя раздора и неразрѣшимое состязаніе, и не было миротворца, ни старца Фасулы, ни стараго Ахиры, кото-

[1] Павелъ Самосатскій извѣстный еретикъ 3-го вѣка, отличавшійся своимъ безпокойнымъ характеромъ и интригами. Не желая называть по имени одного изъ своихъ сослуживцевъ, Пселлъ называлъ его Павломъ Самосатскимъ.

рымъ испоконъ вѣковъ суждено быть посредниками и примирителями. Доносили другъ на друга, обнаруживали скрытыя дѣла. Никто не былъ избавленъ отъ оскорбленій ни молодые, ни старые, ни выдающійся своимъ талантомъ или знаніями; всѣ одинаково подвергались брани и поношеніямъ. Нѣкто назвалъ своего товарища безумнымъ старцемъ; получившій такое оскорбленіе назвалъ оскорбителя сплетникомъ и безнравственнымъ человѣкомъ. Послѣдній не удовольствовался словами и присоединилъ къ нему гадкія дѣла, поднялъна друга руку, вооруженную мечемъ, ударилъ его кулакомъ, и ногою толкнулъ въ животъ.

Всѣ одинаково сумасшествовали, никого не было въ здравомъ умѣ, и все находилось въ безпорядкѣ и гибло. Въ такихъ обстоятельствахъ не было человѣка дѣйствительно полезнаго, но всѣ были сварливы безъ всякой пользы и интриговали дѣйствуя пустой болтовней и доносомъ. Несчастные, они не понимали, что большинство изъ нихъ будетъ лишено золота и службы, даже если Павелъ не будетъ принятъ. Ибо налаявъ однажды въ уши протасикриту, онъ думалъ, что это хорошій способъ, не быть изгнаннымъ со службы, но онъ зажегъ огонь противъ себя. Бесѣдуя поздно вечеромъ съ протасикритомъ и желая узнать каково его расположеніе къ асикритамъ, я узналъ, что онъ настроенъ какъ волкъ противъ овецъ, собирающійся тотчасъ же пожрать ихъ. Когда же я спросилъ о Павлѣ, доставилъ ли ему какую-нибудь пользу его злой языкъ, я увидѣлъ, что языкъ протасикрита мечетъ на него огонь. Этотъ проклятый человѣкъ, сказалъ онъ, глупый съ необузданнымъ языкомъ, смущающій весь приказъ, безнравственный, смущающій души всѣхъ товарищей, будетъ лишенъ золота и наказанъ величайшимъ безчестьемъ“ [1].

Очевидно, Пселлъ написалъ приведенную записку не для собственнаго удовольствія, а думалъ чего-нибудь добиться ею. Въ приказѣ протасикрита, какъ видно изъ церемоніала, составленнаго при Константинѣ Багрянородномъ, состояли асикриты, царскіе нотаріи и одинъ деканъ, вѣроятно старшее лицо послѣ протасикрита [2]. Пселлъ сообщаетъ, что въ этомъ приказѣ произошелъ какой-то скандалъ изъ-за того, что всѣ асикриты желали занять какое-то высшее мѣсто и интриго вали другъ противъ друга. Вѣроятно рѣчь шла объ освободившемся

---

[1] Ps. V, 248—252.

[2] Const. Porphyr. De Ceremoniis, p. 719 (боннск. изд.): τῷ δὲ Πρωτοασηκρήτις ὑποπέπτωκεν εἴδη ἀξιωμάτων γ, οἷον ἀσηκρῆται, νοτάριοι βαιλικοὶ, ὁ δεκανός.

мѣстѣ декана; больше другихъ добивался его одинъ чиновникъ (названный въ запискѣ Павломъ Самосатскимъ), старавшійся очернить предъ протасикритомъ своихъ сослуживцевъ и выставить свои заслуги. Страсти разгорѣлись до того, что чиновники не только наушничали передъ начальствомъ, но даже вступали въ драку между собой. Своимъ непристойнымъ поведеніемъ асикриты крайне разсердили протасикрита, такъ что послѣдній собирался выгнать ихъ со службы. Пселлъ ходилъ къ своему начальнику, желая вывѣдать отъ него, какъ онъ смотритъ на поведеніе своихъ подчиненныхъ; при этомъ случаѣ онъ конечно не преминулъ сказать ему, что ничего общаго съ интригами не имѣетъ. Чтобы еще болѣе доказать это была написана приведенная записка.

Но цѣль была еще иная. Записка была послана вѣроятно какому-нибудь вліятельному лицу того времени въ надеждѣ, что она дойдетъ до императора. Пселлъ желалъ очевидно обратить на себя вниманіе царя; ему казалось несправедливымъ, что такой образованный человѣкъ какъ онъ занимаетъ ничтожную должность асикрита. Съ тою же цѣлію написалъ онъ въ началѣ 1043 г. панегирикъ Константину Мономаху въ которомъ расхвалялъ его до небесъ и который закончилъ просьбою обратить вниманіе на его бѣдственное положеніе. „Каково же наше положеніе? говоритъ Пселлъ въ заключеніе рѣчи. Мы отвержены, мы въ небреженіи—не сердись на мои слова—мы, питомцы знанія, приверженцы мудрости, почитатели музъ. Кто поразилъ врага копьемъ или только натянулъ лукъ, тотъ удостоивается высшихъ почестей. А мы провозглашаемъ въ рѣчахъ твои добродѣтели, служимъ чѣмъ можемъ и едва кое-гдѣ воспринимаемъ каплю состраданія. Но опять я скажу тоже самое, не сердись царь за откровенность это плодъ наболѣвшей души. Гдѣ же превозносится слава Ромуловъ, Брутовъ и Эліевъ, Селевковъ и Александровъ? Развѣ не въ рѣчахъ, развѣ не въ сочиненіяхъ? А что же побуждало сочинителей написать свои сочиненія? развѣ не то, что ихъ благодѣтельствовали за сочиненія? Развѣ Діонисъ не подарилъ Елику Кизическому талантъ серебра за то, что онъ предсказалъ солнечное затмѣніе? Онъ же относился къ Платону почти съ тѣмъ же почтеніемъ какъ къ Богу за то, что онъ училъ его этическимъ правиламъ философіи. Еслибы ты пожелалъ, сколькихъ бы ты могъ породить Платоновъ, сколько Гомеровъ, или если не такихъ писателей—ибо они черезчуръ выдаются—по крайней мѣрѣ сколькихъ Митродоровъ, сколькихъ Фивамоновъ! Я не говорю, царь, чтобы ты всякому писателю открывалъ источники своего милосердія, чтобы удостоивался той же чести худшій и лучшій, но пускай многіе разсматри-

ваютъ наши сочиненія и кому дано будетъ предпочтеніе, тому пускай откроются сокровища твоей царственности. У тебя, царь, много судей, настоящихъ музъ, пусть они судятъ о нашихъ сочиненіяхъ; и если ты не назовешь меня избраннымъ писателемъ, я готовъ буду вновь быть въ числѣ несчастныхъ [1]. Эта искусная рѣчь, составленная въ чисто византійскомъ вкусѣ, пришлась по сердцу царю, и съ лѣта 1043 г. мы видимъ Пселла въ числѣ лицъ приближенныхъ къ Мономаху [2]. Конечно одними литературными произведеніями, какъ бы талантливы и хороши они не были, Пселлъ едва ли сдѣлалъ бы карьеру. Гораздо важнѣе была протекція вліятельныхъ особъ. Не смотря на свое темное происхожденіе и бѣдность, Пселлъ умѣлъ завязывать знакомства въ высшихъ сферахъ, и при вступленіи на престолъ Мономаха его знали уже многіе придворные. Они-то расхваливали Пселла царю и выставляли на видъ между прочимъ и то, что онъ очень пріятный собесѣдникъ и умѣетъ красиво говорить. Пселлъ былъ представленъ Мономаху и до такой степени очаровалъ его своимъ разговоромъ, что императоръ чуть было не обнялъ его [3]. При этомъ случаѣ молодой чиновникъ пустилъ конечно въ ходъ риторику, въ которой онъ былъ такъ силенъ и наговорилъ царю не мало льстивыхъ фразъ.

Ни самъ Пселлъ, никто другой не сообщаетъ, какъ называется должность, какую онъ занималъ въ царствованіе Мономаха, но съ достаточною вѣроятностью можно утверждать, что въ началѣ этого царствованія онъ былъ асикритомъ и вскорѣ послѣ этого былъ произведенъ въ начальники этого приказа, т.-е. въ протасикриты. Самъ о себѣ Пселлъ говоритъ только, что онъ былъ императорскимъ секретаремъ [4]. Мы знаемъ, что онъ составлялъ письма отъ императора къ Египетскому султану, и имъ же было написано письмо отъ Констан-

---

[1] Ps. V, 141.

[2] Намекъ на значеніе панегирика заключается кажется въ слѣдующихъ словахъ Пселла: καὶ ἡ πρόδρομος χάρις τῆς γλώττης προτέλεια ἐκείνῳ καὶ περιρραντία τῶν ἐμῶν ἀδύτων ἐγένετο. Ps. IV, 124.

[3] Ps. IV, 123—124.

[4] Ps. IV, 130. Ἀμέλει τοι συνειλεγμένων ποτὲ τῶν ὑπογραμματευομένων ἡμῶν. Что глаголъ ὑπογραμματεύω употребляется въ общемъ смыслѣ „исправлять секретарскія обязанности“ видно изъ одного мѣста мемуаровъ, гдѣ говорится, что самъ императоръ исправлялъ однажды въ судѣ секретарскія обязанности и велъ протоколъ суда. Ps. IV, 185. καὶ αὐτὸς πρὸ τῶν ἄλλων ὑπογραμματεύων καὶ τὰς τῆς Θεμίδος φωνὰς σημειούμενος. Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ Пселлъ говоритъ о себѣ то же самое: ἀνάγει με ὁ λόγος εἰς τὰ βασίλεια καὶ ὑπογραμματεύειν ἐδίδου τῷ βασιλεῖ.

тина Мономаха къ Печенѣжскому хану Кегену [1]. Въ 1049 г. Пселлъ написалъ судебное постановленіе по дѣлу о спорномъ помѣстьи и конечно былъ членомъ суда разбиравшаго эту тяжбу [2]. Въ 1043 году при нашествіи Руси Пселлъ сидѣлъ рядомъ съ императоромъ на одномъ холмѣ и наблюдалъ за ходомъ морскаго сраженія; онъ былъ тутъ въ числѣ другихъ сановниковъ вѣроятнѣе всего въ качествѣ протасикрита, такъ какъ мы знаемъ, что византійскіе императоры брали съ собою въ походы свою канцелярію [3].

Мы видимъ, что Пселлъ дѣлалъ то, что составляло обязанности протасикрита, почему и думаемъ, что онъ занималъ эту должность. Въ приказѣ протасикрита писались такъ называемые хрисовулы, т.-е. документы, скрѣплявшіеся золотою императорскою печатью и императорскою подписью; къ такимъ документамъ принадлежали и письма отъ императора къ иностраннымъ монархамъ. Изъ Пиры, юридическаго сборника XI вѣка, мы узнаемъ, что протасикритъ имѣлъ и нѣкоторыя судебныя функціи; онъ является членомъ суда по гражданскимъ дѣламъ, повидимому тогда, когда приходилось разбирать документы (завѣщанія, дарственныя), скрѣплявшіеся можетъ быть въ императорской канцеляріи [4].

Протасикритъ по византійской табели о рангахъ не принадлежалъ къ числу самыхъ важныхъ сановниковъ: выше его считались всѣ стратиги, т.-е. губернаторы провинцій, эпархъ, логоѳетъ γενικοῦ (т.-е. приказа большой казны), квесторъ, начальникъ военнаго приказа, друнгарій виглы (начальникъ императорской стражи), логоѳетъ дрома (приказъ иностранныхъ дѣлъ и путей сообщенія), главный адмиралъ флота, начальники нѣкоторыхъ финансовыхъ приказовъ [5]. Но по своей фактической власти онъ по всей вѣроятности былъ сильнѣе многихъ другихъ сановниковъ. По обязанностямъ своей службы онъ долженъ былъ видѣть императора довольно часто, а съ другой стороны имъ писались документы, имѣвшіе большую важность для всѣхъ чиновниковъ, напр. хрисовулы на право владѣнія помѣстьемъ, на освобожденіе отъ тѣхъ или иныхъ повинностей. Протасикритъ считался придвор-

---

[1] Ps. IV, 193. Ps. V, 405.

[2] Ps. V, 197—203.

[3] Ps. IV, 145. καὶ αὐτὸς δὴ μοῖράν τινα τῆς συγκλήτου βουλῆς τὴν ἐκκριτον μεθ' ἑαυτοῦ ἔχων... ἔγωγ' οὖν ἀγχοῦ τοῦ αὐτοκράτορος ἑστηκώς.

[4] Pira XIV, 1. XXV, 69. XLIII, 8. LIII, 1 (Zachariä, Jus Graeco-Romanum, v. I). Ср. Zachariä, Griechisch-Römisches Recht, p. 351.

[5] Const. Porph. de Ceremoniis p. 713—714.

нымъ должностнымъ лицомъ, онъ былъ одинъ изъ самыхъ нужныхъ людей въ императорской свитѣ, и мы видимъ напримѣръ, что на собраніи сановниковъ на первой недѣлѣ поста, когда императоръ держалъ передъ ними рѣчь, протасикритъ стоитъ на верхней ступенькѣ, ведущей къ трону, почти ближе всѣхъ къ царю [1]. Не даромъ же и въ одномъ оффиціальномъ документѣ о Пселлѣ говорится, что онъ стоялъ близко къ царю Константину Мономаху и былъ выдающимся сановникомъ (Ps. V, 204. ἀγχοῦ τοῦ τηνικαῦτα, βασιλεύοντος κῦρ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου ἑστῶς καὶ τῇ συγκλήτῳ διαπρέπων βουλῇ).

Какъ протасикритъ Пселлъ получалъ конечно жалованье, такъ какъ мы знаемъ, что вообще должностныя лица получали содержаніе, но сумма неизвѣстна. Извѣстно только, что стратиги младшихъ θемъ получали по 5 литръ въ годъ или на наши деньги приблизительно 1400 руб. золотомъ, протасикритъ получалъ конечно меньше, потому что занималъ менѣе важное мѣсто. Кромѣ жалованья протасикритъ получалъ пошлину (συνήθεια) съ нѣкоторыхъ чиновниковъ; такъ награжденный чиномъ стратилата (στρατηλάτης ἐπὶ θεμάτων) обязанъ былъ уплатить протасикриту 24 миліарисія, ипатъ—6 мил., дисипатъ столько же [2].

Какъ человѣкъ служащій Пселлъ производился конечно въ чины при Мономахѣ онъ былъ вестомъ, а въ концѣ этого царствованія имѣлъ слѣдующій чинъ вестарха [3]. По табели византійскихъ чиновъ вестъ это восьмой чинъ, а вестархъ—седьмой; старше его магистръ проедры, куропалатъ, новелиссимъ, кесарь [4]. Чинъ давалъ право на полученіе пенсіи, такъ называемой руги, выдававшейся императоромъ

---

[1] De Cerem. p. 546.

[2] De Ceremon. p. 708—709. Миліарисій=$^1/_{12}$ номизмы, около 35 коп.

[3] Изъ одного документа (σημείωμα περὶ τοῦ ριφέντος πιττακίου ἐν τῇ ἁγίᾳ τραπέζῃ παρὰ ἀπὸ Ρώμης πρέσβεων κατὰ τοῦ πατριάρχου κυροῦ Μιχαήλ) написаннаго въ іюнѣ 1054 г. мы узнаемъ, что Пселлъ былъ въ это время вестархомъ, ибо несомнѣнно онъ названъ здѣсь Κώνστας βεστάρχης καὶ ὕπατος τῶν φιλοσόφων (Migne, patrol. gr. t. 120 p. 745). Въ документѣ написанномъ въ царствованіе θеодоры (въ августѣ 1056 г.) говорится, что Пселлъ былъ награжденъ чиномъ вестарха императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς Μιχαὴλ, ὃς τὸ μὲν βεστάρχης γεγονέναι παρὰ βασιλέως εὕρατο (Cs. V, 204). Вестомъ подписывается Пселлъ въ двухъ письмахъ. Ἐγὼ δὲ ὁ τούτων γραφεὺς ὁ βέστης (Ps. V, 332). Ὁ δὲ ταῦτα σοι γράφων βέστης (Ps. V, 334).

[4] См. мои Матеріалы для исторіи виз. имп. (Журн. Мин. Н. Пр. 1889 г. сентябрь).

разъ въ годъ. Вестъ и вестархъ получали несомнѣнно болѣе двухъ литръ руги, но сколько, намъ въ точности неизвѣстно [1].

Пселлъ былъ очень близокъ къ Константину Мономаху, имѣлъ право входить къ императору безъ зова, не испрашивая аудіенціи. „Съ тѣхъ поръ какъ ты уѣхалъ отсюда, пишетъ онъ судьѣ Харсіанской ѳемы, я видѣлъ императора всего три раза (вслѣдствіе болѣзни), теперь же зима прошла, здоровье мое поправилось и я рѣшилъ почаще ходить во дворецъ“ [2]. Отношенія императора къ Пселлу были исключительны и не ограничивались докладами по служебнымъ дѣламъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ разсказываетъ намъ слѣдующую сцену. У Константина Мономаха была оффиціальная любовница, нѣкая Аланка, вообще некрасивая, отличавшаяся только выразительными глазами и бѣлой кожей. Въ эту Аланку влюбился любимый шутъ императора. Однажды Пселлъ пошелъ вмѣстѣ съ Мономахомъ къ царской любовницѣ, пошелъ съ ними и шутъ. Влюбленный шутъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ бросать на Аланку вкрадчивые взгляды, украдкой улыбаться ей и т. под. Это замѣтилъ императоръ, и толкнувъ Пселла, сказалъ ему: смотри этотъ негодяй все еще влюбленъ [3].

Такого положенія Пселлъ достигъ конечно благодаря своей даровитости, а также низкопоклонствомъ и лестью. Въ душѣ онъ былъ очень дурнаго мнѣнія о нравственности Мономаха, онъ возмущался его распутствомъ и особенно тѣмъ, что громадныя суммы переходили изъ государственнаго казначейства въ руки фаворитокъ. „Я плакалъ, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, видя, что такъ растрачиваются деньги, и такъ какъ я большой патріотъ, я стыжусь за своего царя“. Но плакалъ онъ въ душѣ, открыто же произносилъ панегирики этому распутному монарху, не стыдясь хвалить его публично за то, за что потомъ порицалъ въ мемуарахъ. „Мономахъ, разсказываетъ г. Скабалановичъ (на основаніи мемуаровъ Пселла), неудержимо предавался разнаго родо удовольствіямъ и предпринималъ для развлеченія всевозможныя затѣи. Въ выстроенномъ имъ монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ онъ соорудилъ для себя палаты, раскинулъ роскошный садъ, а въ саду прудъ для купанья, который такъ былъ замаскированъ зе-

---

[1] Изъ напечатаннаго мною Хрисовула Михаила Дуки видно, что спаѳарокандидатъ получалъ руги 36 номизмъ, протоспаѳарій литру, ипатъ двѣ; вестъ долженъ былъ получать гораздо больше. См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г. сентябрь, стр. 25.

[2] Ps. V, 308.

[3] Ps. IV, 178 -179.

ленью, что гуляющій, засмотрѣвшись на сочное яблоко или грушу и отправившись ее сорвать, неожиданно попадалъ въ прудъ и противъ воли принималъ холодную ванну [1]. За эти-то безумныя затѣи, на которыя тратились трудовыя деньги народа, Пселлъ восхваляетъ въ одномъ панегирикѣ императора, какъ необыкновенно искуснаго архитектора, сумѣвшаго устроить орошеніе въ пустыни [2].

Открытая связь императора со Склиреной, почетъ которымъ онъ окружалъ свою „августѣйшую“ любовницу (какъ называлъ ее), полнѣйшее забвеніе элементарныхъ приличій возмущало нравственное чувство народа. Недовольство дошло до того, что во время одного изъ царскихъ выходовъ (9 марта 1044 г.) въ толпѣ раздался голосъ: „мы не хотимъ имѣть царицей Склирену и не допустимъ, чтобы чрезъ нее умерли наши матушки, порфирородныя Зоя и Ѳеодора“. Поднялся настоящій бунтъ, народъ хотѣлъ схватить царя, съ трудомъ удалось успокоить толпу. Атталіатъ въ яркихъ чертахъ описываетъ, какія несправедливости дѣлались въ царствованіе Мономаха, какъ плакали тѣ, съ кого сборщики податей взимали незаконные поборы [3]. Поэтому Мономаху пріятно было имѣть на своей сторонѣ такихъ тонкихъ льстецовъ и искусныхъ риторовъ, какъ Пселлъ. Ему важно было, чтобы среди всеобщихъ стоновъ, среди всеобщаго недовольства его распутствомъ и тяжестью податей публично раздавались такія фразы: „ты, царь, заступникъ бѣдныхъ, ты поощряешь хорошихъ, караешь злыхъ, указами своими ты ввелъ въ государствѣ правосудіе и справедливость, ты не позволяешь сборщикамъ податей брать незаконныхъ поборовъ или судьямъ судить не по закону. Будь живъ Гезіодъ, онъ вынужденъ былъ бы измѣнить свой порядокъ, онъ долженъ былъ бы сказать, что сначала былъ мѣдный вѣкъ, потомъ серебряный, а теперь наступилъ золотой“ [4].

Такихъ панегириковъ Пселлъ написалъ цѣлыхъ пять, изъ которыхъ два напечатанные Саѳою едва ли были произнесены (они слишкомъ длинны для этого), а три неизданные несомнѣнно были сказаны по какимъ-нибудь торжественнымъ случаямъ [5].

Пселлъ всегда чувствовалъ на чьей сторонѣ сила и старался сбли-

---

[1] Виз. гос. и церковь, стр. 67.

[2] Ps. V, 113.

[3] Attaliot. p. 50—51.

[4] Изъ неизданнаго панегирика Мономаху Пселла, списаннаго мною въ Оксфордѣ въ Бодлеевой библіотекѣ codex Bagocc. 131.

[5] Кромѣ указаннаго два панегирика списаны мною въ Венеціи изъ cod. Marcian. 445.

жаться съ людьми вліятельными. Такъ въ началѣ царствованія Мономаха когда большое значеніе имѣла императорская фаворитка Склирена, Пселлъ сдружился съ ней и разсказывалъ ей древне-греческіе миѳы.

Онъ поддерживалъ близкія сношенія съ вліятельными лицами того времени, въ особенности съ Константиномъ Лихудомъ, Іоанномъ Ксифилиномъ, Іоанномъ Мавроподомъ. Лихудъ занималъ должность протовестіарія (или оберцеремоніймейстера) и имѣлъ высокій чинъ проедра. Это былъ человѣкъ, имѣвшій наибольшую власть въ это царствованіе. Константинъ Мономахъ предпочиталъ забавляться любовными утѣхами, шутами, фантастическими постройками, серьезными же дѣлами онъ предоставлялъ заниматься своимъ министрамъ, и преимущественно Лихуду. Послѣдній по словамъ Пселла соначальствовалъ стратигамъ, подавая имъ совѣты, толковалъ сомнительные законы, писалъ приказы о назначеніи на должности, дѣлалъ распоряженія на счетъ государственныхъ податей; кромѣ того на немъ лежала обязанность утишать поднимавшіяся волны государственнаго моря, т. е. поддерживать внутреннее спокойствіе въ имперіи и предотвращать возможныя вспышки со стороны недовольныхъ [1]. Однимъ словомъ Лихудъ былъ всесильнымъ временщикомъ, который все могъ у императора. Съ Лихудомъ былъ друженъ Пселлъ и по всей вѣроятности онъ первоначально выдвинулъ Пселла, указавъ на него императору. Въ виду выдающагося положенія Лихуда Пселлъ относился къ нему съ должнымъ почтеніемъ. „Будь здоровъ, пишетъ онъ ему въ одномъ письмѣ, великая польза Ромэевъ, утѣшеніе мое, жизнь моя“ [2].

Ксифилинъ былъ номофилаксомъ, т. е. учителемъ въ юридической школѣ, основанной при Мономахѣ, а также начальникомъ приказа гражданскихъ дѣлъ [3]. Пселлъ былъ его товарищемъ по ученію и сохранилъ съ нимъ дружескія связи и впослѣдствіе. До насъ дошло одно письмо, въ которомъ Пселлъ поздравляетъ Ксифилина съ рожденіемъ сына. „Я радуюсь, пишетъ онъ, появленію на свѣтъ новорожденныхъ дѣтей, въ особенности же когда ихъ родители мои друзья. Въ древности персидскіе цари не смотрѣли сейчасъ на новорожденныхъ и не обнимали дѣтей только вышедшихъ изъ материнской утробы, но у нихъ былъ положенъ опредѣленный срокъ, по прошествіи котораго полагалось увидѣть ребенка. Почему же они дѣлали это? Они

---

[1] Ps. IV, 402.

[2] Ps. V, 456.

[3] Біографія Ксифилина написана Фишеромъ. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts. Plauen 1883.

боялись, чтобы новорожденныхъ, какъ существа слабыя не похитила смерть прежде, чѣмъ успѣютъ окрѣпнуть ихъ члены; они откладывали смотрѣть на дѣтей, чтобы послѣ большой радости, доставляемой этимъ зрѣлищемъ не подвергнуться слишкомъ большому горю, глядя, какъ они умираютъ. Но за то они лишали себя большой прелести. Но я не лишалъ себя зрѣлища, какъ мыли и пеленали твоихъ дѣтей, и было для меня самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ смотрѣть, какъ младенецъ лежитъ на лѣвой рукѣ у кормилицы, а правой она моетъ его. Я волновался, если вода слишкомъ тепла и бранилъ за это баньщицу. А пѣсни кормилицы плѣняли меня больше пѣсенъ Орфея и сиренъ. Когда же она собиралась спеленать и связать младенца, спеленывала руки, слегка вправляла голову, прикрывала и свивала все тѣло, я приходилъ въ ужасъ, какъ будто связывали меня самого и чуть не страдалъ вмѣстѣ съ младенцемъ. Съ удовольствіемъ буду я обнимать и крѣпко цѣловать дѣтей своихъ друзей, и буду учить кормилицу, что ей слѣдуетъ дѣлать то-то и такъ-то ухаживать за младенцами, а мать, что такимъ-то образомъ надо изслѣдовать молоко, то-то ѣсть, отъ того-то воздерживаться; и я буду плакать съ плачущими друзьями и радоваться съ радующимися. Милѣйшій мой начальникъ гражданскаго приказа, я часто буду сажать къ себѣ на колѣни твоего ребенка, высоко поднимать его на воздухъ и играть съ нимъ. Будь здоровъ прежде всего тѣломъ, а затѣмъ и духомъ, люби дѣтей, радуйся съ новорожденнымъ, когда онъ будетъ издавать радостныя восклицанія, и крѣпко держи его на рукахъ, когда будешь поднимать его, ибо мнѣ всегда представляется это страшнымъ [1]).

Іоаннъ Мавроподъ не игралъ такой выдающейся роли, какъ Лихудъ и Ксифилинъ. Онъ былъ учителемъ, но тѣмъ не менѣе былъ лично извѣстенъ императору и послѣдній называлъ его даже отцемъ, если вѣрить панегирику Пселла. Какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ Пселлъ былъ пріятелемъ Іоанна, впослѣдствіе митрополита Евхаитскаго и даже написалъ ему панегирикъ еще при его жизни.

Однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ царствованіе Константина Мономаха былъ несомнѣнно Константинопольскій патріархъ Михаилъ Кируллаpій. Онъ отличался неуживчивымъ характеромъ, надменнымъ обращеніемъ съ людьми, ниже себя поставленными, и едва

---

[1] Ps. V. 409—412. Письмо не имѣетъ адреса, но Пселлъ называетъ лицо, къ которому пишетъ, ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων и вестархомъ. Такъ какъ Ксифилинъ занималъ эту должность въ царствованіе Мономаха, представляется вѣроятнымъ, что оно адресовано Ксифилину, какой онъ имѣлъ чинъ, мы не знаемъ.

ли жаловалъ философовъ, особенно учившихъ языческой философіи какъ Пселлъ, и ставившихъ Платона выше отцовъ церкви. Но во всякомъ случаѣ онъ былъ большой силой, потому что не ограничивался церковными дѣлами, но вмѣшивался и въ государственное управленіе; и мы видимъ, что Пселлъ всячески старался пріобрѣсти расположеніе знаменитаго іерарха. До насъ дошло восемь писемъ Пселла къ Кирулларію, изъ которыхъ особенно интересны три [1].

„Стремясь къ тебѣ пишетъ, онъ въ первомъ письмѣ, не вижу тебя такимъ, какимъ желалъ бы видѣть. Счастіе измѣнило мнѣ, внезапно и неожиданно покинуло меня. Въ чемъ погрѣшилъ я, что сдѣлалъ я недозволеннаго? Если слѣдовало мнѣ быть несчастнымъ, я претерпѣлъ уже несчастіе, такъ какъ всѣ мои дѣйствія объясняются совершенно превратнымъ образомъ и какъ разъ противоположными побужденіями. Я простодушенъ, а меня считаютъ хитрецомъ, рѣчь моя представляется интригою, мои мудрыя писанія даютъ поводъ къ подозрѣнію (τὸ σοφῶς γράφειν εἰς ὑποψίαν κινεῖ можетъ быть философскія сочиненія), то что я люблю твои бесѣды объясняется любопытствомъ. Если я сношу обстоятельства великодушно, меня презираютъ; если смалодушествую отъ скорби, надо мной смѣются. Если я желаю убѣдить, я совершилъ нечестіе, потому что поспорилъ съ тѣми, кто лучше меня. Развѣ все это не большое несчастіе?

Но есть одинъ способъ разрѣшить все это и самый легкій: если бы я пожелалъ оставаться спокоенъ, бѣдствія прекратились бы. Много разъ пытался я сдѣлать это; но меня губятъ чувства, влекущія меня: къ тебѣ сильнѣйшимъ образомъ и не позволяющія оставаться при своемъ намѣреніи (т.-е. покинуть тебя). Ты на половину скрытъ для меня той стороной, которая видна, влечешь къ себѣ, а той, которая скрыта удерживаешь у себя. Если бы ты, закрывъ мнѣ разъ двери, прогналъ отъ себя, я, потерявъ надежду найти къ тебѣ дорогу, пошелъ бы по другой. Ты можетъ быть, такъ сказать, чванишься и заставляешь себя просить, показывая одно изъ желаннаго для меня, другое же скрывая.

Я чуть было не задохся, получая для дыханія незначительную часть воздуха. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ я чувствую себя сильнымъ и въ искусствахъ и въ наукахъ и въ добродѣтели, такъ что недостаетъ мнѣ только твоего лицезрѣнія; я кричу, какъ лишенный всѣхъ благъ. Явыносилъ видъ солнца, покрытаго большими тучами, я не уны-

---

[1] Третье изъ этихъ писемъ будетъ приведено въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ оно позднѣе царствованія Мономаха; здѣсь же указываемъ только на два.

валъ, часто видя луну не дающей свѣта; если же я не вижу тебя въ полномъ сіяніи, не вижу что у тебя освѣщенъ весь кругъ, я печалюсь и скорблю, какъ будто мнѣ нанесли крайнее оскорбленіе. Знаю, что ты предпочитаешь меня многимъ другимъ; но что я не могу, такъ сказать, привлечь тебя всего къ себѣ и обнять тебя своими руками, я считаю наказаніемъ за свою жадность. Я стараюсь утѣшиться разными соображеніями, примѣрами древними и новыми, изъ жизни еллиновъ и варваровъ, изъ естественныхъ наукъ и богословія; ибо божество не вполнѣ достижимо и естество не можетъ быть вполнѣ понято. Моисей увидѣвъ спину Бога былъ благодаренъ за это, считая что онъ достигъ всего... мое же сердце понуждаетъ меня испить тебя всего, всецѣло охватить тебя.

Что мнѣ рыба? Дай мнѣ самого себя какъ прежде съ обычной простотой“ [1].

Смыслъ письма ясенъ. Патріархъ былъ недоволенъ Пселломъ онъ считалъ его коварнымъ другомъ и интриганомъ, обвинялъ въ томъ, что приходитъ къ нему не столько чтобы съ нимъ поговорить, сколько разузнать, какъ онъ смотритъ на то или другое событіе, на того или другаго дѣятеля. Кирулларій принималъ Пселла, но отношенія были довольно холодныя, и вотъ Пселлъ, воспользовавшись знакомъ его благоволенія (присылкой рыбы), старается доказать патріарху, какъ онъ дорожитъ его расположеніемъ, какимъ несчастнымъ себя чувствуетъ когда вынужденъ съ нимъ рѣдко видаться, и сравниваетъ его недоступность съ недоступностью Бога для человѣка.

Еще знаменательнѣе другое письмо Пселла къ патріарху, начинающееся словами: „Всякъ даръ совершенъ свыше исходяй; если хочешь, объяснимъ это изрѣченіе такимъ образомъ: пусть будешь ты Богомъ для меня (σὺ μὲν ἔσο θεὸς ἐμοί), никто не станетъ обвинять за такія слова, ибо право на это даетъ тебѣ совершенство помазанія (τοῦτο γὰρ δίδωσι σοι ἡ τελειότης τοῦ χρίσματος)“.

Въ этомъ письмѣ, въ которомъ Пселлъ благодаритъ Кирулларія за присланную ему рыбу, говорится между прочимъ слѣдующее: я достигаю блаженства отъ тебя и чрезъ тебя. Очень далеко до того, чтобы тебѣ дѣлить со мною откормленнаго тельца, но почему какъ собака не наслаждаюсь я падающими съ твоего стола крохами?

Письмо кончается такими словами: „пусть раскроется мнѣ великое море человѣколюбія, прости не погрѣшившаго, что говорю не погрѣшив-

[1] Ps. V, 413—414.

шаго, скорѣе жестоко упрекавшаго себя въ грѣхахъ. Если ты, нелицепріятный судія, отпустивъ мнѣ остальныя прегрѣшенія, будешь судить по своимъ талантамъ (κἂν ἐπὶ τοῖς σοῖς ταλάντοις δικάσῃς т.-е. по моемурасположенію къ тебѣ) то поставишь меня не только одесную, но и вблизи престола. Кому же мы выказали неблагодарность или дали поводъ къ непріязни? Было бы нелѣпо, если бы мы, укрѣпившись въ расположеніи остальныхъ людей, которые по большей части ничтожны, измѣнили свое расположеніе къ тебѣ, почтившему насъ и такъ сказать усыновившему [1].

Письмо это съ нашей точки зрѣнія неприлично и кощунственно; но по византійскимъ понятіямъ можно было сравнивать съ Богомъ царей и патріарховъ и примѣнять къ нимъ евангельскія выраженія, сказанныя о Спасителѣ.

Повидимому Пселлу удалось вполнѣ пріобрѣсти расположеніе патріарха, о чемъ онъ такъ хлопоталъ; по крайней мѣрѣ въ остальныхъ пяти письмахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на холодность Кируллаpія, а одно изъ нихъ несомнѣнно писано уже послѣ царствованія Мономаха, когда Пселлъ былъ монахомъ [2]. Всѣ эти письма ни что иное, какъ словоизлитія въ благодарность за присылку сыра и рыбы, которою патріархъ, какъ видно нерѣдко надѣлялъ Пселла; всѣ они написаны на общую тему: какъ хороша присланная тобою рыба. По этому считаю излишнимъ приводить даже отрывки изъ этихъ писемъ; желающіе убѣдиться, какъ цвѣтисто умѣли византійцы расхвалить любое животное, могутъ обратиться къ оригиналу [3].

Пселлъ правъ, говоря что онъ достигъ высокаго положенія въ царствованіе Константина Мономаха [4]. Какъ къ лицу, близко стоявшему къ царю и имѣвшему обширныя связи, къ нему обращались за протекціею провинціальные чиновники, занимавшіе сами довольно важныя мѣста. Такой важный человѣкъ какъ Михаилъ Іаситъ, бывшій стратигомъ одной изъ азіятскихъ θемъ и имѣвшій довольно значительный чинъ магистра, обращался къ Пселлу съ какимъ-то дѣломъ. На это послѣдній отвѣтилъ, что онъ говорилъ съ императоромъ объ Іаситѣ и съумѣлъ возбудить жалость царя, что онъ не броситъ его дѣла, пока не добьется полнаго успѣха. Можетъ быть въ благодарность за эти хлопоты Іаситъ послалъ Пселлу коня; расхваливъ на всѣ лады подарокъ, Пселлъ все-таки сознается, что онъ ему безполезенъ и про-

---

[1] Ps. V, 414—416.

[2] Ps. V, 289. ἀλλ' ὁρᾷς ὅπου με τὸν ἀσκητὴν κατεβίβασεν ὁ ἰχθύς.

[3] Ps. V, 287—291, 422.

[4] Ps. IV, 110.

ситъ прислать кроткаго мула, такъ какъ онъ управлять лошадьми не умѣетъ [1].

Мы видѣли уже, что къ Пселлу обращался судья Харсіанской ѳемы, (прилегавшей къ Каппадокіи), и онъ обѣщалъ поговорить о немъ съ самимъ императоромъ и всесильнымъ Лихудомъ [2].

Такимъ образомъ предъ нашимъ сановникомъ заискивали начальники областей, стоявшіе по табели о рангахъ не ниже его.

Если Пселлъ хлопоталъ за другихъ, онъ не забывалъ и о себѣ. Онъ былъ бѣденъ, а между тѣмъ положеніе его при дворѣ требовало, чтобъ онъ жилъ болѣе или менѣе роскошнымъ образомъ. Поэтому Константинъ Мономахъ подарилъ ему домъ, купленный у Константина Дуки (будущаго императора) [3].

Императоръ Мономахъ даровалъ Пселлу одну привилегію, смыслъ которой намъ не совсѣмъ ясенъ. Въ двухъ письмахъ Пселлъ говоритъ о василикатѣ Мадита и требуется опредѣлить, что такое василикатъ, терминъ не попадавшійся намъ въ другихъ источникахъ. Прежде всего приведу въ переводѣ эти два письма.

Судьѣ Ѳракіи и Македоніи.

Свѣтлѣйшій господинъ мой и желанный братъ, думаю свѣтлость твоя знаетъ—а если не знаетъ узнай отъ меня—что блаженной памяти царь Константинъ Мономахъ подарилъ намъ въ неотъемлемую собственность (ἀναφαιρέτως) василикатъ Мадита (βασιλικάτον Μαδύτου) давъ царскими съ золотыми печатями грамотами (ἐν βασιλικοῖς χρυσοβούλλοις γράμμασιν) право отдавать его (т.-е. василикатъ), кому захотимъ. Хотя насъ просили объ этомъ многіе люди по большей части энергичные и способные вести дѣло, мы поручили это дѣло подателю сего письма, мужу прямому и честнѣйшему, которому невѣдома ложь

---

[1] Письмо № 171 (Ps. V, 434—438) благодарственное за присылку коня имѣетъ надпись τῷ Ἰασίτῃ и послано было вѣроятно Іаситу упоминаемому Кедриномъ въ царствованіе Мономаха (Cedr. II, 557, 565). Такъ какъ Іасита звали Михаиломъ и въ 1047 г. онъ былъ магистромъ, представляется вѣроятнымъ, что ему же адресовано письмо № 97 (Ps. V, 341) безъ адреса, изъ котораго видно, что адресата звали Михаиломъ и отъ былъ магистромъ и въ которомъ собственно и говорится о покровительствѣ предъ императоромъ.

[2] Ps. V, 308—309. Ѳема называется въ перепискѣ Пселла Харсинской. Ср. Ps. V, 370.

[3] Ps. IV, 262. ἐπεὶ δὲ μοι λαμπροτέρου ἐδέησε σχήματος καὶ περιφανεστέρας οἰκίας, οὐδὲ τοῦτό μοι τὸ μέρος ἀσπούδαστον ἀφῆκεν ὁ βασιλεύς.

или несправедливость. Такъ какъ онъ не желаетъ дѣлать несправедливостей но легко сдѣлать ему несправедливость, потому что онъ не платитъ тѣмъ же приносящимъ ему вредъ, прошу твою свѣтлость исправить ему этотъ недостатокъ и не допускать, чтобы находился удобный предлогъ для незаконныхъ нападеній на него. Самый большой его врагъ это близкій его сосѣдъ, турмархъ Аплоконискій, не тотъ кто только-что назначенъ въ эту турму, но вообще всякій назначаемый царемъ начальникомъ этой турмы. Такъ какъ василику предоставлено разслѣдованіе нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ, а турмархъ этому препятствуетъ, выходитъ, что право данное другому присваиваетъ себѣ его не получившій. Если же этотъ (вновь назначенный турмархъ) захочетъ быть смирнымъ, не слѣдуя примѣру бывшаго передъ нимъ турмарха, тебѣ ничего не надо будетъ дѣлать съ нимъ вслѣдствіе нашей просьбы. Но если всякій турмархъ Аплоконискій худъ, за то всякій судья хорошъ, особенно, когда онъ сынъ такого отца, какъ ты. Будь же чрезъ насъ (вслѣдствіе нашей просьбы) еще прекраснѣе и сдерживай пытающагося сдѣлать несправедливость. Вотъ это воздай василику и кромѣ того благосклонность души твоей. Если онъ (василикъ) и не послѣдуетъ великолѣпію твоему, отличающемуся своими благородными чувствами, т.-е. со своей стороны не выкажетъ такихъ же благородныхъ чувствъ, то все же мы будемъ обязаны тебѣ благодарностью [1].

Магистру и стратигу Авида.

Свѣтлѣйшій господинъ и благороднѣйшій изъ благородныхъ, другъ твой, если хочешь, Пселлъ, если не хочешь, чтобы я такъ писалъ, проедръ, привѣтствую тебя настоящимъ письмомъ и прошу за этого (подателя письма) василика, или лучше за самого себя. Ибо блаженной памяти царь Константинъ Мономахъ хрисовуломъ подарилъ мнѣ этотъ (т.-е. василикатъ) [2] въ неотъемлемую собственность, я же отдавъ этому человѣку предпочтеніе предъ другими за его честность, ежегодно опредѣляю его на эту службу. Ради насъ никто изъ тамошнихъ

---

[1] Ps. V, 487—488.

[2] ὁ μὲν γὰρ μακαρίτης βασιλεὺς κῦρ Κωνσταντῖνος ὁ Μονομάχος διὰ χρυσοβούλλου γραφῆς μοι τοῦτον δεδώρηται εἰς ἀναφαίρετον ἐξουσίαν. Τοῦτον относится къ предыдущему βασιλικός, по соображеніямъ приводимымъ ниже предлагаемъ читать τοῦτο, т.-е. τὸ βασιλικάτον, причемъ можемъ предполагать, что въ письмѣ что-нибудь опущено, или же что Пселлъ выразился такъ неопредѣленно, потому что адресату было ясно, о чемъ идетъ рѣчь.

жителей не пытался дѣлать ему несправедливости, кромѣ турмарха недавно смѣщеннаго съ Аплоконискоѣ турмы, который тотчасъ же получилъ наказаніе за свой злой нравъ. Если его преемникъ (т.-е. преемникъ смѣненнаго турмарха) не будетъ превышать присвоенныхъ ему правъ [1] и не пожелаетъ судить такихъ дѣлъ, судъ надъ которыми принадлежитъ одному царю, онъ хорошъ и получитъ отъ насъ достойныя похвалы. Если же и онъ будетъ превышать власть турмарха (εἰ δὲ καὶ οὗτος τὸν τῆς τούρμας παραμείβει κανόνα) и будетъ присвоивать себѣ права данныя василику, тогда будь для нихъ нашимъ замѣстителемъ и для василика и для турмарха, помогай одному, другому же мѣшай дѣлать несправедливости. Кромѣ того знай, что мы можемъ направить противъ него (турмарха) всю власть, исходящую отъ царя, такъ какъ, какъ знаешь, его держава жалуетъ насъ и ни въ чемъ не отказываетъ, о чемъ мы его просимъ. Но зная, что тебя совершенно достаточно, мы препоручаемъ это дѣло тебѣ, нашему другу. Итакъ, покажи, что ты тотъ, который обѣщалъ три раза въ недѣлю приходить къ намъ и наблюдать. Я прощаю тебѣ, что ты не сдержалъ этого слова, но если ты теперь не оправдаешь своей дружбы къ намъ, тогда я буду обвинять тебя въ несправедливости. Чтобы избѣжать этого обвиненія, причисли къ самымъ близкимъ тебѣ людямъ василика, человѣка кроткаго, прямодушнаго и честнаго [2].

Въ обоихъ приведенныхъ письмахъ рѣчь идетъ о томъ же самомъ: Пселлъ проситъ защиты противъ турмарха Аплоконискаго. Чтобы понять въ чемъ тутъ дѣло, надо прежде всего рѣшить, что такое василикатъ? Вопросъ по видимому рѣшенъ г. Скабалановичемъ. „Въ Византіи, говоритъ онъ, было особое вѣдомство для наблюденія и управленія недвижимыми императорскими имѣніями, дворами, конфискованными и секвестрованными имуществами. Въ отдѣльныя имѣнія командировались императорскіе челядинцы, своего рода чиновники особыхъ порученій, которые носили названіе βασιλικοί. По имени ихъ и имѣнія, ими завѣдуемыя, назывались василикатами. Эти „царевы люди“ вѣдали часть финансовую, судъ по дѣламъ, возникавшимъ въ василикатахъ, принадлежалъ царю, помимо ближайшихъ инстанцій, и императоръ могъ поручить его кому-нибудь изъ своихъ уполномоченныхъ, хотя бы тому же цареву человѣку. Изъ писемъ Пселла видно, что одно изъ такихъ имѣній, въ качествѣ помѣстья, было пожаловано

[1] Εἰ μὲν οὖν ὁ ἐκεῖνον διαδεξάμενος περαιτέρω τῶν ἰδίων προνομίων χωροίη, μὴ δὲ κρίνειν ἐθέλοι ὧν μόνος τὰς κρίσεις ὁ βασιλεὺς ἔχει, ἀγαθός ἐστι. Въ первомъ предложеніи очевидно пропущено отрицаніе.

[2] Ps. V. 423—424.

Константиномъ Мономахомъ автору писемъ. Ему императоръ пожаловалъ въ неотъемлемую собственность τὸ βασιλικάτον Μαδύτου, а также отдалъ въ его распоряженіе τὸν βασιλικόν. Въ хрисовулѣ было объяснено, что Пселлъ можетъ отдавать помѣстье, кому захочетъ, передавая и судъ по нѣкоторымъ дѣламъ, къ нему относящимся. Пселлъ отдалъ помѣстье въ управленіе тому же василикосу, который былъ ему подаренъ, поручивъ ему судебную власть, а когда по смерти Мономаха турмархъ Аплокониса обнаружилъ притязаніе на вмѣшательство въ дѣла василиката, Пселлъ просилъ стратига защитить отъ этихъ притязаній“ [1]. Это объясненіе по моему мнѣнію неудовлетворительно.

Если подъ василикатомъ мы должны разумѣть имѣніе, то согласно съ такими выраженіями какъ κτῆμα τῶν Καλοθηκίων, χωράφια τῶν Κολοφούντων, χώραφιον τοῦ Χαλικίου, τῆς Φοραδωμάνδρας, τοῦ Θηρογάνου (Miklosisch, Acta et diplomata V, 7, 12, 17), мы должны заключить, что вышеупомянутое имѣніе называлось „Мадитъ“. Но Мадитъ, какъ извѣстно, городъ, лежавшій въ θемѣ Авидской. Это наводитъ на мысль, что василикатомъ не могло называться имѣніе. Какъ видно изъ писемъ Пселла службу по василикату несъ василикосъ. Василикосъ терминъ очень общій, онъ значитъ „царева человѣка“, чиновника; этотъ терминъ употребляется преимущественно, когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь порученіи, возложенномъ на чиновника, о командировкѣ, тогда такой человѣкъ называется василикосомъ. Въ такихъ именно случаяхъ употребляетъ слово „василикосъ“ Константинъ Багрянородный и встрѣчается оно въ хрисовулахъ [2]. Во вся-

---

[1] Виз. гос. и церк., стр. 165.

[2] De admin. cap. 7. ἡνίκα περάσῃ βασιλικὸς εἰς Χερσῶνα ἕνεκα τῆς τοιαύτης διακονίας ὀφείλει εὐθὺς ἀποστέλλειν εἰς Πατζινακίαν. cap. 8 καὶ βασιλικοῦ ἀποστελλομένου ἐντεῦθεν μετὰ χελανδίων.

Въ хрисовулѣ 1045 г.: βασιλικῶν εἴς τινας τοῦ δημοσίου δουλείας ἀποστελλομένων (Miklosich, Acta ed diplom., V, 4).

Въ хрисовулѣ 1079 г.: βασιλικῶν εἴς τινας δουλείας ἀποστελλομένων (Ib. p. 9). Cp. Ibid. p. 137).

Въ другомъ хрисовулѣ 1079 г.: βασιλικῶν ἀνθρώπων τὴν οἱανδήποτε δουλείαν ἐν τοῖς εἰρημένοις θέμασι μετερχομένων (Ibid. p. 143).

Одинъ документъ о спорномъ владѣніи въ Смирнѣ былъ написанъ въ присутствіи посланныхъ отъ царя чиновниковъ (ἐπὶ παρουσίᾳ τῶν χρησιμωτάτων βασιλικῶν ἀνθρώπων) и мѣстныхъ властей (Miklosich, Acta, IV. 55).

Βασιλικοί iidem qui μανδατωρες qui scilicet imperatoris mandata perferebant (Ducange, glossarium).

Βασιλικός royal officier, courtier, messenger, ambassador (греко-англійскій словарь Sophocles'a).

комъ случаѣ василикъ это чиновникъ, котораго даже царь никакъ не могъ подарить Пселлу, какъ пишетъ г. Скабалановичъ; дарить можно было только крѣпостныхъ (париковъ). Слова эти основаны на ошибкѣ въ письмѣ Пселла, которую мы постарались исправить.

Василика въ Мадитскій василикатъ имѣлъ право назначать Пселлъ, и онъ говоритъ, что ежегодно назначаетъ на эту службу того же человѣка, хотя многіе просили его объ этомъ было мѣстѣ. Изъ этого не трудно вывести, что мѣсто было доходное. Но является еще слѣдующее соображеніе: должно быть это было дѣло, которое исполнялось разъ въ годъ, и слѣдовательно каждый годъ Пселлъ поручалъ его кому-нибудь, и вотъ онъ говоритъ, что каждый годъ поручаетъ онъ это тому же самому. Его слова не имѣли бы смысла, еслибы онъ говорилъ объ управляющемъ своего имѣнія.

Мы предполагаемъ, что городъ Мадитъ былъ изъятъ изъ общаго провинціальнаго управленія, что онъ былъ такъ сказать императорскій городъ. Онъ могъ подлежать вѣдѣнію самого императора, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Напр. могло быть запрещено взимать въ немъ подати обыкновенному практору (сборщику податей) и съ этою цѣлію могъ посылаться туда особенный царскій уполномоченный (василикъ). Административныя функціи въ Византіи не были строго отдѣлены отъ судебныхъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что жители Мадита имѣли привилегію судиться не у турмарха, а у василика. Мы предполагаемъ, слѣдовательно, что Мономахъ сдѣлалъ Пселла пожизненнымъ василикомъ города Мадита, другими словами, что онъ предоставилъ ему право собирать подати съ города Мадита и нѣкоторую юрисдикцію; вмѣстѣ съ тѣмъ Пселлъ не обязанъ былъ дѣлать это самъ, но могъ посылать ежегодно какого-нибудь чиновника, которому передавались его функціи и который считался царскимъ подданнымъ.

Очень понятно, что если Мадитъ имѣлъ нѣкоторыя привилегіи, а въ другихъ отношеніяхъ былъ подчиненъ мѣстному турмарху легко могла произойти путаница и турмархъ могъ вмѣшиваться въ дѣла, его не касавшіяся. Цѣль обоихъ писемъ Пселла предупредить объ этомъ новаго турмарха, назначеннаго на мѣсто другаго, смѣненнаго именно за подобное вмѣшательство. Онъ обращается за этимъ къ стратигу Авидскому конечно потому, что онъ былъ начальникомъ турмарха Аплоконискаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ судьѣ провинціи, называвшейся Θракія и Македонія. Если это не простая ошибка пе-

реписчика того кодекса [1], по которому письмо издано Саѳою, надо думать, что Мадитъ считался въ Ѳракійскомъ судебномъ округѣ, не смотря на то, что въ административномъ отношеніи принадлежалъ къ Авидской ѳемѣ.

Итакъ, василикатъ, по моему мнѣнію, не имѣніе, а скорѣе нѣкоторая привилегія города Мадита, которая для Пселла могла имѣть то значеніе, что онъ имѣлъ право собирать подати съ этого города. Значитъ ли это, что онъ всѣ Мадитскіе сборы поступали въ пользу Пселла? Конечно нѣтъ. Пселлъ находился вѣроятно въ такомъ же положеніи, какъ и всѣ царскіе уполномоченные, онъ обязанъ былъ поставлять извѣстную сумму въ императорскую казну. Но при нѣкоторой ловкости всегда можно было собрать болѣе требуемой суммы и этотъ излишекъ поступалъ тогда въ пользу Пселла.

Мои соображенія по всей вѣроятности могутъ быть опровергнуты тѣмъ, кто найдетъ въ документахъ какія-нибудь положительныя свѣдѣнія о василикатѣ. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось напасть ни на что подобное, а потому я рѣшился выставить свою догадку [2].

Благодаря своему положенію Пселлъ получилъ въ харистикію нѣсколько монастырей. Харистикарная система, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что владѣлецъ монастыря, кто бы онъ ни былъ (императоръ, епископъ или частное лицо), отдавалъ монастырь въ пожизненное владѣніе какому-нибудь лицу, получавшему названіе харистикарія. Харистикарій получалъ всѣ доходы монастыря и обязанъ былъ содержать братію, поддерживать зданія, однимъ словомъ вести все хозяйство. Очевидно, излишекъ доходовъ шелъ въ пользу харистикарія. Подобная система могла возникнуть только въ средніе вѣка и тамъ, гдѣ царилъ административный произволъ. Монастырь нуждался въ покровителѣ, потому что губернаторъ и сборщики податей могли въ конецъ разорить его. Поэтому представлялось выгоднымъ поступиться частью доходовъ и имѣть въ лицѣ харистикарія сильнаго защитника. Всякій харистикарій старался оградить свой монастырь отъ незаконныхъ поборовъ, потому что это было въ его собственныхъ инте-

---

[1] Ошибки въ адресахъ встрѣчаются, укажу на одну: въ парижскомъ кодексѣ одно письмо имѣетъ надпись τῷ μαΐστορι τῷ Ξιφιλίνῳ (Ps. V, 276), а въ флорентійскомъ τῷ μοναχῷ Ἀντιπάτρῳ.

[2] Саѳа кажется вѣрнѣе г. Скабалановича понялъ приведенныя письма Пселла, говоря на ихъ основаніи, что Пселлъ по привилегіи, дарованной ему Константиномъ Мономахомъ, имѣлъ право взимать нѣкоторыя подати въ Аплокониской турмѣ (Предисловіе къ 5 тому Bibliotheca Graeca, стр. 39).

ресахъ, такъ что въ концѣ концовъ и харистикарій могъ имѣть доходъ и монастырь могъ быть въ лучшемъ матеріальномъ положеніи, нежели предоставленный самому себѣ. Это конечно при томъ предположеніи, что получившій въ даръ монастырь будетъ добросовѣстно вести его дѣла. Не рѣдко случалось, что харистикаріи злоупотребляли довѣріемъ монаховъ, вели хищническое хозяйство, скудно кормили братію, не ремонтировали зданій, однимъ словомъ разоряли монастырь, а сами наживались. Во всякомъ случаѣ харистикія была доходной статьей, иначе сановники отказывались бы отъ этого, а они напротивъ охотно брались за это дѣло, не смотря на множество хлопотъ.

Въ концѣ царствованія Мономаха Пселлъ имѣлъ въ харистикіи Мидикійскій монастырь въ Опсикійской θемѣ, лежавшей на берегу Пропонтиды съ главнымъ городомъ Никеей. Мы знаемъ это изъ письма Пселла къ судьѣ Опсикійской θемы, которое приводимъ здѣсь въ переводѣ, опустивъ первыя неинтересныя строки.

„Намъ недоставало монастыря и слава Богу этотъ недостатокъ теперь пополненъ, и мы владѣемъ уже Мидикіемъ. Мидикій это монастырь, имя котораго неизвѣстно и дѣла котораго неблестящи. Владѣетъ ли онъ значительнымъ количествомъ земли не знаю, а что онъ нуждается, это я знаю твердо. Многіе увѣряютъ меня, что если я сдѣлаю для монастыря все, что нужно, куплю быковъ, пріобрѣту скотъ, насажу виноградники, измѣню теченіе рѣкъ, устрою орошеніе, приведу въ движеніе и землю и море, я буду получать сто медимновъ пшеницы, вдвое больше ячменю, а маслинъ сколько угодно.

Я же раньше чѣмъ получить что-нибудь, клянусь тебѣ, истратилъ не мало золота. Но такъ какъ тѣ не знаютъ самой сущности благосостоянія, я одинъ, познавъ это, посылаю тебѣ одушевленный языкъ—монаха и это неодушевленное письмо, если хочешь и оно живое; прошу тебя теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь показать намъ свою преданность и выказать при этомъ случаѣ расположеніе къ намъ. Я осужденъ, какъ говорятъ, разъ въ годъ угощать тебя; мнѣ слѣдовало бы радоваться этому, а я напротивъ оплакиваю это. Ибо если ты благороднѣйшій и другъ нашъ будешь насыщаться на счетъ этого бѣднаго монастыря, едвали мы съумѣемъ убѣдить твоего преемника воздерживаться отъ этого ежегоднаго содержанія (τῆς ἐτησίου διαίτης). Меня собственно безпокоитъ не угощеніе тебя, потому что я знаю, что ты готовишь себѣ философскую (т.-е. простую) трапезу, а то, что репутація моя будетъ умалена у тебя [1] и это у друга и судьи. Но чтобы ты не

[1] ὅτι μοι τὸ ὄνομα σμικρυνθήσεται ἐπὶ σοι я понимаю эту туманную

считалъ мою просьбу скряжничествомъ, я соглашусь уплачивать тебѣ сумму денегъ, какую захочешь [1]. Пощади только монастырскіе запасы и пусть не бываетъ тамъ никто изъ твоихъ чиновниковъ [2]; довольно съ насъ и тѣхъ, которые будутъ дѣлать это послѣ тебя (т.-е. послѣ того какъ ты оставишь должность и будетъ назначенъ новый судья), когда мы можетъ быть будемъ уже не во дворцѣ, а на Олимпѣ.

Но развѣ ты думаешь, что мы послали къ тебѣ и написали письмо только съ тою цѣлію, чтобы ты не бралъ ничего изъ монастыря? Совсѣмъ нѣтъ. Развѣ я стану прогонять съ полей и помѣстія того, кого съ удовольствіемъ принялъ бы на свое лоно. Но мы сдѣлали то и другое (послали тебѣ посланнаго и письмо), чтобы ты зналъ, что мы сдѣлались владѣтелями монастыря, и поэтому сталъ благодѣтельствовать монастырю, относиться благосклонно къ монахамъ и дѣлать остальное, являющееся выраженіемъ истинной дружбы. Итакъ не будь недоволенъ моей просьбой, но радуйся, что обстоятельства даютъ тебѣ поводъ оказать мнѣ услугу; ибо услугу эту ты окажешь не неблагодарной душѣ, но душѣ умѣющей быть благодарной и языку умѣющему прославить“ [3].

Изъ этого письма видно, что Пселлъ получилъ въ харистикію Мидикійскій монастырь въ самомъ концѣ царствованія Мономаха, когда онъ собирался постричься и удалиться въ какой-нибудь монастырь на

фразу такъ: репутація моя пострадаетъ оттого, что я не въ состоніи буду по бѣдности монастыря хорошо угостить тебя.

[1] Καὶ ἵνα μὴ σμικρολογίαν τὴν ἐμὴν ἀξίωσιν οἰηθῇς, ὁπόσον βούλει χρέος ὁμολογήσω σοι т.-е. буквально я признаюсь, что долженъ тебѣ, сколько захочешь. Это мѣсто можетъ быть кажется понято двояко. Пселлъ предлагалъ выдать судьѣ единовременно опредѣленную сумму или предлагалъ уплачивать ему кое-что ежегодно вмѣсто указанной въ письмѣ натуральной повинности. Χρέος въ соединеніи съ δημόσιον значитъ подать, повинность.

[2] Καὶ μὴ τις ἐκεῖσε παραγένηται ταξεώτης. У Дюканжа (Glossarium graecitatis): ταξεῶται apparitores, cohortales, officiales judicum. Приведенъ текстъ: ταξεῶται τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου καὶ ἐνδοξοτάτου ἐπάρχου τῶν πραιτωρίων. Что таксеотами назывались чиновники подчиненные судьѣ, ясно видно изъ слѣдующаго мѣста Василикъ: δῆλον δὲ ὅτι ἐπὶ τῶν χαμαιδικαστῶν ὁ ἄρχων ἐστιν ὁ ὀφείλων αὐτοῖς ἀφορίσαι ταξεώτην τὸν ταῦτα μεθοδεύοντα (Basilica, l. IX tit. 3 cap. 69). Въ такомъ же значеніи употребленъ этотъ терминъ въ письмѣ Пселла къ судьѣ Оптиматской ѳемы: ἀπείρτω γὰρ σε καθίσματος, βαβαὶ τῆς βαρύτητος, καὶ ταῦτα δικαστὴν τοῦ Ὀπτιμάτων τυγχάνοντα θέματος, μόλις ἀρκοῦντος καὶ ταξεώτῃ ἑνί (Ps. V, 291).

[3] Ps. V, 263—265.

Олимпѣ. Пселлъ хлопочетъ о томъ, чтобы избавить свой монастырь отъ злоупотребленія мѣстнаго судьи и его чиновниковъ. Рѣчь идетъ несомнѣнно о постойной повинности, такъ-называемомъ ἄπληκτον, которую обязанъ былъ нести монастырь. „Постойная повинность, говоря словами В. Г. Васильевскаго, состояла въ обязанности не только давать помѣщеніе, но и содержаніе или кормы проѣзжающимъ. Извѣстно, что въ римское время путешественникъ получалъ подорожную, въ которой и обозначалось, имѣетъ ли онъ право только на evectio (провозъ), или же вмѣстѣ съ тѣмъ и на tractoria (содержаніе); пользоваться послѣднимъ можно было отъ двухъ дней до пяти, но притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ Патмосской грамотѣ 1088 года, вообще содержащей въ себѣ наиболѣе подробныя свѣдѣнія по данному предмету, эта повинность называется ἄπληκτον, словомъ обыкновенно употреблявшимся для военнаго постоя. Правомъ постоя и кормовъ, по этой грамотѣ, могутъ пользоваться судьи, воеводы, сборщики податей, практоры, дуки, катепаны, чужеземные послы и проводники ихъ, и вообще царскіе люди, посылаемые по какой-нибудь казенной надобности. Здѣсь же исчисляются предметы, которыхъ могли требовать путешественники; поставка ихъ жителями замѣняла постойную повинность; поименованы слѣдующія животныя: мулы, полумулы, ослы, полуослы, лошади, кобылы, лошаки, овцы, козы, олени, собаки, охотничьи и пастушьи, гуси, утки, фазаны, журавли, павлины, голуби, а вмѣстѣ съ тѣмъ и птичьи яица. Сановники и чиновники имѣютъ право на помѣщеніе и пріемъ; они могутъ требовать вина, мяса, хлѣба, ячменя, овса, всякихъ огородныхъ растеній, масла и т. д.“ [1]

Ясно, что чиновники могли злоупотреблять этой и безъ того обременительной повинностью. Они имѣли право требовать квартиры и

[1] Матеріалы для исторіи византійскаго государства, стр. 377 (Журн. Мин. Нар. Пр. 1880 г. августъ). Въ хрисовулѣ, данномъ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ въ 1088 г. монастырю Іоанна Богослова на Патмосѣ и освобождающемъ его отъ разныхъ повинностей читается: ἐξκουσσευθήσεται ἡ μονὴ ἀπὸ... ἀπλήκτων ἢ μεσαπλήκτων κριτῶν... καὶ τῆς ὑπὲρ τῶν ἀπλήκτων χορηγίας χρειῶν... καθίσματος καὶ ὑποδοχῆς τῶν ἐν ὑπεροχαῖς ἀρχόντων, δομεστίκων τῶν σχολῶν, δουκῶν, κατεπάνω, στρατηγῶν, κριτῶν (См. послѣднее и лучшее изданіе этой грамоты, сдѣланное Саккеліономъ въ книгѣ Ἀκολουθία τοῦ ὁσίου Χριστοδούλου ἔκδοσις Κυρίλλου ἱεροδιακόνου Βοΐνη. Ἀθήνησιν 1884). Въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится объ этой повинности въ хрисовулахъ Михаила Дуки (1074 г.) и Никифора Вотаніата (1079 г.). См. Miklosich et Müller. Acta et diplomata graeca, v. V, p. 137, 143.

содержанія только, когда по служебнымъ обязанностямъ должны были находиться въ томъ или иномъ пунктѣ; но они могли являться безъ дѣйствительной нужды подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ предлогомъ, могли требовать не только содержанія, безъ котораго нельзя было обойтись за неимѣніемъ гостинницъ, но и увозить съ собой запасы. Такое обыкновеніе имѣлъ повидимому судья Опсикійской ѳемы Зома; ежегодно являлся онъ въ Мидикійскій монастырь и опустошалъ монастырскія кладовыя. Дѣлали это и его чиновники. Чтобы избавиться отъ этого злоупотребленія Пселлъ предложилъ судьѣ взятку съ тѣмъ, чтобы ни онъ самъ, ни его чиновники впредь не являлись гостить въ монастырь [1].

Кромѣ Мидикійскаго монастыря, въ харистикіи у Пселла находились монастырь, называвшійся Каѳара и лавра Большія Келліи на Олимпѣ. Объ этихъ монастыряхъ мы знаемъ только то, что сообщаетъ самъ Пселлъ въ письмѣ къ какому то судьѣ вѣроятно Опсикійской ѳемы. Вотъ это письмо.

Чрезъ тебя, сильно любящаго насъ, мы сдѣлали еще другое пріобрѣтеніе. Какое же это? Лавру Большія Келліи на Олимпѣ [2]. Мы пріобрѣли ее узнавъ, что доходы ея свободны отъ повинности (?). Такъ какъ поля ея ограждены отъ незаконныхъ поборовъ, виноградники приносятъ монастырю гроздія, поле доставляетъ монахамъ колосья, мы охотно пріобрѣли это небольшое и огражденное отъ незаконныхъ поборовъ имѣніе. Ибо есть у лавры подписанный царемъ документъ, отклоняющій всякія злостныя попытки противъ монастыря. Но домохозяинъ, поручая кому-нибудь наблюденіе за домашними, препоручаетъ ему не только жителей дома, но и поля, или скорѣе онъ довѣряетъ ему охрану не только послѣднихъ, но также первыхъ. Нѣчто подобное хочу и я сдѣлать теперь, и я препоручаю тебѣ все свое Каѳара, Мидикій, Келліи все, клянусь, названія монастырей великихъ

---

[1] Г. Скабалановичъ неточно передалъ ссдержаніе разобраннаго нами письма. „Поэтому и могъ Пселлъ, говоритъ онъ узнавши, что бывшій въ его харистикіи Мидикійскій монастырь ожидаетъ прибытія опсикійскаго стратига (слѣдовало сказать: судьи) Зомы, обратиться къ послѣднему съ просьбой освободить отъ посѣщенія въ виду того, что монастырь бѣдный и тягота кормленія будетъ для него непосильной“ (Виз. гос. и церк., стр. 282). Рѣчь шла не объ одномъ посѣщеніи, а о злоупотребленіи постойной повинностью, вошедшемъ въ обычай.

[2] Не ручаемся за вѣрный переводъ этой фразы, такъ какъ текстъ испорченъ: ἐπεκτησάμεθα δὲ ἀκηκοότες, ὡς ἐλευθέρα ἐστὶν ἡ ἀπὸ τῶν κτηματιτικίων (sic) αὐτῆς πρόσοδος. Можетъ быть слѣдуетъ читать κτηματίων.

и извѣстныхъ, но на самомъ дѣлѣ скорѣе убыточныхъ, чѣмъ выгодныхъ, несмотря даже на то что мы ихъ обезопасили со всѣхъ сторонъ и сдѣлали неприкосновенными для всякой руки. Если бы ты не былъ судьею въ этой мѣстности, я отказался бы отъ всѣхъ этихъ монастырей; ибо если при твоемъ о нихъ попеченіи мы ни отъ одного изъ нихъ не имѣемъ никакого дохода, какая же надежда получить оттуда что-нибудь, когда другой будетъ ихъ расшатывать"? [1]

Въ письмѣ къ Ксифилину, писанному по всей вѣроятности въ 1054 г., Пселлъ сообщаетъ, что ему подарена лавра Келліевъ [2]. Цѣль предыдущаго письма заключалась конечно въ томъ, чтобы заручиться протекціей мѣстнаго судьи и напомнить ему, что лавра Келліевъ освобождена по императорской грамотѣ отъ нѣкоторыхъ податей и повинностей и что слѣдовательно нельзя съ нея взимать извѣстныхъ сборовъ, какъ это нерѣдко дѣлалось вопреки царскимъ указамъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ концѣ царствованія Мономаха Пселлъ былъ харистикаріемъ трехъ монастырей, полученныхъ имъ въ даръ можетъ быть отъ самого императора. Въ то же самое время или можетъ быть позднѣе Пселлъ имѣлъ въ харистикіи и еще монастырь Нарсійскій, лежавшій въ Эгейской оемѣ, обнимавшей нѣкоторые острова на Эгейскомъ морѣ. Объ этомъ Нарсійскомъ монастырѣ Пселлъ говоритъ въ одномъ письмѣ, что монахи заставляютъ и принуждаютъ его быть ихъ ктиторомъ. „Я не строитель монастыря, но насколько могу украшаю его, я украшаю не красками, но внося то, что имъ нужно". Поэтому онъ проситъ разрѣшить безпрепятственное плаваніе кораблю, отправившемуся изъ Нарсійскаго монастыря и дозволить войти въ Пирей, вѣроятно не взимая за это пошлины или по крайней мѣрѣ не больше законной. [3]

Въ двухъ неизданныхъ письмахъ (въ одномъ кодексѣ библіотеки Laurentiana во Флоренціи), адресованныхъ судьѣ Эгейской оемы, Пселлъ проситъ его оказать протекцію игумену Нарсійскаго монастыря и охранять имущество братіи. „Прошу тебя, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, оказать всяческое попеченіе братіи и принадлежащимъ монастырю имѣніямъ. Если можешь, помоги монастырю во всемъ, о чемъ они будутъ просить, если же это невозможно, то исполни большую часть ихъ просьбъ, если же и это невозможно, то хоть одну". Письмо это долженъ былъ вручить судьѣ игуменъ, отправившійся къ нему

[1] Ps. V, 311.

[2] Ps. V, 270. τῆς δὲ λαύρας τῶν Κελλίων δοθείσης μοι.

[3] Ps. V, 378—379.

съ нѣсколькими монахами жаловаться на приносящихъ вредъ ихъ имѣніямъ. [1]

Содержаніе втораго письма слѣдующее: ты не нуждаешься въ томъ, чтобы тебя просить вторично о томъ же самомъ, но игуменъ Нарсійскаго монастыря думаетъ, что ты не обратилъ на насъ достаточнаго вниманія и что надо тебя попросить еще нѣсколько разъ. Поэтому прошу тебя согласно твоимъ обѣщаніямъ быть благосклоннымъ къ игумену и оказать ему помощь, заботясь и теперь и впредь о монастырскихъ имѣніяхъ. Ты пріобрѣтешь себѣ благодать Богородицы и чтимыхъ въ монастырѣ мучениковъ и будешь имѣть въ нихъ горячихъ заступниковъ. [2]

Хотя Пселлъ увѣряетъ, что отданные ему въ харистикію монастыри бѣдны и не доставляютъ ему никакого дохода, это скорѣе манера разжалобить областныхъ начальниковъ и сборщиковъ податей, чемъ истина. По крайней мѣрѣ между 1055 и 1073 г. онъ выпрашивалъ себѣ въ харистикію у митрополита Кизическаго Романа монастырь Муптаніевъ [3]. Сталъ ли бы онъ дѣлать это, если бы не преслѣдовалъ своей выгоды? Мы знаемъ также, что одинъ монастырь предлагалъ себя въ харистикію Пселлу, но онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ не довольно вліятельное лицо и не можетъ принести имъ

---

[1] Сборникъ содержащій переписку Пселла (Plut. LVII cod. 40) письмо № 131: τῆς τοῦ Ναρσοῦ καθηγούμενός ἐστι οὗτος ὁ τὸ γράμμα σοι δεδωκὼς μέρος δὲ τῆς μονῆς καὶ αὐτὸς εἴποι τις ἂν τὸ κάλλιστόν τε καὶ μέγιστον καὶ τὸν χορὸν τῶν μοναχῶν συμπληρῶν, ὧν ἔνιοι ἐξίασι νῦν κατὰ πρόνοιαν τῶν αὐτόθι τῆς μονῆς κτημάτων... ἀξιῶ οὖν πᾶσαν θέσθαι πρόνοιαν καὶ τῶν ἀδελφῶν καὶ τῶν ὑπὸ τὴν μονὴν κτημάτων, τοὺς μὲν οἰκειωσάμενος, ἐκείνων δὲ ἐπιμελησάμενος, ἔστι δὲ νῦν ὥσπερ πολλὴ ἡ παρὰ πολλῶν ἐπηρεία οὕτως καὶ παντοδαπὴ ἡ βοήθεια, εἰ μὲν οὖν δυνατὸν κατὰ πάντα τὰ μέρη βοήθησον τῇ μονῇ, εἰδ' οὖν κατὰ πλείονα, εἰ δὲ μὴ τοῦτο προχωροίη, ἀλλά γε καθ' ἓν μεγαλοπρεπέστερον δὲ.

[2] Того же сборника письмо № 133. σύ δὲ μοι κατὰ τὰς προτέρας ὑποσχέσεις καὶ ἀξιώσεις πρῶτον μὲν εὐμενέστερον ἰδὲ τὸν καθηγούμενον καὶ οἰκειότερον προσφθέγξαι, ἔπειτα τὴν δυνατὴν δίδου βοήθειαν, τὰ μὲν αὐτόθεν ἐπιμελόμενος τῶν τῆς μονῆς κτήσεων, τὰ δὲ καὶ ἐπαγγελλόμενος, ῥᾶστα δὲ σοι ἄμφω καὶ τὸ παρὸν καὶ τὸ μέλλον, καὶ τὸ φαινόμενον ἡμῶν τὰς ἀκούσεις καὶ τῆς μονῆς ὠφέλειαν, τὸ δὲ γε ἀληθὲς καὶ νοούμενον πρὸς τὴν Θεοτόκον τὴν χάριν διαβιβάζεις καὶ τοὺς ἐν τῇ μονῇ τιμωμένους μάρτυρας, ὧν εἰ μὴ ἐδεήθης ἴσως ποτὲ ἀλλὰ νῦν συντελέσας τι τούτοις ὕστερον δεηθεὶς ἐπικούρους ἕξεις θερμούς.

[3] Ps. V, 456—457.

существенной пользы [1]. Истинная причина была вѣроятно бѣдность монастыря. Мы видимъ, что Пселлъ принималъ не всякій монастырь, но выбиралъ болѣе доходные.

Родители Пселла были совсѣмъ бѣдные люди, не смотря на это оказывается, что уже въ срединѣ царствованія Мономаха, Пселлъ обладаетъ значительнымъ имуществомъ и можетъ дать своей дочери большое приданое. Пселлъ женился на какой-то аристократкѣ и имѣлъ отъ нея дочь Стиліану, умершую въ дѣтствѣ, которой онъ посвятилъ панегирикъ [2]. По смерти дочери, и вѣроятно и жены, Пселлъ удочерилъ одну дѣвочку, что въ Византіи дѣлалось очень легко До временъ Льва Мудраго на усыновленіе дѣтей требовалось разрѣшеніе самого императора, но Левъ Мудрый отмѣнилъ этотъ законъ и постановилъ, что разрѣшеніе можетъ даваться начальствующими лицами, даже областными начальниками. Свою пріемную дочь Пселлъ рѣшилъ выдать замужъ за Ельпидія, сына протоспаѳарія Іоанна Кенхри; не смотря на то что дѣвочкѣ было всего 7 лѣтъ, а жениху только что исполнилось 14. Между Пселломъ и Ельпидіемъ былъ заключенъ договоръ, по которому послѣдній обязывался жениться на его пріемышѣ по достиженіи ею брачнаго возраста, а отецъ дать ему въ приданое 50 литръ золота. Пселлъ дѣйствительно далъ ему 20 литръ золотою монетою (приблизительно 5760 рублей золотомъ), 10 литръ серебромъ и можетъ быть мѣдью или вещами [3], а вмѣсто остальныхъ 20 литръ предложилъ выхлопотать ему чинъ протоспаѳарія, на что Ельпидій согласился. Согласился онъ потому, что до тѣхъ поръ имѣлъ ничтожный чинъ спаѳарія и руги получалъ всего 12 номизмъ въ годъ. Когда же по просьбѣ Пселла онъ былъ произведенъ въ протоспаѳаріи, содержаніе его увеличилось до 72 номизмъ (или литры). Сдѣлка эта клони-

---

[1] Ps. V, 398.

[2] О матери Стиліаны, т.-е. своей женѣ онъ говоритъ въ панегирикѣ: εἶχε μὲν γὰρ τὸ εὐγενὲς μητρόθεν πολύ, βασιλικῶν γὰρ αἱμάτων ῥανίδες ταύτην διέπλαττον, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ προγόνων βασιλεῦσι προσῳκειωμένων καὶ εἰς πατέρας βασιλέων ἀπογραφομένων. Такъ какъ въ панегирикахъ все страшно преувеличивалось, это значитъ только, что жена Пселла считалась родственницей (можетъ быть очень дальней) какой-нибудь императорской фамиліи. Если бы напр. оказалось, что она была въ родствѣ съ Михаиломъ IV, ея даже нельзя было бы назвать аристократкой.

[3] Въ документѣ сказано глухо: τὰς δὲ εἴκοσιν εἴδεσι διαφόροις ἀπαριθμεῖται, что противополагается предыдущему κεχαραγμένον χρυσίον, слѣдовательно вѣроятнѣе всего серебромъ и мѣдью, можетъ быть слитками (Ps. V, 205).

лась къ обоюдной выгодѣ, Ельпидій по молодости лѣтъ не могъ разсчитывать на чинъ протоспаѳарія, развѣ только если бы онъ купилъ его; а Пселлъ могъ выхлопотать этотъ чинъ даромъ и у него оставалось въ карманѣ 20 литръ.

Пселлъ обручилъ свою малолѣтнюю дочь, какъ сказано въ оффиціальномъ документѣ не только потому, что смерть можетъ помѣшать сдѣлать это, когда дѣти выростутъ, но и потому что онъ былъ близокъ къ царю Константину Мономаху, былъ важнымъ сановникомъ и хотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ, зная что обстоятельства могутъ измѣниться [1]. И дѣйствительно онъ воспользовался своимъ положеніемъ: онъ сдѣлалъ жениха своей дочери малымъ царскимъ нотаріемъ въ приказѣ Ἀντιφωνητοῦ и вслѣдъ за этимъ судьей на ипподромѣ. Это должность была немаловажная, такъ какъ судей на ипподромѣ, замѣнившихъ такъ называемыхъ божественныхъ судей временъ Юстиніана, полагалось всего 12 на столицу, въ провинціи ихъ не было и они стояли гораздо выше обыкновенныхъ судей (χαμαιδικασται) [2]. Но Ельпидій оказался недостойнымъ занимаемыхъ имъ должностей и чиновъ, и Пселлъ хлопоталъ о немъ только потому что хотѣлъ приготовить сановнаго мужа своей дочери, Пселлъ старался заинтересовать наукою своего будущаго зятя, хотѣлъ дать ему высшее образованіе и научить философіи. Но молодой Ельпидій чувствовалъ отвращеніе къ книгамъ, предпочитая возиться съ лошадьми и проводить время съ актерами и наѣздниками цирка. Такое распутство очень огорчало Пселла, онъ уговаривалъ зятя выбрать себѣ общество болѣе серіозное и бросить знакомство съ разными шутами и актерами, принадлежавшими къ поддонкамъ общества. Ельпидій не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на увѣщанія будущаго тестя и продолжалъ вести образъ жизни, какой ему нравился. Пселлъ однако надѣялся, что онъ исправится съ годами и не переставалъ хлопотать о его повышеніи по службѣ. По его настоянію императоръ Константинъ Мономахъ назначилъ Ельпидія судьею вила [3]. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ сдѣ-

---

[1] Ps. V, 204—205.

[2] О судьяхъ на ипподромѣ (κριτὴς ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου) см. Zachariä von Lingenthal, Griechisch-Römisches Recht p. 335—336.

[3] Отсюда ясно, что судья вила (κριτὴς τοῦ βήλου) не тоже самое, что судья на ипподромѣ и старше послѣдняго. Но функціи судьи вила намъ неизвѣстны и чаще всего упоминаются въ источникахъ лица, совмѣщавшія обѣ должности и называвшіяся судьями вила и на ипподромѣ. См. указанное мѣсто Цахаріэ. Есть однако печати, на которыхъ владѣлецъ названъ или только судьей

ланъ ѳесмографомъ т.-е. чиновникомъ, составлявшимъ постановленія по приказнымъ дѣламъ, потомъ мистографомъ, старшимъ чиновникомъ, вѣдавшимъ секретныя дѣла приказа, наконецъ эксакторомъ, важнымъ лицомъ въ финансовомъ управленіи, обязанности котораго къ сожалѣнію намъ неизвѣстны въ точности [1].

Надо думать, что Пселлъ обручилъ свою пріемную дочь не позже 1048—1050 г.; трудно предполагать, чтобы Ельпидій сдѣлалъ такую блестящую карьеру меньше чѣмъ въ 5—6 лѣтъ (Мономахъ умеръ въ началѣ 1055 г.). Съ другой стороны мы знаемъ, что родная дочь Пселла Стиліана умерла 9 лѣтъ [2]; если предполагать, что Пселлъ женился рано напр. двадцати лѣтъ, годъ смерти Стиліаны былъ бы 1047 г. Слѣдовательно когда Пселлъ прослужилъ лѣтъ 15, когда онъ занималъ видное мѣсто не болѣе 8 лѣтъ, онъ уже на столько обогатился, что могъ дать въ приданое дочери 30 литръ (8640 рубл.) наличными. По тогдашнему времени это была значительная сумма, и конечно Пселлъ не собирался отдать дочери всего своего капитала. Откуда же взялись у него такія большія деньги?

Едва ли можно думать, что онъ отложилъ ихъ изъ жалованья; жизнь при дворѣ несомнѣнно поглощала содержаніе. Но можетъ быть онъ взялъ за женою большое приданое? Это маловѣроятно, при воцареніи Мономаха онъ былъ несомнѣнно женатъ, а между тѣмъ императоръ подарилъ ему домъ, потому что его обстановка не соотвѣтствовала его положенію. Доходовъ съ монастырей онъ въ то время еще не получалъ, потому что харистикаріемъ еще не былъ. Остается предполагать, что у Пселла были какіе-нибудь побочные доходы. Онъ самъ до нѣкоторой степени указываетъ на источникъ своего обогащенія. Вотъ одно изъ тѣхъ писемъ, которое Пселлъ несомнѣнно скрылъ бы отъ потомства, если бы могъ.

Судьѣ Ѳракисійской ѳемы Ксиру.

Исполняя обязанность справедливаго судіи, ты приказалъ этому нотарію (т.-е. подателю этого письма) прійти изъ столицы въ твою ѳему съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ то, что собралъ, не имѣя на то права.

на ипподромѣ или только судьей вила. См. Schlumberger, Sigillographie de l'empire byzantin p. 521—524.

[1] Никакихъ подробностей о ѳесмографахъ, мистографахъ и эксакторахъ мы не знаемъ. Кое-что объ этихъ должностяхъ можно найти въ словарѣ Дюканжа.

[2] Ps. V, 68.

Однако намъ это приказаніе показалось жестокимъ и суровымъ, ибо не всѣ апостолы и не всѣ пророки или, говоря твоимъ языкомъ, не всѣ Миносы и Радаманѳы, не всѣ неуклонно слѣдуютъ закону. Я знаю, что ты тотчасъ подумалъ въ сердцѣ своемъ. Развѣ ты не часто кричалъ объ этомъ (т.-е. о лихоимствѣ)? Итакъ какъ же тебѣ быть пойманнымъ въ томъ, въ чемъ ты обвиняешь, когда это дѣлаютъ другіе. Слѣдовательно и тотъ на этомъ основаніи долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности. Но теперь ты видишь только одно, что этотъ человѣкъ ушелъ отсюда (т.-е. изъ столицы), ты не думаешь о плачѣ, раздающемся въ его домѣ, о женѣ его, бьющей себя въ грудь, о стонѣ дѣтей. Но ты хорошо знаешь, что ты придалъ дому этого человѣка видъ города взятаго непріятелемъ. Если ты сколько-нибудь желаешь освободить отъ позора не малое число душъ, пришедшихъ въ отчаяніе отъ горя, и мудрымъ лѣкарствомъ затушить плачъ младенцевъ, прекратить стоны женщинъ, спасти его самого погибшаго, умилостивить Бога и оказать намъ услугу, будь для этого человѣка таковъ, какимъ ты часто просишь, чтобы былъ тебѣ Богъ въ день судный. Узнай же отъ насъ правду: большую часть денегъ, съ которыми онъ ушелъ изъ столицы, онъ взялъ у насъ. Возврати его къ намъ въ прежнемъ положеніи такъ, чтобы онъ могъ сейчасъ же отдать мнѣ деньги, данныя ему взаймы [1].

Нотарій, о которомъ хлопочетъ Пселлъ былъ, безъ сомнѣнія, сборщикомъ податей въ Ѳракисійской ѳемѣ. Онъ съумѣлъ собрать съ народа не только законныя подати, но и обложить ихъ незаконными поборами въ свою пользу. Такъ какъ сборщикъ податей былъ человѣкъ бѣдный, Пселлъ снабдилъ его деньгами, съ тѣмъ разсчетомъ, что когда онъ оберетъ плательщиковъ податей, онъ отдастъ ему долгъ и конечно извѣстную часть прибыли. Любопытно, что важный сановникъ рѣшился сознаться въ такомъ неблаговидномъ поступкѣ, надѣясь, что судья не накажетъ лихоимца, когда узнаетъ, что важный сановникъ пострадаетъ отъ правосудія и можетъ обогатиться на счетъ лихоимства. Любопытно также, что самую элементарную справедливость и соблюденіе закона Пселлъ считаетъ недостижимымъ свойствомъ апостоловъ и идеально честныхъ людей.

До насъ дошло еще письмо Пселла, набрасывающее сильную тѣнь на его нравственность. Это письмо къ митрополиту Солунскому бывшему раньше учителемъ риторики. Текстъ его испорченъ и первымъ издателемъ Тафелемъ не исправленъ, а латинскій переводъ

[1] Ps. V, 279—280.

приложенный въ Патрологіи или прямо не вѣренъ или не точенъ; тѣмъ не менѣе общій смыслъ ясенъ.

Письмо начинается словами: „тебѣ необходимо знать, любезнѣйшій другъ, что такое клятва, что такое правда, что такое законъ дружбы и что такое священный законъ".

Далѣе онъ пишетъ: чѣмъ больше ты углубляешься въ софистику, тѣмъ больше ты отступаешь отъ священной философіи (т.-е. отъ того что прилично твоему сану). Не скажу, что ты говоришь, какъ Критянинъ съ Критяниномъ (какъ гласитъ пословица) [1]. Ибо я не Критянинъ и быть имъ не желаю. Но ты говоришь какъ риторъ съ философомъ, знающимъ и твое искусство, но желающимъ разсуждать философски, а не софистически. Я коротко обсужу твое письмо, которымъ какъ ты думаешь, ты вполнѣ уплатилъ намъ долгъ. Не есть уплата долга, разумнѣйшій, на словахъ выражать свою благодарность, на дѣлѣ же не дѣлать ничего изъ обѣщаннаго. Это обманъ и не укрѣпленіе дружбы, а ея уничтоженіе. Если бы ты въ то время, какъ занималъ каѳедру риторики обѣщалъ ученикамъ раскрыть имъ тайны своего искусства, а вмѣсто того открылъ бы имъ мастерскую для какого-нибудь ремесла, развѣ тебя не обвинили бы въ обманѣ? Думаешь ли ты что избѣжишь обвиненія, если дашь намъ вмѣсто вещи ея идею (εἴδωλον). Я не успокоюсь въ тѣни твоего письма, но только въ свѣтѣ правды (т.-е. ты не можешь успокоить меня обѣщаніями, я буду требовать своего). Если бы ты далъ мнѣ вмѣсто малоизвѣстнаго Добросанта (?) Елисейскія поля, развѣ я могъ бы ими пользоваться?

Пселлъ прибавляетъ иронически, что онъ со своей стороны готовъ подарить митрополиту островъ Ѳулу, Западный океанъ, Каспійское море. Въ заключеніе онъ пишетъ: если хочешь исполнить данное намъ обѣщаніе на дѣлѣ, а не только на словахъ утверди за нами даръ. (Εἰ μὲν βούλει τὰ τῆς πρὸς ἡμᾶς ἐπαγγελίας πληροῦν ἐν πράγμασιν ἡμῖν, ἀλλὰ μὴ ἐν ὀνόμασι κύρου τὴν δωρεάν) [2].

Въ другомъ письмѣ къ тому же митрополиту Пселлъ говоритъ ему: „помни наши условія и что ты кромѣ того поклялся Богомъ; если и можно разрѣшать отъ клятвы, я не стану тебя разрѣшать отъ нея" [3].

---

[1] Πρὸς Κρῆτα κρητίζεις, пословица, означавшая: ты лжешь человѣку, который тоже лжетъ. Macarii centuria VII, 35: ἐπὶ τῶν πρὸς τοὺς ὁμοίους ψευδομένων. Apostolii centuria XV, 1a: ἀντὶ τοῦ πρὸς ψεύστην ψεύδεσι χρῆται (Corpus paroemiographorum graecorum ed. Leutsch t. II).

[2] Migne, patrol. t. 122, p. 1165–1170.

[3] Migne, t. 122, p. 1165.

Мы видимъ, что Пселлъ считалъ митрополита своимъ должникомъ, что послѣдній не исполнялъ своего обѣщанія, а Пселлъ называлъ его обманщикомъ и требовалъ, чтобы обѣщаніе было исполнено. Что обѣщалъ митрополитъ, трудно сказать утвердительно, но по всей вѣроятности или дать какой-нибудь монастырь въ харистикію или подарить имѣніе. Пселлъ не проситъ, а требуетъ, потому что у него съ митрополитомъ было заключено условіе, скрѣпленное клятвою. Конечно онъ требовалъ вознагражденія за какую-нибудь услугу. Услуга эта заключалась по всей вѣроятности въ томъ, что при содѣйствіи Пселла бывшій преподаватель риторики получилъ солунскую митрополію. На это есть намекъ въ первомъ письмѣ: „съ удовольствіемъ спрашиваю тебя, говоритъ Пселлъ, какое бы ты пріобрѣлъ владѣніе, если бы я не содѣйствовалъ этому дѣлу“? Хотя не ясно, о какомъ владѣніи идетъ рѣчь, тѣмъ не менѣе вѣроятнымъ кажется, что это намекъ на назначеніе митрополитомъ.

Итакъ Пселлъ умѣлъ извлекать выгоды изъ своего положенія, онъ доставалъ мѣста не безкорыстно, а требовалъ за это вознагражденія, онъ входилъ въ компанію съ лихоимцами и не считалъ лихоимство порокомъ, а только естественною и простительною слабостью несовершенной человѣческой природы.

Разъ коснувшись семейныхъ дѣлъ Пселла, замѣчу кстати, что въ это время были живы его родители. Послѣ смерти дочери они оба удалились въ монастырь и жили монахами, не постригаясь. Раньше умеръ отецъ Пселла, и Ѳеодота стала предаваться подвижничеству, изнуряя свою плоть постомъ и молитвою. Предъ самою смертію приняла она схиму; умерла она позже царствованія Константина Мономаха, какъ видно изъ Пселлова панегирика матери [1].

Партія Лихуда, бывшая много лѣтъ въ большой силѣ, потеряла свое значеніе къ концу царствованія Мономаха. Лихудъ, Ксифилинъ, Мавроподъ пали жертвою какой-то интриги и были отставлены отъ должностей. Дѣло началось съ Лихуда, бывшаго, какъ я уже говорилъ всесильнымъ временщикомъ. Нашлись люди, относившіеся къ нему съ завистью и враждою, которые стали наговаривать на него императору и нашептывали ему, что какой же онъ самодержецъ, когда го-

[1] Г. Скабалановичъ подробно описываетъ подвижничество Ѳеодоты (Виз. гос. и церк., стр. 441), но разсказъ его представляется мнѣ значительно преувеличеннымъ, потому что онъ основанъ исключительно на панегирикѣ Пселла. Для автора панегирика достаточно было того факта, что Ѳеодота жила въ монастырѣ, чтобы сдѣлать изъ нея чуть ли не святую.

сударствомъ управляетъ Лихудъ. Послѣдній дѣйствительно служилъ помѣхой царю не смотря на всю неограниченность его власти, не позволяя ему силою своего вліянія предаваться разнымъ безумнымъ и разорительнымъ для государства потѣхамъ. Съумѣли задѣть за живое самолюбіе Мономаха, указывая, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать то или иное, а Лихудъ не позволяетъ ему. Тогда императоръ, по словамъ Пселла, сталъ завидовать министру, пользовавшемуся царскою властью, и пожелалъ стать фактически императоромъ, не для того чтобы привести государство въ лучшее положеніе, а чтобы приводить въ исполненіе всѣ свои желанія. Замѣтивъ, что отношеніе императора къ Лихуду измѣнилось, Пселлъ счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ послѣдняго. Но Лихудъ отвѣтилъ ему на это очень гордо, что добровольно онъ отъ своего мѣста не откажется, а если его отставитъ императоръ, онъ сожалѣть объ этомъ не будетъ. Вскорѣ послѣ этого Мономахъ разсердился за что-то на Лихуда и отставилъ его. Этотъ монархъ какъ человѣкъ ограниченнаго ума и несдержанный, когда любилъ кого все позволялъ ему, а когда на кого сердился, то не зналъ удержу и дѣйствовалъ какъ тиранъ. Поэтому и паденіе Лихуда было полное; сначала онъ стоялъ во главѣ государства, потомъ потерялъ и мѣсто и значеніе и по всей вѣроятности удалился изъ столицы [1].

Съ паденіемъ Лихуда потеряла свое значеніе и партія его приверженцевъ Мавропода, Ксифилина и Пселла. Противъ Ксифилина началъ интриговать нѣкто Офрида, безумный старикашка, по выраженію Пселла, занимавшій должность судьи въ началѣ XI вѣка [2]. Этотъ Офрида желалъ занять мѣсто номофилакса, т.-е. профессора юридической школы [3]. Поэтому онъ написалъ памфлетъ, которымъ старался повредить Ксифилину. Онъ доказывалъ, что Ксифилинъ не способенъ занимать мѣсто номофилакса, потому что онъ глупъ и необразованъ, что онъ слишкомъ молодъ, чтобъ быть руководителемъ молодежи, что онъ автодидактъ, научился праву самъ или что тоже самое нигдѣ и ни у кого не учился, кромѣ того дѣлались намеки на незаконныя дѣйствія Ксифилина. Памфлетъ этотъ имѣлъ успѣхъ [4], па

---

[1] Ps. IV. 189—190, 405.

[2] Судья Офрида упоминается нѣсколько разъ въ Пирѣ, сборникѣ начала XI вѣка.

[3] Ps. V, 191. ὅθεν δῆλον, ὡς τοῦ θρόνου τούτῳ ἐβάσκηνας... ἐβούλου γὰρ αὐτὸς προκαθῆσθαι τοῦ βήματος καὶ τὴν νομικὴν ἐπιδείξασθαι τέχνην, ὅση τε καὶ ἥτις ἐστιν.

[4] Ps. V, 192. καντεῦθεν ἡ βασκανία χώραν λαβοῦσα μετὰ συνηγόρων ἐπισυνέστη τῷ νομοφύλακι.

сторонѣ интригана Офриды оказались и другія лица, также враждебно относившіяся къ Ксифилину; поэтому Пселлъ счелъ нужнымъ написать длинную апологію въ защиту своего друга [1]. Онъ старался доказать всю лживость памфлета Офриды. Если бы дѣйствительно Ксифилинъ совершилъ разныя преступленія, его надо было привлечь къ суду; но Офрида выбралъ иной путь, онъ дѣйствовалъ интригой, изъза угла, онъ клеветалъ, обвинялъ, не давая возможности защищаться. Не обращаются къ суду только сумасшедшіе или тѣ, которые боятся, что на судѣ обнаружится ихъ преднамѣренная ложь. Нельзя называть глупымъ и необразованнымъ человѣка, изучившаго грамматику, правописаніе, риторику, философію? Развѣ онъ не доказалъ своимъ преподаваніемъ и сочиненіями основательное знаніе юриспруденціи, прекрасно истолковывая самыя затруднительныя и темныя мѣста свода законовъ. Въ то время какъ Офрида, роясь въ сводѣ, съ трудомъ находилъ два-три параграфа, Ксифилинъ могъ процитировать цѣлые титулы. Молодость можетъ служить только къ похвалѣ Ксифилина, доказывая его талантливость; развѣ можно питать особенное уваженіе къ Офридѣ за то, что онъ доживъ до сѣдыхъ волосъ, знаетъ законы о приданомъ? Кто бранитъ Ксифилина, тѣмъ самымъ бранитъ императора; онъ не самовольно занялъ каѳедру, его назначилъ императоръ, можно даже сказать принудилъ его противъ желанія принять это мѣсто. Такимъ образомъ брань Ксифилина скорѣе всего относится къ императору [2]. Пселлъ не ограничился защитою Ксифилина, онъ позволилъ себѣ и злыя насмѣшки надъ Офридою. „Это ты то, говоритъ онъ ему напр., прекрасно знаешь законы и умѣешь ихъ истолковать, ты надъ которымъ всѣ смѣялись, когда ты забавлялся со скоморохами и мимами, ты, который на судѣ почесывалъ себѣ при всякомъ случаѣ бороду, быстро все забывалъ, затѣмъ въ изумленіи молчалъ, стараясь какъ-нибудь припомнить законы“!

Интрига противъ Ксифилина возъимѣла свое дѣйствіе и не ограничивалась памфлетомъ и сплетнями, распускавшимися по городу. Нашелся человѣкъ—можетъ быть тотъ же Офрида или кто другой—

---

[1] Ps. V, 181—196.

[2] Ps. V, 192. πῶς δὲ καὶ τοῦτο διέλαθεν ἐν μέσῳ προκείμενον, ὡς διὰ μέσου τοῦ νομοφύλακος ὁ ψόγος πρὸς τὸν ψηφισάμενον ἀναφέρεται; εἰ μὲν γὰρ ἄνευ ψήφου καὶ συναινέσεως, οἷα δὴ τύραννος οὗτος πολιορκήσας τὰ κοινὰ, τοῦ διδασκαλικοῦ θρόνου ἐκράτησεν, εἶχεν ἄν σοι λόγον ὁ λόγος. ἐπεὶ δὲ μᾶλλον οὗτος ἐτυραννήθη, δεδόσθω γὰρ οὕτω λέγειν τοῦ βασιλέως καταναγκάσαντος, οὐ μᾶλλον ἐκείνου ὁ ψόγος ἢ τοῦ νομοφύλακος ἅπτεται.

съумѣвшій наговорить императору на Ксифилина, и такъ успѣшно, что самъ былъ удостоенъ царскихъ милостей. Это страшно разсердило Ксифилина, онъ не сдерживался, бранилъ императора за то, что онъ повѣрилъ клеветнику. Интрига эта коснулась до нѣкоторой степени Пселла, потому что, по всей вѣроятности, интриганы желали уничтожить всю партію Лихуда, но Пселлъ велъ себя при этомъ иначе, чѣмъ его другъ Ксифилинъ, онъ относился съ презрѣніемъ къ клеветѣ, не бранился и старался сохранить хорошія отношенія съ императоромъ. Наконецъ интриганы нанесли рѣшительный ударъ Ксифилину, онъ впалъ въ немилость, былъ вѣроятно лишенъ должностей и рѣшился постричься [1].

Когда Ксифилинъ и Пселлъ убѣдились, что ихъ партія съ каждымъ днемъ слабѣетъ, что императоръ выгоняетъ со службы то одного, то другаго изъ ихъ приверженцевъ и имъ грозитъ то же самое, они разсудили, что и имъ лучше всего оставить службу. Друзья дали другъ другу слово выйти въ отставку и постричься. Ксифилинъ тотчасъ же приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе, подъ предлогомъ болѣзни онъ проситъ у императора позволенія постричься и, получивъ позволеніе, удалился въ одинъ изъ монастырей на мало-азіятскомъ Олимпѣ. Пселлъ же медлилъ исполнить свое обѣщаніе. Съ одной стороны онъ чувствовалъ, что ему необходимо исполнить клятвенное обѣщаніе, данное другу, въ особенности же потому, что императоръ къ нему измѣнился, съ другой же стороны хотя вся его партія потеряла вліяніе и онъ чувствовалъ себя одинокимъ, онъ лично все еще былъ въ сносныхъ отношеніяхъ съ императоромъ и при такихъ условіяхъ ему не хотѣлось еще разставаться съ придворною жизнью и стать затворникомъ, что представлялось ему очень непривлекательнымъ [2].

По отношенію къ своему другу Ксифилину онъ сыгралъ нѣсколько двусмысленную роль. Онъ пишетъ Ксифилину, уже удалившемуся на Олимпъ: я постоянно съ тобою, мой желанный другъ. Если Богъ раньше принялъ тебя, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ отвергъ насъ, ибо онъ призвалъ всѣхъ не въ одно и то же время на работу въ виноградникъ, но нѣкоторые были призваны и въ одиннадцатый часъ. Я же можетъ быть былъ призванъ въ третій часъ, и хотя не отправил-

---

[1] Ps. V, 436. εἶτα δεύτερον τι χαλεπὸν προσκεκρούκει ταυδρί καὶ τρίτον ἄλλο καὶ ἐπὶ τούτοις ἕτερον. αἱ πληγαὶ δὲ καὶ τὰ βέλη οὐ πάντα ὀπίσθια, ἀλλ' ἦν ἃ καὶ ἐμπρόσθια, καὶ ἵν' οὕτως εἴποιμι ἐπιστήθια. Подобныя слова въ панегирикѣ заключаютъ кажется намекъ, что Ксифилинъ былъ лишенъ мѣста.

[2] Ps. IV, 435—437.

ся тотчасъ, все же не отвергъ призыва и не отдалъ предпочтенія ни женѣ, ни только что пріобрѣтенному полю, но я только надѣну туфли и тотчасъ же пущусь въ путь [1].

Въ другомъ письмѣ Ксифилину онъ пишетъ: придворная жизнь и блескъ дворца не особенно прельщаютъ меня. Ибо во дворцѣ я представляю изъ себя скверный и дешевый камень, придѣланный къ цѣннымъ камнямъ, меня не украшающимъ, но оскорбляющимъ. Когда бѣлое лежитъ рядомъ съ чернымъ, бѣлое кажется бѣлѣе, черное чернѣе. Самодержецъ ставитъ меня подлѣ своего трона и оказываетъ высшія почести, но подходить къ монарху вселенной, это по моему отходить отъ перваго Царя, сближаться съ первымъ, это значитъ отступать отъ втораго. Еслибы меня не утѣшало чтеніе философскихъ книгъ и разговоры съ любителями наукъ, я считалъ бы свое положеніе полнымъ отсутствіемъ всего хорошаго. Я еще не порвалъ всѣхъ связывающихъ меня нитей, говоритъ онъ дальше, однѣ можетъ быть и порваны, другія самыя крѣпкія не рвутся. Если мнѣ удастся избѣжать сиренъ и уплыть далеко, я сочту это блаженствомъ, если же нѣтъ, я проживу еще здѣсь нѣкоторое время, заткнувъ уши воскомъ, чтобы не слышать ихъ пѣнія. Ибо разсказъ Гомера очень вѣренъ, дѣйствительно онѣ удерживаютъ и губятъ насъ музыкальными приманками [2].

Изъ этого письма видно, что Пселлъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ; его смущало больше всего то, что кругъ приближенныхъ къ царю измѣнился, это уже не были его друзья, а скорѣе враги. Но въ то же время императоръ сохранилъ еще къ нему нѣкоторое расположеніе; вотъ почему онъ медлилъ и все еще не рѣшался промѣнять придворную жизнь на душную келлію. Онъ чувствовалъ однако, что въ концѣ концовъ его одолѣютъ враги и волей неволей ему придется покинуть дворецъ. Поэтому онъ дѣйствительно собирался на Олимпъ. „Я не успокоюсь, пишетъ онъ одному анонимному лицу, отсовѣтовавшему ему постригаться, пока не освобожу ногъ отъ земныхъ оковъ и не удалюсь на святую гору Олимпъ“ [3].

Съ удовольствіемъ принялъ я, честной отецъ, плоды, пишетъ онъ одному монаху, жившему на Олимпѣ, и посланнаго тобою монаха, съ удовольствіемъ, потому что люблю тебя, съ удовольствіемъ, потому что живу твоими молитвами. Больше важныхъ и утонченныхъ людей

---

[1] Ps. V, 270.
[2] Ps. V, 271.
[3] Ps. V, 344.

я люблю такихъ простыхъ старцевъ, какъ ты, у которыхъ языкъ говоритъ тоже, что сердце, писаніе которыхъ хотя простое, но духовное. Вѣрь мнѣ, честной отецъ, что хотя я слышалъ много мудрыхъ рѣчей и читалъ много книгъ, ничто не доставляло мнѣ столько удовольствія, сколько твоя хоть и простая, неизысканная рѣчь, но за то духовная и чистая. Прельщаетъ меня безъискусственная монашеская жизнь, я прельщаюсь вами, святыми отцами, и я не умру, чтобы не пожить съ вами“ [1].

Въ самомъ концѣ царствованія Мономаха Пселлъ очень опасно заболѣлъ и думалъ, что не встанетъ. Тутъ-то кажется онъ окончательно рѣшился постричься, если встанетъ съ постели. Императоръ не забывалъ Пселла во время болѣзни, онъ написалъ ему письмо въ которомъ утѣшалъ его и предсказывалъ скорое выздоровленіе. На это письмо Пселлъ оправившись отъ болѣзни отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ.

„Кто уподобится тебѣ, царь? Какой земной богъ сравнится съ тобою, моимъ царемъ и Богомъ? Поистинѣ добродѣтель твоя покрыла небеса, и хваленія твоего нѣсть числа. Развѣ ты не понимаешь, божественный царь, на какую высоту поднялъ тебя Богъ, развѣ ты не сознаешь, что вся вселенная обращаетъ взоры на тебя одного, могущаго спасти, предѣлы земли подчиняются твоей державѣ, боятся и страшатся тебя? Но находясь на столь возвышенной и безпредѣльной высотѣ, ты обращаешь взоры и на насъ стоящихъ внизу и жалкихъ, которыхъ ты самъ создалъ, оживотворилъ и одушевилъ своимъ духомъ. Но поистинѣ ты подражаешь своему Богу и Царю, ради насъ сошедшаго съ неба, взявшаго на себя наши грѣхи, исцѣлившаго болѣзни, собственными ранами излѣчившаго наши раны. Ибо развѣ и ты не нисходишь къ намъ, какъ бы съ неба, съ высоты твоего царства, и исцѣляешь наши недуги наложеніемъ рукъ, молитвами и умилостивительными прошеніями къ Богу, а также единымъ словомъ, какъ твой Іисусъ?

Нѣтъ въ этомъ ничего удивительнаго, ибо, глядя на примѣръ царствующаго надъ тобой, ты дѣлаешь свою душу Ему подобной. Но Ему служили ангелы восходя и нисходя, какъ говоритъ священное Евангеліе, и принося отъ Отца рѣшенія на Его просьбы; тебѣ же, твоимъ молитвамъ и прошеніямъ вѣрнѣйшій ходатай и предстатель украсившая женскій родъ и избавившая родъ человѣческій отъ грѣха Евы,

[1] Ps. V, 262.

чистою вѣрою въ Бога, неподдѣльною надеждою, божественною любовію превзошедшая добродѣтель не только женскаго рода, но и мущинъ. Кто же эта такая? Не даромъ получившая свое имя Зоя и жившая по Богу и намъ всѣмъ подававшая жизнь. Чрезъ нее, о царь, ты оживотворяешь и воскрешаешь насъ почти погребенныхъ и укрѣпляешь надежду на лучшее.

Меня, отказавшагося отъ жизни вслѣдствіе болѣзни, ты неожиданно излѣчилъ, сказавъ мнѣ слова Бога: „сія болѣзнь нѣсть къ смерти“ (Ев. отъ Іоанна, гл. 11, ст. 4). Услышавъ это, я призвалъ къ себѣ силу и получивъ увѣренность (что буду жить) всталъ съ ложа, какъ лежавшій четыре дня въ гробу Лазарь, и я ожилъ и сталъ крѣпкимъ, и много смѣялся надъ отказавшимися отъ меня врачами.

Что я же сдѣлалъ, царь? Я тотчасъ же опять обратился къ книгамъ, забывъ обо всѣхъ своихъ клятвахъ. Ибо что же мнѣ дѣлать другаго? Для нихъ избранъ я и для нихъ явился на свѣтъ.

Я постоянно бесѣдую съ книгами, чтобы пріобрѣсти достаточную силу для похвалъ и панегириковъ тебѣ; ибо хотя я во многихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ говорилъ о твоихъ добродѣтеляхъ, я не сказалъ ничего, что стояло бы на высотѣ твоихъ качествъ.

Но что я это говорю, представляя себѣ твое лицо только въ воображеніи? Когда же я пойду и увижу лицо господина моего? Когда услышу златой языкъ? Когда увижу свѣтлое сіяніе твоихъ очей? Завтра? Но этого долго ждать, велико разстояніе, день кажется мнѣ цѣлою вѣчностію. Но я облегчу свое страданіе, поставивъ предъ собою твое изображеніе. Я услышу тебя говорящаго, постоянно читая сочиненіе о схедахъ, мнѣ будетъ казаться, что они доходятъ до моего слуха изъ твоихъ устъ. Что въ немъ не красиво, что не гладко, что не радуетъ души? Какая же въ немъ земная, непонятная мысль? Развѣ не все преисполненно весенней красоты? не все блеститъ прелестью? Развѣ не все принадлежитъ твоему языку, которому мысленныя пчелы приносятъ медъ рѣчи?

Это пишу тебѣ я отчаявшійся тогда въ жизни, сокрушенный и вмѣстѣ съ тѣмъ воскрешенный тобою. Ты сказалъ мнѣ: „мужайся, ты нынѣ не умрешь, а господинъ вселенной сказалъ и скажетъ тебѣ безъ „нынѣ“: мужайся, ты не умрешь, и ты не умрешь, о царь! ибо праведные живутъ во вѣки. Нѣкогда чрезъ много лѣтъ, послѣ безчисленной смѣны поколѣній, ты возстанешь предъ создавшимъ тебя Богомъ, ты будешь съ приснопамятной Зоей въ безконечной жизни, узришь благая вышняго Іерусалима, незримое для глазъ, услышишь неслышное для уха, сопричисленный къ ангеламъ, сопричтенный къ апосто-

ламъ, будешь пѣть божественную пѣснь и возносить Богу трисвятую пѣсню“ [1].

Изъ этого письма видно, что Пселлъ не порвалъ сношеній съ дворомъ, какъ сдѣлали его единомышленники Лихудъ и Ксифилинъ, и продолжалъ подслуживаться къ императору. Пселлъ объявилъ наконецъ Мономаху о своемъ намѣреніи постричься. Царь, любившій Пселла какъ пріятнаго и льстиваго собесѣдника, не желалъ лишаться его общества, а потому старался отговорить его и даже разсердился на него. Пселлу удалось какъ-то убѣдить императора, послѣдній преложилъ гнѣвъ на милость, далъ ему разрѣшеніе постричься. Пселлъ дѣйствительно исполнилъ свое намѣреніе, постригся и получилъ имя Михаила, но вмѣстѣ съ тѣмъ не покидалъ столицы, гдѣ оставался до смерти Мономаха (11 января 1055 г.). Поправившись отъ болѣзни, онъ выпросилъ у царя послѣднюю милость, именно, чтобы жениху его дочери Ельпидію Кенхри былъ данъ чинъ патрикія; императоръ хоть и неохотно согласился однако на это. Изъ этого видно, что несмотря на паденіе партіи Лихуда, Пселлъ съумѣлъ сохранить хорошія отношенія съ императоромъ [2].

Вслѣдъ за смертію Константина Мономаха Пселлъ удалился на малоазіятскій Олимпъ.

---

[1] Ps. V, 359—362.

[2] О постриженіи Пселла мы знаемъ только то, что сообщаетъ онъ самъ, въ своихъ мемуарахъ (Ps. IV, 194—198) и панегирикѣ Ксифилину (Ps. IV, 437—441). Далеко не всему можно вѣрить. Въ мемуарахъ онъ говоритъ, что его побудило постричься влеченіе къ монашеской жизни, испытываемое имъ съ ранней молодости, а также внезапная перемѣна обстоятельствъ (ἡ ἀθρόα τῶν γινομένων μεταβολή). Въ первомъ позволительно сомнѣваться: какъ увидимъ, Пселлъ оставался придворнымъ и въ монашеской рясѣ. Онъ говоритъ, что заболѣвъ объявилъ императору свое рѣшеніе постричься; послѣдній старался отговорить его и писалъ ему такія письма, что онъ не могъ читать ихъ безъ слезъ, но несмотря на это остался глухъ къ просьбѣ императора. Тогда послѣдній сталъ грозить ему, угрожая причинить много зла не только ему лично, но и всему его семейству (πᾶσαν ἐπενεγκεῖν συμφορὰν οὐκ ἐμοὶ μόνῳ, ἀλλὰ ξύμπαντι τῷ γένει). Несмотря на это Пселлъ постригся, узнавъ объ этомъ, императоръ не сердится на него, а напротивъ хвалитъ его за твердость характера. Вѣроятно Пселлъ преувеличиваетъ здѣсь недовольство императора, едва ли онъ рѣшился бы идти прямо противъ желанія царя; этому противорѣчитъ вышеприведенное письмо. Въ концѣ разсказа о своемъ постриженіи Пселлъ говоритъ, что постригся потому, что императоръ скоро мѣнялся къ людямъ и онъ боялся

ГЛАВА III.

Государственная дѣятельность Пселла въ царствованіе Ѳеодоры, Михаила VI и Исаака Комнина (1055—1059).

Послѣ смерти Константина Мономаха Пселлъ дѣйствительно удалился на малоазіятскій Олимпъ. Онъ поселился въ монастырѣ, посвященномъ Богородицѣ, носившемъ названіе очень распространенное и въ современной Греціи „Красивый Источникъ“. Монастырь этотъ былъ построенъ въ складчину нѣкіимъ монахомъ Николаемъ въ концѣ царствованія Василія II или вскорѣ послѣ смерти этого императора. Въ то время какъ Пселлъ жилъ въ этой обители игуменомъ былъ ея строитель Николай [1].

подобной измѣнчивости. Изъ послѣднихъ словъ ясно, что императоръ измѣнился къ нему.

Въ мемуарахъ онъ скрываетъ, что не ушелъ на Олимпъ до смерти Мономаха, но сообщаетъ это въ панегирикѣ Ксифилину: ὅρον μὲν οὖν τῷ βασιλεῖ ὁ βίος εἰλήφει... ἐμοὶ ἐπίτασιν ὁ τῆς ἀναχωρήσεως ἔρως ἐγένετο (Ps. IV, 441). Въ панегирикѣ есть подробности, которымъ нельзя вѣрить. Мономахъ приказалъ Пселлу отговорить Ксифилина постригаться, на что тотъ отвѣтилъ будто бы: поручи это другому, царь, такъ какъ мы поклялись другъ другу постричься. На такія слова императоръ такъ разсердился, что Пселлъ ожидалъ, что его сейчасъ же выгонятъ изъ дворца. Тутъ же говорится, что Пселлъ искалъ предлога постричься, и болѣзнь его была будто только предлогомъ, такъ какъ она не была серіозна.

Въ судебномъ приговорѣ объ уничтоженіи обрученія Ельпидія съ дочерью Пселла на основаніи показанія Пселла говорится, что когда онъ былъ при смерти онъ рѣшился постричься, и выздоровѣвъ выпросилъ чинъ патрикія Ельпидію. Ps. V, 206—207. νόσος αἱρεῖ τὸν βεστάρχην, ἥτις αὐτὸν ἐπὶ τὸν θάνατον ἤπειγεν. ὁ δὲ εὐθύς μεταβολῆς γε ἐμέμνητο... καὶ πρὸς τὴν μοναδικὴν διατριβὴν μετατίθεται. ἐπεὶ δέ τι βραχὺ τῆς νόσου ἐράϊσε καὶ ὁπόσα βούλοιτο τοῦ βασιλέως δόντος αἰτήσασθαι, ἓν τοῦτο μόνον ἠτήσατο τὸν Ἐλπίδιον εἰς τὴν τοῦ πατρικίου ἀναχθῆναι περιωπήν.

[1] Эти новые факты извлечены мною изъ неизданнаго панегирика Пселла игумену Николаю, сохранившагося въ одномъ ватиканскомъ кодексѣ (Cod. Vaticanus 672 fol. 77—96) подъ заглавіемъ: τοῦ αὐτοῦ ἐγκώμιον εἴς τινα Νικόλαον μοναχὸν γενόμενον ἡγούμενον τῆς ὡραίας πηγῆς. Этотъ ватиканскій кодексъ описанъ въ моихъ матеріалахъ для Исторіи виз. имп. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г. мартъ). Нельзя сказать опредѣленно, когда былъ построенъ монастырь Краснваго Источника; Пселлъ сообщаетъ, что начало подвижничества Ни-

При постриженіи Пселлъ получилъ имя Михаила, какъ онъ самъ себя называетъ въ нѣсколькихъ письмахъ и какъ называется въ большинствѣ сочиненій.

Пселлъ прожилъ очень недолго на Олимпѣ по всей вѣроятности нѣсколько мѣсяцевъ. Монашеская жизнь была ему не по душѣ, его звала къ себѣ императрица, къ тому же его безпокоило поведеніе жениха его дочери, поэтому онъ покидаетъ Олимпъ и направляется въ Константинополь. Съ монахами на Олимпѣ онъ кажется перессорился; одинъ изъ нихъ монахъ Іаковъ написалъ на него слѣдующее четверостишіе:

Ω δέσποτα Ζεῦ, καὶ πάτερ καὶ
ὀβριμοβουγάϊε καὶ βαρυβρεμων
Ὄλυμπον οὐκ ἤνεγκας κἂν βραχὺν χρόνον,
οὐ γὰρ παρῆσαν αἱ θεαί σου, Ζεῦ πάτερ
т.-е. о владыка Зевсъ, отецъ,
хвастающійся своей силой и сильно гремящій
ты не вынесъ Олимпа даже въ теченіе короткаго времени,
ибо тамъ не было твоихъ богинь, отецъ Зевсъ [1].

Авторъ намекаетъ, что Пселлъ ушелъ съ Олимпа, потому что тамъ не было его богинь, т.-е. императрицы; можетъ быть въ этихъ двусмысленныхъ словахъ заключается еще болѣе грязный намекъ.

колая относится къ царствованію Василія Македонянина, сына Романа, т.-е. Василія II, о построеніи монастыря говорится вслѣдъ за тѣмъ фактомъ, что Николай былъ вызванъ въ Константинополь Василіемъ II, а далѣе рѣчь идетъ уже о Константинѣ Мономахѣ. Привожу нѣкоторыя мѣста изъ неизданнаго Панегирика.

Fol. 78. ἐγωγ' οὖν καὶ πάσαις μὲν ταῖς τῶν ἁγίων μνήμαις ὡς ἥδιστα συναγαλλόμενος... μάλιστα δὲ τοῖς τοῦ πατρὸς ἡμῶν Νικολάου τοῦ τὸν μοναστικὸν βίον εἰς ἄκρον ἀσκήσαντός τε καὶ κατορθώσαντος εὐφραίνομαι διηγήμασιν, ὅτι τῷ καθ' ἡμῶν βιῳ, ταῖς τῶν καλῶν ἀκτῖσι διέλαμψεν... ὡς ὑπὸ τὴν ἐκείνου ποιμαντικὴν ἐπιστήμην γεγένημαι καὶ βραχεῖα μερὶς τοῖς ἐκείνου λογικοῖς θρέμμασι...

Fol. 86. ὅδε τῷ πρὸς ἀνατολὰς ὄρει προβὰς τούτῳ δὴ τῷ θείῳ καὶ ἡμετέρῳ φροντιστηρίῳ, ὃ δὴ κατ' ἐξαίρετον οἱ τῶν μοναχῶν λογάδες οἶμαι Ὄλυμπον ὠνομάκασιν...

Fol. 92. ἐκεῖσε δεῖν ἔγνω ἐδράζειν τὸ, φροντιστήριον καὶ τῇ ὀφθείσῃ Παρθένῳ καὶ Θεομήτορι τὸν ναὸν ἐγείρειν καὶ ὡραίαν ὀνομάζειν πηγήν. Николай построилъ монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась ему Богородица.

[1] Ps. V, 177.

На эту эпиграму Пселлъ отвѣтилъ неприличнымъ канономъ Іакову, составленнымъ по правиламъ церковныхъ пѣснопѣній; канонъ раздѣленъ на восемь пѣсенъ, пѣсня на стихиры, а начальныя буквы стихиръ составляютъ акростихъ Μέθυσον Ἰάκωβον εὐρύθμως ᾄδω, Κωνστας т.-е. пьяницу Іакова по правиламъ искусства воспѣваю я Константъ [1]. Содержаніе этого канона чрезвычайно скудно, оно сводится къ словамъ: ты пьяница; удивительно, какъ Пселлъ съумѣлъ повторить 32 раза туже мысль все въ разной формѣ. Приведу нѣсколько стихиръ, чтобы читатель имѣлъ понятіе, какъ грубо умѣлъ выражаться византійскій придворный, когда считалъ это возможнымъ.

„Упавъ навзничь на свое ложе, обнаживъ грудь, шею и бедро до половыхъ частей ты крѣпко пьешь; можетъ быть ты и πέρδεις, Іаковъ и тотчасъ же выпускаешь, что входитъ, и сквернымъ образомъ выводишь, что вобралъ въ себя".

„Не входи въ мои виноградники, отецъ Іаковъ, не срѣзай у меня лозы, не выжимай у меня винограда, ибо ты какъ сухая губка вбираешь въ себя вино всѣми частями своего тѣла".

„Лежа на ложѣ всю ночь ты служишь свой канонъ, Іаковъ, радуясь умерщвленію плоти (τῇ ἀσκήσει τῆς σαρκός); ибо предпочитая мѣха, чаши и кубки, ты пьешь цѣлую ночь и хвастаясь говоришь: я не примѣшалъ къ вину воды, какъ дѣлаютъ трактирщики, ни горячей ни холодной, я пью его несмѣшаннымъ".

Въ связи съ этимъ находится по всей вѣроятности письмо Пселла къ монаху Феревію. Это отвѣтъ на письмо Феревія къ Пселлу съ надписью „отъ человѣка преданнаго Богу человѣку Богу не преданному" (τῷ μὴ Θεοῦ ὁ Θεοῦ), въ которомъ монахъ укорялъ Пселла за то, что онъ будучи монахомъ ведетъ придворную жизнь и втирается во дворецъ противъ желанія царей. На это Пселлъ отвѣчаетъ, что онъ получилъ его глупое и совершенно безумное письмо и не стоило бы на него отвѣчать, но онъ все-таки хочетъ изобличить его нахальство и безстыдство.

Не всякій, говоритъ онъ, имѣетъ право обличать царя и архіерея и судить поступки всѣхъ людей, но только Богъ или человѣкъ очень близкій къ Богу и ему преданный. Человѣкъ же который не допускается даже въ предверіе храма и который не очистилъ ума духомъ, выступая всеобщимъ судіей оказывается просто болтуномъ; такимъ людямъ Еллины подносили чашу съ ядомъ, а цари Ромэйскіе отдаютъ ихъ палачамъ. Какъ не знающій геометріи не понимаетъ гео-

[1] Ps. V, 177—181.

метрическихъ фигуръ, не знающій ариѳметики чиселъ, не знающій логики силлогизма, такъ точно не духовный человѣкъ не понимаетъ духовнаго совершенства (οὐδὲ τῷ μὴ πνευματικῷ ἀνδρὶ τὰ τῆς πνευματικῆς τελειότητος). Духовный тотъ кто духовная духовными сразсуждаетъ, кто востязуетъ вся, а самъ ни отъ единаго востязуется, говоря словами божественнаго Апостола (I Посланіе къ Коринѳ. гл. 2, ст. 13, ст. 15). Духовный тотъ, у кого внутри таинственно освящается духъ, кому Богъ даруетъ сердце чисто. Духовный тотъ, кто вознесшись духомъ на столько же восшелъ въ безпредѣльныя страны знанія, на сколько сошелъ въ бездну священнаго смиренія, такъ что онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше всѣхъ. Если же кто предсказываетъ будущее по звѣздамъ или по проявленіямъ вещественныхъ духовъ (ἐνύλων πνευμάτων) или же занимается прорицаніями, такой человѣкъ далекъ отъ божественнаго предвидѣнія (πρόγνωσις), хотя бы онъ тысячу разъ предсказывалъ вѣрно. У тебя же, милѣйшій Феревій, нѣтъ ни малѣйшаго признака, указывающаго на проявленіе въ тебѣ божества (θεομάνεια), ни взгляда преисполненнаго стыда, ни рѣчи приправленной божественною солью ни смиреннаго нрава. Всѣ говорятъ о тебѣ, что ты предаешься игрѣ въ кости, вращаешься въ обществѣ флейтщицъ, угождаешь чреву, устраиваешь пирушки, и съ удовольствіемъ сталъ бы самъ плясать на сценѣ. Ты прожигаешь жизнь въ трактирахъ и съ языка твоего не сходятъ волшебныя и любовныя слова. Но больше всего меня удивляетъ, что ты стараешься создавать мудрыя письма; дѣйствительно твое письмо доставило мнѣ истинное наслажденіе. Едва ли кто другой въ состояніи былъ бы въ немногихъ строкахъ употребить столько соликизмовъ. Не могу не похвалить тебя за такія новыя сочетанія и словообразованія какъ κατὰ ἀνθρώποις и ἀνάρετον σοφίαν. Если же ты хвастаешься надписью на своемъ письмѣ, выслушай и мою надпись, она слѣдующая: „ипертимъ (хочешь или не хочешь, а все ипертимъ) человѣку необразованному, безстыдному, не краснѣющему, нахалу, изрѣкающему прорицанія, вѣрующему въ Пиѳію, болтуну, неучу, безчувственному, распутному, уклонившемуся отъ Бога, болтающему вздоръ о царяхъ, нагло поступающему съ архіереями, не знающему ничего ни божественнаго ни человѣческаго“ [1].

Хотя Пселлъ и написалъ особую пьесу, гдѣ расхваливаетъ Олимпъ на всѣ лады, это было только риторическимъ упражненіемъ; на самомъ же дѣлѣ онъ остался очень недоволенъ своимъ пребываніемъ въ

[1] Ps. V, 424—428.

монастырѣ [1]. „Ты, желанный другъ, пишетъ онъ протонотарію дрома Іоанну, написалъ намъ аттическимъ языкомъ, мы же привѣтствуемъ тебя простымъ и неизысканнымъ языкомъ; ибо хоть у насъ и была способность говорить гладко и умно, пребываніе съ людьми необразованными и звѣрообразными (т. е. монахами) лишило насъ этой способности, оправдалась на насъ пословица и еще до нея сказанныя поэтомъ слова: если будешь вращаться въ дурномъ обществѣ, знай, что потеряешь даже имѣющійся у тебя умъ [2].

Поэтому Пселлъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покинуть Олимпъ. Онъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что его звала къ себѣ Ѳеодора, но что онъ не тотчасъ исполнилъ ея приказаніе, потому что противъ него были придворные, говорившіе, что монаху неприлично заниматься свѣтскими дѣлами. Когда императрица наконецъ разсердилась, онъ ушелъ изъ монастыря и поселился опять въ Константинополѣ. Императрица Ѳеодора еще до вступленія на престолъ относилась благосклонно къ Пселлу; при Мономахѣ она давала ему секретныя порученія и выхлопотала чинъ патрикія жениху его дочери [3]. Что Пселлъ былъ близокъ къ императрицѣ и во время ея кратковременнаго самостоятельнаго управленія (11 января 1055—31 авг. 1056 г.) видно изъ того, что онъ составилъ рѣчь, которую она произнесла на торжественномъ собраніи византійскихъ сановниковъ, такъ называемомъ великопостномъ силенціѣ [4]. Онъ произнесъ ей также привѣтственную рѣчь, гдѣ особенно восхвалялъ ея дѣвственность [5].

---

[1] Migne, patrol. t. 136 p. 1331—1332.

[2] Ps. V, 373.

[3] Ps. IV, 205—206.

[4] Рѣчь эта неиздана, она сохранилась въ ватиканскомъ кодексѣ 672, посвященномъ сочиненіямъ Пселла (fol. 275 v.— 276) подъ заглавіемъ: τοῦ αὐτοῦ σελέντιον ἐκφωνηθὲν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τῆς βασιλίσσης κυρᾶς Θεοδώρας. Изъ содержанія этой рѣчи, списанной мной въ Ватиканѣ, видно, что она была произнесена императрицей постомъ, вѣроятно въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ, когда согласно византійскому церемоніалу, императору полагалось сказать рѣчь на торжественномъ собраніи чиновниковъ и сановниковъ. De Ceremon. II, cap. 10. ὅσα δεῖ παραφυλάττειν τῇ δευτέρᾳ τῆς πρώτης ἑβδομάδος τοῦ βασιλέως δημηγοροῦντος ἐπὶ τοῦ σιλεντίου τῆς μανναύρας. (p. 545).

[5] Панегирикъ императрицѣ Ѳеодорѣ неизданъ; онъ сохранился въ ватиканскомъ кодексѣ 672 и одномъ Оксфордской Бодлеевой библіотеки (Bagocc. 131). Хотя въ обоихъ кодексахъ въ заглавіи сказано только „Панегирикъ императрицѣ“, не можетъ быть сомнѣнія, что надо разумѣть Ѳеодору; авторъ хвалитъ импе-

Однако придворное общество и сановники были настроены противъ Пселла. Хотя Ѳеодора возвысила нѣсколько новыхъ лицъ, преимущественно своихъ евнуховъ, среди которыхъ главную роль игралъ синкеллъ Левъ Стравоспондилъ (или Параспондилъ), несомнѣнно, что оставалось еще много тѣхъ людей, которые интриговали при Мономахѣ противъ партіи Пселла и не могли быть довольны его новымъ возвышеніемъ. Императрица наградила его титуломъ ипертима [1] и это многимъ было до такой степени непріятно, что Пселлъ счелъ нужнымъ написать особую статью „къ завидующимъ данному ему титулу ипертима". „Цари ко мнѣ благосклонны, говоритъ онъ, и я имъ полезенъ, вы же постоянно относитесь ко мнѣ недоброжелательно и я вамъ не приношу никакой пользы. Вы завидуете мнѣ въ томъ, что я пишу красивыя рѣчи, въ томъ что у меня прекрасный характеръ и я ко всѣмъ милостивъ и кротокъ; когда же цари выказываютъ мнѣ свою благосклонность, это вамъ служитъ предлогомъ выказать свой злой нравъ. Я спрашиваю васъ, что бы вы предпочли, чтобы я потерявъ разумъ сталъ безполезнымъ бременемъ на землѣ, или оставался бы тѣмъ, что я есть, но только удостоивался бы меньшихъ отличій (буквально вѣнцовъ)? Въ томъ и другомъ случаѣ вы всетаки относились бы ко мнѣ недоброжелательно. Но я не веду съ вами борьбы и не желаю идти противъ васъ, а стою неподвижно или иду по прямому пути, вы же слѣдуя за мной каркаете какъ болтливыя вороны—говоря словами Пиндара;—мой слухъ остается къ этому совершенно равно-

---

ратрицу за ея дѣвственность, а таковою во время Пселла была только одна Ѳеодора.

[1] Ипертимомъ называетъ себя самъ Пселлъ въ вышеприведенномъ письмѣ въ Феревію, въ заглавіи рѣчи къ завистникамъ и въ заглавіи юридическаго синопсиса. Ипертимомъ называетъ его въ одномъ письмѣ Ѳеофилактъ Болгарскій. (Migne I, 122 p. 925). О титулѣ ипертима извѣстно очень мало, знаемъ только что онъ давался духовнымъ лицамъ. Не стану настаивать на томъ, что титулъ ипертима былъ данъ Пселлу непремѣнно Ѳеодорой, хотя мнѣ это представляется вѣроятнымъ; Комнинъ наградилъ Пселла чиномъ проедра, въ послѣдствіи онъ былъ протопроедромъ. Такъ какъ вѣроятно, что письмо къ Феревію относится къ царствованію Ѳеодоры, то вѣроятно, что въ это время онъ получилъ титулъ ипертима. Въ заглавіи неизданнаго панегирика Ѳеодорѣ Пселлъ называется ипертимомъ; но этому конечно нельзя придавать большаго значенія. Саѳа (Ps. IV, p. LVI) безо всякаго основанія пишетъ, что Константинъ Мономахъ сдѣлалъ Пселла вестархомъ или оберкаммергеромъ (вестархъ—чинъ, а не должность) и далъ ему почетные титулы ипертима и ипата философовъ (ипатъ философовъ не титулъ, а должность). Эта ошибка перешла и въ новѣйшее сочиненіе Грегоровіуса (Geschichte der stadt Athen I, 176).

душенъ, подобно тому какъ когда, полевыя мыши нападаютъ на орла. Я поднимаюсь выше и взвиваю крыльями, вы же опять удаляетесь въ мышиныя норы, ваше обычное убѣжище. Какъ дурныя собаки, вы не бѣжите за зайцемъ, привыкшимъ къ этому, но бросаетесь на тѣхъ, кто стоитъ гораздо выше васъ. Если бы не было выбора и соотвѣтственнаго воздаянія, но все падало бы сверху случайно, какъ градъ падаетъ на кого случится, и на меня хорошее свалилось бы случайно, ваша зависть имѣла бы основаніе. Но какъ первый человѣкъ давалъ имена звѣрямъ сообразно съ врожденными имъ свойствами, такъ и намъ чины даются сообразно съ нашими заслугами. Разсудите сами: до воздаянія были труды и работа, съ одной стороны ученые, съ другой государственные (τὰ μὲν ἐν λόγοις, τὰ δὲ ἐν πράγμασι). Скажу вамъ символически: нужно было бѣжать, я бѣгалъ больше васъ; предстоялъ кулачный бой, я оказывался лучшимъ бойцомъ, чѣмъ всѣ другіе; бросали дискъ, я бросилъ выше васъ; я стрѣлялъ такъ мѣтко, какъ никто изъ васъ“ [1].

Не смотря на полное убѣжденіе, что онъ головою выше другихъ, Пселлъ былъ однако недоволенъ своимъ положеніемъ, повидимому онъ не занималъ никакой должности и долженъ былъ довольствоваться личнымъ расположеніемъ къ нему императрицы. Горько жалуется онъ на судьбу въ письмѣ къ протосинкеллу Льву Параспондилу. „Мы живемъ только для любящихъ насъ, пишетъ онъ, и по апостольскому выраженію, насколько внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, на столько внутренній обновляется для нихъ (2 посл. къ Коринѳ. гл. 4 ст. 16), для остальныхъ же онъ уже обратился въ пепелъ или скорѣе покрылся толстою корою и что всего ужаснѣе окаменѣлъ [2]; ибо бушевавшіе вѣтры, и обстоятельства подобныя ѳракійской зимѣ и пагубный градъ чуть было совсѣмъ не уничтожилъ и заморозилъ меня и сдѣлалъ изъ меня каменнаго или ледянаго человѣка, совершенно безполезнаго и неподвижнаго. Поэтому я будучи живъ кажусь мертвымъ, и оказавшись мертвымъ лежу неоплаканный и не погребенный и представляюсь землѣ излишнимъ бременемъ; всего хуже то, что непріятности не прекращаются даже для меня лежащаго, но нападаютъ на меня несмотря на мое паденіе коршуны или какіе-то воро́ны и со всѣхъ

---

[1] Ps. V, 168—170. πρὸς τοὺς βασκήναντας αὐτῷ τῆς τοῦ ὑπερτίμου τιμῆς.

[2] καὶ τὸ Νιόβης πάθος, ἀπελιθώθη. Это выраженіе объясняется Апостоліемъ: Νιόβης πάθη ἐπὶ τῶν μέγιστα παθόντων κακά. αὕτη γὰρ ζῶσα λίθος ἐγένετο ἐπὶ τῷ τύμβῳ τῶν παίδων. Apostolii centuria XII, 11. (Corpus paroemiographorum II, 544).

сторонъ разрываютъ мое несчастное тѣло. Поэтому я страдаю и не будучи въ состояніи сносить этого, отчаиваюсь въ жизни; все это изнуряетъ мой мозгъ, ослѣпляетъ руководящій нами разумъ, заставляетъ костенѣть руку, не позволяетъ ни писать, ни говорить ни дѣлать что-нибудь, все это заставляетъ меня желать смерти".

Лицо, къ которому было адресовано это письмо, Левъ Параспондилъ былъ всесильнымъ временщикомъ въ царствованіе императрицы Ѳеодоры. Чтобы держаться при дворѣ необходимо было быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, поэтому, хотя Пселлъ и не любилъ его и считалъ неспособнымъ министромъ, онъ всетаки старается въ письмѣ увѣрить его, что пылаетъ къ нему пламенемъ любви и дружбы, желаетъ поговорить съ нимъ и принести ему дружескія привѣтствія, и кончаетъ письмо словами: прощай, обиталище музъ, убѣжище мудрости, пріютъ добродѣтели, сокровищница законовъ, стражъ любви, свѣтило дружбы, оставайся мнѣ другомъ до конца, храни нерушимо союзъ истинной дружбы". Цѣль письма заключалась въ выраженной тутъ же надеждѣ, что кто-нибудь (разумѣй: Параспондилъ) доставитъ ему душевное удовольствіе и перемѣну къ лучшему [1].

Въ панегирикѣ, сказанномъ императрицѣ, Пселлъ также старался польстить временщику; возвышеніе Параспондила ставится въ большую заслугу Ѳеодорѣ, онъ восхваляется за то, что возстановилъ попраные законы и называется путеводителемъ, свѣточемъ и свѣтомъ законовъ [2].

Пселлъ поспѣшилъ въ Константинополь не только потому, что его звала императрица—хотя и этой причины для него было достаточно—но также потому, что ему хотѣлось уладить одно домашнее дѣло. Пока онъ былъ на Олимпѣ, началась для него по византійскому выраженію „Иліада золъ" т.-е. большія бѣдствія [3]. Женихъ его пріем-

---

[1] Ps. V, 365—367. Ср. съ этими льстивыми эпитетами (χωρίον μουσῶν, σοφίας καταγώγιον, ἀρετῶν ἐνδιαίτημα, νόμων ταμεῖον) то что говорится въ мемуарахъ о Львѣ Параспондилѣ (Ps. IV, 201—202) напр.: εἰ γὰρ ἐπιχειρήσειε καὶ τῇ γλώττῃ τὴν ἐπιστήμην ἐνδείξασθαι τουναντίον ἐδίδου νοεῖν τοῖς ἀκούουσιν, οὕτω πάνυ ἀσαφῶς καὶ ἀγλευκῶς εἶχε τῆς διαλέξεως... φορτικὸς ἔδοξε τοῖς πολλοῖς, τοῦ γὰρ πολιτικοῦ ἤθους ἐστέρητο.

[2] Cod. Vatocc. f. 185. ὃν εἴ τις ὁδηγὸν καὶ λύχνον καὶ φῶς τῶν νόμων προσείποι οὐκ ἂν ἁμάρτοι τοῦ πρέποντος.

[3] Процессъ Пселла извѣстенъ изъ протокола суда, напечатаннаго Саѳою подъ заглавіемъ δικαστικὴ ἀπόφασις κατὰ Ψελλοῦ (Ps. V, 203—212). Въ этомъ протоколѣ по византійскому обычаю изложено не только дѣло какъ оно велось

ной дочери Ельпидій Кепхри, воспользовавшись отсутствіемъ присматривавшаго за нимъ тестя, сталъ вести жизнь еще болѣе распутную, чѣмъ прежде и интересовался своей невѣстой столько же, сколько философіей и другими науками, т.-е. вовсе къ ней не ходилъ. Поэтому Пселлъ рѣшилъ уничтожить подписанный имъ брачный договоръ и прежде всего подалъ прошеніе на высочайшее имя. Въ прошеніи онъ говорилъ, что облагодѣтельствовалъ Ельпидія, а тотъ вмѣсто благодарности выказываетъ къ нему вражду и непослушаніе, невѣсту же свою ненавидитъ; Ельпидій отказывается жить сообразно съ его предписаніями, бросаетъ изъ рукъ книги, предпочитаетъ проводить время съ самыми позорными людьми. На этомъ основаніи онъ желалъ бы отказаться отъ Ельпидія и уничтожить обрученіе. Къ этому онъ прибавлялъ свое желаніе, чтобы женихъ лишенъ былъ чина патрикія, такъ какъ этотъ чинъ былъ выхлопотанъ имъ же, чинъ же протоспаѳарія, составляющій часть приданаго, былъ за нимъ сохраненъ. На это послѣдовало императорское рѣшеніе, начинавшееся словами; „согласно прошенію твоему будетъ сдѣлано“. Въ приказъ, вѣдавшій чинопроизводство, былъ посланъ питакій (указъ), собственноручно подписанный императрицей Ѳеодорой, по которому Ельпидій лишался права носить поясъ, т.-е. лишался чина патрикія, но вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ сохранялся чинъ протоспаѳарія. Въ то же время императрица приказала суду разобрать дѣло объ уничтоженіи брачнаго договора [1].

на судѣ, но и предшествовавшія обстоятельства, вынудившія Пселла прибѣгнуть къ суду. Тутъ-то и употреблено выраженіе „Иліада золъ“. Ἐντεῦθεν ἡ τῶν κακῶν αὐτῷ προσγίνεται Ἰλιάς (Ps. V, 207). Выраженіе это заимствованное у классическихъ писателей вошло въ поговорку у византійцевъ. Diogeniani cent. II, 39. Ἰλιάς κακῶν: ἐπὶ πλήθους μεγάλων κακῶν (Corpus paroemiographorum II, 34).

[1] Ps. V, 207. Ἀπορούμενος οὖν ὁ βεστάρχης (т.-е. Пселлъ) ὅτι καὶ δράσειε, τὰ προσεχῆ καὶ ἐγγὺς ἀφεὶς πρὸς τὴν ἐσχάτην καὶ πρώτην κατέφυγεν ἄγκυραν, τὴν τοῦ Ρωμαϊκοῦ γένους βασιλίδα φαμὲν... καὶ ἱκετηρίαν πρὸς αὐτὴν ἔθετο.

Ps. V, 208. Αὐτοτελῆ τὴν κρίσιν ἠνέγκατο (т.-е. Ѳеодора) καὶ ζώνης ἀφαίρεσιν τοῦ Ἐλπιδίου κατεψηφίσατο.

Ps. V, 211. Καὶ ἡ τῆς δεήσεως δὲ λύσις οὕτως ἔχει τὸν πρόλογον κατὰ τὴν αἴτησιν σου γενήσεται.

Ps. V, 211. Ἀλλὰ καὶ τὸ περὶ τῆς ἀτιμίας τούτου προσκυρωτικὸν πιττάκιον, ὃ δὴ πρὸς τὸ τοῦ ἰδικοῦ κατεπέμφθη σέκρετον, κατεστρῶσθαι μετὰ τῶν πρωτοσπαθαρίων τὸν Ἐλπίδιον διετάττετο. Изъ этого мѣста видно, что приказъ τοῦ εἰδικοῦ вѣдалъ не только частныя императорскія имущества, какъ обыкновенно думаютъ, но и чинопроизводство.

Пселлъ поступилъ повидимому обычнымъ и законнымъ путемъ; по крайней мѣрѣ изъ докладной записки (1092 г.) куропалата и дунгарія виглы Іоанна Θракисійскаго (или Скилица) мы знаемъ, что во время Алексѣя Комнина желавшіе уничтожить брачные договоры подавали прошенія на высочайшее имя и затѣмъ царь приказывалъ разобрать дѣло суду ипподрома [1].

Мы видѣли, что Пселлъ обручилъ свою семилѣтнюю дочь съ 14 лѣтнимъ Ельпидіемъ и заключилъ формальный договоръ. Византійскіе законы признавали подобнаго рода брачные договоры, называвшіеся δεσμός; до Алексѣя Комнина ихъ могли заключать дѣти не моложе семи лѣтъ [2].

Суду предстояло разсмотрѣть, есть ли достаточное основаніе нарушить брачный договоръ или нѣтъ. Прежде всего судъ ввелъ обѣ стороны: истца монаха Михаила Пселла и отвѣтчика Ельпидія съ его адвокатомъ спаθаріемъ Іоанномъ Кордакою. Сначала судьи спросили Пселла, на какомъ основаніи онъ желаетъ уничтожить брачный договоръ. Пселлъ, сказавъ предварительно какъ ему непріятно говорить

---

[1] Δέσποτα μου ἅγιε, προσώπων τινῶν μνηστείας γάμων ἐπὶ παισὶν ἰδίοις συστησαμένων καὶ πειρωμένων λύσαι τὰ τῆς μνηστείας συμβόλαια δεηθέντων τε τῆς ἁγίας βασιλείας σου καὶ τῷ δικαστηρίῳ τοῦ ἱπποδρόμου παραπεμφθέντων καὶ ἐπεγρομένων τὰ ἐγκείμενα τοῖς τῶν μνηστειῶν συμβολαίοις πρόστιμα δοῦναι καὶ διαρρῆξαι τὰς μνηστείας. (Zachariä Jus Graeco-Romanum v. III).

[2] Въ протоколѣ брачный договоръ Пселла называется τὰ γραμματεῖα τῆς μνηστείας, а также σύνδεσμος τῆς μνηστείας (Ps. V, 210). Брачный договоръ называется δεσμός въ вышеупомянутой докладной запискѣ Скилица. Ср. Zachariä Griech.-Röm. Recht p. 54.

О лѣтахъ дочери Пселла и жениха въ протоколѣ говорится: ἐν ἀτελεῖ ἔτι τῇ ἡλικίᾳ καὶ μήπω γάμου ἔτι ὥραν ἀγούσῃ κατεγγυᾶται αὐτῇ τὸν τοῦ πρωτοσπαθαρίου Ἰωάννου τοῦ Κεγχρῆ υἱὸν Ἐλπίδιον, ἄρτι που τὸν ἕφηβον παραλλάτοντα χρόνον καὶ διπλᾶ τῇ μνηστῇ ἔτη βιώσαντα (Ps. V, 204).

Возрастъ, когда можно вступать въ бракъ опредѣленъ въ Василикахъ. Basil. l. XXVIII, tit. 4, cap. 46. Ἐννόμους γάμους μεταξὺ ἀλλήλων συνιστῶσι Ρωμαῖοι, ἡνίκα τὰ περὶ τῶν γάμων τοῖς νόμοις διηγορευμένα φυλάξουσι. δεῖ δὲ τοὺς μὲν ἄρρενας ἐφήβους εἶναι, τὰς δὲ θηλείας ἀνδρὸς δεκτικὰς, τουτέστι τοὺς μὲν ὑπερβεβηκέναι τὸ τεσσαρεσκαιδέκατον ἔτος, τὰς δὲ μείζονας εἶναι τῶν δώδεκα ἐνιαυτῶν.

Въ Василикахъ сказано, что обрученіе можетъ быть словесное и письменное. Basil. l. XXVIII, tit. I, cap. 5 Καὶ ἐγγράφως καὶ ἀγράφως μνηστεία γίνεται.

Новелла Льва Мудраго запрещала обручать дѣтей не достигшихъ семилѣтняго возраста. (Zachariä Jus Graeco-Romanum v. III, coll. II Nov. 18).

публично на судѣ, показалъ, что онъ сдѣлалъ много благодѣяній Ельпидію, и затѣмъ, что у Ельпидія дурной нравъ, что онъ съ отвращеніемъ относится къ ученію, ведетъ непристойный образъ жизни, не хочетъ повиноваться ему и житьвъ кругу чиновниковъ, а проводитъ время съ актерами и позорными людьми, что его нельзя ни увѣщаніями, ни наказаніями направить на путь истины, что онъ упрямъ и не раскаивается въ своихъ поступкахъ, что онъ ненавидитъ свою невѣсту, чрезъ которую онъ удостоился и большаго богатства и такихъ высокихъ чиновъ. Пселлъ не только говорилъ все это, но и доказалъ достовѣрными свидѣтельскими показаніями. Свидѣтелями его были ипатъ Ѳедоръ Миралидъ, мистографъ Ефросиній Ксиритъ, ѳесмографъ Гавріилъ Ксиритъ, ѳесмографъ и начальникъ вестіопратовъ Михаилъ. Ипатъ Ѳедоръ Миралидъ показалъ, что у Ельпидія дурной характеръ, что онъ ненавидитъ Пселла и къ своей невѣстѣ питаетъ отвращеніе. Ксириты показали это самое и кромѣ того то, что Ельпидій не хочетъ жить по предписаніямъ Пселла, хочетъ жить по своему и не такъ какъ нравится Пселлу. Ѳесмографъ Михаилъ, повторивъ показанія другихъ свидѣтелей кромѣ того указалъ на неблагодарность, безстыдство и нахальство Ельпидія, на нежеланіе его подчиниться своему благодѣтелю.

Такимъ образомъ на судѣ подтвердилось все то, что писалъ Пселлъ въ прошеніи на высочайшее имя. Но по точному смыслу закона этого было мало, чтобы уничтожить брачный договоръ. Поэтому судьи предложили Пселлу одно изъ двухъ, или привести, если можетъ, еще другія обстоятельства, на основаніи которыхъ ему можно будетъ нарушить договоръ, не уплачивая штрафа, или если онъ желаетъ уничтожить обрученіе, заплатить штрафъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Пселлъ сказалъ, указывая на свои сѣдые волосы: „о законы, судьи и всѣ присутствующіе (ὦ νόμοι καὶ δικασταὶ καὶ πάντες οἱ περιστηκότες), я стыжусь своей сѣдины и изъ за 15 литръ золота не стану говорить о запрещенныхъ (т. е. грязныхъ) дѣлахъ; прежде всего мнѣ стыдно предъ самимъ собой разсказывать гнусныя и позорныя вещи, а затѣмъ я буду всеобщимъ посмѣшищемъ, если стану раскрывать скрытыя дѣла; а потому я этого не сдѣлаю и охотно заплачу штрафъ“.

Послѣ этой рѣчи судъ умолкъ, и адвокаты не сочли нужнымъ говорить; ибо нечего было возражать, когда Пселлъ согласился уплатить штрафъ. На этомъ основаніи брачный договоръ былъ уничтоженъ.

Дѣйствительно по новеллѣ императора Льва Мудраго каждая изъ сторонъ имѣла право разорвать брачный договоръ, но обязана была

тогда заплатить штрафъ. Безъ уплаты штрафа брачный договоръ могъ быть уничтоженъ только по какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ, когда одинъ изъ брачущихся желалъ поступить въ монастырь, сходилъ съ ума, становился еретикомъ или совершалъ невѣрность [1]. О послѣднемъ очевидно судьи спрашивали Пселла, и онъ или не имѣлъ данныхъ или дѣйствительно не хотѣлъ публично говорить о грязныхъ подробностяхъ.

Обрученіе было уничтожено, оставался еще вопросъ о приданомъ. Пселлъ заявилъ на судѣ, что изъ 50 литръ, составлявшихъ все приданое, Ельпидій остался ему долженъ 20 литръ (остальное слѣдовательно возвратилъ), такъ какъ чинъ протоспаѳарія былъ данъ ему вмѣсто 20 литръ и чинъ этотъ у него не отнятъ. Это подтвердилось питтакіемъ императрицы.

Ельпидій старался возражать противъ этого и отвергалъ, чтобы онъ долженъ былъ заплатить за чинъ протоспаѳарія. Но возражать было нечего, потому что вопервыхъ, самъ Ельпидій согласился принять чинъ вмѣсто 20 литръ, вовторыхъ, это дѣло было рѣшено императрицей. Пселлъ объяснилъ, что въ прошеніи на высочайшее имя онъ просилъ оставить за Ельпидіемъ чинъ протоспаѳарія, потому что этотъ чинъ составлялъ часть приданаго и за него Ельпидій въ долгу предъ нимъ; императрица въ питтакіи объяснила что именно по этой причинѣ за Ельпидіемъ сохраняется чинъ протоспаѳарія.

На этомъ основаніи судъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: Пселлъ долженъ Ельпидію штрафа 15 литръ, а Ельпидій Пселлу за чинъ протоспаѳарія 20 литръ, пусть будутъ взаимно покрыты ихъ долги, штрафъ пусть будетъ зачтенъ Ельпидію за чинъ протоспаѳарія, а чинъ протоспаѳарія пусть будетъ зачтенъ Пселлу за штрафъ. Но такъ какъ сумма штрафа не соотвѣтствуетъ цѣнѣ чина протоспаѳарія,

---

[1] Левъ Мудрый постановилъ узаконить существовавшій уже раньше обычай и брать штрафъ съ желающаго уничтожить брачный договоръ: διὰ τοῦτο καὶ ἃ τῇ συνηθείᾳ ἤρεσεν ἐν ταῖς τῶν μνηστειῶν ἀθετήσεσιν ἐπικεῖσθαι προστιμήματα τοῖς ὁρμῶσι πρὸς τὴν ἀθέτησιν καὶ ταῦτα εἰς νόμου καθιστῶμεν τιμήν (Zachariä Jus Graeco-Romanum v. III, p. 91—92). Въ другой новеллѣ того же императора, по которой невѣрность невѣсты должна считаться причиной къ расторженію обрученія перечисляются и нѣкоторыя другія причины: ἡ μὲν οὖν ἀρχαία διάταξις λύει τὴν μνηστείαν διαφόραις αἰτίαις, ἡμὶ δὲ τῷ ἑτεροδόξῳ τοῦ σεβάσματος καὶ εἰ φρένες εἶεν μανιώδει πάθει περιπετεῖς, ἔτι δὲ καὶ ἄλλαις τισι (Ibid. coll. II Nov. 93). Ср. Zachariä Griechisch-Römisches Recht, p. 53.

штрафъ составлялъ 15 литръ, а чинъ протоспаѳарія по первоначальному условію былъ оцѣненъ въ 20 литръ, слѣдовало бы Пселлу получить съ Ельпидія 5 литръ. Но судъ дѣлаетъ снисхожденіе Ельпидію и прощаетъ ему пять литръ съ тѣмъ, чтобы онъ не требовалъ въ двойномъ количествѣ задатка, который какъ говоритъ внесъ невѣстѣ при заключеніи брачнаго договора, какова бы ни была сумма задатка.

По закону Ельпидій имѣлъ право взыскивать съ Пселла задатокъ въ двойномъ количествѣ, такъ какъ не онъ, а Пселлъ требовалъ уничтоженія брачнаго договора [1].

Постановленіе суда по дѣлу Пселла состоялось въ самомъ концѣ царствованія Ѳеодоры, въ августѣ 1056 года.

Вскорѣ послѣ этого Пселлъ кажется выдалъ свою дочь замужъ за сына протонотарія дрома Іоанна [2].

Изъ процесса ясно видно, что императрица очень благоволила къ Пселлу, такъ какъ рѣшилась исключительно по его просьбѣ опозорить молодаго человѣка.

По совѣту Льва Параспондила и его партіи императрица Ѳеодора назначила своимъ преемникомъ неспособнаго старика Михаила Стратіотика, вступившаго на престолъ 31 августа 1056 г. Левъ Параспондилъ надѣялся, что въ царствованіе этого ничтожнаго старика власть останется въ его рукахъ, какъ это дѣйствительно и случилось. Въ то же время въ столицѣ существовала партія, недовольная новымъ правительствомъ и искавшая случая свергнуть императора съ престола;

---

[1] При нарушеніи договора задатокъ возвращался въ двойномъ количествѣ, когда нарушалъ договоръ получившій задатокъ.

Basil. l. XXVIII, tit. 2, cap. 1. Ὁ ἀρραβὼν φύσιν ἔχει τοιαύτην, ἵνα εἰ μὲν ὁ λαβὼν τὸν ἀρραβῶνα παραιτήσεται (recusaverit implere contractum) διπλάσιον οὗπερ ἔλαβεν ἀποδῷ. εἰ δὲ ὁ δεδωκὼς, ἵνα ἐκπέσῃ τῶν ἀρραβώνων.

Въ Василикахъ предусмотрѣнъ тотъ случай, когда родители, получивъ задатокъ, отказываются выдать дочь замужъ; они обязаны отдать задатокъ въ двойномъ количествѣ.

Basil. l. XXVIII, tit. 2, cap. 3. Εἰ δὲ καὶ πατὴρ κόρης ἢ μήτηρ ἀρραβῶνας ἔλαβον ὑπὲρ θυγατρὸς τελείας ὄντες ἡλικίάς... καὶ αὐτοὶ εἰς τὸ διπλάσιον κατεσχέσθωσαν, εἴπερ δυναμένων προβῆναι τῶν γάμων παραιτοῦνται ποιῆσαι.

Въ своей біографіи Пселла Саѳа не счелъ нужнымъ изложить подробно разсказанный нами процессъ, упомянувъ о немъ только въ примѣчаніи.

[2] По крайней мѣрѣ на это есть намекъ въ письмѣ къ Іоанну: τοιαῦτα γὰρ ἐπειλῆφθαι ἡμῖν δίδωσιν ἡ ἐκ παίδων ἀλλήλων σύμπνοια καὶ ὑμόνοια, ὡς οὐκ ἀπεικότως θαρρεῖν ἔχομεν (Ps. V, 373).

во главѣ этой партіи стоялъ патріархъ Михаилъ Кирулларій. Михаилъ VI царствовалъ болѣе или менѣе спокойно только до весны 1057 г. „27 марта приходилось въ великій четвергъ—день, когда раздавалась царская руга. Нѣсколько заслуженныхъ, но неоцѣненныхъ по заслугамъ воиновъ, въ томъ числѣ магистръ Исаакъ Комнинъ, Катакалонъ Кекавменъ, Константинъ и Іоаннъ Дуки и др. прибыли къ этому времени въ Византію просить царя не оставить ихъ своимъ вниманіемъ и щедротами, произвести въ слѣдующій чинъ и т. д. Императоръ далъ аудіенцію, но отнесся немилостиво, сталъ упрекать за сдѣланныя ими, въ качествѣ военачальниковъ ошибки и не удовлетворилъ ихъ просьбу. Они сдѣлали попытку подѣйствовать на царя черезъ его перваго министра, Льва Параспондила, но тотъ принялъ ихъ еще съ большею суровостью, чѣмъ самъ императоръ. Оскорбленные стратиги, не выѣзжая изъ Византіи, уговорились свергнуть Стратіотика и возвести на его мѣсто Исаака Комнина“ [2]). 8 іюня 1057 г. заговорщики торжественно провозгласили его императоромъ въ Костамонѣ (въ Пафлагоніи). Византійская имперія раздѣлилась на два большихъ лагеря: такъ какъ помянутые генералы командовали въ азіятскихъ провинціяхъ, вся Малая Азія стала на сторону Комнина, а европейскія провинціи признавали еще своимъ царемъ Михаила.

Въ столь тяжкихъ обстоятельствахъ престарѣлый императоръ созываетъ на совѣтъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ, въ томъ числѣ Пселла, съ которымъ раньше никогда не совѣтовался, и спрашиваетъ ихъ какъ быть. Пселлъ посовѣтовалъ ему сдѣлать три вещи. 1) Примириться съ патріархомъ, имѣвшимъ большое значеніе въ столицѣ и въ то же время относившимся крайне недоброжелательно къ царю, такъ что можно было быть увѣреннымъ, что онъ станетъ на сторону заговорщиковъ, если царю не удастся склонить его какъ-нибудь на свою сторону. 2) Вступить въ переговоры съ Комниномъ, обѣщать ему какія-нибудь милости, постараться внести раздоръ въ его войско и отвлечь отъ него какъ-нибудь его солдатъ. 3) Созвать войско изъ западныхъ провинцій, а также наемныя дружины и, назначивъ способнаго генерала, двинуть это войско на Комнина.

Императоръ принялъ сперва всѣ эти совѣты, но затѣмъ не рѣшился исполнить перваго. Съ патріархомъ онъ не примирился, а этого одного, по словамъ Пселла, было достаточно для его гибели [2]. Вой-

---

[1] Скабалановичъ, византійское государство и церковь. стр. 73—74.

[2] Ps. IV, 214.

ско дѣйствительно было собрано, но оно потерпѣло жестокое пораженіе близъ Никеи и частью перешло на сторону Комнина [1].

Въ столь тяжкихъ обстоятельствахъ императоръ рѣшается на послѣднее средство вступить въ переговоры съ заговорщиками. Онъ проситъ Пселла отправиться къ Комнину и своимъ извѣстнымъ краснорѣчіемъ и софистикою умягчить какъ-нибудь его душу и склонить его отказаться отъ престола. Положеніе Пселла было чрезвычайно затруднительное, съ одной стороны онъ чувствовалъ, что Михаилъ погибъ и престолъ принадлежитъ Комнину, которому повиновалось почти все войско, слѣдовательно было очень рисковано явиться приверженцемъ слабаго императора, но съ другой стороны окончательный исходъ заговора не былъ еще вполнѣ извѣстенъ. Михаилъ могъ вслѣдствіе какой-нибудь случайности усидѣть на престолѣ, опасно было ослушаться самодержца, все еще обутаго въ пурпуровыя туфли, тѣмъ болѣе, что онъ самъ совѣтовалъ вступить въ переговоры съ Комниномъ. Предложеніе царя, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, поразило меня какъ громомъ, и я отказался исполнить его просьбу. „Мнѣ не хотѣлось бы исполнять этого порученія, отвѣтилъ я ему, такъ какъ оно сопряжено съ большимъ рискомъ и цѣли я все равно не достигну. Ясно, что тотъ, кто только, что одержалъ побѣду и достигъ своею побѣдою такой высоты, не согласится отказаться отъ власти и промѣнять ее на что-нибудь менѣе значительное (какую-нибудь должность, которую предложилъ бы ему Михаилъ)". Императоръ счелъ нужнымъ напомнить Пселлу о поданномъ имъ же совѣтѣ и упрашивать его исполнить самому этотъ совѣтъ. „Неужели ты только постарался убѣдить насъ на словахъ, говорилъ онъ ему, и не подумалъ о томъ, какъ бы защитить друзей, находящихся въ несчастіи, и владыкъ? Я говорю съ тобою не какъ царь, но обнимаю тебя и ласкаю, какъ привыкъ это дѣлать, ежедневно наслаждаюсь медомъ, истекающимъ изъ твоихъ устъ, и желалъ бы, чтобы ты отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же. Ты же не дѣлаешь для меня даже того, что сдѣлалъ бы добрый человѣкъ для врага, находящагося въ опасности. Я пойду по стезѣ, опредѣленной мнѣ судьбою, но тебя будутъ укорять и осуждать за то, что ты измѣнилъ дружбѣ къ царю и другу".

Услышавъ такія слова, разсказываетъ Пселлъ, я чуть было не окаменѣлъ отъ изумленія и ужаса и не могъ уже оставаться при прежнемъ рѣшеніи. „Царь, сказалъ я, я уклонился отъ исполненія твоего приказанія не потому, чтобы я не хотѣлъ служить тебѣ, а по-

[1] Скабалановичъ, виз. гос., стр. 75.

тому, что я боюсь, что не сумѣю исполнить порученія и потому что возбужу этимъ зависть другихъ".—Почему же ты не думаешь, спросилъ царь, что посольство увѣнчается успѣхомъ? Мужъ, къ которому ты посылаешь меня, отвѣтилъ я, завладѣлъ властью и увѣренъ въ побѣдѣ. Не думаю, что онъ приметъ меня благосклонно и убѣдится моими рѣчами; онъ вѣроятно будетъ говорить со мною очень спѣсиво и отошлетъ меня съ безчестіемъ, такъ что посольство мое останется безъ результата. А толпа будетъ клеветать на меня, что я измѣнилъ тебѣ и ему внушилъ самыя лучшія надежды и далъ право ожидать, что онъ достигнетъ царства.

Если хочешь, чтобы я исполнилъ твое приказаніе пошли вмѣстѣ со мною еще какого-нибудь сановника, чтобы мы могли защищать другъ друга отъ возможныхъ нареканій публики. „Царь одобрилъ мое предложеніе и сказалъ: выбирай кого хочешь изъ высшихъ сановниковъ". Пселлъ выбралъ проедра Ѳедора Алопа и своего пріятеля Константина Лихуда [1]. Эти три мужа отличались, по словамъ историка Скилица, умомъ и краснорѣчіемъ особенно Пселлъ, стоявшій безъ всякаго сравненія выше другихъ. Поэтому царь надѣялся чрезъ ихъ краснорѣчіе и умѣнье обходиться съ людьми достигнуть значительныхъ результатовъ [2].

Послы получили отъ императора письмо къ Комнину, которое ими же было составлено. Михаилъ предлагалъ послѣднему высшій чинъ кесаря, дававшійся исключительно ближайшимъ родственникамъ императора, съ тѣмъ чтобы онъ отказался отъ притязанія на престолъ. Выйдя изъ столицы, послы посылаютъ къ Комнину вѣстника, который объявилъ бы ему о ихъ приходѣ и сказалъ бы ему, что они не могутъ вступить съ нимъ въ переговоры, если онъ не дастъ клятвы, что не задержитъ ихъ и не причинитъ никакого зла, но, почетно принявъ, отпуститъ домой. Когда Комнинъ клятвенно поручился за ихъ безопасность, послы сѣли на тріиры и пристали въ М. Азіи къ тому мѣсту, гдѣ находился Комнинъ. Въ лагерѣ заговорщиковъ, по словамъ Пселла, пословъ приняли очень любезно, такъ какъ надѣялись, что теперь прекратится междоусобіе. Пословъ привели къ палаткѣ

---

[1] Ps. IV, 217—218.

[2] Cedr. p. 632 (Migne t. 122 col. 361). Οὗτοι γὰρ οἱ τρεῖς ἄνδρες ἐπὶ σοφίᾳ καὶ λόγου δυνάμει τῶν κατὰ τὴν ἡμέραν ἐκείνην ἀνθρώπων διαφέρειν δοκοῦντες, καὶ ἀσυγκρίτως ὁ Ψελλὸς ἐξελέγησαν εἰς τὸ πρεσβεῦσαι. καὶ προσεδόκησεν ὁ βασιλεὺς μεγάλα καταπράξασθαι διὰ τῆς ἐκείνων εὐστομίας καὶ χάριτος.

Комнина и здѣсь приказали сойти съ коней и подождать. Узурпаторъ пригласилъ войти однихъ пословъ, такъ какъ дѣло было къ вечеру и онъ не желалъ, чтобы у него собиралось много народу. Онъ принялъ пословъ очень любезно, привсталъ съ высокаго кресла, на которомъ сидѣлъ и попросилъ ихъ сѣсть. Онъ не спросилъ ихъ, зачѣмъ они пришли, но сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что ему необходимо было идти походомъ противъ императора, угостилъ ихъ виномъ и отослалъ въ палатки, приготовленныя для нихъ рядомъ съ его палаткой. Уходя отъ него, говоритъ Пселлъ, мы удивлялись, что онъ не вступилъ съ нами сейчасъ же въ подробный разговоръ и спрашивалъ насъ только о томъ, какъ мы совершили путешествіе и спокойно ли было море. Затѣмъ каждый изъ насъ пошелъ въ свою палатку. Поспавъ немного, мы рано утромъ сошлись опять и совѣщались, какъ будемъ переговаривать съ нимъ. Мы рѣшили, что не слѣдуетъ кому-нибудь одному вести разговоръ, но мы всѣ вмѣстѣ будемъ спрашивать его и такимъ образомъ получать отъ него отвѣты.

Когда только-что взошло солнце, пришли за послами приближенные Комнина и отвели ихъ къ узурпатору. Дука Іоаннъ, начальникъ Комниновой стражи, привелъ ихъ къ палаткѣ Комнина и попросилъ подождать у двери. Внезапно двери открылись и послы были поражены представшимся предъ ихъ глаза зрѣлищемъ. Войско по частямъ, одна часть за другою, провозгласила Комнину славословіе, воздававшееся императорамъ, крикъ былъ такъ силенъ, что оглушилъ пословъ. Войдя въ палатку, они увидѣли самозванаго царя, сидящаго на высокомъ золотомъ тронѣ въ блистательной одеждѣ. Вокругъ него стояла многочисленная свита и наемная италіянская и русская дружина. Комнинъ кивнулъ имъ головою, чтобы они подошли и громко сказалъ: пусть одинъ изъ васъ станетъ среди нихъ, указывая на стоящихъ по обѣ стороны отъ него, вручитъ мнѣ письмо пославшаго васъ и объяснитъ данное вамъ порученіе“. Каждый изъ насъ, говоритъ Пселлъ, уступалъ другому право говорить и мы начали спорить объ этомъ. Но такъ какъ они оба заставили говорить меня, обѣщая помочь мнѣ въ случаѣ мнѣ измѣнитъ языкъ, я былъ такъ смущенъ, что едва держался на ногахъ; оправившись, я вручилъ царскую грамоту и получивъ позволеніе, началъ говорить. Пселлъ старался говорить какъ можно краснорѣчивѣе и по всѣмъ правиламъ риторики. Онъ сказалъ прежде всего о томъ, что царь дастъ Комнину чинъ кесаря, о почетѣ связанномъ съ этимъ чиномъ, о всякихъ милостяхъ, которыя царь будетъ ему расточать. Генералы отнеслись благосклонно къ началу рѣчи, но солдаты стали кричать, что Комнинъ долженъ непремѣнно быть

царемъ. Рѣчь Пселла была прервана, онъ молчалъ нѣкоторое время и когда крикуны успокоились продолжалъ. Онъ старался убѣдить Комнина, что гораздо лучше вступить на престолъ законнымъ образомъ, что кесарское достоинство только ступень къ престолу, что многіе и прекрасные императоры были возведены на престолъ изъ кесарей. Когда же нѣкоторые возразили ему, что все это прекрасно для частнаго человѣка, Комнинъ же уже избранъ въ цари, онъ отвѣтилъ: но онъ еще не царствовалъ и не красивымъ именемъ называется такое правленіе какъ ваше. Я боялся, говоритъ онъ, прямо назвать его узурпаторомъ [1].

Затѣмъ Пселлъ сказалъ, что императоръ обѣщалъ усыновить Комнина. На это послѣдовалъ вопросъ: какъ же это сынъ царя не будетъ участвовать въ управленіи государствомъ? Такъ, отвѣтилъ Пселлъ, бывало при лучшихъ императорахъ съ ихъ настоящими сыновьями. Онъ упомянулъ о божественномъ Константинѣ и другихъ, которые сперва дѣлали своихъ сыновей кесарями, а потомъ уже дѣлали царями, и затѣмъ воскликнувъ: „такъ они поступали съ сыновьями, рожденными отъ плоти своей, а этотъ только усыновленный", оборвалъ рѣчь.

Друзья Комнина начали излагать посламъ, что у нихъ было много причинъ возстать противъ царя. Пселлъ согласился съ ними, что они имѣли полное основаніе разсердиться на императора и негодовать на ихъ обращеніе съ ними; но что это еще не достаточная причина для заговора. Если бы ты сидѣлъ на престолѣ, сказалъ онъ, обратившись къ Комнину, и мы пожелали, чтобы такой-то былъ первымъ сановникомъ или первымъ генераломъ, а ты не пожелалъ бы оказать ему такой чести, и мы по этому случаю рѣшили бы свергнуть тебя съ престола, развѣ ты видѣлъ бы въ своемъ поступкѣ достаточную причину для заговора? Откажись отъ царскаго имени, отнесись съ должнымъ уваженіемъ къ старику-отцу, чтобы тебѣ законнымъ образомъ унаслѣдовать скипетръ.

Пока Пселлъ говорилъ, раздавались голоса, прерывавшіе его рѣчь, и на него сыпались насмѣшки. Но Комнинъ движеніемъ руки приказалъ замолчать, говоря: этотъ мужъ не нападаетъ на насъ и не говоритъ о насъ ничего дурнаго, онъ излагаетъ дѣло самымъ приличнымъ образомъ, поэтому не слѣдуетъ прерывать его рѣчи и мѣшать нашему собесѣдованію. Тѣмъ не менѣе кто-то, желая напугать Пселла,

---

[1] Ps. IV, 244. ἐδεδίειν γὰρ ὀνομαστὶ εἰρηκέναι τὴν τυραννίδα.

сказалъ: „царь, спаси осужденнаго на гибель оратора, войско извлекло уже мечъ и когда онъ выйдетъ отсюда его растерзаютъ". На это Пселлъ отвѣтилъ съ улыбкой: я принесъ вамъ царство, и если вы за такую благую вѣсть убьете меня, развѣ вы этимъ не докажете, что вы тираны и не явитесь своими собственными обвинителями? Ты желаешь, чтобы я пересталъ говорить какъ говорилъ или измѣнилъ свое мнѣніе, но я все-таки останусь при своихъ убѣжденіяхъ и буду говорить все то же самое.

Комнинъ всталъ съ трона, похваливъ Пселла за его рѣчь, распустилъ войско и остался наединѣ съ послами. „Что вы думаете, сказалъ онъ имъ, что это я по собственному желанію принялъ царскій титулъ и если бы я могъ избѣжать этого, я бы этого не сдѣлалъ? Они принудили меня къ этому и теперь уже я не могу отказаться. Если вы поклянетесь, что вы передадите мои слова по секрету одному царю, я открою вамъ свои сокровенныя мысли". Когда послы поклялись, что они не выдадутъ его тайны, онъ продолжалъ: „я не стремлюсь теперь къ престолу, съ меня достаточно быть кесаремъ. Пусть царь пришлетъ мнѣ новое письмо, въ которомъ обѣщаетъ не назначать передъ смертью своимъ преемникомъ никого другаго кромѣ меня и не смѣнять никого изъ моихъ генераловъ. Я прошу также, чтобы онъ дозволилъ мнѣ пользоваться до нѣкоторой степени царскою властью, предоставивъ мнѣ, если я захочу, раздавать низшіе гражданскіе чины и назначать военачальниковъ. Если все это будетъ обѣщано мнѣ, я тотчасъ же приду въ столицу и воздамъ должную почесть отцу и царю. Но такъ какъ войску не понравятся мои условія, я дамъ вамъ два письма, одно, которое ихъ обрадуетъ и которое я дамъ имъ прочесть, другое же вы держите у себя въ секретѣ. Сегодня вы будете моими гостями, завтра же отправляйтесь къ царю съ секретнымъ письмомъ отъ меня".

Комнинъ угостилъ пословъ за своимъ столомъ и все время очень любезно бесѣдовалъ съ ними. На слѣдующій день на зарѣ имъ было отдано секретное письмо; почетный конвой сопровождалъ ихъ до моря, гдѣ они сѣли на судно и отправились въ Константинополь. Послы явились тотчасъ же во дворецъ, разсказали императору о своемъ свиданьи съ Комниномъ и вручили ему письма. Прочтя нѣсколько разъ эти письма и заставивъ пословъ повторить условія Комнина, царь Михаилъ сказалъ, по словамъ Пселла: надо сдѣлать все, что онъ желаетъ; пусть глава его будетъ увѣнчана царскимъ вѣнцомъ, а не кесарскимъ, хотя этого и не полагается кесарю, пусть принимаетъ онъ участіе въ управленіи, ему будетъ устроенъ царскій дворецъ и

дана почетная стража, пусть всякій изъ соучастниковъ въ его заговорѣ удержитъ то, что получилъ отъ него, какъ будто получилъ отъ царя, деньги ли, имѣнія или чины.[1] Все мною обѣщанное я подкрѣплю подписью, словомъ, дѣломъ и грамотою и поклянусь, что ни въ чемъ не обману. Но такъ какъ онъ довѣрилъ вамъ секретное порученіе, я со своей стороны поручаю вамъ также тайну. Клятвенно обѣщайте ему, что чрезъ нѣсколько дней я сдѣлаю его своимъ соправителемъ, когда найду удобный къ этому предлогъ. Если же я не дѣлаю этого сейчасъ, пусть онъ извинитъ меня; ибо я боюсь народа и сановниковъ и далеко не увѣренъ, что они раздѣлятъ мое желаніе. Все остальное занесите въ письмо къ нему отъ моего имени, послѣднее же передайте ему на словахъ по секрету; отправляйтесь къ нему какъ можно скорѣе, не откладывая этого дѣла ни на минуту".

Пробывъ день въ столицѣ, послы отправились вновь къ Комнину и прочли громко передъ собравшимся войскомъ письмо отъ царя, которымъ всѣ остались довольны. Когда же послы, оставшись на единѣ съ Комнипомъ, передали секретное порученіе царя, онъ приказалъ солдатамъ разойтись по домамъ. Желая, чтобы все совершилось какъ можно скорѣе, Комнинъ приказалъ посламъ отправиться на другой же день въ столицу и возвѣстить императору, что самъ онъ прибудетъ черезъ день съ небольшой свитой. Послы готовились уѣхать на слѣдующій день, когда изъ столицы пришло извѣстіе, что императоръ Михаилъ свергнутъ съ престола. Сперва не повѣрили этому слуху, но скоро оказалось, что дѣйствительно столичное населеніе взбунтовалось противъ царя, что городская партія группировалась вокругъ патріарха и что по настоянію послѣдняго Михаилъ постригся.

Тогда Комнинъ приказалъ посламъ пойти спать въ отведенныя

---

[1] Ps. IV, 227. ἀλλὰ καὶ στεφανηφορείτω λαμπρότερον, στέμματι ἀλλ' οὐ στεφάνῃ τὴν κεφαλὴν ἀναδούμενος, εἰ καὶ μὴ τοιοῦτον τὸ σχῆμα τοῦ καίσαρος. Изъ этихъ словъ г. Скабалановичъ (Виз. гос. и церк. стр. 150) сдѣлалъ невѣрный выводъ, говоря: его (т.-е. кесаря) короновали головнымъ украшеніемъ, похожимъ на вѣнецъ. Пселлъ говоритъ здѣсь объ исключеніи; вообще же кесарю было присвоено ношеніе вѣнца, но безъ креста и слѣдовательно не императорскаго. De Ceremon. p. 712. ἡ τοῦ καίσαρος ἀξία παρομοία τῆς βασιλικῆς δόξης, ἥς βραβεῖον στέφανος χωρὶς σταυρικοῦ τύπου.

Στέμμα это вѣнецъ, которымъ короновали византійскихъ императоровъ, поэтому и коронація называлась στέψιμος; στεφάνωμα это вѣнчаніе и στέφανος вѣнецъ, который надѣвался при вѣнчаніи (De Ceremon. p. 193, 199). Подъ στέφανος разумѣли также вѣнокъ изъ цвѣтовъ (De Ceremon. p. 497, 498.

имъ палатки, а самъ сталъ готовиться къ занятію престола. „Не знаю, говоритъ Пселлъ, какъ провели эту ночь другіе послы, но я считалъ себя приговореннымъ къ смерти и думалъ, что вотъ сейчасъ буду принесенъ въ жертву. Я зналъ, что на меня всѣ сердятся и не избѣгнуть мнѣ гибели. Больше же всего я боялся самого царя, какъ бы онъ, вспомнивъ о моихъ словахъ, какъ я убѣждалъ его чуть ли не оставаться частнымъ человѣкомъ, не наказалъ меня самымъ ужаснымъ образомъ. Всѣ спали, и я одинъ все ожидалъ убійцы, и когда слышалъ около палатки какой-нибудь голосъ или шумъ, я выскакивалъ въ ужасѣ, думая, что сейчасъ войдетъ убійца. Проведши въ такомъ состояніи большую часть ночи, я вздохнулъ свободнѣе передъ разсвѣтомъ, считая, что пріятнѣе погибнуть днемъ, чѣмъ ночью".

Самъ Пселлъ самымъ наглядымъ образомъ изобразилъ намъ свою трусость; ему нечего было бояться, Комнинъ все время принималъ его очень любезно, а послѣднее извѣстіе, принесенное имъ въ лагерь заговорщиковъ, было принято всѣми очень сочувственно. Единственное, чего онъ могъ опасаться, это, что онъ не будетъ играть выдающейся роли при Комнинѣ, но отъ этого до казни очень далеко. Опасеніе, что его казнятъ или ослѣпятъ безъ суда за то, что онъ помогъ Комнину вступить на престолъ законнымъ образомъ, такое опасеніе могло явиться только въ душѣ труса, какимъ былъ Пселлъ.

И дѣйствительно какъ только прошла та роковая ночь, новый императоръ вступилъ въ дружескій разговоръ съ Пселломъ, бесѣдуя о наилучшемъ управленіи государствомъ. Пселлъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пустить въ ходъ риторику и превознести до небесъ Комнина (Λαμπρῶς εὐδοκίμησα). Онъ поплылъ съ нимъ на одномъ суднѣ въ столицу и по дорогѣ у нихъ былъ слѣдующій разговоръ: „Мнѣ кажется, о философъ, сказалъ царь, что это высочайшее счастье шатко, и я не знаю выпадетъ ли мнѣ на долю такой же счастливый конецъ". „Мысль твоя мудрая, отвѣтилъ Пселлъ, но не всегда у счастливаго начала бываетъ неудачный конецъ, и если такъ опредѣлено судьбою это еще не значитъ, чтобы опредѣленіе судьбы не могло быть уничтожено. Если кто умилостивительными молитвами измѣняетъ несчастную жизнь, онъ этимъ самымъ разбиваетъ предопредѣленіе судьбы; такъ читалъ я въ философскихъ сочиненіяхъ и я говорю это на основаніи эллинскихъ (языческихъ) вѣрованій. По нашимъ же вѣрованіямъ не существуетъ предопредѣленія судьбы и необходимости испытать то или иное, конецъ вытекаетъ изъ предшествующихъ нашихъ дѣлъ. Если ты измѣнишь свой разумный образъ мыслей, возгордившись своимъ высокимъ положеніемъ, тебя постигнетъ справед-

ливое воздаяніе. Если же нѣтъ, будь спокоснъ, божество не завистливо, часто и многимъ оно даетъ полное и не измѣняющее имъ счастье. Выкажи свою добродѣтель прежде всего на мнѣ и не сердись на меня за то, что я, будучи посломъ, говорилъ съ тобою слишкомъ свободно, ибо я служилъ царю и не измѣнилъ ему; я говорилъ такъ не потому чтобы хотѣлъ повредить тебѣ, а потому, что хотѣлъ помочь тому". На это императоръ отвѣтилъ, по собственному признанію Пселла: „мнѣ больше нравилась твоя тогдашняя гордая рѣчь, чѣмъ теперешняя льстивая и меня прославляющая. Несмотря на это, я начну съ тебя, ибо ставлю тебя выше другихъ друзей, а потому дарую тебѣ чинъ проедра синклита" [1].

Переговоры Пселла съ Комниномъ изложены нами на основаніи мемуаровъ самого Пселла, единственнаго источника, гдѣ подробно разсказанъ этотъ эпизодъ [2]. Іоаннъ Скилицъ, историкъ, жившій въ царствованіе Алексѣя Комнина (въ концѣ XI вѣка), слѣдовательно младшій современникъ Пселла занесъ на страницы своей исторіи слѣдующее: „посольство обѣщало Комнину, что, если онъ сложитъ оружіе, онъ будетъ усыновленъ императоромъ и провозглашенъ кесаремъ, всѣмъ же заговорщикамъ будетъ прощено ихъ преступленіе. Говорятъ никто не согласился на такія условія. Послы возвращаются къ царю и, получивъ новое порученіе, застаютъ Комнина на пути въ мѣстечко Реи. Посольство возвѣстило, что по усыновленіи Комнинъ будетъ провозглашенъ царемъ (соправителемъ), и что царскими грамотами будутъ утверждены за сообщниками Комнина данные имъ чины и должности. Когда объявлено было это царское обѣщаніе, самъ Комнинъ и его полководцы остались довольны и просили подтвердить обѣщанія хрисовуломъ. Одинъ Кекавменъ не соглашался съ ними и требовалъ, чтобы Михаилъ отказался отъ престола, говоря, что недостойно свергнутаго съ престола вновь признать императоромъ Ромэйскимъ. По его словамъ легко могло случиться, что Комнина отравятъ и тогда ослѣпятъ его сподвижниковъ. Говорятъ, что послы, измѣнически исправляя посольство (παραπρεσβευσαντες), тайно сообща-

---

[1] Ps. IV, 233. καὶ πρόεδρον ἤδη τιμῶ τε καὶ κατονομάζω τῆς συγκλήτου βουλῆς. Въ письмѣ къ Махитарію Пселлъ сообщаетъ, что Исаакъ Комнинъ сдѣлалъ его проедромъ (Ps. V, 352). О томъ же упоминаетъ онъ въ письмѣ къ императрицѣ Екатеринѣ (Ps. V, 357). Въ письмѣ къ вестарху Хасану Пселлъ называетъ себя проедромъ (Ps. V, 439).

[2] Ps. IV, 217—233.

лись съ Кекавменомъ и совѣтовали ему твердо стоять на своемъ и ни въ чемъ не уступать“ [1].

На этомъ основаніи историки (Гиббонъ, Финлей), не знавшіе мемуаровъ Пселла, писали, что послы измѣнили Михаилу. Г. Скабалановичъ, изложившій лучше всѣхъ внутреннюю исторію Византіи XI вѣка, говоритъ: „хотя послы въ глубинѣ души сознавали превосходство Комнина предъ Стратіотикомъ и нисколько не были опечалены когда совершился переворотъ въ пользу Комнина, однакожъ долгъ своей исполнили честно“ [2]. Мнѣ кажется, что Пселлъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ нѣсколько двусмысленную роль и къ такому выводу я прихожу на основаніи его собственныхъ мемуаровъ. Въ вышеизложенномъ разсказѣ есть нѣкоторыя странности и несообразности, которыя наводятъ на мысль, что вообще Пселлъ изложилъ все дѣло не совсѣмъ правдиво. Такъ напр. по разсказу Пселла выходитъ, что императоръ остался очень доволенъ отвѣтомъ Комнина и не только согласился на условія, имъ предложенныя, но даже предложилъ ему больше, чѣмъ тотъ требовалъ, соправительство [3] вмѣсто нѣкотораго участія въ управленіи. Послы имѣли сильное, можно сказать рѣшающее значеніе въ разсказанномъ дѣлѣ, они сами составляли письма отъ имени императора, и позволительно думать, что ими были подсказаны такія льготныя для Комнина условія. Михаилъ приказываетъ будто бы передать секретнымъ образомъ Комнину, что чрезъ нѣсколько дней по прибытіи его въ Константинополь онъ провозгласитъ его соправителемъ; не можетъ онъ сдѣлать этого явно, потому что столичное населеніе и сановники не желаютъ имѣть царемъ Комнина [4]. Здѣсь опять явная несообразность; если императоръ полагалъ, что на его сторонѣ стоитъ столичный народъ и сановники, онъ не сталъ бы работать въ пользу узурпатора и дѣлать соправителемъ человѣка, ему ненавистнаго, за которымъ не признавалъ никакихъ заслугъ и котораго публично оскорбилъ. Столичное населеніе имѣло въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе; поэтому Комнинъ уже провозглашенный императоромъ соглашался промѣнять царскій титулъ на кесарскій, хорошо зная, что, если

---

[1] Cedr. p. 633—634 (Migne t. 122, p. 361—364).

[2] Виз. гос. и церковь, стр. 77.

[3] Ps. IV, 228. διόμνυσθε πρὸς αὐτὸν, ὅτι οὐ πολλῶν παρεληλυθεισῶν ἡμερῶν τοῦ βασιλείου κράτους κοινωνὸν τοῦτον ποιήσομαι.

[4] Ps. IV, 228. δέδοικα γὰρ τό τε δημοτικὸν πλῆθος καὶ τὴν συγκλητικὴν τάξιν καὶ οὐ πάνυ τι πιστεύω ὅτι κοινωνήσαιεν τοῦ βουλεύματος.

столица будетъ защищать Михаила, едва ли удастся взять сильно укрѣпленный Константинополь.

Такія несообразности не позволяютъ думать, чтобы Пселлъ изложилъ свое дѣло безпристрастно, да кромѣ того изъ его же разсказа можно вывести кое-что не совсѣмъ для него благопріятное. Когда Пселлъ подавалъ вышеизложенные совѣты императору Михаилу, онъ совѣтовалъ, предложивъ узурпатору что-нибудь для него лестное, внести раздоръ въ его войско и постараться отвлечь отъ него хоть часть солдатъ. На самомъ же дѣлѣ онъ этого не сдѣлалъ, онъ предлагалъ только Комнину удовольствоваться кесарскимъ чиномъ, внушая ему не то, что онъ такимъ образомъ займетъ высокое положеніе при дворѣ, а то, что это вѣрнѣйшій путь достичь престола законнымъ образомъ. Онъ проговорился, сказавъ войску, что принесъ имъ царство (Ps. IV 226 εἰ βασιλείαν ἔφην διακομίσας ὑμῖν). Едва ли такимъ образомъ Пселлъ исполнялъ желаніе Михаила, не имѣвшаго никогда намѣренія дѣлать Комнина соправителемъ. Затѣмъ вмѣсто того, чтобъ сдѣлать какъ можно меньше уступокъ узурпатору Пселлъ является къ нему съ обѣщаніемъ, что черезъ нѣсколько дней онъ будетъ провозглашенъ такимъ же царемъ какъ Михаилъ. Очевидно ознакомившись съ настроеніемъ столицы, Пселлъ работалъ въ пользу Комнина, а не Михаила. Надо думать, что онъ сдѣлалъ что-нибудь для узурпатора, если тотъ, еще не вступивъ на престолъ, поспѣшилъ наградить его чиномъ проедра. Трудно предполагать, что эта награда досталась ему за безкорыстную защиту интересовъ императора Михаила. Поэтому большую важность пріобрѣтаетъ прямое указаніе Скилица, историка, которому мы по большей части довѣряемъ, такъ какъ онъ пользовался хорошими источниками.

Косвенно самъ Пселлъ говоритъ, что его обвиняли въ недобросовѣстномъ исполненіи обязанностей посла; онъ два раза (въ мемуарахъ и панегирикѣ Лихуду) разсказываетъ, что неохотно брался за посольство къ Комнину, потому что боялся, что его обвинятъ въ измѣнѣ. Такое опасеніе довольно странно и невольно думаешь, что до Пселла дѣйствительно дошли подобные толки и подъ ихъ вліяніемъ онъ написалъ указанныя фразы; мемуары и панегирикъ Лихуду писались уже послѣ воцаренія Комнина и при описаніи событій предшествовавшихъ могли невольно отразиться болѣе позднія обвиненія [1].

---

[1] Ps. IV, 218. ἀτιμάσει μου τὴν πρεσβείαν καὶ ἄπρακτον ἀποπέμψεται, οἱ δέ γε πολλοὶ διαβαλοῦσί με, ὡς αὐτὸς τὴν πρὸς σὲ πίστιν προδοὺς, ἐκεῖνον

Мнѣ кажется ясно одно: Пселлъ всячески старался согласовать якобы интересы царя съ интересами узурпатора, возвести на престолъ Комнина безъ кровопролитія и такимъ образомъ войти въ милость будущаго императора, не теряя благосклонности монарха, котораго оффиціально представлялъ.

Пселлъ не только былъ награжденъ высокимъ чиномъ проедра [1], онъ во все царствованіе Комнина оставался самымъ близкимъ человѣкомъ къ императору. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его письма къ Комнину.

Вотъ что писалъ Пселлъ императору, когда тотъ выступилъ въ походъ противъ Венгровъ и Печенѣговъ въ 1059 г.

„Царю, во вѣки живи (Пр. Дан. гл. 2 ст. 4), Даніилъ сказалъ это бесѣдуя съ нехорошимъ царемъ; я же бесѣдуя въ письмѣ съ земнымъ Богомъ — говорю это смѣло — присоединяю еще слѣдующее: царь милостивѣйшій, кротчайшій, человѣколюбивѣйшій, живи долго въ настоящій вѣкъ, и вѣчно въ будущій. Объ этомъ молюсь я о тебѣ и надѣюсь, что свершится первое на спасеніе и упокоеніе народа, второе въ воздаяніе твоихъ земныхъ дѣяній. Не имѣя твоихъ добродѣтелей я быть можетъ буду далеко отъ удѣленной тебѣ въ будущемъ вѣкѣ жизни. Но теперь зачѣмъ нахожусь я въ разлукѣ съ тобой? Я говорю это не къ тому, чтобъ мнѣ подняться на твои небесныя высоты, но чтобы ты самъ возвратился и снизошелъ къ намъ и полюбилъ жизнь съ нами. Такъ даже Богъ, сойдя съ неба, поселился въ Палестинѣ; не хуже древняго Іерусалима эта мать городовъ, (т. е. Константинополь), которую ты почтилъ, въ которой былъ почтенъ, которую сдѣлалъ по объему царицей, въ которой воцарился. Какъ ты, божественный царь, презрѣвъ любимѣйшія существа, взялъ на себя опасность ради спасе-

---

ἐπῆρα ταῖς κρείττοσι τῶν προσδοκιῶν (слова сказанныя Пселломъ императору Михаилу).

Ps. IV, 408. ὑπώπτευον δὲ καὶ τὰς τῶν πολλῶν γλώττας, μήπως καὶ ἀτυχήσαντά με παραπρεσβείας οἱ πολλοὶ γράψοιντο.

[1] Выше проедра были слѣдующіе чины: протопроедръ, новелиссимъ, куропалатъ, кесарь. Саѳа пишетъ, что Комнинъ назначилъ Пселла членомъ синклита; но онъ и безъ того былъ имъ, потому что членами синклита считались всѣ чиновники не ниже протоспаѳарія. Вполнѣ довѣряя мемуарамъ Пселла, Саѳа сдѣлалъ изъ его посольства къ Комнину своего рода подвигъ; онъ будто бы рѣшился защитить интересы царя, относившагося къ нему несочувственно, и держалъ себя въ лагерѣ Комнина необыкновенно смѣло (Ps. IV, p. LXXVIII—LXXXI).

нія міра, такъ и она готова подвергаться опасности за тебя; любя тебя больше возлюбленнаго, она превозноситъ тебя за твою рѣшимость и уже провозглашаетъ тебя побѣдителемъ.

То, что тебѣ слѣдовало сдѣлать, ты сдѣлалъ, царь; а идти дальше впередъ не безопасно. Что тобой сдѣлано до сихъ поръ отважно и предусмотрительно, идти же дальше, боюсь, чтобъ не было названо излишнею смѣлостью. Если я на дѣлѣ не способенъ участвовать въ войнѣ, это не значитъ, чтобы я въ ней ничего не понималъ (ἐγὼ δὲ οὐχ ὥσπερ τοῖς ποσὶν ἀστράτευτος, οὕτω δὴ καὶ τῇ κεφαλῇ); еслибы я хотѣлъ распространиться на эту тему, я могъ бы привести много законовъ стратегіи, учащихъ когда, до какихъ поръ и какимъ образомъ слѣдуетъ самодержцу принимать участіе въ походѣ.

Слѣдовало напугать варваровъ, они напуганы; слѣдовало ободрить подвластное тебѣ войско, оно ободрено; перерѣзать же враждебный народъ еще не наступило время. Итакъ, не выступай прежде времени, чтобы не случилось съ тобою чего-нибудь неожиданнаго. Пишу откровенно справедливѣйшему царю, котораго не боюсь; говорю смѣло безъ всякой лести. Богъ да приведетъ все къ лучшему, да кончатся дѣла болѣе мирнымъ и спокойнымъ образомъ чѣмъ прежде. Но приди вновь къ намъ; ибо мы радуемся больше, когда ты управляешь колесницей надъ нашими головами, чѣмъ когда видимъ, что ты удалился съ колесницы“ [1].

Пселлъ совѣтовалъ Комнину, вернуться въ столицу и не подвергаться опасности; императоръ однако не послушался этого совѣта и, заключивъ миръ съ Венграми, направился противъ Печенѣговъ. Вскорѣ послѣ этого Пселлъ отправилъ царю письмо слѣдующаго содержанія.

„Дерзнулъ вновь недостойный рабъ твой, я ничтожнѣйшій и незначительнѣйшій изъ всѣхъ людей, уповая на твою неизреченную ко мнѣ милость; пишу это письмо державѣ твоей, болѣя и страдая, что лишенъ разговора съ тобой, но тѣмъ не менѣе пользуясь вмѣсто живаго слова писаніемъ и тѣмъ утѣшаясь.

Сначала, божественный царь, я подавалъ твоей державѣ совѣтъ, какой могъ, не потому, чтобы я стоялъ выше твоей возвышенной и непобѣдимой души, а потому, что ты скромнаго о себѣ мнѣнія и по своей привычкѣ побуждалъ меня къ этому (дать тебѣ совѣтъ). Теперь же не время подавать совѣты, а хвалить и восхвалять тебя за твои подвиги. Ибо хотя я не слышалъ еще о концѣ твоей великой борьбы и не узналъ о великомъ окончаніи твоего похода, я смотрю на дѣло

[1] Ps. V, 315—316.

такъ, что ты уже побѣдилъ. Хотя твоимъ подвигамъ не положено еще счастливаго предѣла, но рѣшиться на такую опасность, когда всѣ отсовѣтовали тебѣ выходить изъ столицы, собрать столь великое войско и управлять имъ, придумать такіе искусные стратегическіе пріемы, идти впередъ въ строю, однимъ мановеніемъ руки руководить столь значительнымъ войскомъ, устанавливать фаланги и приводить ихъ въ движеніе, ободрять струсившихъ, поставлять имъ отовсюду необходимое прокормленіе, и—что самое важное и трудное—разъединить варварское войско, удержать и обратить къ себѣ хотѣвшихъ отпасть союзниковъ, самого врага столкнуть въ непроходимую пропасть, этого одного достаточно, для большаго панегирика твоему походу, для доказательства твоего великодушія, такъ какъ ты самъ подвергаешься опасности, въ то время какъ этого не дѣлали другіе самодержцы. Объ этомъ, если бы даже никто не сталъ говорить, будутъ кричать камни, небо съ верху испуститъ гласъ и даже неодушевленные предметы будутъ трубить о твоей добродѣтели. Я же, котораго ты самъ считаешь ученымъ, котораго часто хвалишь, философскимъ разсужденіямъ и ораторскому искусству котораго удивляешься, присоединяю къ этому слѣдующее: если ты все уже окончилъ и покорилъ, нечего и говорить, если же конецъ войны еще неизвѣстенъ, то установи три категоріи побѣдъ, большихъ, среднихъ и послѣднихъ, и пусть будетъ большая побѣда окончательное исчезновеніе варваровъ, средняя ихъ переходъ въ другое мѣсто, третья и послѣдняя ихъ подчиненіе тебѣ, истинное и по наружному виду, и на дѣлѣ. Если ты одержишь большую побѣду-питай величайшую благодарность къ Богу, все измѣнившему къ лучшему, если же ты достигнешь второй или третьей, будь доволенъ и этимъ и считай сдѣланное тобою достаточнымъ подвигомъ.

Когда же ты побѣдишь, божественный царь, тогда будь истиннымъ философомъ, не возгордись своимъ подвигомъ, не возносись своей побѣдой. Люди обыкновенно бываютъ благоразумны и кротки, когда неизвѣстенъ исходъ дѣла, когда же имъ посчастливится, они становятся самоувѣренны и заносчивы. Я не сошелъ съ ума, чтобы говорить это о тебѣ, представляющемъ примѣръ великодушія и скромности, но говорю это о командующихъ войсками, и даже не о генералахъ, а о ихъ подчиненныхъ. Великій и знаменитѣйшій царь Агесилай боялся больше мира послѣ войны, чѣмъ войны до мира. Поэтому, сражаясь, онъ являлся отважнымъ и самоувѣреннымъ, одержавъ же побѣду, имѣлъ недовольный видъ, зорко слѣдилъ за войскомъ, утишая его пылъ.

Но что я по пусту болтаю? какому же это я говорю самодержцу? тому чье военное искусство нисколько не ниже Александра Македон-

скаго, чьи мнѣнія и планы несравненны и безподобны, у кого кроткій взглядъ, любезный языкъ, глубокая мысль и все остальное, что свойственно геройской и благородной душѣ. Терпи мою болтовню, ибо ты самъ приказываешь мнѣ говорить и повелѣваешь писать, не знаю, за что полюбивъ мой языкъ и желая слушать мою рѣчь.

Вернись къ намъ скорѣе, божественный самодержецъ, желанный къ страстно желающимъ тебя видѣть. Однако не думай, божественный царь, что тебѣ одному принадлежитъ военный подвигъ. Вмѣстѣ съ тобою стяжала его и царица, великій образецъ и гордость женскаго пола. Ибо она послала къ тебѣ Божію Матерь (αὕτη γάρ σοι τὴν θεομήτορα συνεξεπέμψε), молясь Ей, умоляя Ее, проливая слезы, бодрствуя значительную часть ночи вмѣстѣ съ дочерью. Обѣ онѣ принимали участіе въ борьбѣ, слѣдовательно принимаютъ участіе и въ побѣдѣ“ [1].

Незнакомый съ византійской риторикой и манерой Пселла можетъ подумать, что рѣчь идетъ дѣйствительно о какой-нибудь блестящей побѣдѣ. На самомъ же дѣлѣ по разсказу Атталіата случилось только то, что когда Исаакъ Комнинъ выступилъ противъ Печенѣговъ, они не противопоставили ему почти никакого отпора; между князьями отдѣльныхъ печенѣжскихъ колѣнъ не было единодушія и согласія, одинъ за другимъ они признали надъ собой власть византійскаго императора и обѣщались сохранить вѣрность [2].

Послѣ блестящей побѣды Комнина надъ печенѣжскимъ ханомъ Селте (въ 1059 г.) Пселлъ отправилъ ему письмо слѣдующаго содержанія.

Царю Исааку Комнину находящемуся въ походѣ.

Ты, владыко, не позволяешь мнѣ веселиться и радоваться столь великимъ и столь важнымъ военнымъ подвигамъ и успѣхамъ; ты сдерживаешь мой языкъ и не дозволяешь голосу раздаваться такъ громко, какъ я желалъ бы. Ибо когда я разсматриваю твое гражданское и военное управленіе, то что ты совершилъ до войны и что сдѣлалъ на войнѣ, именно какъ ты соблюлъ всѣ стратегическіе законы, какъ на практикѣ примѣнилъ правила тактики, вступая въ сраженіе при надлежащихъ обстоятельствахъ, не теряя присутствія духа въ опасности, какъ наконецъ ты поднялъ лежавшее въ небреженіи на землѣ цар-

---

[1] Ps. V, 416—419.

[2] В. Г. Васильевскій. Византія и Печенѣги, стр. 136 (Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г. ноябрь).

ство Ромэевъ, возстановилъ древнюю его красу и величіе и освободилъ его отъ крайняго позора, отъ котораго оно чуть было не ушло подъ землю и не погибло; когда я думаю обо всемъ этомъ и размышляю объ этой высокой помощи, я прихожу въ восторгъ отъ удовольствія и часто желаю плясать и прыгать по поводу этихъ событій и дѣлать и другое, что обыкновенно дѣлаетъ душа, внезапно преисполненная радостью, превосходящей всѣ удовольствія и прелести, когда-либо существовавшія. Какъ только я поразмыслю о твоей героической и божественной душѣ, совершившей по истинѣ великія дѣла, глубокой, мощной и непоколебимой, послѣ столь великихъ и отмѣнныхъ подвиговъ оставшейся неизмѣнной и все той же, какъ будто не случилось ничего новаго, не возгордившейся побѣдами, не похвалившейся военнымъ искусствомъ, въ письмахъ къ намъ не похваставшейся удачной разстановкой войска, бѣгствомъ непріятеля, избіеніемъ варваровъ, я тотчасъ же пораженный стойкостью твоего ума, крѣпостью твоей души, забывъ о веселіи и торжествѣ, весь преисполняюсь изумленіемъ и удивленіемъ къ тебѣ, и восхищаюсь тобою, самодержцемъ всѣхъ людей, доблестнымъ стратигомъ, совѣтникомъ безпримѣрнымъ, башнею несокрушимой, твердынею неприступной, стѣною непоколебимой. Я удивляюсь твоимъ военнымъ подвигамъ, воздаю тебѣ должную хвалу и считаю достойнымъ нетлѣннаго вѣнца и провозглашенія тебя богомъ. Я въ высшей степени пораженъ непоколебимостью твоего разсудка, стойкостью твоего ума, и тѣмъ, что ты оказываешься выше трофея, побѣды и хвалы, и безъ колебанія я провозглашаю, что ты по истинѣ выше человѣка.

Ты, о великая польза Ромэевъ, думаешь что впервые одержалъ побѣду теперь, когда отбилъ и отразилъ варваровъ, напавшихъ на твое войско со всѣхъ сторонъ, обратилъ въ бѣгство враговъ, казавшихся до сихъ поръ непобѣдимыми, однако не выдержавшихъ твоей стратегіи и твоей команды, но какъ левъ, зарычавши отъ боли убѣжавшихъ со всѣхъ ногъ и разсѣявшихся по чащѣ и болотамъ [1]; я же приписы-

[1] „Только Селте не хотѣлъ покориться, надѣясь на неприступное положеніе своего убѣжища, которое онъ нашелъ себѣ на берегу Дуная на какой-то скалѣ. Варваръ дошелъ до такой дерзости, что не побоялся выйти въ открытое поле противъ всѣхъ силъ императора. Онъ былъ скоро наказанъ за свою смѣлость. Разбитый на голову высланнымъ противъ него отрядомъ, Селте избѣгалъ плѣна только въ густыхъ лѣсахъ около Дуная; его укрѣпленіе было занято византійскимъ гарнизономъ“. В. Г. Васильевскаго, Византія и Печенѣги (Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г. ноябрь, стр. 137).

ваю тебѣ много побѣдъ, которыя можетъ перечесть всякій хорошій и независтливый человѣкъ.

Именно ты былъ увѣнчанъ первою побѣдою, когда превзошелъ всѣхъ насъ малодушныхъ или эгоистовъ и принявъ на себя рискъ за всѣхъ, ушелъ изъ столицы [1]. Вторую побѣду значительно бо́льшую предъидущей ты одержалъ надъ корыстолюбіемъ войска, убѣдивъ его уважать всѣхъ, довольствоваться своимъ собственнымъ жалованьемъ и не притѣснять убогихъ земледѣльцевъ [2]. Третью побѣду ты одержалъ въ томъ, что водворилъ единодушіе въ войскѣ, совершенно искоренилъ всякіе раздоры и трусость, не обративъ вниманія на ругательныя сочиненьица, отнесшись съ презрѣніемъ къ клеветавшимъ другъ на друга, съ насмѣшкою къ старавшимся напугать тебя, и все это въ то время, какъ ты стоялъ среди мечей, на самомъ ихъ остріѣ, среди стрѣлковъ и гоплитовъ. Четвертая же побѣда заключается въ томъ, что ты до войны одолѣлъ варваровъ, побѣдилъ ихъ дипломатіей и оружіемъ, разъединилъ враговъ, однихъ привлекъ на свою сторону, другихъ отразилъ [3].

Еслибы кто захотѣлъ увѣнчать тебя и восхвалить за такія дѣла, есть ли знаки отличія, которыхъ онъ не счелъ бы тебя достойнымъ, есть ли самодержцы, знаменитые своими военными подвигами, которыхъ онъ не поставилъ бы ниже тебя? А ты самъ, душа никакъ не могущая насытиться прекраснымъ, какъ будто не одержалъ никакой побѣды и теперь впервые приступилъ къ командованію войскомъ, достигъ большей побѣды и болѣе совершеннаго тріумфа. Но кто же не удивляется твоему походу, твоему кругообразному шествію, стратегическому взгляду, проходу въ тѣснинахъ, какъ ты прошелъ, расширяя и стягивая войско? Кто не пораженъ твоими трудами, твоими безсон-

---

[1] Намекъ на возстаніе Комнина.

[2] „Требовалась большая, можно сказать, самоотверженная энергія, чтобы ограничить солдатскія насилія и грабительства. Хищническіе инстинкты войска, жертвою которыхъ дѣлались мирные земледѣльцы, крестьянство, не легко было укротить. Появленіе византійской арміи для жителей было своего рода вражескимъ нашествіемъ, иногда не уступавшимъ вторженію настоящаго врага". Скабалановичъ, виз. гос. и церк., стр. 277—278.

[3] „Исаакъ направился къ востоку, за Балканы, для усмиренія Печенѣговъ. На этотъ разъ они почти не противопоставили никакого отпора. Между князьями отдѣльныхъ печенѣжскихъ колѣнъ не было единодушія и согласія; одинъ за другимъ они признали надъ собою власть византійскаго императора и обѣщались сохранить вѣрность". Васильевскій, Византія и Печенѣги, стр. 136—137.

ными ночами, твоей заботливостью, щедростью души, непоколебимостью разсудка?

Когда внезапно показались непріятели и подняли тотъ грубый лай, который они всегда поднимаютъ, ты не испугался крика, но противопоставивъ имъ молчаніе и спокойствіе войска, молча оказался сильнѣе лающихъ варваровъ; укрѣпившись кругомъ вокругъ тебя, они нападали на войско и тѣснили его, но больше отражались чѣмъ разрывали строй. А бѣгству ночью, и крику варваровъ, когда ты сокрушилъ непріятеля, а мужеству твоему кто не удивится?

Читая, божественнѣйшій царь, о походахъ и побѣдахъ древнихъ царей, вижу, что одного восхваляютъ только за то, что онъ подалъ отличный совѣтъ, другаго только за то, что подвергался опасности, третьяго за то, что онъ прорвался сквозь непріятельскій строй, наконецъ четвертаго за то, что онъ не двинулся съ мѣста при нападеніи непріятеля; и только одного царя Македонскаго отличаютъ особенными похвалами за то, что онъ въ одно и то же время однихъ непріятелей избивалъ, другихъ обращалъ въ бѣгство, у третьихъ захватывалъ ихъ укрѣпленный лагерь, все это подвиги, которые послѣ того знаменитаго мужа въ совокупности были совершены только твоею державою.

Но ты не поддающійся никакимъ увлеченіямъ, единственный изъ всѣхъ не поддающійся радости и удовольствію, ты даже не помогъ намъ разсказать о тебѣ, даже не похвастался своими подвигами, ты, стоящій выше всего и тѣлесъ и душъ, характеровъ и умовъ, царей и полководцевъ и — осмѣлюсь сказать—существъ безтѣлесныхъ! Если ты спросишь меня, каковъ на мой взглядъ твой военный подвигъ, я коротко отвѣчу: это созданіе втораго міра или превращеніе стараго въ новый; онъ таковъ на мой взглядъ, что я этого даже не умѣю выразить. Еслибы ты видѣлъ меня, когда первая вѣсть о побѣдѣ потрясла мнѣ слухъ, тогда ты узналъ бы, какое значеніе я придалъ твоему походу. Ибо, поднявъ тотчасъ руки, я закричалъ отъ радости, и какъ громко! чуть было не заплясалъ. Затѣмъ какъ будто въ припадкѣ сумасшествія я бѣгалъ вокругъ дома съ громкимъ крикомъ и шумомъ; сѣвъ безъ всякихъ приготовленій на коня въ томъ платьѣ, въ какомъ находился, явился къ царицѣ и сообщилъ ей объ этой радости. Затѣмъ отправившись на площадь, объявилъ народу о побѣдѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснилъ имъ твой характеръ и этимъ объяснилъ, почему ты не написалъ народу. Они раньше были этимъ недовольны, но когда узнали, что ты не любишь хвастаться, недовольство превратилось въ восторгъ. Да будетъ извѣстно твоей царственности, что весь народъ

повергаетъ къ твоимъ стопамъ свои чувства и любятъ тебя всѣ не только люди съ душею, но и тѣ, у кого каменныя или желѣзныя сердца.

Неужели моими словами очарованъ единственный человѣкъ, остающійся равнодушнымъ къ очарованіямъ, или ты и къ нимъ отнесся равнодушно? Слѣдовало бы, чтобы тебѣ, не поддающемуся никакой чувственной красотѣ, понравился мой гладкій и красивый слогъ. Кто былъ бы счастливѣе меня, еслибы царь, презирающій всякое наслажденіе, оказывающійся равнодушнымъ и закаленнымъ противъ всякихъ чаръ, былъ очарованъ мои словами. Еслибы твоя держава была очарована моими словами, это было бы поистинѣ новостью и неожиданностью; мнѣ же твои письма приносятъ не только удовольствіе и радость, но и извѣстность въ потомствѣ, славу и знаменитость, родъ мой будетъ гордиться этими царскими письмами, а я пріобрѣту безсмертную славу. А за твои письма ко мнѣ, да напишетъ Богъ твое имя въ книгѣ живыхъ и да сопричтетъ тебя къ Апостоламъ“ [1].

Изъ этого письма видно, что Пселлъ занималъ выдающееся положеніе въ царствованіе Исаака Комнина; съ театра войны ему первому сообщали о ходѣ военныхъ дѣйствій, и онъ считалъ возможнымъ являться къ императрицѣ не только безъ зова, но даже въ домашнемъ платьѣ. По возвращеніи Комнина изъ похода противъ Печенѣговъ, Пселлъ отъ лица столичныхъ жителей произнесъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой прославлялъ его за побѣды и превозносилъ до небесъ его военныя доблести [2].

Пселлъ былъ близокъ не только съ императоромъ, но и со всѣмъ его семействомъ. Когда однажды Комнинъ отправился въ какую-то провинцію для разрѣшенія дѣлъ, требовавшихъ его личнаго присут-

---

[1] Ps. V, 300—304.

[2] Рѣчь эта въ парижскомъ кодексѣ 1182, по которому она напечатана Саѳою, имѣетъ заглавіе: προσφώνησις πρὸς τὸν βασιλέα κῦρ Ἀλέξιον τὸν Κομνηνὸν παρὰ τῶν πολιτῶν ἐν κλητορίῳ (Ps. V, 228—230). Саѳа поправилъ къ Роману Діогену вмѣсто Алексѣю Комнину. Та же рѣчь сохранилась въ одномъ венеціанскомъ кодексѣ и одномъ ватиканскомъ; по венеціанскому кодексу она была сказана Комнину, по ватиканскому Роману Діогену. Объ Алексѣѣ Комнинѣ нельзя думать, потому что, на сколько мы знаемъ Пселла, не было въ живыхъ въ это время. Всего вѣроятнѣе, что эта рѣчь была сказана Исааку Комнину, въ чемъ насъ убѣждаетъ слѣдующее обстоятельство: вслѣдъ за этой рѣчью въ парижскомъ кодексѣ слѣдуетъ письмо съ надписью „тому же самому“ (т.-е. какъ предыдущая рѣчь), а письмо это, какъ тожественное по содержанію съ нижеприводимымъ письмомъ къ царицѣ Екатеринѣ, было несомнѣнно послано Исааку Комнину.

ствія и ему сопутствовала его супруга, императрица Екатерина, онъ пишетъ послѣдней письмо слѣдующаго содержанія:

„Священная владычица моя и боговѣнчанная царица! Я страстно желалъ бы видѣть нашего царя и желалъ бы, чтобы онъ постоянно жилъ въ столицѣ. Я жажду васъ и тогда, когда вы здѣсь, но я совсѣмъ не могу вынести, что вы отсутствуете изъ столицы, хоть ушли изъ нея на короткое время; какъ бы скрытый огонь сжигаетъ и терзаетъ мою душу и я не въ состояніи переносить разлуки съ вами.

Такъ какъ я не могу имѣть другаго общенія съ вашею державою, я утѣшаюсь письмами къ вамъ; ибо мнѣ кажется, что я разговариваю съ вами при посредствѣ писемъ. Поэтому я посылаю къ твоей царственности монаха, котораго обыкновенно посылаю, и осмѣливаюсь спросить, какъ здоровье великаго свѣтила, царя міра и моего царя? Какъ здоровье свѣта моего сердца, наслажденія души моей, мысленнаго солнца?

Затѣмъ я спрашиваю и о твоей державѣ: какъ здоровье по истинѣ царицы, украшенной золотыми украшеніями добродѣтелей, въ которой и по происхожденію течетъ царская кровь и которая новымъ царственнымъ союзомъ превзошла прежнюю славу? Какъ здоровье твое, свѣтоносная жизнь? Не удивляйся, что часто я спрашиваю тебя объ этомъ: за полученныя мною отъ твоей державы тысячи благъ, благосклонный взглядъ, милосердіе, царское благорасположеніе, я приношу малое воздаяніе, вопросъ этотъ и поклоненіе. Да дашь ты мнѣ хорошій отвѣтъ, что ты здорова, что ты довольна, что ты радуешься здоровью самодержца.

Не стану отрицать, что много милостей даровалъ мнѣ человѣколюбивѣйшій царь, я во всеуслышаніе и громкимъ голосомъ возглашаю о дарованныхъ мнѣ почестяхъ, о чинѣ проедра, о его благосклонности ко мнѣ, о многомъ другомъ. Но не поэтому я такъ страстно желаю его возвращенія, а вслѣдствіе прирожденныхъ ему добродѣтелей и заботливости о государственныхъ дѣлахъ. Убѣди его вернуться, хотя онъ и теперь достигъ чистаго наслажденія; ибо, какъ мы слышали, онъ ушелъ изъ столицы не на охоту, но для дѣла, не ловить звѣрей, но разрѣшить приказныя дѣла (σεκρετικὰ διαλῦσαι ζητήματα). Да будетъ на многая лѣта царство ваше, возвеличивающее дѣла Ромэевъ и прекрасно управляющее державою“ [1].

---

[1] Ps. V, 356—358. Въ то же время Пселлъ послалъ императору вышеупомянутое письмо, котораго не привожу здѣсь, потому что оно по содержанію

До насъ дошли два письма Пселла къ одному изъ племянниковъ Комнина, вѣроятно сыну его брата Іоанна, занимавшаго должность дуки какой-то провинціи и имѣвшаго чинъ магистра. Изъ этихъ писемъ видно, что Пселлъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ адресатомъ и съ другимъ племянникомъ Комнина Ѳеодоромъ Докіаномъ. Въ первомъ письмѣ онъ называетъ царскаго племянника не только господиномъ (αὐθέντης) и свѣтлѣйшимъ, но также любезнѣйшимъ братомъ, и сообщаетъ, что осмѣлился послать царю короткую записку, написанную именно такъ, какъ онъ ему совѣтовалъ [1].

Во второмъ письмѣ онъ всячески восхваляетъ царскаго племянника, называетъ его цвѣтомъ Ромэйской земли, говоритъ, что любитъ его за его необыкновенный умъ и характеръ. „Однако вы согласитесь, продолжаетъ онъ, что вы всѣ по разуму стоите ниже царя. Но все же есть подобіе между вами и вашимъ первообразомъ, это ясно изъ того, что вы дѣлаете и говорите, ты свѣтлѣйшій магистръ и превысокій дуксъ, и равный тебѣ и по разуму, и по судьбѣ; ты понимаешь, что я говорю объ удивительнѣйшемъ Докіанѣ [2]). Я радуюсь, что вы представляете изъ себя для нашего божественнаго самодержца такія передовыя укрѣпленія, одинъ стоя рядомъ съ нимъ и какъ бы стоя передъ нимъ со щитомъ, ты же издали отражая нападенія враговъ“. Письмо кончается тѣмъ, что Пселлъ проситъ оказать протекцію нѣкоему Іосифу, мужу, умѣющему говорить, благонравному и разумному. Если ты любишь меня, говоритъ Пселлъ, какъ ты это всѣмъ разсказываешь, ты долженъ быть хорошо расположеннымъ и къ тому, кто меня любитъ, пожалѣть о немъ и оказать ему услуги“ [3].

Что Пселлъ занималъ выдающееся положеніе въ царствованіе Комнина видно изъ письма къ логоѳету дрома. Логоѳетъ дрома, по нашему министръ путей сообщенія и иностранныхъ дѣлъ, занималъ важное мѣсто среди византійскихъ сановниковъ; онъ считался по церемоніалу пятымъ должностнымъ лицомъ по гражданскому вѣдомству [4]. Логоѳетъ дрома сопровождалъ Комнина въ походъ на Дунай. Онъ написалъ Пселлу всего разъ, чѣмъ тотъ остался недоволенъ; поэтому

совпадаетъ съ письмомъ къ Екатеринѣ, а изъ трехъ приведенныхъ писемъ достаточно видно, въ какихъ отношеніяхъ къ императору былъ Пселлъ и какъ онъ ему писалъ.

[1] Ps, V, 358.

[2] Скилицъ упоминаетъ о Ѳедорѣ Докіанѣ, племянникѣ Комнина Cedr. II, 648.

[3] Ps. V, 432—434.

[4] De Ceremon. p. 713.

онъ проситъ его, хотя въ приличномъ тонѣ, но безъ всякаго низкопоклонства, къ которому онъ былъ такъ склоненъ, когда имѣлъ дѣло съ людьми выше себя поставленными, сообщить ему подробныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. „Написать только разъ, мудрѣйшій, пишетъ Пселлъ логоѳету, угостить медомъ и затѣмъ отнять его, это признакъ злой души, а не мудрой. Мы не хвалимъ рѣкъ, текущихъ только зимой, а лѣтомъ высыхающихъ; когда свѣтило удаляется зимою къ югу мы не хвалимъ его, потому что желали бы, чтобы оно было постоянно надъ нами. Почему же ты не течешь постоянно, не свѣтишь постоянно, тогда какъ есть много основаній для свѣта и теченія. Ибо Дунай и дѣла на Дунаѣ даютъ обильный поводъ для потока словъ. Почему же ты не двигаешь къ намъ эти великія волны, перечисляя, что дѣлается на войнѣ, прорытіе рвовъ, канализацію, перестрѣлки, убійства людей, растягиваніе строя и окруженіе непріятельскихъ фланговъ? Я далеко не хорошо знаю, какія вы одержали побѣды. Уши наши преисполнены шумомъ отъ вашихъ дѣлъ, о которыхъ доходитъ до меня много слуховъ, одинъ говоритъ о нападеніи, другой о томъ, что его не было, третій о сраженіи. Я радуюсь, что до меня доходятъ слухи о васъ, но не вполнѣ довѣряю этимъ разсказамъ. Подай же теперь голосъ и напиши, что дѣлается на войнѣ, хоть коротко и не соблюдая правилъ риторики“ [1].

Во время похода императора Исаака Пселлъ написалъ и два письма съ разными пожеланіями царскимъ нотаріямъ, бывшимъ съ царемъ на войнѣ, изъ чего видно, что онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всей императорской канцеляріей [2].

Константинопольскій патріархъ Михаилъ Кирулларій способствовалъ, какъ мы видѣли, возведенію на престолъ Комнина, за что императоръ поступился нѣкоторыми своими правами въ пользу патріарха. „Недолго однакоже продолжалось согласіе между императоромъ и патріархомъ, говоритъ г. Скабалановичъ. Въ характерѣ Исаака Комнина были нѣкоторыя черты общія съ Кирулларіемъ, какъ-то: двойственность поведенія въ домашней и официальной жизни, суровое и высокомѣрное обращеніе съ людьми. Разница главнымъ образомъ состояла въ томъ, что у Комнина было менѣе, чѣмъ у Кируллаpія, разсудительности въ поступкахъ, менѣе стремленія приноравливаться къ обстоятельствамъ и болѣе нетерпимости, безцеремонности, рѣз-

[1] Ps. V, 330—331.

[2] Ps. V, 305—306, 485—486.

кости и рѣшимости въ дѣйствіяхъ. Въ лицѣ Кирулларія и Комнина сошлись двѣ натуры одинаково устойчивыя и неподатливыя, два самолюбія одинаково исключительныя; натура теоретика, неуклоннаго въ преслѣдованіи излюбленной теоріи, столкнулась съ натурой солдата, не признававшаго узловъ, которыхъ нельзя было бы разсѣчь мечомъ, честолюбіе патріарха, для котораго не было достоинства и власти выше патріаршей, съ честолюбіемъ императора, недопускавшаго въ мірѣ власти выше императорской. Трудно было ужиться рядомъ представителямъ двухъ, противоположныхъ направленій, при характерѣ, исключавшемъ возможность уступки съ той или другой стороны. Одна сторона необходимо должна была сойти со сцены и необходимость выпала на долю той, которая была физически слабѣе. Истинная причина кризиса, постигшаго патріарха, скрывалась въ личныхъ качествахъ императора. Кирулларій былъ совершенно послѣдователенъ и вѣренъ себѣ, поступалъ при Комнинѣ такъ, какъ онъ поступалъ прежде, но послѣдовательность и погубила его; роковая его ошибка заключалась въ томъ, что онъ не хотѣлъ принять въ разсчетъ, что императорскій престолъ занимаетъ суровый Комнинъ, а не легкомысленный и перемѣнчивый Мономахъ, не слабая женщина и не дряхлый старикъ. Поводомъ къ столкновенію была политика Комнина относительно церкви, секуляризація церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Патріархъ, какъ защитникъ церковныхъ интересовъ, не могъ безучастно отнестись къ этому поступку. Онъ смѣло заговорилъ съ императоромъ, хотѣлъ подѣйствовать сначала пастырскими вразумленіями и кротостію, когда же это не помогло, грозилъ эпитиміей [1].

Въ душѣ своей Пселлъ относился неодобрительно къ внутренней политикѣ Комнина; въ своихъ мемуарахъ онъ порицаетъ императора за секуляризацію церковныхъ имуществъ, въ особенности за то, что онъ торопился уничтожать прежніе порядки, дѣлалъ это безъ должной осмотрительности, не принимая ничьихъ совѣтовъ и не соображая, какія могутъ произойти результаты, чѣмъ возбудилъ недовольство народа и духовенства. „Богъ создалъ міръ въ шесть дней, говоритъ онъ, а императоръ хотѣлъ все сдѣлать въ одинъ день“ [2].

Не смотря на это, боясь лишиться царскихъ милостей и чуя на

---

[1] Визант. гос. и церк. стр. 385—386.

[2] Ps. IV, 242—244. τὸ δ' ἀθρόως πάντα συνελεῖν ἐπικεχειρηκέναι, οὐ πάνυ τι ἐν ταῖς ἐπαινουμέναις τίθεμαι πράξεσιν... ἀλλ' ὁ μὲν Θεὸς τῷ δημαγωγῷ Μωϋσῇ εἰσῆκται ἐν ἓξ ἡμέραις τὸν κόσμον δημιουργῶν, ἐκεῖνος δὲ εἰ μὴ αὐθημερὸν πάντα ποιήσειεν, οὐκ ἀνεκτὸν ἐλογίζετο.

чьей сторонѣ сила, Пселлъ держался императора въ его борьбѣ съ патріархомъ. Кирулларій укорялъ за это своего прежняго сторонника и благожелателя, укорялъ онъ его и за занятія Платономъ и новоплатониками, что съ церковной точки зрѣнія считалось предосудительнымъ. На эти укоры Пселлъ отвѣтилъ длиннымъ письмомъ въ ироническомъ тонѣ, въ которомъ проводитъ мысль: мы съ тобой не можемъ дѣйствовать за одно. „Ты ангелъ небесный, говоря словами Павла, пишетъ онъ, я же то самое что я есмь, мысленное естество въ соединеніи съ тѣломъ. Не сердись на меня за то, что я не раздѣляю твоего вдохновенія и не поднимаюсь на твою высоту, но относись кротко къ живущему данною ему жизнью или укажи, какой же человѣкъ имѣетъ силу—чтобы не сказать желаніе—уподобиться тебѣ. Сознаюсь, что я человѣкъ, живое существо, измѣнчивое и могущее быть поколебленнымъ, мысленная душа въ соединеніи съ тѣломъ, ты же единственный изо всего человѣчества непоколебимъ и неизмѣнчивъ, представляя какъ бы совсѣмъ другое существо, чѣмъ наше, остающееся непреклоннымъ, даже когда кто старается умилостивить тебя и разжалобить слезами. Но кто же будетъ стараться уподобиться тебѣ въ этомъ отношеніи? Я изучилъ философію и очистилъ свой языкъ софистическимъ искусствомъ (σοφιστικαῖς τέχναις), занимался геометріею и музыкою, я внесъ не мало поправокъ въ изученіе движенія небесныхъ тѣлъ, я способствовалъ болѣе правильному изученію краснорѣчія, я издалъ поученія богословскія, я раскрылъ сокровенный смыслъ аллегорій, я изучилъ всѣ науки. Твоя же мудрость и богословіе происходятъ изъ совсѣмъ другихъ источниковъ, которыхъ мы не знаемъ, къ которымъ не обращались. Не изучивъ ни философіи, ни геометріи, не читавъ никогда никакихъ книгъ, не учившись ни у какихъ мудрецовъ, ни у Еллиновъ, ни у варваровъ ты являешься намъ, можешь сказать, самознаніемъ и самомудростью (αὐτεπιστήμη καὶ αὐτοσοφία). Ты видишь, сколько морей, сколько материковъ отдѣляютъ насъ другъ отъ друга! Поэтому ты не можешь подражать мнѣ, и я не пожелаю подражать тебѣ. Ты принадлежишь къ знаменитому роду, всѣ знаютъ твоего дѣда и прадѣда; у меня же предки неизвѣстны, а можетъ быть и извѣстны, да я объ этомъ молчу. Какъ же дѣйствовать за одно, когда нашъ образъ жизни, наше происхожденіе, наши характеры такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга? (Πῶς ἂν οὖν ἀλλήλοις σομβῶμεν, οὕτω καὶ τοῖς βίοις διῃρημένοι καὶ τοῖς γένεσι καὶ τοῖς ἤθεσιν). Поэтому ты избѣгаешь моего общества, пренебрегаешь моею рѣчью презираешь мое образованіе, ничего отъ меня исходящее не можетъ прельстить тебя, ни красивая рѣчь, ни философскій нравъ, ни простой образъ мыслей.

Въ то время, какъ другіе восхищаются мною, ты одинъ не слушаешь моей лиры, или слушаешь, но не такъ какъ дубъ слушалъ пѣснь Орфея, чтобъ не сказать больше. Такой у тебя неподвижный нравъ, такая непоколебимая душа, чтобъ не сказать такое презрѣніе къ образованію (τὸ καταπεφρονηκὸς τῆς παιδεύσεως).

Такимъ образомъ я во всѣхъ отношеніяхъ представляю противоположность тебѣ; ты произойдя въ одномъ со мною мѣстѣ и выросши въ той же самой бороздѣ, сталъ мнѣ чуждымъ. А божественнѣйшій и мудрѣйшій царь, на котораго надѣтъ вѣнецъ не людьми и не чрезъ людей, а свыше, пріобщился ко мнѣ и смотри, какой образъ мыслей у этого мужа: онъ соединяетъ порфиру съ рясою и старается ввести философію во дворецъ, точно такъ же, какъ въ древности Кесарь и Августъ и другіе почитавшіе цвѣтъ науки, одинъ Арріана, другой Рустика и другихъ дѣлали своими совѣтниками и управителями народовъ и руководствовались при управленіи государственною философіею (πολιτικὴ φιλοσοφία). Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; ты самъ себѣ достаточенъ и ты не нуждаешься ни въ наукѣ, ни въ самой мудрости, но ты разсѣкаешь божественнаго агнца, θυміамомъ дѣлаешь свои руки совершенными, и прекрасно управляешь вселенной. Таинственную и священную мудрость ты можетъ быть знаешь, не знаешь же мудрости, являющейся черезъ науку и научное изслѣдованіе. Я занимаю высокую каѳедру (т.-е. философскую), нисколько не хуже твоей, чтобы не сказать болѣе независимую, и не пользуясь моей наукой ты не въ состояніи будешь ни изучать богословіе, ни издавать каноны. Если же ты поплывешь на своей ладьѣ по обширному и глубокому морю богословія—скажу тебѣ загадочно—ты попадешь на подводныя камни и пристанешь къ берегу, не имѣющему пристани.

Я всегда былъ любителемъ философіи, я не только изслѣдовалъ, что такое омонимы и синонимы, я допытывался, что такое идея, естество, какое число причинъ, я разыскивалъ, что такое философское выраженіе и что такое риторическое, что между ними общаго и въ чемъ разница, ты же называлъ все это пустяками и глупостью. Тебя всѣ боятся; когда ты говоришь, дрожатъ, когда посмотришь, цѣпенѣютъ, когда поднимешь брови, умираютъ. Моя рука не привыкла къ жезлу, а если случится, что увижу, какъ бьютъ кого-нибудь, я закрываю глаза и убѣгаю; ты же пришелъ съ Богомъ не миръ принести, а мечъ, ты вносишь раздоръ въ семейства, и родственниковъ возстановляешь другъ противъ друга.

Я боюсь огня священнаго алтаря, стою вдали среди оглашенныхъ, ты же одинъ дерзаешь входить въ алтарь съ веселою душою

и улыбающимися устами, небрежно поднимаешь завѣсу, берешь въ руки неуловимое и неосязаемое слово, ибо ты приблизился къ самому первому свѣту; поэтому все остальное кажется тебѣ тѣнью, сномъ и игрушкой, поэтому ты пренебрежительно обращаешься съ царями и возстаешь противъ всякой власти. Таковъ у насъ архіерей, сражающійся за насъ и защищающій насъ не только мечомъ и копьемъ, но и словомъ и велѣніемъ, показавшій, на сколько риза сильнѣе порфиры и митра царскаго вѣнца.

Я никого не презираю и не ненавижу; ты же, какъ бы отличное отъ насъ естество, считаешь чуждымъ себѣ родъ человѣческій, раскрываешь позорныя дѣянія однихъ, другимъ порождаешь причины для порицанія, на всѣхъ насупливаешь брови, такъ что я сомнѣваюсь, назвать ли мнѣ тебя богомъ или человѣкомъ, или ни тѣмъ ни другимъ, но чѣмъ-то среднимъ между богомъ и человѣкомъ. Будучи демократомъ, ты не одобряешь монархіи, я же постоянно повторяю гомеровскія слова, ставшія потомъ аристотелевскими: „да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь (εἷς κόρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς)“. Ибо въ древности та же особа была молитвенникомъ за народъ и его защитникомъ, теперь же эта власть раздѣлена на части, одному приказано царствовать, другому священнодѣйствовать.

Подними къ Богу умоляющія руки, пролей миръ людямъ и Богу, государственными же дѣлами будутъ заниматься, кому это опредѣлено. Не повелѣвай, не царствуй надъ нами, ибо большинство этого не желаетъ.

Ты видишь, какъ мы расходимся. Я люблю, ты питаешь отвращеніе, я миролюбивъ, ты ненавидишь, я хвалю, ты бранишь“ [1].

Изъ тона этого письма видно, что оно не могло быть написано до царствованія Комнина, до того времени когда сила патріарха должна была быть сломлена императоромъ. Борьба Комнина съ Кирулларіемъ закончилась, какъ извѣстно, насиліемъ, совершеннымъ главою государства надъ главою церкви. „Несомнѣнно, разсказываетъ г. Скабалановичъ, что еще до 8 ноября 1058 г. были не только размолвки между императоромъ и патріархомъ, но и попытки со стороны Комнина установить modus vivendi. Понятно, что попытки не могли увѣнчаться

[1] Ps. V, 505—513. Что это письмо писано въ царствованіе Комнина кромѣ общаго тона видно изъ намека на рясу, т.-е. на постриженіе Пселла, а также изъ словъ: γενεὰν ὅλην ὑπήνεγκα τυραννούμενος. Это конечно намекъ на царствованіе Θеодоры и Михаила VI, когда какъ мы видѣли Пселлъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ.

успѣхомъ, если условіемъ полагалось, какъ говоритъ Пселлъ, подчиненіе патріарха императору, покорность всѣмъ его притязаніямъ. Императоръ рѣшился на болѣе сильную мѣру, но открытіемъ враждебныхъ дѣйствій медлилъ изъ опасенія народнаго волненія, выждалъ, пока патріархъ выѣдетъ въ какой нибудь пригородный храмъ, подальше отъ столичнаго населенія. 8 ноября случай представился, патріархъ отправился въ основанный имъ монастырь, находившійся въ пригородномъ мѣстѣ, за западною городскою стѣной. Императоръ и тутъ понималъ, на какой опасный шагъ онъ рѣшается, и сдѣлалъ послѣднюю попытку примиренія: онъ отправилъ одного изъ приближенныхъ къ себѣ духовныхъ лицъ для переговоровъ съ патріархомъ о нѣкоторыхъ секретныхъ предметахъ и, если понадобится, для назначенія времени свиданія. Попытка и на этотъ разъ ни къ чему не привела, и вотъ явился отрядъ императорской лейбъ-гвардіи, такъ называемыхъ варяговъ, патріархъ былъ насильно совлеченъ съ каѳедры, посаженъ на мула и окольными путями привезенъ къ влахернскому берегу; здѣсь ожидала χеландія, которая отвезла его въ заточеніе на островъ Приконнисъ. Вѣсть о событіи скоро распространилась въ столицѣ, народъ пришелъ въ волненіе".

Надо было оправдать насиліе и придать незаконному поступку законную форму. Сдѣлать это можно было только однимъ способомъ, низложить патріарха на соборѣ. „Рѣшено было, говоритъ Атталіатъ, взвести на него разныя обвиненія и доказать, что недостоинъ занимать патріаршій престолъ тотъ, кто много лѣтъ съ достоинствомъ исправлялъ эту обязанность. Этотъ совѣтъ подали императору нѣкоторые сановники, хорошо знавшіе большія достоинства Кирулларія; но по измѣнившимся обстоятельствамъ, они измѣнили свое мнѣніе, какъ это всегда дѣлаютъ льстецы".

Но раньше чѣмъ созвать соборъ, императоръ сдѣлалъ попытку уладить дѣло безъ суда. Онъ отправилъ къ патріарху нѣсколькихъ митрополитовъ, которые должны были убѣдить его добровольно сложить съ себя званіе. Однако митрополиты встрѣтили энергическій отпоръ со стороны Кирулларія, считавшаго себя правымъ и наотрѣзъ отказавшагося входить въ какіе бы то ни было компромиссы [1].

Тогда созвали соборъ, который долженъ былъ собраться въ какомъ-то мѣстечкѣ во Ѳракіи; послали за Кирулларіемъ и повезли его на судъ, но по дорогѣ онъ умеръ. Хотя соборъ не состоялся, но все-таки извѣстно, что роль прокурора долженъ былъ играть Пселлъ. Онъ

[1] Attaliot. p. 64—65.

написалъ длинную обвинительную рѣчь, краснорѣчивую и тонкую, отличающуюся своимъ нахальствомъ и недобросовѣстностью. Онъ обвинялъ въ страшныхъ преступленіяхъ того самаго патріарха, котораго прежде называлъ богомъ и предъ которымъ низкопоклонничалъ, онъ обвинялъ его въ ереси, въ заговорахъ противъ императоровъ, въ убійствѣ, въ разрушеніи святыни и гробокопательствѣ, онъ обвинялъ его и въ томъ, въ чемъ дѣйствительно погрѣшилъ патріархъ и въ чемъ онъ былъ совсѣмъ не повиненъ. Забывъ правду и справедливость, онъ обвинялъ патріарха въ томъ, что дѣлалъ самъ. Онъ самъ занимался древнегреческою философіей, алхиміей, хвастался тѣмъ, что знакомъ съ халдейскими изрѣченіями, вѣрилъ въ возможность предсказывать будущее, самъ, будучи монахомъ, жилъ исключительно свѣтскою жизнью и занимался придворными интригами; несмотря на это, онъ обвинялъ патріарха въ увлеченіи языческой философіей, алхиміей и халдейской мудростью, въ сношеніяхъ съ пророчицей Досиѳеей, въ вмѣшательствѣ въ свѣтскія дѣла[1].

Самъ Пселлъ объяснилъ намъ свой некрасивый поступокъ. „Собравъ всѣхъ мудрѣйшихъ людей и считавшихся первыми учеными, говоритъ онъ, императоръ пользуется ихъ содѣйствіемъ въ своемъ порывѣ противъ патріарха. Если судить по справедливости, никто не станетъ порицать никого изъ этихъ людей: вопервыхъ, нѣтъ поступка, который не могъ бы быть истолкованъ въ обѣ стороны, хорошую и худую, и вотъ это-то двоякое пониманіе факта даетъ возможность оратору говорить убѣдительно и такъ и сякъ. Вовторыхъ, если большинство лицъ, привлеченныхъ императоромъ и были самаго лучшаго мнѣнія о мѣропріятіяхъ патріарха, все же желаніе царя, чтобы они судили такъ, а не иначе, заставило всѣхъ ихъ согласиться съ его мнѣніемъ".

Приведенныя слова находятся въ панегирикѣ Кирулларію, написанномъ Пселломъ уже послѣ смерти Комнина и конечно представляющемъ патріарха великимъ свѣтиломъ церкви. Однако при всемъ нашемъ желаніи мы не можемъ согласиться съ объясненіемъ Пселла,

[1] Эта неизданная обвинительная рѣчь подробно изложена въ моихъ матеріалахъ для исторіи визант. имп. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г. сентябрь). Саѳа увѣряетъ, будто Михаилъ Кирулларій выслушалъ молча обвинительную рѣчь Пселла м только въ самомъ концѣ собранія обличилъ судей и царя и затѣмъ помолившись за народъ и своихъ враговъ упалъ мертвый. (Ps. IV, p. LXXXVI—LXXXVII). Откуда взялъ это Саѳа совершенно непонятно, изъ Пселлова панегирика Кирулларію видно, что соборъ не состоялся, потому что патріархъ не дожилъ до него.

написанномъ очевидно pro domo sua; пользоваться риторикой съ тѣмъ, чтобы обѣлять злодѣянія, клеветать на достойнаго представителя церкви, все это поступки позволительные съ точки зрѣнія византійскаго придворнаго, поставившаго цѣлью жизни угождать царямъ, и оратора, умѣвшаго превознести до небесъ не только монарха, но даже блоху и клопа; но современные историки судятъ иначе. Надо думать, что и въ Византіи не всѣ соглашались съ развратнымъ перомъ Пселла; доказательствомъ можетъ служить вышеприведенный отзывъ Атталіата (историка конца XI вѣка). Эпизодъ съ Кирулларіемъ набрасываетъ густую тѣнь на нравственную физіономію Пселла; онъ принадлежалъ какъ видно къ льстецамъ, мѣняющимъ убѣжденія по велѣнію монарха, къ людямъ, дѣлающимъ явную несправедливость въ угоду царю.

Въ концѣ 1059 года императоръ простудился на охотѣ и слегъ гдѣ-то въ окрестностяхъ столицы. Пселлъ, не зная ничего о его болѣзни, отправился къ нему и нашелъ его въ постели; при немъ находилась небольшая стража и лучшій столичный докторъ. Императоръ принялъ Пселла очень ласково и сказавъ: „ты пришелъ какъ разъ кстати“, протянулъ ему руку, чтобы онъ изслѣдовалъ его пульсъ, такъ какъ императору было извѣстно, что Пселлъ зналъ медицину [1]. Понявъ какая болѣзнь у Комнина, онъ не назвалъ ея, но предварительно спросилъ доктора: какая это лихорадка по твоему? Докторъ отвѣтилъ громко, чтобы его услышалъ царь: однодневная, но не слѣдуетъ удивляться, если она не прекратится въ тотъ же день, ибо существуетъ и подобный болѣе продолжительный родъ однодневной лихорадки, вообще это названіе невѣрно“. „Я не согласенъ съ тобою, возразилъ на это Пселлъ, по моему пульсъ указываетъ на то, что лихорадка должна возобновиться на третій день; но дай Богъ, чтобы ты былъ правъ, а я нѣтъ, что вѣдь весьма возможно, такъ какъ у меня нѣтъ достаточной практики“ [2].

---

[1] Пселлъ написалъ учебникъ медицины πόνημα ἰατρικόν; напечатанъ Буассонадомъ (Anecdota graeca v. I), перепечатанъ Ideler, Physici et medici graeci I, 203—243.

[2] Ps. IV, 251. ἐμήμερος μὲν φησιν, εἰ δὲ μὴ αὐθήμερον λέλυται, θαυμάζειν οὐ χρή. ἔστι γὰρ καὶ τοιοῦτον γένος καὶ ψεύδεται τούνομα. Ἀλλ' ἐγὼ ἔφην, οὐ πάνυ σου τῇ γνώμῃ ξυντίθεμαι, ἡ γὰρ τῆς ἀρτηρίας κίνησις τριταικὴν περίοδον μοι μαντεύεται. Однодневная (ἐφήμερος) и повторяющаяся на третій день (τριταῖος), это техническіе термины для двухъ видовъ лихорадокъ. См. Alexandri Aphrodisiensis περὶ πυρετῶν cap. 18, Palladii de febribus synopsis cap. 20 (оба у Иделера т. I). Ср. Pselli πόνημα ἰατρικόν v. 582—583.

Наступилъ третій день и въ началѣ можно было думать, что докторъ былъ правъ. Царю приготовили ѣду, но онъ не успѣлъ приняться за нее, какъ у него начался новый пароксизмъ лихорадки. Когда ему стало легче, онъ пожелалъ вернуться во дворецъ, сѣлъ на царскую тріиру и направился во Влахерны. Онъ не отпустилъ Пселла и другихъ придворныхъ и до самаго вечера бесѣдовалъ съ ними, вспоминая старинныя исторіи и разсказы царя Василія Болгаробойцы. Когда зашло солнце, онъ отпустилъ отъ себя придворныхъ и легъ спать; видя его бодрость, Пселлъ ушелъ изъ дворца, вполнѣ увѣренный, что императоръ выздоравливаетъ. На другой день Пселлъ отправился опять во дворецъ и тутъ ему сообщили, что у царя открылась болѣзнь легкихъ, что онъ тяжело дышетъ. Пселлъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, вошелъ потихоньку въ комнату, гдѣ лежалъ царь и остановился у его ложа. Комнинъ посмотрѣлъ вопросительно на Пселла, желая прочесть на его лицѣ, не умираетъ ли онъ, и сейчасъ же протянулъ ему руку, чтобы онъ изслѣдовалъ пульсъ. Но Пселлъ не успѣлъ еще взять руки императора, какъ докторъ остановилъ его словами: не изслѣдуй пульса, я уже сдѣлалъ это. Однако Пселлъ не обратилъ вниманія на доктора, такъ какъ въ то время по пульсу опредѣляли какая болѣзнь у паціента и можетъ ли онъ выздоровѣть [1]. Онъ нашелъ что пульсъ у царя бьется очень слабо, едва замѣтно. У императора сдѣлался острый припадокъ его болѣзни и быстро распространился слухъ, что онъ умираетъ. Вокругъ его ложа собралось все царское семейство, царица съ дочерью, братъ царя Іоаннъ съ сыномъ; они начали прощаться съ царемъ и просили его распорядиться царствомъ. Въ это время приходилъ къ нему и недавно избранный патріархъ Константинъ Лихудъ и уговаривалъ его постричься.

Императоръ отправился вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ изъ Влахернскаго въ большой дворецъ; Пселлъ пошелъ туда же, но другой дорогой, тѣмъ не менѣе онъ встрѣтился по дорогѣ съ царемъ.

Комнинъ изъявилъ свое желаніе постричься, императрица думала, что онъ дѣйствуетъ по внушенію приближенныхъ и потому напала на Пселла со словами: „много обязаны тебѣ, философъ, за совѣтъ, хорошо ты намъ отплатилъ, убѣдивъ императора перейти къ монашеской жизни“. Пселлъ старался увѣрить императрицу, что онъ тутъ не

---

[1] См. монаха Меркурія διδασκαλία περὶ σφυγμῶν (Ideler II, 254) и анонима περὶ σφυγμῶν (тамъ же, стр. 317).

при чемъ и спросилъ дѣйствительно ли желаніе монашества явилось у царя вслѣдствіе чьего-нибудь совѣта. На это Комнинъ отвѣтилъ: она по своей женской манерѣ удерживаетъ насъ отъ лучшей жизни и готова обвинять всѣхъ прежде чѣмъ меня".

Комнинъ посовѣтовавшись съ Пселломъ назначилъ своимъ преемникомъ человѣка, котораго онъ считалъ самымъ способнымъ, именно Константина Дуку. Только что онъ это сдѣлалъ, какъ онъ нѣсколько поправился и на него нашло сомнѣніе, слѣдуетъ ли ему постригаться и отказываться отъ престола. Въ недоумѣніи былъ также Дука; онъ обратился къ Пселлу за совѣтомъ, и послѣдній напрягъ всѣ свои условія, чтобы склонить Комнина, не измѣнять своего первоначальнаго намѣренія. Онъ прибѣгъ къ помощи своего друга патріарха Константина Лихуда, желавшаго также отреченія Комнина и прельщавшаго его вѣроятно наградою на небеси, если онъ приметъ схиму [1]. Наконецъ Пселлъ пользуется тѣмъ, что Комнина считали при смерти больнымъ и что на словахъ онъ назначилъ своимъ преемникомъ Константина Дуку, сажаетъ послѣдняго на царскій престолъ, надѣваетъ на него пурпуровыя туфли (т.-е. инсигніи императорской власти), собираетъ сановниковъ, которые, провозгласивъ Дукѣ обычное славословіе eo ipso признаютъ его императоромъ. Послѣ этого Комнинъ постригся и удалился въ Студійскій монастырь [2].

Я изложилъ исторію воцаренія Дуки, ни въ чемъ не отступая отъ мемуаровъ Пселла. Понятно, что онъ не могъ безпристрастно изложить этотъ эпизодъ, во первыхъ потому, что онъ самъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе, во вторыхъ потому, что онъ писалъ въ царствованіе Михаила VII, сына Константина Дуки. У другихъ историковъ нѣтъ подробнаго разсказа объ этомъ событіи.

Атталіатъ сообщаетъ, что во время царской охоты, показался какой-то молніеносный свѣтъ, котораго испугался Комнинъ; онъ отправился тотчасъ же въ Константинополь, здѣсь заболѣлъ и былъ нѣсколько дней при смерти. Полагая что все съ нимъ случившееся есть знаменіе гнѣва Божія, онъ пожелалъ умилостивить Бога и рѣшилъ постричься. Онъ назначилъ своимъ преемникомъ не брата Іоанна, не племянника, не будущаго мужа дочери, а проедра Константина Дуку, помогшаго ему вступить на престолъ [3].

---

[1] Ps. IV, 263.

[2] Болѣзнь Комнина и воцареніе Дуки въ мемуарахъ Пселла. Ps. IV, 251—259, 262—264.

[3] Attal. p. 69.

Скилицъ, который начиная съ царствованія Комнина, почти исключительно сокращалъ Атталіата, разсказываетъ въ сущности то же самое (присоединяя только кое-какія подробности о молніеносномъ свѣтѣ) и съ тѣмъ же удивленіемъ и даже въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщаетъ, что Комнинъ назначилъ преемникомъ не кого-либо изъ родственниковъ, а Дуку, оставляя однако этотъ фактъ безъ объясненія [1].

Легко понять, что разъ Комнинъ считалъ свою болѣзнь смертельной и при томъ проявленіемъ гнѣва Божія, онъ могъ отказаться отъ престола и постричься, чтобы спасти свою душу. Но также какъ византійскіе историки мы не можемъ не удивляться, что онъ передалъ престолъ постороннему человѣку, когда у него былъ братъ, къ которому благоволилъ, когда могъ выдать за кого-нибудь замужъ дочь и сдѣлать зятя императоромъ. Извѣстно, что византійскіе императоры всегда старались укрѣпить престолъ за своимъ родомъ; поэтому несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто какая-нибудь интрига. Нельзя же думать, въ самомъ дѣлѣ что Комнинъ выбралъ Дуку потому, что онъ считалъ его способнѣе своихъ родственниковъ, какъ говоритъ Пселлъ; изъ византійской исторіи хорошо извѣстно, что Комнины принадлежали къ лучшимъ императорамъ, Дуки напротивъ къ неспособнымъ.

Г. Скабалановичъ, подробно разобравшій этотъ эпизодъ, справедливо говоритъ: „по немногимъ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ можно догадываться, что въ дѣлѣ отреченія и постриженія Комнина нашла себѣ приложеніе злостная интрига, хорошо подготовленная и удачно разыгранная, главнымъ руководителемъ которой былъ Михаилъ Пселлъ, жертвою Комнинъ и его семья, человѣкомъ пожавшимъ плоды—Константинъ Дука. Въ возстаніи Комнина противъ Стратіотика Константинъ Дука, вмѣстѣ съ братомъ Іоанномъ, принималъ дѣятельное участіе и при началѣ заговора ему, какъ и другимъ, предлагали стать во главѣ возстанія, назвавшись императоромъ, но онъ благоразумно отклонилъ отъ себя эту опасную честь“.

„Когда заговорщики провозгласили императоромъ Исаака Комнина, Константинъ Дука *былъ возведенъ этимъ послѣднимъ въ званіе кесаря*, но по вступленіи Комнина на престолъ Дука сложилъ съ себя званіе добровольно или противъ воли, неизвѣстно—и удалился отъ двора (Ps. IV, 257). Судя по тому, что приверженный Дукѣ писатель (Ps. IV, 262) говоритъ о какихъ-то обѣщаніяхъ, данныхъ Комниномъ

[1] Scyl. p. 648.

Дукѣ, которыя не были исполнены, можно полагать, что сложеніе достоинства кесаря было результатомъ натянутыхъ отношеній между Комниномъ и Дукой“ [1].

Эти слова, мнѣ кажется, нуждаются въ небольшой поправкѣ; Пселлъ говоритъ только, что Комнинъ *обѣщалъ Дукѣ чинъ кесаря*, но на самомъ дѣлѣ его не далъ [2]; о томъ, будто бы Дука отказался отъ высшаго чина, въ мемуарахъ этого ученаго ничего нѣтъ, Атталіатъ и Скилицъ называютъ Дуку проедромъ. Думается, что неисполненное обѣщаніе Комнина есть именно обѣщаніе дать чинъ кесаря; естественно, что Дука обманутый въ своихъ надеждахъ былъ недоволенъ императоромъ.

„Принимая во вниманіе эту натянутость отношенія, продолжаетъ г. Скабалановичъ, можно не безъ основанія заключать, что Дука отправленъ былъ изъ столицы на службу въ провинцію—получаетъ такимъ образомъ значеніе свидѣтельство Матвѣя Эдесскаго, что для занятія престола онъ былъ вызванъ изъ Эдессы, города, которымъ онъ управлялъ. Въ сентябрѣ 1059 г. до Комнина доходитъ слухъ, оказавшійся неосновательнымъ, что противъ него поднялось возстаніе. Историкъ (Атталіатъ), посвящая этому слуху краткую замѣтку въ трехъ строчкахъ, не называетъ по имени того, на кого молва указывала, какъ на главнаго дѣятеля возстанія, говоритъ только, что это былъ сановникъ посланный на востокъ для улаженія вопроса о государственныхъ имуществахъ. Если съ этимъ сопоставить, что Дука дѣйствуетъ на востокѣ, въ Эдессѣ, и что Комнину онъ извѣстенъ былъ со стороны своихъ финансовыхъ способностей, то не будетъ вполнѣ безосновательнымъ предположеніе, что такое важное дѣло, касавшееся экономическихъ интересовъ государства, поручено было Комниномъ именно ему и что молва указывала на него, какъ на зачинщика возстанія. Поводомъ къ слуху послужило тяготѣніе къ Дукѣ его приверженцевъ, именно людей, недовольныхъ царствованіемъ Комнина, слухъ оказался ложнымъ въ томъ смыслѣ, что Дука не только не старался привлекать къ себѣ этихъ людей, а напротивъ всячески отъ нихъ устранялся“.

---

[1] Византійское государство и церковь, стр. 87.

[2] Ps. IV, 257. εἰ γὰρ ὁ μὲν Ἰσαάκιος βασιλεὺς προκεχείριστο, τούτῳ δὲ ἡ τοῦ καίσαρος ἐλάττων τιμὴ κατεπήγγελτο... καὶ ἵνα τις ἐπὶ πλέον τὸν ἄνδρα θαυμάσειεν, ἐπειδήπερ εἰς βασιλείαν ἡ τυραννὶς ἔληξε καὶ ὁ Ἰσαάκιος ἐπὶ τοῦ θρόνου καθῆστο, ὁ δέ ἐξίσταται τούτῳ καὶ τῆς δευτέρας τιμῆς, δέον καὶ τῆς πρώτης ἀμφισβητεῖν.

Далѣе г. Скабалановичъ указываетъ на пріятельскія отношенія Дуки и Пселла и, слѣдуя мемуарамъ послѣдняго, выясняетъ его участіе въ этомъ эпизодѣ. „Очевидно Комнинъ, говоритъ онъ, человѣкъ честный, высоко ставившій государственное благо и цѣнившій авторитетъ Пселла не только какъ врача, но какъ политическаго мудреца, повѣрившій прежде, что ему не миновать смерти, теперь повѣрилъ, что для высшихъ государственныхъ цѣлей, нужно забыть кровные узы родства и отдать предпочтеніе Дукѣ, который способенъ возвесть государство на высоту благоденствія [1]. Вѣроятно на это были еще какія-нибудь намъ неизвѣстныя причины, во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что Пселлъ интриговалъ въ пользу Дуки; онъ объявилъ, что болѣзнь Комнина смертельна, онъ убѣждалъ его постричься, онъ указывалъ на Дуку какъ на достойнѣйшаго преемника.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государственная дѣятельность Пселла въ царствованіе императоровъ изъ дома Дукъ (1059—1077).

Саѳа справедливо порицаетъ Пселла за интригу въ пользу слабоумнаго Дуки и называетъ его за это эгоистомъ. Дѣло въ томъ, что Пселлъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Константиномъ Дукою еще въ царствованіе Мономаха и разсчитывалъ много выиграть отъ замѣны Комнина Дукою [2]. Дѣйствительно, Пселлъ занималъ въ это царствованіе выдающееся положеніе. Онъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ, что императоръ расточалъ ему несказанныя милости, угощалъ его за своимъ столомъ, а когда онъ сидѣлъ на царскомъ тронѣ, Пселлъ занималъ мѣсто въ его свитѣ выше другихъ [3]. Это значитъ, что во время церемоній ему отводилось высокое мѣсто, а такъ какъ по византійскому церемоніалу мѣста занимались по чину, надо думать, что у Пселла былъ значительный чинъ. Въ одномъ письмѣ Пселлъ подписался протопроедромъ и представляется вѣроятнымъ, что этотъ чинъ былъ данъ ему Константиномъ Дукою за его удачную интригу [4]. Это

---

[1] Византійское государство и церковь стр. 88—89, 91.

[2] Ps. IV, 261.

[3] Ps. IV, 259.

[4] Въ письмѣ къ протопроедру Константину Пселлъ подписался: ὁ σὸς πρωτοπρόεδρος, φίλος, ἀδελφός, δοῦλος, διδάσκαλος. Ps. V, 469. Г. Скабалановичъ полагаетъ, что Константинъ Дука далъ Пселлу титулъ ипертима. Онъ пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Въ послѣдній годъ царствованія Мономаха,

былъ почти высшій чинъ,котораго въ то время могъ достигнуть простой смертный. Старшій чинъ кесаря давался исключительно родственникамъ императора; слѣдующій за нимъ чинъ новелиссима до временъ Никифора Вотаніата (когда вводится нѣсколько новыхъ чиновъ) едва ли часто носили чиновники, мы знаемъ за это время только одного новелиссима Константина, дядю императора Михаила, знаемъ также, что при заключеніи брачнаго договора Михаила VII съ Робертомъ Гвискаромъ, норманнскому герцогу былъ предложенъ чинъ новелиссима [1]; за новелиссимомъ слѣдовалъ куропалатъ, чинъ дававшійся сановникамъ, но не часто, слѣдующій за куропалатомъ чинъ протопроедръ.

Въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ Пселлъ разсказываетъ, что Константинъ Дука интересовался богословскими вопросами и особенно любилъ бесѣдовать объ этомъ съ нимъ, что императоръ ставилъ его гораздо выше другихъ ученыхъ и вообще былъ такъ привязанъ къ нему, что сердился, если не видѣлъ его по нѣскольку разъ въ день [2].

Эти ученыя бесѣды находятся по всей вѣроятности въ связи съ уроками, которые давалъ Пселлъ сыну императора Михаилу. Скилицъ сообщаетъ, что Пселлъ былъ воспитателемъ Михаила Дуки и мы зна-

---

Пселлъ имѣлъ чинъ вестарха. Затѣмъ незадолго до смерти Мономаха, онъ принялъ монашество, при Стратіотикѣ исправлялъ должность посла къ узурпатору Комнину и у послѣдняго заручился обѣщаніемъ, что будетъ возведенъ въ проедры синклита. Слѣдовательно при Комнинѣ онъ получилъ титулъ, приличный духовному лицу, не ниже проедра. Затѣмъ Пселлъ оказалъ громадную услугу Константину Дукѣ, устроивъ возведеніе его на престолъ и безъ сомнѣнія былъ имъ за это повышенъ въ чинѣ. При Діогенѣ, а также послѣ плѣненія Діогена выступаетъ съ титуломъ ипертима. Если предположить, что Пселлъ былъ повышенъ въ чинѣ Константиномъ Дукомъ на одну лишь степень, то и въ такомъ случаѣ титулъ ипертима окажется не ниже титула протопроедра“ (Виз. гос. и церк., стр. 158—159). Но г. Скабалановичъ не замѣтилъ, что Пселлъ былъ протопроедромъ, также какъ при Комнинѣ былъ проедромъ (ему не только былъ обѣщанъ этотъ чинъ). Что Пселлъ носилъ титулъ ипертима послѣ плѣна Діогена, основано на словахъ Скилица ὅτε Παλαιολογος Νικηφόρος ὁ ὑπέρτιμος, καὶ τῶν φιλοσόφων ὕπατος Κωνσταντῖνος ὁ Ψελλός. Г. Скабалановичъ думаетъ, что занятая поставлена неправильно и ὁ ὑπέρτιμος надо относить къ Пселлу; мнѣ кажется частица τε не позволяетъ сдѣлать этого и ипертимомъ Скилицъ называетъ Палеолога, а не Пселла.

[1] См. мои Матеріалы для исторіи виз. имп. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г. сентябрь).

[2] Ps. IV, 269.

емъ, что нѣсколько учебниковъ были написаны Пселломъ нарочно для его царственнаго ученика [1].

Въ какихъ близкихъ отношеніяхъ съ императоромъ былъ Пселлъ видно изъ слѣдующаго. Братъ Константина Дуки Іоаннъ одно время предполагалъ, что императоръ его не долюбливаетъ и что ему лучше отказаться отъ государственной дѣятельности. Онъ написалъ объ этомъ Пселлу и собирался даже, можетъ быть только на словахъ, постричься. Это письмо Пселлъ прочелъ царю и на основаніи своего разговора съ императоромъ пишетъ Іоанну, что опасенія его напрасны, такъ какъ царь очень любитъ его и чтобы доказать это сдѣлалъ его кесаремъ [2].

Вотъ почти все, что мы знаемъ о положеніи Пселла, при дворѣ Константина Дуки, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній какую государственную должность онъ занималъ въ это время [3].

Сохранились три короткія записки, посланныя императору и императрицѣ вмѣстѣ съ приношеніями, хлѣбомъ, виномъ и плодами [4]. Вотъ для примѣра одна изъ этихъ записокъ.

Царю Константину Дукѣ.

Какъ хлѣбу жизни и по положенію своему богу приношу тебѣ хлѣбъ, вино какъ истинному царю, веселящему сердца, предающіяся печали, какъ смертному плоды скоротечные по своей природѣ. Но да будешь ты вѣчно живущимъ, міръ міра, держава державы, свѣтлый вѣнецъ царства.

---

[1] Scyl. p. 796.

[2] Boiss. p. 185—187.

[3] Въ одномъ письмѣ Пселлъ проситъ вѣроятно областнаго начальника, чтобы для проѣзда царя были поставлены лошади на почтовыхъ станціяхъ (Ps. V, 370). Заботиться о такихъ вещахъ было дѣломъ логоѳета дрома; не былъ ли Пселлъ логоѳетомъ? Если онъ дѣйствительно занималъ эту должность, это могло быть только въ царствованіе Константина, потому что при Мономахѣ былъ протасикритомъ, при Комнинѣ писалъ логоѳету дрома.

[4] Это письма 52, 53 и 74 въ изданіи Саѳы. Въ парижскомъ кодексѣ, по которому сдѣлано это изданіе, они не имѣютъ адреса; Саѳа предположилъ, что они были посланы Константину Дукѣ и Евдокіи. Въ Recueil des historiens des Croisades (I, 60—61) они напечатаны, какъ посланныя Михаилу Дукѣ. Догадка Саѳы подтверждается флорентійскимъ кодексомъ, гдѣ два письма (№ 52 и 74) имѣютъ адресъ: императору Константину Дукѣ. № 53 тожественъ по содержанію съ № 52 и не можетъ быть сомнѣнія, что это письмо было послано императрицѣ Евдокіи.

Пселлъ по своему обыкновенію сказалъ привѣтственную рѣчь Константину Дукѣ, по возвращеніи его изъ похода противъ Узовъ. Чтобы уяснить себѣ за что именно прославлялъ Пселлъ императора, приведу соотвѣтствующее мѣсто изъ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго (Византія и Печенѣги). „Въ сентябрѣ 1064 года Узы явились на Дунаѣ. Это было настоящее переселеніе; цѣлое племя въ числѣ 600 тысячъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспрепятствовать ихъ переправѣ были напрасны. На челнокахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ соломой, Узы переплыли на византійскій берегъ. Болгары и Греки, которые хотѣли удержать ихъ, были разбиты; двое сановниковъ императорскихъ попались въ плѣнъ. Дунайская равнина была во власти страшной орды. Скоро наводнила она болѣе отдаленныя области имперіи; одна часть Узовъ отдѣлилась отъ прочей массы и бросилась на юго-западъ: Солунская область и самая Эллада испытали всѣ ужасы варварскаго нашествія. Императоръ Константинъ Дука услышавъ о страшномъ событіи, совсѣмъ потерялъ голову; казалось совершеннымъ безуміемъ пытаться противопоставить военную силу имперіи этимъ миріадамъ свирѣпыхъ хищниковъ, изъ коихъ каждый почти родился на лошади и выросъ съ лукомъ и копьемъ въ рукахъ. Самыя сокровища казны императорской, столько разъ спасавшія Византію, казались недостаточными въ виду необозримой массы враговъ. Только понуждаемый народнымъ ропотомъ, обвиняющимъ его въ скупости, императоръ отправилъ посольство къ предводителямъ Узовъ; щедрыми подарками и еще болѣе щедрыми обѣщаніями онъ старался склонить ихъ къ миролюбивымъ чувствамъ и убѣждалъ воротиться опять за Дунай. Нѣсколько знатныхъ Узовъ, привлеченныхъ щедростію императора и богатствомъ его казны, явились по его приглашенію въ Константинополь и были здѣсь приняты съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Но все это мало помогло. Въ опустошенной еще Печенѣгами Болгаріи многочисленныя толпы Узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Вмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ, они стремились все впередъ. Македонія и Θракія пострадали подобно Солунской области. Набѣги кочевниковъ доходили снова почти до стѣнъ Константинополя. Горесть и отчаяніе жителей столицы достигли послѣдней степени. Въ Византіи объявленъ былъ всенародный постъ и покаяніе, чтобы умилостивить разгнѣванное правосудіе небесное; крестные ходы въ столицѣ повторялись ежедневно, самъ императоръ принималъ въ нихъ участіе и плакалъ въ виду сокрушенной толпы. Не смотря на

это сочувствіе къ народному бѣдствію, положеніе Константина Дуки во дворцѣ Влахернскомъ сдѣлалось невыносимымъ. Византійцы привыкли смотрѣть на бѣдствія общественныя, какъ на казнь Божію за грѣхи правителей. Константинъ Дука, непопулярный за суровость во взысканіи всѣхъ податныхъ недоимокъ, сдѣлался предметомъ саркастическихъ насмѣшекъ у толпы, перешедшей отъ религіознаго умиленія къ дерзкимъ демонстраціямъ. Скрываясь отъ народнаго негодованія, императоръ оставилъ столицу и съ небольшою свитой—съ нимъ было 150 человѣкъ—остановился въ своемъ загородномъ имѣніи около мѣстечка Хировакхи. Злоязычные византійцы говорили, что ихъ государь отправился противъ Узовъ съ арміей столь же многочисленною и доблестною, какъ армія Діониса, съ которою онъ совершилъ походъ въ Индію. Но можетъ быть императоръ лучше зналъ, что нужно ожидать. Когда онъ раскинулъ палатки въ открытой равнинѣ, чрезъ нѣсколько времени явились въ его лагерь гонцы, которые были посланы на сѣверъ; они принесли радостныя извѣстія. Плѣнные воеводы были освобождены изъ плѣна и давали знать о совершенной гибели страшной орды. Лучшіе люди въ средѣ Узовъ поддались дѣйствію византійскаго золота, и склонясь на убѣжденія придунайскихъ правителей, ушли обратно за Дунай, покинувъ своихъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ—обычное слѣдствіе варварской неумѣренности и невоздержности—въ многолюдныхъ улусахъ уже свирѣпствовали повальныя болѣзни. За изобиліемъ, вызвавшимъ излишества, послѣдовалъ недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, затѣмъ голодъ и эпидемія какъ уже это было съ Печенѣгами. Необозримое число пришельцевъ быстро сократилось подъ ударами этихъ бичей. Остальные были до такой степени истомлены физически и убиты нравственно, что или сдѣлались легкою добычею Болгаръ и Печенѣговъ, которые брали ихъ въ плѣнъ и безъ милосердія топтали копытами ихъ же лошадей, давили колесами ихъ же телѣгъ, или просили съ покорностію милости и пощады у властей византійскихъ. Императоръ съ торжествомъ воротился въ столицу. Избавленіе отъ страшнаго врага справедливо приписывалось одному Богу, потому что храбрость войска или умѣнье его вождей нисколько въ томъ не участвовали. Въ народѣ говорили о чудѣ; разсказывали, что въ тотъ самый день, какъ въ Константинополѣ совершался крестный ходъ, отрядъ Узовъ, расположившійся въ Чурулѣ, былъ прогнанъ невидимою силою, воздушнымъ войскомъ, которое метало свои стрѣлы и не оставило ни одного врага не уязвленнымъ“ [1].

[1] Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. ноябрь, стр. 138—140.

Вотъ этотъ-то походъ и эту побѣду прославляетъ Пселлъ въ рѣчи, произнесенной вѣроятно по возвращеніи императора въ столицу. Упомянувъ, что свершилось чудо, въ которомъ ясно сказалось Провидѣніе Божіе о византійской державѣ, ораторъ восклицаетъ: „Куда дѣвались неисчислимыя міріады варваровъ, покрывшія облака и почти весь западъ? Это несомнѣнно дѣло Божьяго могущества и Богъ явилъ его чрезъ тебя, какъ нѣкогда чрезъ Моисея. Онъ покорилъ тебѣ этотъ новый Амаликитскій народъ, но не только наложеніемъ рукъ, а также умными стратигами и храбрымъ войскомъ. Ты побѣдилъ, о царь, и водрузилъ на землѣ такой трофей, который не можетъ сравниться даже съ знаменитыми подвигами Александра Македонскаго и Моисея. Тотъ народный вождь (Моисей) оставилъ своему преемнику многіе народы не покоренными, ты же не оставилъ сыновьямъ ни одного не побѣжденнаго народа“ [1].

Въ теченіе восьмилѣтняго правленія Константина Дуки (1059—1067) было однако такое время, когда Пселлъ былъ не въ милости и когда онъ не смѣлъ показаться во дворецъ. Это видно изъ двухъ его писемъ къ кесарю Іоанну Дукѣ, брату императора. Въ одномъ онъ отвѣчаетъ слѣдующее на вопросъ, почему давно не былъ.

„На твой вопросъ я отвѣчу тебѣ коротко: никто насъ не нанялъ (Ев. отъ Матѳ. гл. 20 ст. 7); боюсь какъ бы мнѣ не услышать и та-

---

[1] Рѣчь эта не напечатана. Она списана мною съ ватиканскаго кодекса 672, fol. 277—268. Начало слѣдующее: εἰ καὶ πρὸ τοῦ μεγάλου τούτου τροπαίου καὶ κατορθώματος, θειότατε βασιλεῦ, ἅπας ἐγκωμίων νόμος ἡττᾶτό σοι καὶ τῶν πάντων οὐδεὶς τὴν προσήκουσαν εὐφημίαν ἐπενεγκεῖν ἐπεχείρει τῷ κράτει σου, τίνας ἂν λόγους μετὰ τὴν ἄρρητον καὶ ἀπόρρητον ἐπὶ σὲ τοῦ Θεοῦ πρόνοιαν προσενεγκεῖν σοι τολμήσαιμεν.

Далѣе читается: ποῦ νῦν αἱ μηδὲ ἀριθμούμεναι μυριάδες, αἱ συγκαλύψαντες νέφη μικροῦ δεῖν τὴν ἑσπέραν ξύμπασαν; θείας μὲν τὸ ἔργον προδήλως δυνάμεως, ἀλλὰ σοὶ ὥς Μωυσῇ πρὸς τοῦτο ἐχρήσατο ὁ Θεὸς καὶ σοὶ καταπολεμεῖ τὸν νέον τοῦτον Ἀμαληκίτην λαὸν οὐ χειρῶν ἐκτάσει μόνον ἀλλὰ καὶ στρατηγικοῖς ἐνθυμήμασι καὶ γενναίοις στρατεύμασι... σὺ δὲ καθαρῶς πρὸς Θεὸν, ὃς ἀμφοτέρωθεν τὸ βάρβαρον καταπεπολέμηκε, παρὰ μὲν ἑαυτοῦ ἄνωθεν, ἐνταῦθα δὲ παρὰ τῶν σῶν χειρῶν καὶ στρατευμάτων... νενίκηκας, ὦ βασιλεῦ, νίκην καὶ τηλικοῦτον ἔστησας ἐπὶ γῆς τρόπαιον, ὃ τοῖς μὲν τοῦ μακεδόνος Ἀλεξάνδρου θρυλλουμένοις κατορθώμασιν ἀπαραμίλλως πᾶσιν ἀντίρροπον ἢ τούτων μὲν ἀσυγκρίτως κρεῖττον, τοῖς δὲ μωσαϊκοῖς παραβαλλόμενον καὶ οὐκ ὀλίγῳ μέρει νικῶν... ἀλλ᾽ ὁ μὲν δημαγωγὸς ἐκεῖνος ἀνὴρ καὶ θεὸς προσαγορευθεὶς πολλὰ τῶν ἐθνῶν ἀφῆκεν ἀδούλωτα τῷ μετ᾽ αὐτὸν στρατηγήσαντι, σὺ δὲ τοῖς παισὶν οὐδ᾽ ὁντινοῦν βάρβαρον ἀφῆκας ἀήττητον.

кихъ словъ: другъ! какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ? (Ев. отъ Матѳ. гл. 22 ст. 12). Ибо я не знаю, пріятно ли мое присутствіе (во дворцѣ) нашему божественнѣйшему царю; его расположеніе къ намъ уже не то, что было недавно. Однако я никоимъ образомъ не отступлюсь отъ него, хотя бы онъ выгналъ меня, даже съ ударами, даже съ бранью, я еще не сошелъ съ ума. Если онъ ко мнѣ неблагосклоненъ, тѣмъ не менѣе онъ благъ и человѣколюбивъ. Итакъ завтра я приду и буду наслаждаться тобою, дыханіемъ и жизнью моею“ [1].

Такое положеніе очень безпокоило Пселла, и онъ старался чрезъ кесаря вернуть себѣ прежнюю милость царя. По этому поводу написалъ онъ кесарю письмо, начинавшееся такъ: „Владыка благой, нѣтъ никого равнаго тебѣ—говорю это смѣло—ни по красотѣ, ни по разуму. Я говорю это, вглядываясь въ цѣль твоихъ писемъ ко мнѣ. Въ одно и тоже время ты и намъ являешься утѣшеніемъ и великому царю и брату своему хранишь подобающую преданность“ [2].

Въ этомъ письмѣ Пселлъ говоритъ, что императору уже не пріятно его присутствіе во дворцѣ и его разговоръ, что онъ не охотно бесѣдуетъ съ нимъ и не нравится ему его рѣчь; прежде царь относился къ нему очень милостиво, а теперь уже не то. Не идетъ онъ во дворецъ не потому, чтобы ненавидѣлъ императора, а потому что боится его. Между тѣмъ онъ, какъ истинно вѣрноподданный, готовъ душу свою положить за царя, и если измѣнился къ нему царь онъ считаетъ это наказаніемъ за свои прегрѣшенія. Въ заключеніе онъ проситъ кесаря, сохраняя тоже расположеніе къ брату и царю не оставить и его своими милостями [3].

Въ двухъ другихъ письмахъ къ кесарю проглядываетъ также недовольство и есть намеки на перемѣну къ нему царя?

Къ этому же времени относятся по всей вѣроятности два письма Пселла къ Псиѳѣ. Онъ жалуется въ этихъ письмахъ на судьбу, говоритъ, что царица и царь сулили ему блестящее будущее, но на самомъ дѣлѣ надежды его не оправдались. Онъ говоритъ, что стремится въ деревню, думаетъ похоронить себя въ своемъ имѣніи и проситъ Псиѳу узнать, согласится ли императоръ на его отставку [4].

---

[1] Boiss. p. 170.
[2] Boiss. p. 171—172.
[3] Boiss. p. 173—177.
[4] Ps. V, 490—493.

О причинѣ, по какой Пселлъ впалъ въ немилость, мы не знаемъ ничего положительнаго, но очень можетъ быть, что тутъ нѣкоторую роль играла императрица Евдокія. Она была племянницей Михаила Кирулларія и поведеніе Пселла по отношенію къ патріарху не могло быть ей пріятнымъ. Изъ моего дальнѣйшаго разсказа будетъ видно, что она вообще не слишкомъ благоволила къ Пселлу. Чтобы угодить царицѣ онъ по всей вѣроятности написалъ панегирикъ Кирулларію, въ которомъ прославляетъ и Евдокію.

Пселлъ съумѣлъ однако вернуть себѣ милость императора вѣроятно благодаря вліянію кесаря Іоанна. Тогда онъ написалъ царю панегирикъ, начинавшійся словами: „языкъ мой разрѣшился отъ безмолвія, вчера я былъ мраченъ отъ покрывшаго меня облака клеветы, сегодня я радуюсь, освѣщаемый свѣтомъ твоего человѣколюбія [1].

Изъ двадцати двухъ писемъ Пселла къ кесарю Іоанну видно, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ братомъ императора, питавшимъ къ нему большое уваженіе какъ къ ученому писателю. Когда Іоаннъ былъ сдѣланъ кесаремъ, Пселлъ отправилъ ему поздравленіе, написанное въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ и начинавшееся такъ:

„Счастливѣйшій кесарь (εὐτυχέστατε Καῖσαρ) [1], пусть эти слова будутъ введеніемъ письма. Счастливѣйшимъ я называю тебя не только потому, что ты получилъ чинъ кесаря, но потому что ты возведенъ на эту величайшую высоту прекраснѣйшимъ царемъ и братомъ, который дѣлая все подъ вліяніемъ небеснаго Провидѣнія и разумнаго рѣшенія сдѣлалъ тебя сообщникомъ власти не только изъ братскаго къ тебѣ расположенія, но и потому что ты этого заслуживалъ. И вновь я привѣтствую тебя тѣмъ же привѣтствіемъ: счастливѣйшій кесарь, прибавлю разумнѣйшій и мудрѣйшій.

Что касается тѣхъ древнихъ кесарей, говоритъ онъ дальше, эпитетъ „счастливый“ прилагался къ нимъ однимъ, и никто изъ мудре-

---

[1] Эта неизданная рѣчь сохранилась въ cod. Marcianus 445 fol. 93—94 и cod. Vaticanus 672, fol. 274—275. Начало ея: λέλυται μοι τῆς ἀφωνίας ἡ γλῶττα, ἀπήλλακταί μοι τῆς ἀθυμίας ἡ γνώμη, τῶν τῆς δειλίας δεσμῶν καθαρῶς ἠλευθέρωμαι, παρ' ἡλικίαν τὸ σκίρτημα, παρ' ἐλπίδα τὸ χορεύειν μοι περιγέγονε, χθὲς ἐσκυθρωπαζον τῷ συκοφαντίας νέφει κατηφιῶν, σήμερον ἀγαλλιῶμαι καὶ γέγηθα τῷ τῆς σῆς φιλανθρωπίας φωτὶ λαμπρυνόμενος.

[2] Счастливѣйшій εὐτυχέστατος это титулъ кесаря. При церемоніи рукоположенія въ кесари, его привѣтствовали криками φιλλικήσιμε (felicissime) и πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ εὐτυχεστάτου καίσαρος. Const. Porph. De Ceremoniis p. 220, 225.

цовъ не становился счастливымъ черезъ нихъ. У твоего же величія это названіе представляетъ какъ бы свѣтъ солнца; всякій приближающійся къ тебѣ тотчасъ становится счастливымъ. Прежде я былъ извѣстенъ своими рѣчами, теперь-же сталъ знаменитъ твоею дружбою; ибо я такъ счастливо нашелъ въ тебѣ новаго хвалителя моихъ рѣчей и прежде всего потому, что оставляя безъ вниманія остальныхъ мудрецовъ (есть конечно много выше и лучше меня) ты желаешь исключительно наслаждаться прелестью моей рѣчи и, покидая текущіе изъ океана источники древнихъ мудрецовъ, ты черпаешь мою слаботекущую воду и жадно глотаешь мой потокъ".

Пселлъ былъ друженъ съ кесаремъ Іоанномъ и потому писалъ ему не только подобострастныя посланія, благодаря за подарокъ или за лестный отзывъ о его сочиненіяхъ, но сообщалъ ему также о своихъ семейныхъ радостяхъ и горестяхъ. Когда у него родился внукъ, онъ счелъ нужнымъ довести это до свѣдѣнія кесаря.

„Радуйся вмѣстѣ со мною, величайшій кесарь, писалъ онъ, ибо родился тебѣ другой Пселлъ, похожій на меня, его прототипъ. По крайней мѣрѣ меня увѣряютъ въ этомъ женщины, окружающія кровать родильницы, которыя можетъ быть и сочиняютъ, но говорятъ согласно съ моимъ желаніемъ. Утерпѣлъ ли я, чтобы сейчасъ не взглянуть на младенца? Конечно нѣтъ; я обнялъ его и разцѣловалъ. По отношенію къ наукамъ я мужчина, но характеръ у меня женственный: когда моя дочь начала рожать и меня напугалъ кто-то сказавъ, что роды будутъ тяжелые, я чуть было не умеръ. Я ходилъ вокругъ спальни, гдѣ лежала рожавшая и прислушивался къ ея крикамъ. Но какъ только младенецъ вышелъ изъ материнской утробы, я забылъ о страданіяхъ; вѣдь душа у меня не скиѳская, сердце не дубовое и каменное, природа у меня нѣжная и меня разстрогиваютъ физическія страданія. Вѣдь и ты, человѣкъ крѣпкій по сердцу и уму рыдалъ, какъ мнѣ говорилъ кто-то во время трудныхъ родовъ твоей невѣстки. Но я хоть сильно скорбѣлъ, однако не плакалъ; ибо я болѣе философъ чѣмъ ты и не пророню слезы даже когда стѣснена моя грудь.

Но довольно объ этомъ, ты же позаботься, чтобы тебя хватало съ этого времени на двухъ Пселловъ. Я послалъ объ этомъ письмо къ самодержцу, если оно лишнее, пусть не будетъ отдано ему, если же нѣтъ, пусть будетъ сдѣлано по твоему приказанію" [1].

Однажды у Пселла украли деньги, и онъ написалъ по этому поводу слѣдующее письмо кесарю.

---

[1] Ps. V, 307—308.

Письмо это производитъ довольно странное впечатлѣніе, оно наполнено противорѣчіями. Пселлъ, какъ видно былъ очень огорченъ случившейся у него покражей, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что ему, какъ философу и монаху неприлично придавать слишкомъ большое значеніе матеріальной невзгодѣ. Поэтому онъ старается увѣрить, будто очень доволенъ, что освободился отъ золотой цѣпи, но тутъ же сейчасъ одумывается, что кесарь пожалуй не придастъ никакого значенія этому происшествію, и разсказываетъ противоположное, что для человѣка, сколачивающаго себѣ капиталецъ очень непріятно лишиться его. Вслѣдъ за тѣмъ увѣряетъ, что его огорчаетъ собственно говоря не матеріальная потеря, а то, что онъ заподозрѣлъ слугъ и теперь уже не можетъ обращаться съ ними такъ снисходительно, какъ это дѣлалъ прежде. Въ заключеніе Пселлъ проситъ кесаря никоимъ образомъ не возмѣщать ему потери и тутъ же намекаетъ, что кесарь можетъ выпросить денегъ у императора. Ясно, что цѣль письма заключалась не только въ томъ, чтобы сообщить кесарю все что съ нимъ дѣлалось, но Пселлъ питалъ надежду, что ему будетъ оказано пособіе изъ императорской казны.

Сколько именно украли у Пселла трудно сказать съ точностью. Онъ говоритъ о статирахъ, но это по всей вѣроятности архаизмъ (какъ таланты и олимпіады въ его мемуарахъ); надо думать, что онъ подразумѣвалъ номизмы и слѣдовательно у него украли 300 номизмъ или 1200 рублей. Для Пселла это была небольшая сумма, онъ въ тоже время отложилъ на покупку имѣнія гораздо болѣе серіозный капиталъ.

Понятно, что Пселлъ пользовался своею дружбою съ кесаремъ и обращался къ нему за протекціей для разныхъ лицъ. Такъ въ царствованіе Дуки одинъ провинціальный судья лишился мѣста по неизвѣстной намъ причинѣ и по словамъ Пселла голодалъ; и вотъ Пселлъ проситъ кесаря подѣйствовать на императора, чтобы этотъ несчастный чиновникъ былъ вновь назначенъ провинціальнымъ судьей, обѣщая, что онъ будетъ соблюдать правосудіе и увеличитъ, если только будетъ возможно, доходы государственной казны [1].

Въ другой разъ Пселлъ просилъ кесаря за своего друга, епископа Парнасскаго, которому въ одномъ письмѣ обѣщаетъ свою протекцію, благодаря вмѣстѣ съ тѣмъ за присылку масла [2]. Но въ чемъ заключалась просьба не видно изъ писемъ.

---

[1] Ps. V, 399—400.

[2] Ps. V, 294—296.

Кромѣ кесаря Пселлъ пользовался въ царствованіе Константина Дуки протекціей патріарха Константина Лихуда, съ которымъ, какъ мы знаемъ, онъ былъ близокъ еще со временъ Мономаха. До насъ дошло два письма Пселла къ этому патріарху. Въ одномъ онъ при посылкѣ хлѣба, вина и плодовъ выражаетъ патріарху свою преданность въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ [1], въ другомъ благодаритъ за рыбу и выражаетъ сожалѣніе, что Лихудъ относится къ нему уже не такъ, какъ прежде [2]. Письмо, написанное всетаки въ дружескомъ тонѣ, и подарокъ Лихуда, свидѣтельствуютъ, что отношенія ихъ не измѣнились серіозно.

Что велико было значеніе Пселла въ царствованіе Константина Дуки видно изъ того, что къ нему обращаются за помощью митрополиты. 23 сентября 1063 года случилось по словамъ Атталіата большое землетрясеніе, въ которое пострадалъ между прочимъ городъ Кизикъ [3]. И вотъ Пселлъ проситъ какое-то высокопоставленное лицо помочь митрополиту Кизическому и возстановить на казенный счетъ разрушенныя въ митрополіи церкви [4].

Въ маѣ 1067 г. умеръ Константинъ Дука, оставивъ послѣ себя регентшей императрицу Евдокію и номинальными царями своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Михаила, Константина и Андроника. Цѣлая партія была недовольна этимъ положеніемъ; съ сѣвера грозили Узы и Печенѣги, Малую Азію разоряли Сельджуки и въ Византіи требовался прежде всего царь-полководецъ. Но были лица, довольныя режимомъ, установившимся при Евдокіи; къ нимъ принадлежали кесарь Іоаннъ и Пселлъ, увѣряющія, что дѣла шли отлично и такъ продолжалось бы, если бы порядка вещей не измѣнилъ злой духъ. (Ps. IV, 271. εἰ μὴ δαίμων τις τοῖς πραττομένοις ἀντέπεσεν). Злой духъ явился въ лицѣ Романа Діогена. Хотя императрица Евдокія дала клятву не выходить замужъ въ присутствіи патріарха Іоанна Ксифилина и Константинопольскаго синода, патріархъ рѣшилъ, что можно освободить ее отъ клятвы во вниманіе къ нуждамъ государства. Сельджуки нанесли византійской арміи жестокое пораженіе, и патріархъ основательно опасался, что непріятель сокрушитъ имперію, если наконецъ на престолѣ не появится талантливый генералъ. Его мнѣнія держались и нѣкоторые другіе сановники, которыхъ г. Скабалановичъ справедливо

---

[1] Ps. V, 299—300.

[2] Migne, t. 136 p. 1327.

[3] Attaliot. p. 88—90.

[4] Ps. V, 312.

называетъ патріотами. Эти патріоты совѣтовали императрицѣ Евдокіи выйти замужъ, за что Пселлъ и называетъ ихъ злыми совѣтниками. Они обращались къ Пселлу и просили его содѣйствія, но послѣдній на отрѣзъ отказался помочь. Евдокія колебалась, ей не хотѣлось вторично выходить замужъ, но наконецъ она всетаки рѣшилась. Хотя Пселлъ и увѣряетъ, что она была къ нему очень расположена (боготворила его, какъ онъ выражается на своемъ напыщенномъ языкѣ), тѣмъ не менѣе она только разъ намекнула ему, что не думаетъ умереть регентшей, а дальнѣйшіе свои планы она тщательно скрывала отъ него и за нѣсколько дней до воцаренія Романа Діогена онъ еще не зналъ, что выборъ ея остановился на этомъ полководцѣ. Когда дѣло было уже рѣшено, царица однажды вечеромъ призвала Пселла и сказала ему: „развѣ ты не знаешь, что дѣла нашего царства отцвѣтаютъ и идутъ вспять, потому что постоянно возникаютъ войны и варвары разорили всѣ восточныя страны? Какъ остановить этотъ дурной оборотъ дѣла? Не зная, что у дверей дворца уже стоитъ тотъ, кто долженъ былъ воцариться, разсказываетъ Пселлъ, я отвѣтилъ: „это дѣло не легкое, оно требуетъ обсужденія и размышленія“. Императрица разсмѣялась и сказала: „объ этомъ теперь уже нечего размышлять, это обсуждено и рѣшено; Романъ, сынъ Діогена удостоенъ царской власти, ему отдано предпочтеніе предъ другими“. Я былъ пораженъ, услышавъ это и не зная какъ быть, сказалъ: завтра я присоединюсь къ твоему рѣшенію. Она же отвѣтила: не завтра, а сейчасъ. Тогда я спросилъ ее: „знаетъ ли объ этомъ твой сынъ и царь ожидавшій, что онъ будетъ единственнымъ правителемъ?“ „Кое что онъ знаетъ, отвѣтила она, но вполнѣ не знаетъ всего. Пойдемъ къ нему вмѣстѣ и разскажемъ это происшествіе; онъ спитъ на верху въ въ одной изъ царскихъ спаленъ“.

Пселлъ пошелъ съ царицей къ Михаилу; мальчика разбудили и онъ согласился признать императоромъ Романа Діогена. Когда то же самое сдѣлалъ кесарь Іоаннъ, возможныя препятствія были устранены и 1 января 1068 г. вступилъ на престолъ второй супругъ императрицы Евдокіи Романъ Діогенъ. При этомъ съ Діогеномъ заключено было условіе, изложенное письменно въ формальномъ договорѣ и обязывавшее его не столько повелѣвать сколько покоряться, т. е. управлять не самодержавно, а при участіи и въ соправленіи трехъ сыновей Константина Дуки [1].

---

[1] Ps. IV. 272—274. Скабалановичъ, Виз. гос. и церк., стр. 101.

Выборъ былъ удаченъ: Романъ Діогенъ былъ не только красивъ и не только этимъ привлекъ онъ Евдокію; это былъ опытный полководецъ, отличившійся во многихъ дѣлахъ, какъ разъ такой царь, который тогда нуженъ былъ Византіи.

Несмотря на это Пселлъ былъ недоволенъ, онъ относился несочувственно къ Роману и выразилъ это очень ясно въ своихъ мемуарахъ, говоря напр., что когда этотъ царь выступилъ въ первый походъ противъ Сельджуковъ, онъ шелъ самъ не зная ни куда ни зачѣмъ, и вообще значительно умаляя его военные успѣхи [1].

Недовольство Пселла было совершенно понятно, можно было ожидать, что несмотря на титулъ царя, его воспитанникъ Михаилъ Дука будетъ совсѣмъ устраненъ и фактически никогда не вступитъ на престолъ, если у Романа Діогена родится сынъ отъ Евдокіи и онъ назначитъ его своимъ преемникомъ. Пріятель Пселла кесарь Іоаннъ, потерялъ свое прежнее значеніе при Романѣ и былъ даже удаленъ изъ столицы. Несмотря на это Пселлъ былъ слишкомъ политиченъ, чтобы явно стать въ оппозицію къ царю. Напротивъ, въ день вступленія на престолъ онъ произнесъ новому царю привѣтственную рѣчь, начинавшуюся словами: „нынѣ день спасенія, нынѣ освобожденіе отъ золъ, нынѣ позаботился Господь о наслѣдіи своемъ, нагнулся съ неба и увидѣлъ, послалъ съ высоты ангела своего и освободилъ насъ отъ настоящихъ золъ и грядущихъ бѣдъ. Куда дѣвалось теперь хвастовство Персовъ, надменность Мидянъ, ожидаемый набѣгъ Скиѳовъ? что сталось съ невыносимымъ натискомъ Турокъ? Теперь мы видимъ царя истиннаго не только по названію, но и по виду, великаго какъ гигантъ, сильнаго, державнаго, страшнаго даже когда онъ не вооруженъ, непобѣдимаго когда вооруженъ, а сердцемъ похожаго на пророка Давида [2].

Пселлъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ былъ знакомъ съ Романомъ Діогеномъ, когда тотъ былъ еще частнымъ человѣкомъ и что Романъ Діогенъ питалъ къ нему необыкновенное уваженіе. Пселлъ оказалъ ему въ то время какую-то услугу, императоръ не забылъ этого и, вступивъ на престолъ, оказывалъ ему знаки почтенія, напр. вставалъ когда входилъ Пселлъ [3]. Все это вѣроятно, но чтобы императоръ любилъ Пселла, какъ онъ говоритъ въ мемуарахъ, это сомнительно.

---

[1] Ps. IV, 276.
[2] Ps. V, 222.
[3] Ps. IV, 275.

Въ мартѣ 1068 г. Романъ Діогенъ выступилъ въ первый походъ противъ Сельджуковъ, и Пселлъ отъ лица столичныхъ гражданъ сказалъ ему по этому поводу рѣчь, начинавшуюся словами: „зачѣмъ уходишь ты блистательнѣйшее солнце, великое свѣтило правды“? Въ заключеніе ораторъ говорилъ: „да увидимъ тебя, возвращающимся къ намъ побѣдоносцемъ, украшеннаго побѣднымъ вѣнцомъ, тебя, о гордость царства нашего, достойнѣйшее свѣтило нашей луны (т. е. императрицы)“ [1].

Въ январѣ 1069 г. императоръ возвратился изъ похода и въ апрѣлѣ того же года отправился вновь на востокъ. И на этотъ разъ Пселлъ счелъ своею обязанностью сказать рѣчь царю, по содержанію очень похожую на предъидущую, въ которой также высказывается соболѣзнованіе по поводу ухода императора и пожеланіе вернуться побѣдоносцемъ [2].

Въ этотъ второй походъ императоръ взялъ съ собою Пселла, потому будто бы, разсказываетъ онъ въ мемуарахъ, что онъ прекрасно зналъ военное искусство и Романъ Діогенъ чрезвычайно дорожилъ его совѣтами [3]. Но въ такомъ объясненіи позволительно сомнѣваться; допустимъ, что Пселлъ зналъ стратегію и тактику, но зналъ онъ военныя науки только теоретически; правда онъ написалъ небольшой трактатъ „о военномъ строѣ“, но трактатъ этотъ ни что иное какъ сокращеніе нѣсколькихъ главъ тактики Эліана и даже въ то время могъ представлять интересъ только историческій [4]. Едва ли императоръ нуждался въ военныхъ совѣтахъ ученаго монаха и конечно г. Скабалановичъ правъ, говоря, что „Діогенъ не переставалъ зорко наблюдать за Пселломъ и для этого бралъ его съ собою“. Дѣло въ томъ, что „партія враждебная Діогену (къ ней принадлежали кесарь Іоаннъ съ сыновьями, Пселлъ и нѣкоторые другіе сановники) ненавидѣла его, но прямо своей ненависти не высказывала: благовиднымъ предлогомъ, лозунгомъ своимъ она поставила интересы династіи Дукъ. Партія приписывала Діогену тайные планы нарушить договоръ и достигнуть самодержавія, устранивъ сыновей Константина Дуки и матери ихъ, Евдокіи, она видѣла уже начало осуществленія плановъ въ той природной самонадѣянности и рѣзкости, съ какими Діогенъ относился къ женѣ и совѣтникамъ вельможамъ; походы на востокъ объясняемы были же-

---

[1] Ps. V, 227—228.

[2] Ps. V, 334—335.

[3] Ps. IV, 277.

[4] Περὶ πολεμικῆς τάξεως Boiss. p. 120—124.

ланіемъ императора совершить что-нибудь доблестное, съ тѣмъ чтобы достигнуть популярности и, опираясь на заслуги, идти прямо къ цѣли, самодержавному правленію, оттого будто бы каждый походъ прибавлялъ Діогену спѣси и дѣлалъ его смѣлѣе. Въ такомъ тонѣ изложено царствованіе Діогена въ запискахъ одного изъ самыхъ видныхъ представителей партіи, Пселла. Девизъ выставленъ былъ весьма удачно и освѣщеніе дѣятельности Діогена въ устахъ его противниковъ получало правдоподобный видъ. Партія поэтому сильно импонировала при дворѣ. Даже Евдокія усумнилась въ правдивости Діогена и въ искренности данныхъ имъ обѣщаній; въ своихъ колебаніяхъ она искала утѣшенія у Пселла, который, какъ легко догадаться, едва ли излилъ вполнѣ цѣлительный бальзамъ на ея душу. Нечего и говорить объ ея сыновьяхъ, на которыхъ вліяніе вождей партіи должно было сказаться сильнѣе, чѣмъ на Евдокіи, они, а особенно воспитанникъ Пселла, Михаилъ, были недоброжелателями Діогена, такими же какъ Іоаннъ кесарь „навѣтниками“ (выраженіе Атталіата)“ [1].

Пселлъ сопровождалъ императора не во все время похода, онъ дошелъ только до Кесаріи (οὕτω γὰρ ἐγὼ καλῶ τὴν Καισάρειαν, ἔνθεν αὐτὸς τὸν δρόμον ἀνέλυσα), откуда кажется и написалъ письмо тремъ сановникамъ, находившимся въ свитѣ Діогена, протасикриту, ливеллисію и принимавшему прошенія на высочайшее имя (ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων). Въ этомъ длинномъ письмѣ (занимающемъ въ изданіи Саѳы почти 4 страницы) много ученыхъ и витіеватыхъ фразъ, но мало содержанія. Повидимому Пселлъ хотѣлъ сообщить, что онъ находится въ Кесаріи, и выразить при этомъ свое расположеніе императорской свитѣ [2]. Подобное же письмо написалъ онъ Евстратію Хиросфакту магистру и протонотарію дрома, убитому впослѣдствіе въ сраженіи при Манцикертѣ [3]. Изъ этого видно, что Пселлъ держался своей обычной политики не ссориться съ господствующей партіей и людьми вліятельными, даже когда онъ расходился съ ними во взглядахъ. Такъ и въ данномъ

---

[1] Слова г. Скабалановича, Виз. гос. и церк., стр. 102—103.

[2] Ps. V, 451—455.

[3] Ps. V, 372. Въ заглавіи письма Пселла Хиросфактъ названъ протонотаріемъ дрома и магистромъ, Атталіатъ (р. 167) называетъ его протасикритомъ и магистромъ. Въ то время какъ писалъ свои письма Пселлъ, Хиросфактъ не былъ протасикритомъ, потому что въ письмѣ къ протасикриту и другимъ упоминается Хиросфактъ; но можетъ быть онъ занималъ эту должность въ то время какъ о немъ говоритъ Атталіатъ, т.-е. во время сраженія при Манцикертѣ (1071 г.).

случаѣ мы видимъ, что Пселлъ интригуетъ вмѣстѣ съ Дуками противъ Романа Діогена и въ то же время поддерживаетъ хорошія отношенія съ людьми, всего ближе стоявшими къ императору и конечно принадлежавшими къ противоположной партіи.

Въ Кесаріи должно быть увѣдомили Пселла о побѣдѣ, одержанной Діогеномъ, и ему приказано было отправиться въ Константинополь и возвѣстить объ этомъ въ столицѣ. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію можно прійти изъ письма посланнаго Пселломъ императору.

„Хотя я не видѣлъ всего этого физическими глазами, пишетъ онъ, но видѣлъ мысленными, какъ ты предводительствовалъ фалангой, сражался съ непріятелемъ, какъ ты храбро наступалъ на нихъ и поражалъ командой стратига, они же сейчасъ же падали и не въ состояніи были выдержать твоего натиска. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо, хорошо зная, какія у тебя мощныя длани, какая у тебя храбрая душа, я считаю тебя не только способнымъ состязаться съ Турками и Арабами, но и съ войскомъ знаменитаго Ахилла и Александра Македонскаго. Но этимъ мужамъ выпало счастіе имѣть хвалителями Гомера и Аристотеля, писателей талантливыхъ и способныхъ сдѣлать малое великимъ; тебѣ же великому царю, воину и стратигу замѣняетъ ихъ мой лепечущій (ψελλίζουσα) языкъ.

Знай же, владыка мой и царь, что вся столица была потрясена твоимъ великимъ подвигомъ, всѣ удивлялись, что ты не похвастался побѣдой, не устроилъ себѣ тріумфа на словахъ, что я одинъ громче трубнаго звука огласилъ уши всѣхъ этимъ извѣстіемъ. Владычица же моя и царица, великая слава Ромэевъ, гордость и красота души твоей, услышавъ о твоемъ великомъ подвигѣ, пришла въ восторгъ отъ удовольствія и, утеревъ слезы радости, простерла руки къ Богу и вознесла за тебя обычныя молитвы.

Я возвѣстилъ о твоей побѣдѣ священнѣйшему патріарху, всему синоду и синклиту, а также народу. Я шепнулъ объ этомъ на ухо и новому царю и владыкѣ моему прекрасному Діогену.

Я, боговѣнчанный владыка мой и царь, воспринявъ въ душѣ своей отъ твоей державы двѣ вещи, правду, исходящую изъ устъ твоихъ, и неизреченное состраданіе, изливаемое на меня твоею святою душою, не перестану за это состязаться за тебя. Что касается дѣлъ, я потерплю пораженіе отъ твоей божественной державы, но одержу побѣду надъ тобою словами произносимыми и писанными. Также какъ ты сдѣлалъ меня ревностнымъ твоимъ поклонникомъ, восхваляя меня цѣлый день и ставя несравненно выше другихъ, такъ и я поставлю

тебя выше всѣхъ остальныхъ царей, превознеся тебя въ книгѣ, которая какъ лугъ будетъ преисполнена цвѣтовъ и прелести (т.-е. цвѣтистыхъ и красивыхъ выраженій)“ [1]).

Для характеристики Пселла интересно сопоставить это письмо со слѣдующей фразой изъ его же мемуаровъ: „второй его (т.-е. Романа Діогена) походъ былъ нисколько не удачнѣе перваго; если наши пали десятками тысячъ и взяли въ плѣнъ двухъ или трехъ непріятелей, это еще не значитъ, чтобы мы побѣдили“ [2].

Романъ Діогенъ возвратился изъ втораго похода осенью 1069 г. и прожилъ въ Константинополѣ до весны 1071 г. По всей вѣроятности въ это время, а можетъ быть и раньше, Пселлъ составилъ для императора рѣчь, которую тотъ произнесъ на обычномъ великопостномъ засѣданіи сановниковъ [3]).

Въ это время командованіе войсками было поручено Мануилу Комнину; но когда императоръ узналъ, что дѣла идутъ дурно и Сельджуки одерживаютъ серьезныя побѣды, онъ рѣшилъ опять отправиться на востокъ. Партія нелюбившая Діогена, по словамъ Атталіата, совѣтовала ему не выступать въ походъ самому, къ этой партіи принадлежалъ и Пселлъ по разсказу Скилица [4]. Они всячески старались дискредитировать императора въ глазахъ императрицы и столичнаго населенія, а потому боялись, что въ случаѣ онъ одержитъ блестящія побѣды обаяніе его сильно возрастетъ.

Императоръ не обратилъ вниманія на этихъ совѣтниковъ и весною 1071 г. отправился въ третій походъ. Этотъ походъ окончился для него очень несчастно; благодаря измѣнѣ Андроника Дуки онъ былъ взятъ въ плѣнъ сельджукскимъ султаномъ Алп-Арсланомъ послѣ сраженія при Манцикертѣ или Маназкертѣ (по написанію арабскихъ историковъ) въ 1071 г. [5].

Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась конечно оппозиціонная партія и тотчасъ же рѣшили, что теперь государствомъ должны править Дуки. На время плѣна Діогена конечно иначе и быть не могло.

---

[1] Ps. V, 224—226.

[2] Ps. IV, 277.

[3] Рѣчь эта не напечатана; она списана мною по одному венеціанскому кодексу.

[4] Attal. p. 141. Scyl. p. 688.

[5] См. бар. Розена. Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Алп-Арсланомъ (Записки восточнаго отдѣленія имп. археологическаго общества т. I, вып. 1, 3, 4).

Но тутъ придворные раздѣлились на два лагеря, одни желали, чтобы вновь было установлено совмѣстное правленіе Евдокіи и Михаила, другіе же желали устранить Евдокію и сдѣлать Михаила единственнымъ самодержцемъ. Къ первымъ принадлежалъ Пселъ, партія его получила перевѣсъ, когда къ ней присоединился вызванный императрицей изъ Виѳиніи кесарь Іоаннъ [1].

Вслѣдъ за этимъ пришло собственноручное письмо отъ Діогена, которымъ онъ извѣщалъ, что онъ освобожденъ отъ плѣна и слѣдовательно продолжаетъ быть византійскимъ императоромъ. Явилось большое неожиданное затрудненіе; Михаилъ и другіе обратились къ мудрецу Пселлу, требуя, чтобы онъ научилъ, какъ быть. Пселлъ посовѣтовалъ никоимъ образомъ не признавать императоромъ Романа Діогена, но разослать по всей имперіи указы съ объявленіемъ, что онъ лишенъ престола [2]. Совѣтъ Пселла былъ принятъ и дѣйствительно въ войско и провинціи были посланы указы не признавать императоромъ Романа Діогена [3].

Михаилъ и родственники его изъ дома Дукъ (кесарь Іоаннъ съ сыновьями) желали, чтобы единовластителемъ былъ Михаилъ; послѣдній желалъ устранить свою мать вѣроятно потому, чтобы ни Романъ Діогенъ ни сынъ его не имѣли уже никакой возможности претендовать на престолъ. Поэтому молодой царь склонилъ на свою сторону варяжскую дружину, охранявшую дворецъ, и научилъ ее устроить демонстрацію противъ Евдокіи. Царица спаслась въ какое-то подземелье (скрытую пещеру, какъ выражается Пселлъ), туда же за ней послѣдовалъ Пселлъ и сталъ у входа. Онъ слышалъ только шумъ поднятый Варягами и не зналъ въ чемъ дѣло. Михаилъ сейчасъ вспомнилъ о немъ и послалъ искать его по всему дворцу; его нашли и привели къ царю. Онъ потребовалъ у Пселла совѣта, какъ политичнѣе поступить. Пселлъ заботился въ данномъ случаѣ какъ бы не произвести волненія въ народѣ, а потому посовѣтовалъ постричь Евдокію и поселить ее въ ею же построенномъ монастырѣ Пиперуди [4].

Пселлъ какъ видно былъ близкимъ лицомъ къ Евдокіи, онъ стоялъ за нее, когда это было нужно, чтобы отдѣлаться отъ Діогена и когда

---

[1] Ps. IV, 280.

[2] Ps. IV, 281.

[3] Attal. p. 168.

[4] Ps. IV, 282. Attal. p. 168—169. Атталіатъ разсказываетъ, что какъ только кесарь съ сыновьями возвратились въ столицу, они начали интригу противъ Евдокіи и сослали ее въ монастырь.

этого желали кесарь Іоаннъ и самъ Михаилъ. Онъ спрятался вмѣстѣ съ императрицей въ подземелье, когда услышавъ шумъ, думалъ, что ему угрожаетъ опасность. Но какъ только онъ узналъ, что кесарь съ сыновьями желаютъ, чтобы Михаилъ правилъ самостоятельно, онъ сталъ на его сторону и подалъ хорошій совѣтъ, какъ отдѣлаться отъ Евдокіи.

Хотя столица признала своимъ самодержцемъ Михаила Дуку, Романъ Діогенъ продолжалъ считать себя законнымъ императоромъ и пришлось дѣйствовать противъ него оружіемъ. Послѣ не совсѣмъ удачнаго похода Константина Дуки, младшаго сына кесаря Іоанна, противъ Романа Діогена былъ посланъ старшій сынъ того же кесаря Андроникъ, одержавшій рѣшительную битву надъ войскомъ Діогена, находившимся подъ командою армянина Качатура, катепана Антіохійскаго.

Пселлъ написалъ по этому поводу поздравительное письмо Андронику, гдѣ, восхваляя его на всѣ лады пишетъ, что онъ сокрушилъ главу змія (т.-е. Діогена) и воскресилъ умирающее царство Ромэевъ [1].

Вслѣдъ за этимъ Андроникъ осадилъ Діогена въ крѣпости Аданѣ. „Долго ли продолжалась осада свѣдѣній не имѣемъ, знаемъ только, что осажденные доведены были до крайности и терпѣли недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, что мужество ихъ Діогенъ поддерживалъ обѣщаніемъ скорой помощи отъ Турокъ, что Андроникъ вошелъ въ тайные переговоры съ приверженцами Діогена, охранявшими Аданъ. Переговоры Андроника увѣнчались успѣхомъ и Діогенъ, не надѣясь на своихъ сподвижниковъ сдался подъ условіемъ, что отказывается отъ престола, постригается въ монашество и за то получаетъ гарантію личной безопасности; гарантію дали отъ имени императора заключавшіе договоръ три митрополита, которые клялись, что никакое зло не постигнетъ Діогена. Діогенъ тутъ же постриженъ, посаженъ въ скромный экипажъ и отправленъ въ Византію, куда напередъ послано извѣщеніе о всемъ случившемся. Печальный поѣздъ съ Діогеномъ, одѣтымъ въ монашеское платье и страдавшимъ сильнымъ разстройствомъ желудка, которое, какъ говорили потомъ, произошло отъ какого-то снадобья, даннаго врагами, прибылъ въ опсикійскую ѳему и остановился въ крѣпости Котіэѣ, въ ожиданіи инструкцій изъ Византіи. Чрезъ нѣсколько дней изъ Византіи полученъ приказъ ослѣпить Діогена. Напрасно Діогенъ просилъ заступничества у архіереевъ, клятвенно ручавшихся за его безопасность: тѣ если бы и желали, ничего не мог-

[1] Ps. V, 292—394.

ли сдѣлать. Его отвели въ какой-то чуланъ и обязанность палача взялъ на себя неопытный въ этомъ дѣлѣ еврей. Діогена привязали за руки и ноги, на грудь и животъ его надавили щитъ и еврей раза четыре запускалъ ему желѣзо въ глаза, пока несчастный не поклялся, что глаза его совсѣмъ уже вытекли. Страдалецъ посаженъ былъ опять въ экипажъ и съ изрытыми глазами, съ головой и лицомъ вспухшими, похожій болѣе на разлагающійся трупъ, чѣмъ на живаго человѣка привезенъ къ Пропонтидѣ. Спустя нѣсколько дней онъ умеръ“ [1].

Несомнѣнно, что императоръ Михаилъ приказалъ ослѣпить Діогена, если даже не приказалъ, то во всякомъ случаѣ допустилъ это и никакъ не могъ ничего объ этомъ не знать, какъ увѣряетъ Пселлъ. Зналъ также объ этомъ злодѣяніи самъ Пселлъ, можетъ быть онъ далъ совѣтъ пустить въ ходъ этотъ византійскій способъ отдѣлываться отъ людей; если и не такъ, едва ли противодѣйствовалъ этой мѣрѣ. Онъ зналъ, что Діогенъ будетъ считать императора и его самого виновниками своего несчастія, а потому, чтобы обѣлить и его и себя написалъ ослѣпленному царю письмо, которое съ нашей точки зрѣнія представляется довольно нахальнымъ издѣвательствомъ надъ умирающимъ несчастливцемъ.

Приводимъ это письмо въ переводѣ.

„Я въ полномъ недоумѣніи, благороднѣйшій и восхитительнѣйшій человѣкъ, оплакивать ли мнѣ тебя, какъ самаго несчастнаго человѣка или восхищаться, какъ самымъ славнымъ мученикомъ. Ибо когда я взираю на причиненное тебѣ зло, превосходящее всякую мѣру и степень, я причисляю тебя къ самымъ несчастнымъ людямъ; когда же я обращаю вниманіе на твой невинный образъ мыслей и на твое рвеніе о добрѣ, я сопричисляю тебя къ мученикамъ. Если же ты послѣ тысячи сдѣланныхъ тебѣ злодѣяній, все же остаешься великодушнымъ и благодарнымъ Богу, я ставлю тебя выше мучениковъ.

Не знаю, есть ли другой человѣкъ, испытавшій столько бѣдствій какъ ты, и при томъ безъ всякой вины со своей стороны. Но узнай отъ меня, божественнѣйшій человѣкъ, что все случающееся въ нашей жизни зависитъ отъ Провидѣнія и Промысла Божія, ничего не бываетъ безъ причины и случайно, но за всѣмъ наблюдаетъ недремлющее око и вмѣсто здѣшнихъ трудовъ и несчастій вынесшимъ ихъ готовятся великія воздаянія. Я знаю, что тяжело лишиться свѣта (зрѣнія) и это особенно тяжко, когда предшествовало много оскорбленій, но я

[1] Скабалановичъ, Виз. гос. и церк., стр. 107.

также знаю, что великое дѣло наслаждаться божественнымъ свѣтомъ, который уже пріуготованъ тебѣ, но еще не попалъ въ сердце твое; ибо Богъ возжетъ въ душѣ твоей чистый свѣтъ, осіяетъ тебя спасительный день, освѣтитъ неприступное солнце, ты возненавидишь этотъ солнечный свѣтъ и полюбишь тотъ мысленный неизреченный свѣтъ. Воздай хвалу Богу, что тебя, человѣка, онъ сдѣлалъ ангеломъ, лишеннаго зрѣнія удостоилъ лучшаго свѣта, помѣстилъ среди благородныхъ своихъ борцовъ и, отнявъ у тебя преходящую діадиму, украсилъ тебя небеснымъ вѣнцомъ. Поразмысли о будущемъ судѣ Божіемъ: бывшіе здѣсь очень счастливы или вполнѣ будутъ устранены отъ небесной славы или удостоены небольшой почести; ты же будешь поставленъ одесную Судіи, блестящимъ образомъ увѣнчанный вѣнцомъ мученика, созерцая раскрытыми глазами божественныя тайны и видѣнія. Мученики будутъ цѣловать твои пострадавшія глаза, будутъ обнимать ангелы и смѣло скажу самъ Богъ. Помышляя о столь великой радости, бодрись и радуйся въ страданіяхъ твоихъ, какъ говоритъ святой Апостолъ (Посл. къ Колосс гл. 1 ст. 24). Человѣкъ смотритъ на лицо, Богъ же глядя на сердце, распозналъ въ душѣ твоей нѣкую божественную частицу, стѣсненную тѣлеснымъ терніемъ. Тѣло Онъ нѣсколько испортилъ, доброе же сѣмя сохранилъ невидимо невидимыми силами. Всячески клянусь тебѣ Богомъ, исповѣдуемымъ истинною религіею, что царь невиненъ въ твоемъ несчастіи и нисколько не причиненъ въ случившемся. Когда онъ рѣшилъ достигнуть того, чтобы съ тобой не случилось никакого зла, тогда тебя постигло это искушеніе. Услышавъ объ этомъ онъ скорбѣлъ душой, громко застоналъ, заплакалъ, тяжело вздохнулъ, пролилъ потоки слезъ. Онъ желалъ умереть, желалъ, чтобы разверзлась подъ нимъ земля. Вѣрь тому, что я пишу; слово мое не ложно и писано не для красоты слога, оно истинно и свѣтлѣе свѣта. Онъ все еще не находитъ утѣшенія и отказывается жить. Вотъ тебѣ достаточное утѣшеніе. Есть у тебя владыка, котораго ты любилъ, или лучше сказать родственнѣйшій и любезнѣйшій сынъ; есть у тебя человѣкъ, который будетъ утѣшать тебя, плакать за тебя, успокоивать тебя, обнимать, почитать. Я желалъ бы обагрить это письмо собственною кровью или слезами. Но такъ какъ это невозможно, я пишу, громко стеная и плача, что я не смотря на свое желаніе и стараніе со всѣхъ сторонъ оградить тебя, не былъ въ состояніи устранить отъ тебя случившагося съ тобою несчастія“ [1].

---

[1] Ps. V, 316—318.

О дѣятельности Пселла въ царствованіе Михаила Дуки мы знаемъ немного. Въ парижскомъ кодексѣ 1182, по которому сдѣлано изданіе Саѳы имѣются два письма, написанныя Пселломъ отъ имени императора Михаила къ какому-то русскому князю [1].

Въ августѣ 1074 г. Пселлъ составилъ хрисовулъ, посланный императоромъ Роберту Гвискару. Это брачный договоръ, заключенный Михаиломъ VII съ Робертомъ, по которому сынъ византійскаго царя Константинъ былъ признанъ женихомъ дочери Гвискара [2].

Въ іюлѣ 1075 г. Пселлъ по приказанію императора разобралъ тяжбу о мельницѣ стратига Мандала съ Каллійскимъ монастыремъ и написалъ протоколъ этого дѣла. Въ концѣ этого неизданнаго протокола читается слѣдующее: ταῦτα γραφέντα πνευματικῶς ὑπογέγραπται καὶ ἐσφράγισται καὶ τῷ θεομητρόθεν τῆς δίκης κρατήσαντι στρατηγῷ ἐπιδέδοται εἰς μῆνα ἰουλίου τρισκαιδεκάτης ἰνδικτιῶνος ὀπηνίκα καὶ τὸ συμβὰν θαῦμα τετέλεσται καὶ κεκήρυκται τοῦ βασιλεύοντος τηνικαῦτα κῦρ Μιχαὴλ τοῦ Δούκα ἐμοὶ τῷ μοναχῷ Μιχαὴλ τῷ ὑπερτίμῳ τὴν γραφὴν ἐπιτρέψαντος ὑπομνήματος ὁμοῦ νομικοῦ καὶ πανηγυρικοῦ εἰδους λόγον ἔχουσαν ἔτους ἤδη διαρρέοντος ϛφπγ [3].

Изъ этого видно, что Пселлъ въ царствованіе Михаила Дуки дѣлалъ тоже самое, что при Константинѣ Мономахѣ. Онъ писалъ письма отъ имени императора, составлялъ хрисовулы, разбиралъ тяжбы и написалъ протоколъ суда; слѣдовательно представляется вѣроятнымъ, что въ царствованіе Михаила Дуки онъ занималъ опять должность протасикрита.

Къ этому времени относится по моему мнѣнію апологія Пселла подъ заглавіемъ: ὅτε παρητήσατο τὴν τοῦ πρωτοασηκρῆτις ἀξίαν. Эта рѣчь напечатана Саѳою безъ конца, такъ какъ конецъ не сохранился въ парижскомъ кодексѣ (Ps. V, 171—176). Но сохранился онъ

---

[1] Ps. V, 375—392. Эти письма были напечатаны Саѳою еще раньше во французскомъ переводѣ въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France 1874. Такъ какъ письма не имѣютъ адреса, Саѳа старался доказать, что они были отправлены Роберту Гвискару. В. Г. Васильевскій опровергъ эту догадку и показалъ, что письма были посланы русскому князю по всей вѣроятности Всеволоду Ярославичу (Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. декабрь).

[2] Этотъ неизданный хрисовулъ напечатанъ мною въ Журн. Мин. Нар Пр. 1889 г. сентябрь.

[3] Эта тяжба подробно изложена мною въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г. мартъ.

въ cod. Barocc. 131 (fol. 291—293) Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ, а также въ нѣсколько разъ упомянутомъ флорентійскомъ кодексѣ. [1]) Эта апологія представляетъ параллель вышеупомянутой рѣчи „къ завидовавшимъ титулу ипертима". Написана она была по всей вѣроятности, когда Пселлъ былъ назначенъ протасикритомъ, въ отвѣтъ лицамъ, говорившимъ, что философамъ не слѣдуетъ занимать государственныхъ должностей.

Пселлъ доказываетъ напротивъ, что философу не должны быть чужды государственныя дѣла и что ему слѣдуетъ ими заниматься. (Ps. V, 171. οὐ γὰρ ἀπογνωστέον τῷ φιλοσόφῳ τῶν ἐν ταῖς πολιτείαις πραγμάτων, ἀλλὰ μετὰ λόγου πρὸς ταῦτα ἰτέον). Онъ указываетъ на примѣры Платона, написавшаго сочиненіе о наилучшемъ государствѣ и ѣздившаго въ Сицилію, чтобы измѣнить тамошнюю тиранніи на болѣе законный образъ правленія, на Аристотеля, писавшаго законы Александру Македонскому, учившаго царя не только какъ управлять государствомъ, но даже стратегіи и военнымъ пріемамъ, какъ располагать войско, какъ сражаться и т. п. Вотъ какимъ уваженіемъ пользовалась философія въ прежнія времена, теперь же, говоритъ Пселлъ, къ ней относятся съ презрѣніемъ, считая гораздо важнѣе и полезнѣе юриспруденцію.

Во второй половинѣ рѣчи Пселлъ говоритъ, что онъ съ юношескаго возраста преслѣдовалъ двѣ цѣли: съ одной стороны занимался философіей, съ другой государственными дѣлами. Поэтому онъ не запирался у себя въ комнатѣ и не занимался исключительно философіей (διὰ ταῦτα οὔτε ἐν οἰκίσκῳ καθείρξας ἐμαυτὸν φιλοσοφεῖν μόνον ἐκέλευον), но точно также не дѣлалъ только то, что дѣлается въ судахъ, не исключительно обвинялъ и защищалъ, отвергнувъ ученыя книги (οὔτε παρωσάμενος τὰ βιβλία, ταῦτα δὴ τὰ ἐν δικαστηρίοις μόνα

---

[1]) Саѳа основываясь на заглавіи „когда онъ отказался отъ должности протасикрита" относитъ эту апологію къ концу царствованія Константина Мономаха, когда Пселлъ впалъ въ немилость и постригся. Въ заглавіи Бодлеева кодекса вмѣсто παρητήσατο стоитъ ἀνεβάλλετο. Не знаю, возможно ли понять παρητήσατο въ противоположномъ смыслѣ, какъ это сдѣлалъ г. Скабалановичъ, говоря „апологія по поводу назначенія на должность протасикрита". (Виз. гос. и церк. стр. LVIII). Заглавіямъ вообще нельзя придавать слишкомъ большаго значенія, такъ какъ они нерѣдко составлялись переписчиками на основаніи невѣрно понятаго содержанія. Апологія производитъ впечатлѣніе, что она была написана, когда Пселлъ былъ назначенъ протасикритомъ, а не тогда когда отказался отъ этой должности.

ποιεῖν, γράφεσθαί τε και διώκεσθαι καὶ ξυνηγορεῖν), держа въ рукахъ ученыя сочиненія, онъ въ то же время занимался государственными дѣлами, и такимъ образомъ онъ въ одно и то же время былъ государственнымъ человѣкомъ и ученымъ философомъ.

Въ неизданномъ концѣ этой рѣчи Пселлъ выставляетъ свои ученыя заслуги, указывая какъ много имъ сдѣлано для науки и какъ много написано сочиненій. По его словамъ онъ разъяснилъ аристотелевскую философію, написалъ трактаты о естествѣ и первыхъ сущностяхъ (ὅλον τὸν Ἀριστοτέλους ἀνεκάλυψα νοῦν, ἰδίας δὲ τὰς περὶ φύσιν θεωρίας ὑποδεικνὺς, ἰδίας δὲ περὶ τὰς πρώτας οὐσίας πραγματείας καὶ αὖθις τὴν τῶν μαθημάτων διάσκεψιν), объяснилъ движенія небесныхъ свѣтилъ и многія естественныя явленія, написалъ сочиненія по риторикѣ, объяснилъ халдейскія изреченія.

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что Пселлъ написалъ свою апологію не въ царствованіе Константина Мономаха, а позднѣе, потому что едва ли онъ успѣлъ написать въ то время значительное количество ученыхъ трактатовъ, о которыхъ самъ упоминаетъ.

Выше я привелъ нѣсколько строкъ изъ неизданнаго документа, гдѣ Пселлъ названъ ипертимомъ. Эти строки тѣмъ болѣе важны, что это единственное оффиціальное свѣдѣніе о титулѣ ипертима, данномъ Пселлу; къ тому же это единственный источникъ, изъ котораго можно вывести, что Пселлъ носилъ этотъ титулъ въ опредѣленномъ году. Итакъ несомнѣнно, что въ царствованіе Михаила VII Дуки Пселлъ былъ ипертимомъ. Значитъ ли это, что онъ не могъ быть въ то же время протопроедромъ? Думаю что нѣтъ. Ипертимъ по видимому не чинъ, а титулъ, въ родѣ нашего превосходительства; по крайней мѣрѣ Пселлъ пишетъ кесарю Іоанну ὑπέρτιμε καῖσαρ.

Далѣе мы знаемъ, что Пселломъ составлена для императора Михаила рѣчь, которую тотъ произнесъ на первой недѣлѣ поста на собраніи сановниковъ. Рѣчь эта не имѣетъ такихъ внутреннихъ признаковъ, по которымъ она могла бы быть пріурочена къ тому или другому году. Она неиздана, но списана мною съ ватиканскаго кодекса 672 (fol. 272—274), гдѣ имѣетъ слѣдующее заглавіе: τοῦ αὐτοῦ (Ψελλοῦ) σελέντιον δημηγορηθὲν παρὰ βασιλέως Μιχαὴλ τοῦ Δούκα.

Саѳа разсказываетъ, что Пселлъ впалъ въ немилость въ царствованіе Михаила VII, что онъ былъ уже не всѣми уважаемымъ лицомъ, а какимъ-то паразитомъ, что вестархъ, императорскій секретарь, всесильный министръ умеръ по всей вѣроятности въ богадѣльнѣ. Это основано на вышеприведенныхъ письмахъ къ Псиѳѣ и изъ нихъ Саѳа

вывелъ много такого, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ [1]. Издатели Recueil des historiens des Croisades совершенно неосновательно пріурочили эти письма къ царствованію Никифора Вотаніата, Саѳа-же ко времени Михаила VII [2]. Эти письма къ Псиоѣ, были бы единственнымъ свидѣтельствомъ о постигшей Пселла немилости въ царствованіе Михаила VII. Напротивъ того мы положительно знаемъ, что Константинъ Дука одно время былъ разгнѣванъ на Пселла; поэтому я предпочелъ отнести указанныя письма ко времени Константина Дуки. Саѳа предполагаетъ, что печальная участь постигла Пселла, потому что въ царствованіе Михаила Дуки главную роль игралъ Никифорица, и онъ будто бы не любилъ Пселла. Но ничего подобнаго нельзя вывести изъ сочиненій послѣдняго. Мы знаемъ только, что еще въ царствованіе Романа Діогена, когда Никифорица былъ претором Еллады, Пселлъ обращался къ нему съ просьбой заступиться за епископа Везенскаго (въ Ларисской митрополіи) [3]. Въ письмѣ къ патріарху Антіохійскому Эмиліану Пселлъ говоритъ, что всякое благо приходитъ къ нему отъ любезнѣйшаго и прекраснѣйшаго царя (Михаила VII) и что онъ счастливъ этимъ (Ps. V, 275).

Анна Комнина сообщаетъ, что въ царствованіе Михаила Дуки Пселлъ постригся и удалился изъ Византіи [4]; но это основано на недоразумѣніи, Пселлъ какъ мы видѣли постригся въ царствованіе Константина Мономаха.

Надо думать, что Пселлъ умеръ еще въ царствованіе Михаила VII;

---

[1] Предисловіе къ V т. Bibliotheca graeca, стр. 22. Αὐτὸς ὁ διατελέσας ὑπουργὸς πέντε αὐτοκρατόρων, ὁ ἐπιδαψιλεύσας τὰ ἀξιώματα καὶ τὰ πλούτη εἰς τοὺς ἀπειραρίθμους θαυμαστὰς τοῦ πολιτικοῦ αὐτοῦ μεγαλείου, μόλις ἐκβληθεὶς τῆς αὐλῆς, λιμοκτονῶν ἐπικαλεῖται τὴν συνδρομὴν τῶν διαδόχων αὐτοῦ εἰς ἀπόλαυσιν θέσεως τινος παρεχούσης τὰ πρὸς διατροφὴν τοῦ λιτοῦ γήρατος του ἀναγκαῖα. Οὕτω δὲ ἐν παραβύστῳ τινὶ γωνίᾳ ἢ τὸ πιθανώτερον ἐν πτωχοτροφείῳ, διῆλθεν ἐλεεινῶς τὸ ὑπόλοιπον τοῦ πολυταράχου βίου αὐτοῦ, ὁ πρὸ μικροῦ περιλάλητος ὕπατος τῶν φιλοσόφων, ὁ βεστάρχης, ὁ βασιλικὸς ἀρχιγραμματεύς, ὁ παντοδύναμος ὑπουργός, ὁ πρόεδρος τῆς συγκλήτου. Предисловіе къ IV т. Bibliotheca graeca, стр. 103. Διότι πρὸς τοῖς ἄλλοις ὑποσκελισθεὶς καὶ οὗτος ὑπὸ τοῦ πολυμηχάνου Νικηφορίτσῃ, εἶδε ματαιούμενα τὰ φιλόδοξα αὐτοῦ ὄνειρα, προσερχόμενος μὲν ἐν τοῖς βασιλείοις, ἀλλ' ὡς ταπεινὸς μᾶλλον παράσιτος ἢ ὡς ἐκτιμώμενος φίλος καὶ βασιλικὸς σύμβουλος.

[2] Historiens grecs. t. I, pars I, p. 88—90. Во второй части моего труда я покажу, что издатели Recueil невѣрно датировали письма Пселла.

[3] Ps. V, 344—346.

[4] Annae Comnenae Alexias I, 179 (ed. Reifferscheid).

если принять во вниманіе, что онъ нѣсколько разъ въ письмахъ жалуется на хроническій недугъ, какую-то желудочную болѣзнь, совершенно понятно, что онъ не прожилъ болѣе 60 лѣтъ. Мы можемъ положительно утверждать только то, что Пселлъ былъ живъ въ концѣ 1075 г.; въ августѣ этого года умеръ патріархъ Іоаннъ Ксифилинъ, Пселлъ написалъ ему послѣ его смерти длинный панегирикъ. Мнѣ представляется почти несомнѣннымъ, что Пселлъ не дожилъ до воцаренія Никифора Вотаніата т. е. до 1078 г.; нѣтъ царствованія, отъ котораго не осталось бы слѣда въ сочиненіяхъ этого писателя, или письма, или привѣтственной рѣчи, или упоминанія о себѣ въ мемуарахъ. Но мемуары свои онъ закончилъ еще при Михаилѣ VII, въ это же время онъ собирался написать отдѣльное сочиненіе о Романѣ Діогенѣ, но не успѣлъ сдѣлать этого; по крайней мѣрѣ до насъ не дошло подобнаго сочиненія [1]. Вмѣсто того чтобы думать, что Пселлъ впалъ въ немилость и удалился въ монастырь или богадѣльню, гораздо естественнѣе предполагать, что онъ умеръ въ концѣ царствованія Михаила VII Дуки въ 1076 или 1077 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Преподавательская дѣятельность Пселла.

Дѣятельность Пселла была двояка: онъ былъ не только придворнымъ сановникомъ, но и ученымъ преподавателемъ.

Въ панегирикѣ матери онъ сообщаетъ, что хотя отказался отъ міра и постригся, онъ не можетъ предаться исключительно Богу, потому что обязанъ заниматься свѣтскою наукою и преподавать ее своимъ ученикамъ. (Ps. V, 57. ἀλλ' ἡ παρὰ τῶν ὁμιλούντων ἀνάγκη. Ps. V, 59. Καὶ περὶ ποιημάτων πρὸς ἐνίους τῶν ὁμιλητῶν φθέγγομαι). Въ панегирикѣ Никитѣ онъ говоритъ, что они оба были учителями съ тою только разницею, что Никита былъ учителемъ орѳографіи, а онъ Пселлъ занималъ каѳедру философіи. (Ps. V, 93. Καὶ ὁ αὐτὸς ἀμφοῖν χῶρος τῆς διδασκαλίας ἦν, ἐκείνου μὲν τὸν τῆς ὀρθογραφίας, ἐμοῦ δὲ τὸν τῆς φιλοσοφίας θρόνον διέποντος).

Въ перепискѣ Пселла нѣсколько писемъ адресованы ученикамъ; Буассонадъ напечаталъ его рѣчи къ ученикамъ. Все это ясно доказываетъ, что Пселлъ былъ преподавателемъ. Скилицъ четыре раза называетъ его ипатомъ философовъ. Анна Комнина сообщаетъ, что Іоаннъ

[1] Ps. IV, 277.

Италъ былъ ученикомъ Пселла, что по удаленіи послѣдняго изъ Византіи Іоаннъ Италъ сталъ учителемъ всей философіи, получивъ названіе „ипатъ философовъ". (Alexiad. I, 179. ἔνθα καὶ τοῦ Ψελλοῦ μεταχωρήσαντος Βυζαντόθεν μετὰ τὴν ἀπόκαρσιν αὐτὸς φιλοσοφίας ἁπάσης προέστη διδάσκαλος, ὕπατος τῶν φιλοσόφων χρηματίσας). Изъ сочиненія псевдонима Тимаріона (Τιμαρίων ἢ περὶ τῶν κατ'αὐτὸν παθημάτων) видно, что Ѳедоръ Смирнскій смѣнилъ Іоанна Итала [1]. Въ заглавіи нѣсколькихъ сочиненій Пселлъ также называется ипатомъ философовъ.

Саоа, а вслѣдъ за нимъ Рамбо и Грегоровіусъ, считаютъ, что ипатъ философовъ это почетный титулъ. Но изъ выписанныхъ словъ Анны Комнины можно вывести, что ипатъ философовъ—названіе преподавателя философской школы, также какъ учитель юридической школы назывался законохранителемъ (номофилаксомъ). Анна говоритъ прямо что Италъ получилъ названіе ипата, потому что занялъ мѣсто учителя философіи. Изъ Тимаріона видно, что одинъ учитель смѣнялъ другаго Италъ Пселла, Ѳедоръ Смирнскій Итала; если совершенно естественно, что византійскіе императоры могли дать почетный титулъ Пселлу, нельзя того же сказать объ Италѣ, не пользовавшемся милостью царей и преданному анаѳемѣ Константинопольскою церковью. Въ примѣчаніяхъ къ исторіи Скилица Гоаръ справедливо говоритъ, что ипатъ философовъ названіе должности, а не почетный титулъ. (Non ex merito solum, sed ex officio tam exquisitum Pselli nomen, Migne t. 122 p. 361). Того же мнѣнія держится г. Скабалановичъ. (Христіанское чтеніе 1884 г., часть I, стр. 367).

Пселлъ былъ преподавателемъ въ царствованіе Константина Мономаха, какъ видно изъ панегириковъ Никитѣ и Ксифилину, по возвращеніи съ Олимпа онъ опять занялъ каѳедру, что явствуетъ изъ панегирика матери. Надо думать, что его преподавательская дѣятельность продолжалась непрерывно до царствованія Михаила Дуки, т. е. до самой его смерти, когда его замѣнилъ Іоаннъ Италъ. Въ данномъ случаѣ можно опереться не только на Алексіаду, но и на одинъ намекъ въ письмѣ къ патріарху Антіохійскому Эмиліану (бывшему патріархомъ въ царствованіе Михаила VII), гдѣ онъ говоритъ: „насъ всѣ считаютъ стоящими во главѣ философіи и риторики". (Ps. V, 275, ἡγεμόνες καὶ τῆς ἐπιστήμης καὶ τῆς τέχνης πᾶσιν οἰόμεθα). Если считать, что ипатъ философовъ не титулъ, а названіе преподавателя философіи, пріобрѣтаютъ значеніе хронологическія указанія Скилица.

---

[1] Notices et extraits des manuscrits t. IX, 2 partie, p. 207—208.

Этотъ историкъ называетъ Пселла пнатомъ философовъ въ 1057 г., въ царствованіе Романа Діогена, вслѣдъ за плѣномъ Діогена, въ царствованіе Михаила Дуки (Cedr. p. 632, Scyl. p. 688, 704, 706).

Въ панегирикѣ матери Пселлъ сообщаетъ, чему онъ учитъ своихъ учениковъ. Вотъ это мѣсто. „Такъ какъ жизни моей положенъ такой удѣлъ, что я не могу довольствоваться самимъ собою, но долженъ руководить другими и давать имъ черпать воду знанія, представляя изъ себя какъ бы чашу переполненную водою, я касаюсь и свѣтской мудрости и не только умозрительной, но и той, которая проявляется въ исторіи и поэзіи. Поэтому я нѣкоторымъ ученикамъ читаю лекціи о поэтическихъ произведеніяхъ, о Гомерѣ и Менандрѣ, объ Архилохѣ, Орфеѣ, Музеѣ, а также о писательницахъ, о Сивиллахъ, о поэтессѣ Сафо, о Ѳеано и мудрой Египтянкѣ (ἡ Αἰγύπτια σοφή). Многіе просятъ меня объяснить отдѣльныя слова, встрѣчающіяся у этихъ писателей, чтобы имъ знать, что такое завтракъ (τὸ ἀκράτισμα), обѣдъ (τὸ ἄριστον), полдникъ (τὸ ἐσπέρισμα), ужинъ (ἡ δόρπις), кто писалъ стихами и кто выбиралъ отборныя выраженія, что такое пляска (ὄρχησις) у Гомера, что такое у поэта героическая жизнь, что такое лакомство, роскошь и употребленіе плодовъ съ твердою шелухою (τῶν ἀκροδρύων), что такое древности Троянскія, что такое нектаръ, амброзія и питье изъ меда и вина (πρόπομα), кто такой Алексисъ и Менандръ, Кровилъ, Клисафъ и другіе о комъ говорятъ, что они писали стихи.

Многіе ученики заставляютъ меня разсказывать имъ о лѣченіи тѣла и просятъ, чтобы я научилъ ихъ распознаванію и предсказанію болѣзней; поэтому я изучилъ все это искусство (медицину), чтобы знать всѣ подробности. Многіе изъ учениковъ привели меня къ изученію италійской мудрости (πρὸς τὴν ἰταλικὴν σοφίαν), я разумѣю не знаменитую Пиѳагорову философію, а юриспруденцію, такъ чтобы я могъ говорить объ искахъ частныхъ (actio privata) и общественныхъ (actio popularis), о вещественныхъ доказательствахъ, о рабствѣ и свободѣ, о законныхъ и незаконныхъ бракахъ, о степеняхъ родства о завѣщаніяхъ воиновъ и гражданъ, что такое обязательство, что такое законное правило (ὁ νόμιμος κανών), раздѣлъ наслѣдства безъ завѣщанія (ἡ κληροδοσία), кто законный сынъ и незаконный, что означаетъ каждый терминъ, что такое безчестіе и на сколько степеней оно дѣлится, какой срокъ опредѣленъ для каждаго иска.

Меня постоянно спрашиваютъ ученики о длинѣ вселенной, какова величина ненаселенныхъ частей и какова величина пятой и населенной части; поэтому я вынужденъ заниматься съ ними географіей, представлять имъ полную картину описанія земли (ἀνάγκην γοῦν ἔχω

τὸ ξύμπαν τούτοις γεωφραφεῖν καὶ ἀναπληροῦν τὸ ἐλλελειμμένον τῆς γεωγραφίας πινάκιον) и ознакомить ихъ съ тѣмъ, что сдѣлано по этой части Апеллесомъ, Віономъ и Ератосѳеномъ.

Я постоянно аллегорически объясняю ученикамъ греческіе миѳы (τοὺς δὲ παρ' Ἕλλησι μύθους οὐδ' ἐπαυσάμην τούτοις ἀλληγορῶν). Ученики пристаютъ ко мнѣ съ вопросами, потому что любятъ мою манеру говорить и понимаютъ, что я знаю больше другихъ" (Ps. V, 59—61).

Въ томъ же панегирикѣ Пселлъ говоритъ, что занятія съ учениками заставляютъ его читать эллинскія и варварскія книги, Орфея, Зороастра, Парменидовъ, Емпедокловъ, Платоновъ и Аристотелевъ, другими словами заниматься философіей. (Ps. V, 57).

Въ письмѣ къ одному ученому, сочиненіе котораго онъ разбиралъ, Пселлъ сообщаетъ, что онъ учитъ въ школѣ философіи и риторикѣ (Ps. V, 256. οὐ γὰρ φιλοσόφων, ὦ'γαθέ, ἀλλὰ καὶ ρητόρων, ὡς οἶσθα, προκάθημαι).

Изъ сказаннаго видно, что Пселлъ преподавалъ по средневѣковой терминологіи философію и риторику. Философія въ древности и въ средніе вѣка была наукою изъ наукъ и обнимала всѣ современныя науки.

Никифоръ Влеммидъ въ своей логикѣ посвятилъ особую главу подраздѣленіямъ философіи, изъ чего видно, что разумѣли въ Византіи подъ философіей. „Философія, говоритъ онъ, дѣлится на умозрительную (θεωρητικόν) и практическую (πρακτικόν). Умозрительная познаетъ сущее, практическая улучшаетъ нравы; цѣль умозрительной—правда, цѣль практической—благо. Умозрительная философія дѣлится на философію о естествѣ (φυσιολογικόν), математику и богословіе (τὸ μαθηματικόν καὶ τὸ θεολογικόν). Наука естественная занимается исключительно вещественнымъ, богословіе исключительно невещественнымъ математика предметами имѣющими вещественную и невещественную сторону. Естественная наука называется такъ, потому что она касается естественныхъ и преходящихъ явленій; богословіе называется такъ, потому что оно разсматриваетъ явленія божественныя и непреходящія. Математика дѣлится на ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію. Практическая философія дѣлится на этику (ἠθικόν), экономію (οἰκονομικον) и политику (πολιτικόν). Этическій философъ тотъ, кто умѣетъ приводить въ порядокъ свои и чужіе нравы; экономическій тотъ кто можетъ воспитывать цѣлый домъ; кто же хорошо управляетъ городомъ или городами тотъ философъ политическій. Практическая философія приводится въ исполненіе посредствомъ законодательства и правосудія.

ибо практическій философъ издаетъ полезные законы для города, для дома, для ученика, для себя, и судитъ другихъ, хваля поступающихъ хорошо, порицая дурно поступающихъ“ [1].

Такимъ образомъ философія обнимаетъ всѣ науки: математику, музыку, астрономію, естественныя науки, логику, метафизику, богословіе, этику, юриспруденцію. Поэтому Пселлъ постоянно называетъ философію просто наукой или знаніемъ (ἐπιστήμη) и отдѣляетъ ее отъ искусства (τέχνη), подъ которымъ разумѣетъ риторику. Пселлъ былъ представителемъ этой универсальной науки и какъ преподаватель философіи онъ могъ читать лекціи по всѣмъ предметамъ. Нѣсколько его лекцій хранятся въ библіотекахъ, но изданы далеко не всѣ. Я приведу здѣсь цѣликомъ двѣ философскія лекціи Пселла, изъ которыхъ одна напечатана Саѳой, другая же не издана.

Къ спрашивающимъ, сколько родовъ философскихъ ученій.

Вопросъ не слишкомъ далекъ отъ намѣченной мною цѣли; я принялся за объясненіе псалмовъ, вы же кстати спросили меня о родахъ философскихъ ученій. Ибо какъ пошедшимъ по другому пути, разумѣю по пути образовъ и пророчествъ, котораго мы еще не познали, естественно недоумѣвать, каковъ этотъ путь и чѣмъ онъ отличается отъ обычнаго и гладкаго пути, какъ научившійся халдейскому ученію, принявшись за Египетскую философію и занимавшійся Египетской философіей, перешедши къ Еллинской вѣроятно, сталъ бы спрашивать, что это за родъ ученія къ которому они перешли, точно также переходящій отъ болѣе совершеннаго (псалмовъ) къ менѣе совершеннымъ ученіямъ, какъ будто изъ свѣта въ тѣнь, будетъ спрашивать, какова сущность этихъ ученій, къ какому роду они принадлежатъ, какой ближайшій къ нимъ видъ. Поэтому я рѣшилъ поговорить сегодня съ вами о философскихъ ученіяхъ съ исторической и философской точки зрѣнія (ἱστορικώτερον ἅμα καὶ φιλοσοφώτερον).

Слѣдуетъ знать, что пять философскихъ ученій распредѣлены между пятью различными народностями. Ибо Халдеи, Египтяне, Эллины, Іудеи и нашъ народъ, которому преимущественно прилагается названіе христіанъ представляютъ главные роды философскихъ ученій. Я не подраздѣляю единаго еллинскаго ученія на отдѣльныя ученія, какъ это дѣлаетъ большинство; но хотя есть у нихъ философія италійская, родоначальникомъ которой былъ Пиѳагоръ (ἰταλική τις ἐστι

[1] Nicephori Blemmidae epitome logica, cap. 7 (Migne t. 142 p. 729—733).

παρ' αὐτοῖς σοφία), есть и Іоническая и Платоновская, есть и такая, которая по виду ученія называется Кинической, или называемая по своей главѣ и цѣли философіей удовольствія и Эпикурейской, есть и философія, получившая названіе отъ мѣста, гдѣ учили философы, какъ напр. Ликейская, Стоическая, Академическая, есть и философія, названная по обѣимъ этимъ причинамъ, какъ напр. перипатетическая и скептическая (ἐφεκτική), догматическая и испытующая, все же я эти отдѣльныя ученія соединяю во едино и даю имъ одно общее названіе Еллинскаго.

Такимъ образомъ Еллинское ученіе представляетъ одинъ видъ, или если угодно родъ философской науки; она была раздѣлена на различныя ученія и представителями этихъ отдѣльныхъ ученій были разныя лица, изъ которыхъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ Пиѳагоръ, современникъ Ѳалеса Милетскаго, въ значительной степени усовершенствовавшій его философію. Онъ первый познакомилъ Еллиновъ съ музыкой, сталъ учить безсмертію души и, научившись у Египтянъ, привнесъ въ Еллинскіе обычаи кое-что изъ Египетской философіи, чрезъ него въ первый разъ Еллины являются сторонниками Египетскаго ученія. Этотъ Пиѳагоръ не имѣлъ обыкновенія доказывать все, но по большей части изрекалъ свои положенія какъ оракулы, и къ большинству своихъ положеній не приводилъ основанія. Платонъ же принявъ его ученіе, удивлялся смѣлости его ученія, но нѣкоторыя его положенія отвергъ. Онъ доказываетъ все, гдѣ является послѣдователемъ Еллиновъ; тамъ же, гдѣ онъ является послѣдователемъ Египтянъ, имъ сочиняются кони, движущіеся сами по себѣ и крылатыя колесницы боговъ, произрастаніе пернатыхъ и ихъ уклоненіе внизъ, остающаяся на мѣстѣ Веста, въ то время какъ 11 находятся въ движеніи [1]. Аристотель же, происходившій изъ города Стагиры, не обращалъ на это никакого вниманія, но относясь къ наукѣ съ человѣческой точки зрѣнія, доказывалъ всѣ свои положенія. Почему же я не говорю о философахъ, бывшихъ до нихъ и послѣ нихъ? потому что и этихъ достаточно для характеристики Еллинской философіи.

---

[1] Федръ Платона въ переводѣ Карпова: „Мы уподобимъ ее (идею) нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго (стр. 52). Душа совершенная и пернатая носится въ воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ; а растерявшая перья влечется внизъ (стр. 53). Итакъ великій вождь на небѣ, Зевсъ ѣдетъ первымъ па крылатой своей колесницѣ, устроя вездѣ порядокъ и объемля все своею заботливостью. За нимъ слѣдуетъ воинство боговъ и геніевъ, раздѣленное на одиннадцать отрядовъ; потому что одна только Веста остается въ жилищѣ боговъ (стр. 55—56).

Еллины, полагая двоякій родъ сущаго, сверхчувственное и чувственное, ставили по срединѣ между ними математическую сущность, такъ какъ она имѣетъ соприкосновеніе съ тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ стоитъ ниже мысленнаго и выше чувственнаго, представляетъ нѣчто среднее между тѣмъ же самымъ и другимъ, соединяетъ въ себѣ сущіе роды (идеи) и явленія, не вполнѣ ограничена, но ограничиваетъ безграничное, сложна, но внѣ времени и вѣчна, представляетъ лѣстницу, по которой восходятъ отъ изученія природы къ высшей философіи; никто да не приступаетъ къ изученію философіи, не зная геометріи, говоритъ Платонъ, выяснивъ всю математическую сущность на примѣрѣ одной этой науки (геометріи).

Такъ разработывали свою философію Еллины, Халдеи же и Египтяне, о которыхъ я сейчасъ скажу, иначе. Но прежде всего я разрѣшу ихъ споръ, такъ какъ тѣ и другіе (Халдеи и Египтяне) спорятъ, чья философія древнѣе. Халдеи утверждаютъ, что начало ихъ философіи было положено 40 тысячъ лѣтъ тому назадъ, Египтяне же, разсказывая басни, указываютъ еще большую цифру. Халдеи утверждаютъ, что они учителя Египтянъ, Египтяне же хвастаются, что у нихъ учились Халдеи и что они лучше послѣднихъ знаютъ движенія небесныхъ свѣтилъ. Я же читая мудреца Херемона, мужа благороднаго и написавшаго прекрасную исторію, нашелъ у него, что Халдейская философія была раньше Египетской, но что ни тѣ ни другіе не были учителями другъ другу, но тѣ и другіе имѣли своихъ представителей философіи; это отвергаютъ Халдеи по слѣдующей причинѣ. Однажды Нилъ залилъ страну Египетскую, погибло все остальное, а также астрономическія книги. Затѣмъ такъ какъ имъ нужно было имѣть свѣдѣнія о затмѣніяхъ и движеніяхъ свѣтилъ, они собрали эти свѣдѣнія у Халдеевъ. Но такъ какъ послѣдніе неохотно сообщали свои знанія, они дали имъ невѣрныя показанія времени, движенія планетъ и неподвижныхъ звѣздъ, не соотвѣтствующія дѣйствительности. Затѣмъ, находясь въ затрудненіи, Египтяне сдѣлались ихъ учениками и принеся къ себѣ истинное знаніе сущаго записали это на кирпичахъ, чтобы ни огонь ни наводненіе не могли уничтожить ихъ знанія. Такимъ образомъ Египтяне, потерпѣвъ несчастіе для своей философіи, и обманутые Халдеями тѣмъ не менѣе достигли цѣли. Родоначальникомъ ихъ мудрости былъ древнѣйшій Нинъ, четырнадцатымъ (царемъ) послѣ котораго былъ Іоаннъ, пришедшій съ южнаго пояса, надѣвъ на себя кожу рыбы и производя себя отъ Ерма и Аполлона; онъ царствовалъ надъ ними придя къ нимъ обманнымъ образомъ и предсказавъ лунное затмѣніе, хотя и не хотѣлъ царство-

вать. Послѣ него былъ, неизвѣстно которымъ, царемъ Протевсъ; послѣ него Рапсинитъ, который по египетскимъ миѳамъ, живой сошелъ во адъ и опять вышелъ оттуда, тамъ игралъ въ кости съ Деметрой, выигралъ и получилъ отъ нея золотое полотенце.

Мудрость Египетская заключается въ томъ, чтобы все говорить символически, прятать изображенія боговъ въ ящики и только сфинкса вѣшать на стѣны. Философія Египтянъ была очень выдающейся, какъ показываетъ ихъ ученіе; ибо они первые признали душу безсмертной, вѣрили, что она проходитъ безчисленныя блужданія и скитанія, спускается до травы и камня и затѣмъ вновь возвращается въ свою сферу. Они учили, что всему—одно начало. Іакхъ и Пріапъ, Сераписъ и Селинъ, страннаго вида родъ Сатировъ, соколы и ибисы представляютъ ихъ божества, считается у нихъ богомъ быкъ Аписъ, который весь черный за исключеніемъ бѣлаго лба. Не хорошо зная, какъ думаю, природу вещей, они поклоняются морскому луку (σκίλλα) и луку (κρόμμυον), потому что онъ растетъ самъ по себѣ (несѣяный) и агносу (ἄγνος, родъ дерева) потому что вѣрятъ, что полежавъ на немъ можно сдѣлаться святымъ, точно также они покланяются Ираклійскому камню (магниту), потому что онъ притягиваетъ желѣзо, кромѣ того мыши, жуку и другимъ животнымъ, рождающимся безъ совокупленія; болѣе же всего они преклоняются предъ трутнемъ, коршуномъ и другими животными, превращающимися изъ одного рода въ другой. Они отлично измѣряютъ движенія небесныхъ тѣлъ, считаютъ солнце величайшимъ богомъ, они приписываютъ души всѣмъ свѣтиламъ. По ихъ мнѣнію въ сущемъ замѣчается несказанная симпатія, такъ что если раздѣленное соединяется на той или другой планетѣ оно чувствуетъ влеченіе другъ къ другу. Они вѣрятъ въ предсказанія и прорицалище Амфіарея считаютъ самымъ достовѣрнымъ. Такова Египетская философія.

Перехожу къ философіи Халдеевъ, народа убѣжденнаго, что онъ благочестивъ, но страннаго и признающаго многобожіе, тѣмъ не менѣе лучше всѣхъ знающаго астрологію. У нихъ есть и таинственное богословіе, изложенное въ стихахъ, смыслъ котораго большинству непонятенъ. Они говорятъ, что есть семь міровъ, изъ которыхъ послѣдній вещественный, земной и свѣтоненавистный, первый же огненный и высшій. У нихъ много другихъ странныхъ и нелѣпыхъ богословскихъ ученій. Они учатъ единому бывшему раньше всего, вводятъ матерію, какъ производящую зло, составили священное искусство, ввели жертвоприношеніе животныхъ, поклонялись подземнымъ богамъ и постановили, что надо приносить жертвы такъ, или иначе. Они

привлекаютъ своихъ боговъ чародѣйскими пѣснями, связываютъ ихъ и освобождаютъ, какъ напр. Апулей заставилъ Епактиса дать клятву не сообщаться съ теургомъ. То былъ Юліанъ, ходившій съ царемъ Маркомъ въ походъ на Даковъ; онъ одержалъ царю много другихъ побѣдъ, а также отразилъ Даковъ отъ римской земли. Сдѣлавъ изъ глины человѣческое лицо онъ поставилъ его такъ, что оно смотрѣло на варваровъ, когда же они приблизились къ нему, они тотчасъ были прогнаны молніями выпускавшимися изъ головы.

Они ведутъ душу по лѣстницѣ имѣющей семь ступеней (τὴν ψυχὴν ἑπταπόρου σύρουσι κατὰ βαθμίδος), я говорю это на основаніи ихъ собственныхъ изреченій, и они учатъ возводимыхъ на небо не оставлять въ пропасти земли даже помета (μηδὲ τῷ τῆς γῆς κρημνῷ σκύβαλον καταλείπειν) [1]. Смѣшивая различныя части и изъ разнаго матеріала они создаютъ человѣческія изображенія, которыя по ихъ мнѣнію могутъ предупреждать болѣзни. Я не стану вамъ разсказывать, какъ они дѣлаютъ это, ибо хотя вы можетъ быть и не возненавидите меня, но узнавъ это, воспользуетесь этимъ искусствомъ и затѣмъ окажется, что я причина постигшаго васъ зла. Поэтому я прохожу молчаніемъ большую часть ихъ секретной науки, думая что и сказаннаго достаточно.

Мудрость Еврейская возникла позже нихъ (Халдейской и Египетской). Послѣ Нина вторымъ былъ Ававкъ (такъ написано переписчикомъ вмѣсто Авраамъ), жившій во время Огига, какъ говорится въ историческихъ сочиненіяхъ. Родъ его идетъ отъ Фалика (въ Библіи Фалекъ), единственнаго человѣка отказавшагося строить башню въ землѣ Семарамъ (по Библіи Сенааръ); это городъ Вавилонянъ, ибо

---

[1] Это мѣсто встрѣчается въ Халдейскихъ изреченіяхъ, комментированныхъ Пселломъ. Одно изреченіе читается такъ: Μὴ κάτω νεύσῃς, κρημνὸς κατὰ γῆς ὑπόκειται, ἑπταπόρου σύρων κατὰ βαθμίδος, ὑφ' ἣν ὁ τῆς ἀνάγκης θρόνος ἐστίν. Пселлъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ семь ступеней: ἑπτάπορος δὲ βαθμὶς αἱ τῶν ἑπτὰ πλανητῶν σφαῖραί εἰσι. Νεύσασα γοῦν ἄνωθεν ἡ ψυχὴ φέρεται ἐπὶ γῆν διὰ τῶν ἑπτα τούτων σφαιρῶν (Migne, t. 122, p. 1132).

Другое изреченіе гласитъ: μηδὲ τὸ τῆς ὕλης σκύβαλον κρημνῷ καταλείψῃς. Пселлъ объясняетъ это: ὕλης σκύβαλον τὸ τοῦ ἀνθρώπου σῶμα... ὥσπερ ἐν διδασκαλίας λόγῳ καὶ παραινέσεως φησὶ ὅτι μὴ μόνον τὴν ψυχὴν σου πρὸς τὸν Θεὸν μετεώριον καὶ τῆς βιωτικῆς συγχύσεως ὑπερτέραν ποίησον, ἀλλ' εἰ δυνατὸν μηδὲ αὐτὸ τὸ σῶμα ὅπερ ἠμφίεσαι καὶ ὅπερ σκύβαλόν ἐστι τῆς ὕλης, τουτέστι πράγματι ἀπερριμένον καὶ καταπεφρονημένον καὶ ὕλης παίγνιον εἰς τὸν περίγειον καταλείπῃς κόσμον (Ibid. p. 1125).

имя этого города означаетъ смѣшеніе и тутъ въ первый разъ произошло раздѣленіе языковъ. Чрезъ него (Авраама) былъ избранъ родъ его и печатью этого избранія приняли они обрѣзаніе. Неизвѣстно, который послѣ него по счету Моисей, выведши Израиль изъ Египта, сталъ у нихъ учителемъ благочестія и обращенія къ Богу. Онъ построилъ имъ священные храмы и такъ какъ они не въ состояніи были понять богословія выражающагося въ Троицѣ, онъ представилъ ее въ символахъ. Онъ училъ, что всему было одно начало, отъ котораго все произошло, небо и земля, что родоначальникъ людей Адамъ былъ созданъ изъ земли, что Ева была создана изъ ребра отнятаго у Адама, что отъ нихъ произошло много дѣтей мужскаго и женскаго пола, изъ которыхъ самые замѣчательные Каинъ и Сиѳъ, Каинъ созданный для порока, Сиѳъ для добродѣтели, что сѣмя Каиново дошло до седьмаго колѣна, сѣмени же Сиѳова было достаточно для созданія рода Израилева. Вотъ этотъ-то родъ еврейскій былъ особенно излюбленъ Богомъ; ибо Онъ являлся избраннымъ лицамъ, однимъ въ скрытомъ видѣ, другимъ въ Лицѣ Своемъ. Онъ училъ божественному ученію, хотя и не сообщалъ основаній своего ученія и вмѣсто силлогизмовъ были у нихъ предписанія народнаго вождя.

Они не вполнѣ признавали безсмертіе души, но вѣрили, что есть другая земля, куда они надѣялись переселиться; они думали, что это Едемъ, откуда этотъ родъ былъ изгнанъ. Они придавали большое значеніе обрѣзанію, новомѣсячію и субботамъ, какъ говоритъ Іеремія (гл. 17 ст. 22). Они очищались ежедневно, окропляясь пепломъ телицы или моясь исопомъ; они приносили жертвоприношенія, овцу, козу, голубя, барана. Они праздновали праздникъ Богу, который называли прохожденіемъ (διαβατήριον, разумѣется Пасха) въ четырнадцатый день перваго мѣсяца Нисана; второй праздникъ у нихъ былъ первенцовъ, третій—кущей.

Были у нихъ и еще другіе три праздника въ третьемъ мѣсяцѣ, пятомъ и седьмомъ, установленные въ воспоминаніе бѣдствій испытанныхъ ими въ это время. Вмѣсто оракуловъ и прорицалищъ были у нихъ пророческіе языки, таинственно пророчествовавшіе о многомъ другомъ, главнымъ же образомъ о божественной тайнѣ Христовой; особенно же предвѣщаетъ это языкъ Давидовъ, который я собирался истолковать преимущественно предъ другими. Немного послѣ него пророчествовалъ Исаія; нѣкоторые пророчествовали не прямо и загадочно, но есть и такіе, которые прямо предвѣщали появленіе Спасителя.

Довольно объ ученіи Евреевъ, послѣ которыхъ явилось намъ Слово Отца, ставшее новымъ Адамомъ и другимъ Моисеемъ, родоначальникъ

рода болѣе божественнаго святымъ крещеніемъ перенесшій насъ какъ бы черезъ море въ землю обѣтованную, которая есть царство на небеси. Поэтому мы вполнѣ отвергли и презрѣли многобожіе Египтянъ, болтовню Халдеевъ, еллинское же ученіе мы не вполнѣ отвергли, но приняли касающееся природы, ученія же что матерія несотворена не признали, ихъ монархію (т. е. признаніе единаго начала) мы полюбили, но такъ какъ они не опредѣляютъ ее въ трехъ лицахъ, мы ее отвергли; намъ нравится ихъ ученіе, что душа безсмертна, но мы не учимъ, какъ они, что души не были сотворены и существовали раньше тѣлъ; въ оракулы, предсказанія и то что они говорятъ о нисхожденіи Бога мы не вѣримъ какъ въ запрещенное. Обрѣзанія Евреевъ, субботы и то что они таинственно дѣлаютъ при зажиганіи факеловъ мы не почитаемъ; но принимаемъ ихъ законъ и пророческія книги и поклоняемся Іисусу, о которомъ они пророчествовали; принявъ вполнѣ наше естество отъ непорочныхъ кровей Богоматери, Онъ соединилъ его съ собою, обоготворилъ, возвелъ на небо, примирилъ съ нами Отца и прислалъ другаго себя, (Духа) утѣшителя. Коротко резюмируя сказанное, наша религія — богословіе (θεολογία) и домостроительство (οἰκονομία); но тамъ почитается тріада и монада, у насъ же одна ипостась, единое въ Троицѣ Слово Отца, естества же два, части единаго Христа, цѣльныя и совершеннѣйшія.

Многое я опустилъ, такъ какъ я самъ, какъ видите, почти лишился голоса и большинство изъ васъ устало до того, что не можетъ уже ни думать ни писать“ [1].

Въ приведенной лекціи Пселлъ имѣлъ намѣреніе представить въ главныхъ и крупныхъ чертахъ различные роды извѣстныхъ ему философскихъ ученій. При этомъ онъ очерчиваетъ собственно не метафизику, а религіозныя ученія; только въ такомъ смыслѣ и можно было соединять разнообразныя греческія доктрины въ одну еллинскую философію. Такъ поступали отцы церкви, для которыхъ Ѳалесъ наравнѣ съ Платономъ, циниками и Эпикуромъ, представляли одно еллинское т. е. языческое ученіе.

Пселлъ не съумѣлъ однако представить самыя существенныя черты разныхъ религіозныхъ ученій; это особенно поражаетъ въ отдѣлѣ о религіи Евреевъ, извлеченномъ главнымъ образомъ изъ Библіи. Наравнѣ съ воззрѣніями на Бога и безсмертіе души онъ сообщаетъ по-

[1] Лекція эта напечатана Саѳою въ Bulletin de correspondance hellénique 1877 г., p. 127—133.

дробности излишнія въ краткой лекціи о еврейскомъ ритуалѣ, объ омовеніяхъ и праздникахъ. Особенно неудачно составлены отдѣлы о древнегреческой философіи и христіанствѣ. Сказавъ кое-что о Пиѳагорѣ, Платонѣ и Аристотелѣ, касающееся больше метода ихъ изслѣдованія, чѣмъ содержанія, Пселлъ приводитъ кое-что изъ платоновской діалектики, и такимъ образомъ изъ его лекціи ученики никакъ не могли понять, въ чемъ заключается главное содержаніе еллинской философіи, а тѣмъ болѣе религіозныя ученія древнихъ Грековъ. Въ нѣсколькихъ строкахъ, посвященныхъ христіанству, Пселлъ не съумѣлъ изложить сущности нашей вѣры.

Отдѣлъ объ ученіи Египтянъ извлеченъ Пселломъ, какъ онъ самъ говоритъ, изъ сочиненія Херемона, бывшаго хранителемъ Александрійской библіотеки и учителемъ императора Нерона. Херемонъ, написавшій нѣсколько сочиненій о Египтѣ и астрологіи, пользовался большою извѣстностью въ Византіи; выдержки изъ него приводятся Ямвлихомъ, Оригеномъ, Порфиріемъ, Аполлоніемъ Александрійскимъ, Климентомъ Александрійскимъ, Евсевіемъ Кесарійскимъ.

Лекція Пселла на первый взглядъ поражаетъ своею эрудиціею, но въ XI вѣкѣ подобную лекцію и даже гораздо лучшую можно было составить по одному сочиненію Евсевія Кесарійскаго (praeparatio evangelica), гдѣ очень подробно и обстоятельно, гораздо лучше чѣмъ у Пселла, изложены религіозныя ученія Египтянъ, Евреевъ и древнихъ Грековъ. Халдейская же мудрость была хорошо извѣстна изъ сочиненій Прокла и Порфирія [1].

Вторая философская лекція, остававшаяся до сихъ поръ неизданной, печатается мною по cod.Barocc. 87 fol. 3—5 (оксфордской Бодлеевой библіотеки).

[Εἰς τὸ, οὐσία πρᾶγμα αὐθύπαρκτον] [2].

Οὐσία ἐστὶ πρᾶγμα αὐθύπαρκτον. Εἶτα δὲ ἀποροῦσι οἵ γε σπουδαιότεροι τῶν φιλοσόφων καὶ γενναιότατοι, πῶς δὴ αὐθύπαρκτος αὕτη, ἥ γε τὸ εἶναι οὐ παρ' ἑαυτῆς ἀλλὰ παρὰ τοῦ συστησαμένου εἴληφεν, αὐθύπαρκτον δὲ ἐκεῖνο φασὶν ὃ παρ' ἑαυτοῦ εἴληφε τὴν ὑπόστασιν καὶ οὐ χρείττονος αἰτίας ἤρτηται, ὥστε τῶν ἐν τοῖς οὖσιν ἄλλων πρὸς ἄλλα

[1] Подробности этой лекціи будутъ разобраны во второй части моего труда, гдѣ я представлю анализъ сочиненій Пселла.

[2] Заглавіе беру изъ парижскаго кодекса 1182 fol. 97, такъ какъ въ Оксфордскомъ кодексѣ заглавія нѣтъ.

ἀνηρτημένων καὶ τῶν ὑποδεεστέρων παρὰ τῶν ὑπερτέρων γενῶν ἐχόντων τὴν ὕπαρξιν μόνος αὐθύπαρκτος, φασὶν, ὁ Θεὸς, ὡς μὴ προηγουμένην ἔχων αἰτίαν τῆς ἰδίας συστάσεως. Διαιροῦσι δὲ καὶ τὴν οὐσίαν εἰς πρώτην καὶ δευτέραν καὶ τὴν πρώτην εἰς ὕλην καὶ εἶδος, καὶ οὐδ' οὕτως ἡμῖν φανεῖται τὸ αὐθύπαρκτον εὔλογον. τὰ μὲν γὰρ εἴδη ἐξῆπται τῶν γενῶν, ὥστε πῶς αὐθύπαρκτα τὰ παρ' ἑτέρων δυνάμενα, τὰ δὲ γένη τῶν ἰδεῶν κατὰ τὸν Πλάτωνα; τὸ δ' ἀπὸ τῆς ὕλης καὶ τοῦ εἴδους ἄτομον πῶς αὐθύπαρκτον, ᾧ γε δὴ ὕλη καὶ τίθηνος ἡ ὕλη ὅρος δὲ τὸ εἶδος μεταβάλλον καὶ ἐν διηνεκεῖ ρύσει τυγχάνον δεῖται ἀεὶ της συνιστώσης αἰτίας καὶ τὸ ἀπορρέον ἀνυφαινούσης. μὴ τοιγαροῦν τὸ εἶδος αὐθύπαρκτον, ἀλλὰ καὶ τοῦτο ἔνυλον ὂν δεῖταί τινος ἕδρας εἰς ὕπαρξιν. καὶ οὐκ ἀγνοῶ, ὡς τῶν φιλοσόφων ἔνιοι ἀπόλυτον τοῦτο τιθέασι, πλὴν ὅπως ἂν ἔχοι, νοῦν ἐκληρώσαντο τὸν γεννήτορα, εἰδῶν γὰρ ὑποστάτης ὁ νοῦς. Πῶς οὖν ἡ οὐσία πρᾶγμα αὐθύπαρκτον; πῶς δὲ ὁ πρῶτος αὐτὴν ὁρισάμενος, εἴτε Πλάτων εἴτ' Ἀριστοτέλης εἴτε τις ἀκαδημιακὸς ἢ στωικὸς ἀνὴρ οὐκ εὐθὺς συνεῖδεν, ὡς οὐδὲν τῶν ὄντων αὐτὸ ἑαυτῷ αἴτιον τῆς ὑπάρξεως, ἀλλ' εἰς ἑτέραν αἰτίαν τὴν ἀναφορὰν ἔχει; αἱ δὲ ἄλλαι προκόπτουσαι εἰς τὸν Θεὸν ἀποτελευτῶσι. πρῶτον γὰρ πάντων ὁ Θεὸς μεθ' ὃν ἄλλα ἄλλοις εἰς αἰτιῶν λόγον ἀποκεκλήρωται. Ὁ μὲν οὖν ἀπορῶν περὶ τοῦ αὐθυπάρκτου τῆς οὐσίας ταυτ' ἴσως ἐρεῖ καὶ τὰ πλείω παρῆκεν ὁ λόγος.

Πῶς δ' ἂν ὑμεῖς πρὸς τοῦτον ἐνσταίημεν καὶ κινδυνεύοντι τῷ ὅρῳ συμπαρασταίημεν; κινδυνεύει γὰρ οὐ διὰ τὸν ὁρισάμενον, μάλα γὰρ καλῶς τοῦτον ὡρίσατο, ἀλλ' ὅτι τοῦ πατέρος αὐτῷ τελευτήσαντος ὡς ὀρφανὸς οὗτος προπηλακίζεται, οἱ δ' ἐπιτροπεύοντες δέον αὐτῷ συμμαχεῖν καὶ συνηγορεῖν οἵδε καὶ διεφθάρκασιν αὐτοῦ τὴν οὐσίαν εἰς τὴν ἀνυπόστατον κενότητα τοῦτον καταποντώσαντες. Τῷ μὲν οὖν προταγορείῳ λόγῳ περὶ τοῦ μέτρου Θεαίτητος βεβοήθηκε πρὸς τὸν Σωκράτην νεανικῶς ἀντιστάς, τῷ δὲ πλατονικῷ τούτῳ εἴτ' ἀριστοτελικῷ αὐτοὶ τὸ γε εἰς δύναμιν ἦκον συνεργοὶ φανησόμεθα, τοῦτο πρῶτον τοῖς μεμψαμένοις αἰτιασάμενοι, ὅτι πρὶν ἢ γνῶναι τοῦ αὐθυπάρκτου τὴν σημασίαν ἐπεβόησαν τῷ ὀνόματι καὶ ᾧτινι συμβαῖνον τούτου εὑρήκασι τοῖς οἰκείοις ἀναπλασμοῖς διέγραψαν ὡς μὴ στοιχῆσαν τῷ τῆς φιλοσοφίας κανόνι. Αὐθύπαρκτον γὰρ οὗτοι ὠήθησαν εἶναι, ὁπότε μὴ ὂν εἶτα γέγονε ἐφ' ἑαυτοῦ καὶ μὴ παρ' αἰτίας παρήχθη κρείττονος. Ἡμεῖς δέ οὐ φαμὲν εἶναι ταύτην τὴν σημασίαν τοῦ ὀνόματος, ἀλλ' ὃ παρὰ κρείττονος μὲν γένους τὴν ὑπόστασιν εἴληχεν, ἀμέσως δὲ τῆς πρώτης ἀπολαῦσαν αἰτίας ὅλην ἅπαξ τὴν ἐκεῖθεν ἐλλάμπουσαν δύναμιν ἐν ἑαυτῷ συνείληφεν, ὥστε αὐτὸ ἑαυτῷ πρὸς σύστασιν ἐξαρκεῖν. Καὶ ἵνα γε καθ' ὁδὸν ἡμῖν ὁ λόγος προΐῃ, μᾶλλον δὲ ἵνα μὴ λόγος κενὸς τὸ εἰρημένον ᾖ, ἀλλὰ πράγματι καὶ ἀληθείᾳ δεικνύμενον, ἀρκτέον ἄνωθεν καὶ διαιρετέον μὲν τὴν φύσιν

τῶν ὄντων, δεικτέον δὲ ὅπως αἱ κατὰ μικρὸν τῶν πρώτων ὑποβάσεις τὰς φύσεις τῶν γεγονότων ἠλλοίωσαν. Εἰ δέ τισι καὶ τῶν ἑλληνικῶν ὀνομάτων καὶ τῶν παρὰ τοῖς φιλοσοφωτάτοις δοξῶν ἐπὶ τοῖς ἡμετέροις λόγοις συγκαταχρησόμεθα, κανονίζειν οὐ χρή, οὐ γὰρ πᾶσα ἑλληνὶς δόξα διαβέβληται παρ' ἡμῶν, τινὲς δε καὶ συνεργοὶ τοῦ ἡμετέρου τυγχάνουσι δόγματος. ὃ γοῦν ὁ λόγος προδιῳκήσατο τοῦτο ἐντεῦθεν ἐνερῶ.

Θεὸν ἡμεῖς φαμεν ἁπάντων δημιουργὸν, τοῦτον οὖν ἑλληνικοὶ λόγοι ἓν καὶ ταγαθὸν ὀνομάζουσιν, ἓν μὲν ὅτι μόνον τῶν ὄντων ἀπόλυτον καὶ ἀσύμπλοκον, ἀγαθὸν δὲ ὅτι τοῦτο τελικώτατον αἴτιον, πάντα γὰρ τ' ἀγαθοῦ δεῖται καὶ οὐδὲν τῆς ἀγαθότητος κρεῖττον εἰς ἡμᾶς ἥκει. Οὗτος οὖν ὁ παρ' ἡμῖν μὲν Θεὸς ὀνομαζόμενος, παρὰ δὲ τοῖς Ἕλλησι ἓν λεγόμενος ἐπὶ τὴν δημιουργίαν τῶν ὄντων ἐλθὼν οὐκ εὐθὺς τὰ πλήθη δεδημιούργηκεν οὐδὲ τὰ σώματα ὑπεστήσατο οὐδὲ τὰ ῥέοντα κατεσκεύασεν, ἀλλ' ὅσα συγγενῆ πῶς τῇ ἑνοειδῇ φύσει αὐτοῦ καθέστηκε, τὶ δὲ συγγενὲς Θεῷ καὶ τινα πρὸς ἐκεῖνον ὁμοιότητα κεκτημένον τὸ ὄν. ὂν δέ φημι τὸ κυρίως, οὐ τὸ μεταβαλλόμενον καὶ ἐν ροῇ καὶ ἀπορροῇ τὴν ὕπαρξιν ἔχον οὐδὲ τὸ διεστηκὸς καὶ τῇ τοῦ χρόνου τριμερείᾳ συμμεριζόμενον, ἀλλὰ τὸ μετέχον αἰῶνος καὶ κατὰ τὸ εἶναι ἀεὶ καὶ ὁμοῦ γνωριζόμενον καὶ διὰ ταῦτα αἰώνιον ὀνομαζόμενον. Οὐ γὰρ δὴ αἰώνιον ὁ Θεὸς, εἰ καὶ ἡ θεολόγος φωνὴ ἐπὶ τῆς ἐκείνου φύσεως κατεχρήσατο τῷ ὀνόματι, ἀλλὰ προαιώνιον, μεθ' ὃν ὁ αἰὼν, εἶτα δὴ τὸ αἰώνιον. αἰώνιον γὰρ τὸ μετέχον αἰῶνος ἐστι, τὸ δὲ μετέχον τοῦ μετεχομένου καταδεέστερον. Πῶς οὖν αἰώνιος ὁ Θεός; οὐ γὰρ ὑπέρκειται αὐτοῦ ὁ αἰὼν, ἀλλ' ἡμεῖς καταχρώμενοι λέγομεν τὰ κάλλιστα τῶν ὀνομάτων ἐκείνῳ ἀνατιθέντες, ὅς γε δὴ καὶ πολυώνυμός ἐστι δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν οἰκείαν φύσιν ἀνώνυμος καὶ τὸ θαυμαστὸν, ὅπου γε καὶ αὐτὸς ἑαυτῷ τὰ χθαμαλώτατα τῶν ὀνομάτων προσμαρτυρεῖ μετρῶν τοὺς λόγους πρὸς τὴν τῶν ἀκουόντων ἀσθένειαν, «ἐγὼ γὰρ εἰμὶ, φησι, ἡ ζωὴ καὶ τὸ φῶς»,[1] καὶ τῷ Μωυσῇ δὲ ἐντελλόμενος τὴν τοῦ Ἰσραὴλ δημαγωγίαν «ἐρεῖς, φησι, ὅτι ἀπέσταλκέ με ὁ ὤν»[2]. ἀλλ' ὧν ὁ Θεὸς ἄπαγε τοῦ λόγου, ὑπερβέβηκε γὰρ τούτῳ. Ἐκεῖνος δὲ ἕν ἐστι μόνον, ἓν δὲ οὐχ ὡς ἄτομον οὐδὲ ὡς εἶδος ἢ γένος, ἀλλ' ὡς πάντα ἓν καὶ πρὸ πάντων ἓν καὶ ὥς πού τις ἔφησε τῶν φιλοσόφων τολμηρῶς ἴσως φθεγξάμενος, αὐτός ἐστιν ἡ καταπιοῦσα τὰ πάντα ἁπλότης, ἀφ' οὗ δὴ πρόεισι πρώτως τὸ ὂν, ὃ δὴ ἀμέσως ἐντυγχάνον τῷ ἑνὶ οὐ μέν ἐστι κατὰ τὴν οὐσίαν ἓν ἀλλὰ κατὰ μετοχὴν, τοῦτο δὲ καὶ αὐθυπόστατόν ἐστιν, ὅτι μή δεῖται τῆς ὑφεστώσης αὐτὸ χειρὸς, ἐκο-

[1] Ев. отъ Іоанна гл. 11 ст. 25, гл. 8 ст. 12.

[2] Исхода гл. 3 ст. 14.

ρέσθη δὲ ἅπαξ τῆς ποιητικῆς αἰτίας καὶ ὅλης αὐτῆς καταπολαῦσαν ἀρκεῖ ἑαυτῷ πρὸς τὴν ὕπαρξιν, διὸ καὶ ἀκίνητόν ἐστι, ὅτι πρώτου τοῦ ἀκινήτου μετέσχεν.

Ὁ μέν οὖν Θεὸς ἤτοι τὸ ἓν οὐκ αὐθυπόστατον, οὐ γάρ φαμὲν τὸν Θεὸν ἀρκεῖν πρὸς τὴν ὑπόστασιν ἑαυτῷ, τὸ γὰρ ἀρκοῦν ἑαυτῷ αὐτάρκες μόνον, τὸ δὲ αὐτάρκες ἐλλεῖπον πρὸς τὴν μετάδοσιν. ὁ δὲ Θεὸς οὐκ αὐτάρκης οὐδὲ πλήρης, ἀλλ' ὑπερπλήρης, καὶ ἀπορρέουσιν ἐξ αὐτοῦ ὥσπερ ἀπὸ κρατῆρος πλησθέντος οἱ τῆς ἀγαθότητος ὀχετοί, οἷς οὖν ὑπερβαίνει τὸ αὐτάρκες, ὑπερεκπίπτει καὶ τὸ αὐθύπαρκτον. Ἓν οὖν πρῶτον, εἶτα ὄν, ὃ δὴ καὶ αὐθύπαρκτον ὁ λόγος ἐγνώρισε, μεθ' ἃ τρίτον τὸ αὐτοκίνητον. Ὅρα μοι δὲ τὴν ὑπόβασιν καὶ θαυμάσεις τοὺς λόγους τῶν γεγονότων. ὥσπερ γὰρ τὸ ὂν ὑποβεβηκὸς τὸ ἓν ἄλλο τι παρ' ἐκεῖνο γέγονεν, οὕτω δὴ τὸ αὐτοκίνητον μετὰ τὸ ὂν γεγονὸς οὐκ ἔτι μεμένηκεν ὥσπερ ἐκεῖνο ἀκίνητον, ἀλλ' ὑπέμεινε κίνησιν, ἐπειδὴ ἐν ἑαυτῷ ὡσανεὶ τὴν πηγὴν τοῦ κινεῖσθαι εἴληχε, καὶ ἅπαξ κινηθὲν οὐ δεῖται ἐσαεὶ τοῦ κινοῦντος. διὰ ταῦτα αὐτοκίνητον τοῦτο λέγεται, οἷον τὸ ἐν ἑαυτῷ ἔχον τὴν ἀρχὴν τῆς ὑποστάσεως. Ὁ δὲ Πλάτων ἑτέρως ἐφερμήνευεν τὸ αὐτοκίνητον τῇ ψυχῇ. Οὗτος γὰρ ὁ ἀνὴρ προσρήματά τινα ἐτίθει τοῖς ἀϊδίοις, τὸ ὡσαύτως ἔχον καὶ τὸ αὐτὸ καὶ αὐτοόν. τὴν γὰρ ἰδέαν τοῦ καλοῦ καὶ ὑπὲρ ταύτην ἰδέαν τοῦ ἀγαθοῦ ὡσαύτως ἔχοντα ἐκάλει καὶ αὐτὰ καὶ αὐτοόντα, ὥσπερ Ἀριστοτέλης τὸ οὕτως ἔχον ὅπερ ὂν ὠνόμασεν. Ἐπεὶ οὖν Πλάτων μέσην ἐτίθετο τὴν ψυχὴν τοῦ αὐτοῦ καὶ θατέρου καὶ τῶν μὲν πρώτων εἰδῶν... δευτέραν, τῶν δὲ μεριστῶν ὑπερκειμένην αὐτοκίνητον ταύτην ὠνόμακεν. καθὸ μὲν γὰρ ὅλως κινεῖται τοῖς μεριστοῖς ἀπείκασται, καθὸ δὲ οὐ πάντη μεμέρισται καὶ διέστηκε τοῖς αὐτοοῦσι ᾠκείωται. Μετὰ δὲ τὴν ψυχὴν ὁ σύμπας κόσμος, ὃν οὐρανὸν Ἕλλήνων παῖδές φασιν. ὅρα δὲ κανταῦθά μοι τὴν ὑπόβασιν, οὗτος γὰρ καὶ μεστὸς πάντα καὶ διαστατὸς καὶ κινητὸς μόνον, ἐπεὶ δὲ προσεχής ἐστι τῇ ψυχῇ καὶ αὐτοκίνητος.

Ταῦτα δὲ διηριθμησάμην ὁμοῦ μὲν ὑμᾶς εἰς πολυμάθειαν ἄγων ὁμοῦ δὲ καὶ ταῖς ἑλληνικαῖς δόξαις ποιούμενος ἐντριβεῖς, καὶ οἶδα ὡς ἐνίαις γε τούτων ἀντιπεσεῖται τὰ ἡμέτερα δόγματα. ἐγὼ γὰρ οὐχ ὥστε τούτων ἐκεῖνα ἀνταλλάξασθαι ἐσπούδασα πρὸς ὑμᾶς-- μαινοίμην γὰρ ἄν— ἀλλ' ἵνα τούτοις μὲν ἦτε προσκείμενοι, ἐκείνων δὲ μόνον τὴν εἴδησιν ἔχητε, εἰ δέ πῃ καὶ συνεργοῖεν ὑμῖν πρός τὸν ἀληθῆ λόγον διακινδυνεύοντα καταχρήσασθαι. Ἀλλ' ὁ μὲν περὶ τῆς ἀληθείας λόγος ἀναμεινάτω καὶ ὅπῃ οὗτος τῷ θύραθεν βεβοήθηται, ἀλλὰ μὴ ἐλαίῳ ἑλληνικῷ λιπανθείημεν μηδ' ὥσπερ ὁ Ἡρακλῆς σύμμαχον τὸν Ἰόλαον σχοίημεν ἐν οἷς ἐκεῖνος πρὸς τὸν καρκίνον διηγωνίζετο.

Τῷ δὲ περὶ τοῦ αὐθυπάρκτου προσεπιτρίψωμεν, τῶν γὰρ φιλοσόφων ἄλλων ἄλλως κατατεμνόντων τὰ ὄντα καὶ τῶν μὲν πέντε γένεσιν ἀφορισάντων, τῶν δὲ ἐλάττοσι τούτων, τῶν δὲ τριπλασίοσιν, ὁ φιλόσοφος Αριστοτέλης τῷ πυθαγορείῳ Ἀρχύτᾳ ἑπόμενος δέκα γένη τῶν ὄντων θεωρήσας ἔδειξεν, οὔτε ὡς ἀπὸ γένους εἰς εἴδη διελόμενος—πῶς γὰρ ἂν εἶεν γενικώτατα εἰ γένος ἔχοιεν ὑπερκείμενον—οὔτε κατὰ ψιλὴν ἀπαρίθμησιν ἀπ' ἀλλήλων ποιησάμενος, ἀλλὰ κατὰ στρατηγικὴν τέχνην διαλαβὼν ταῦτα καὶ καταστήσας. Ἐκείνη γὰρ ἐν τοῖς πολέμοις ὃν μὲν σατράπην τίθεται ὃν δὲ ἑκατοντάρχην ἢ δεκάρχην ἢ μοιρηγέτην ἢ ἰλάρχην, ἄλλον δὲ τοῦ ἱππικοῦ προηγούμενον καὶ ἕτερον δὲ τοῦ πεζοῦ προιστάμενον, εἶτα τούτους τάξασα ὡς πρώτας ἀρχὰς ὑφ' ἑκάστῃ τῶν ἀρχῶν, πρώτας καὶ δευτέρας δυνάμεις τίθησι πελταστὰς, αἰχμοφόρους, ξιφηφόρους, ἀσπιδοφόρους καὶ καθέκαστον ὑποβαίνουσα εἰς αὐτὸν καταλήγει τὸν ὑδροφόρον ἢ ξυλοφόρον, οὕς δὲ νῦν τῇ λατίνων γλώττῃ κούρσωρας ὀνομάζουσιν. Κατὰ γοῦν ταύτην τὴν τέχνην καὶ Ἀριστοτέλης τὰ μὲν δέκα γένη τῶν ὄντων ὡς ἀρχὰς δέκα διετυπώσατο, ὑφ' ἕκαστον δὲ γένος γένη τινα καὶ εἴδη καὶ ἄτομα ὥσπερ τινὰς δυνάμεις ὑπέταξε, πλὴν ἐπὶ μὲν τῶν πολέμων οὐ λόγῳ μόνον ἀλλὰ καὶ πράγματι ἀπ' ἀλλήλων διήρηνται, καὶ ὁ μὲν στρατοπεδάρχης ταύτας ἔχων τὰς δυνάμεις τόνδε τὸν λόφον περιπολεῖ, ὁ δὲ στρατηλάτης ἐπὶ τοῦ δεξιοῦ εἰ τύχῃ κέρους ἐφέστηκε, καὶ πρὸς τὸ πονοῦν μέρος ὁ στρατάρχης ἐπιδεδράμηκε καὶ ἄλλος ἀλλαχόσε παραγίνεται ὡς ἡ χρεία καλοίη. Τὰ δὲ δέκα γένη οὐχ οὕτως ἀπ' ἀλλήλων διεστήκασιν, οὐδ' ἐνταῦθα μὲν ἡ οὐσία ἐστὶ γυμνὴ ποσότητος καὶ ποιότητος καὶ τῶν ἄλλων γενῶν, ἐκεῖσε δὲ τὸ ποσὸν ἄτερ οὐσίας κακεῖ τὸ ποιὸν καὶ τάλλα καθ' ἑαυτὸ ἕκαστον, ἀλλ' ὁ μὲν λόγος κατ' ἐπίνοιαν καθ' ἑαυτὴν μὲν ὁρᾷ τὴν οὐσίαν, καθ' ἑαυτὸ δὲ ὥσπερ τῶν ἄλλων ἕκαστον, οὐ μὴν οὕτως ἔχει ἐπὶ τοῦ πράγματος. ἀλλὰ τὰ ἐννέα γένη καθ' ἑαυτὰ εἶναι μὴ δυνάμενα τῇ οὐσίᾳ ἐπιβεβήκασι, μόνη δὲ αὕτη ἑτέρων οὐκ ἐπιδεῖται εἰς ὕπαρξιν. Ἐπειδὴ γὰρ ἡ οὐσία ἀπὸ τοῦ ὀνόματος μετεσχημάτισται καὶ τὰ ἐνταῦθα ὄντα ἅπερ οὐσίαν φαμὲν ἐνδάλματα τοῦ πρώτου ὄντος ἐστὶ, τὸ δὲ πρῶτον ὂν αὐθυπόστατον ὁ λόγος ἐγνώρισε, διὰ τούτου καὶ τὰ πρὸς ἐκεῖνο ἀπεικασμένα αὐθυπόστατά εἰσι τρόπον τινὰ, ἀλλ' ἴσως μὲν συνεγγίζει αὐτῷ οἷον νόες ψυχαῖς. ἐκεῖνα δὴ καὶ εἰς τὸ παντελὲς ἑαυτοῖς ἐξαρκεῖ, ὅσα δὲ πλέον ἀφέστηκε ὥσπερ τὰ σώματα ταῦτα οὐχ ἑαυτοῖς ἐξαρκοῦσι πρὸς ὕπαρξιν, ἐπεὶ δὲ πόρρω τυγχάνει τοῦ ὄντος ἀμενηνά πως εἰσι καὶ ταχὺ διαπίπτει καὶ ἀπόλλυται.

Εἰ μὲν γοῦν τὸ αὐθυπόστατον ἐπὶ ταύτης λήψῃ τῆς σημασίας, ὥσπερ ἐγὼ ἐθεώρησα, ἀνεπίληπτος ὁ ὅρος ἐστὶν, εἰδ' ὥσπερ ἐπὶ τῆς παραγωγῆς καὶ τῆς ἀπογεννήσεως πολὺ τούτῳ τὸ ἐπιλήψιμον. Οὐδὲν γὰρ

τῶν ὄντων αἴτιον, ἀλλ' ἀτμοὶ μὲν ἀπὸ γῆς ὑγρανθείσης εἶτα θαλφθείσης ὑπὸ ἥλιον, νέφη δὲ ἐξ ἀτμῶν, ὑετοὶ δὲ ἀπὸ νεφῶν καὶ τὸ εἶδος ἀπὸ τοῦ σπέρματος, τὸ δὲ σπέρμα ἀπὸ τοῦ γεννήσαντος, ὁ δὲ γεννήσας ἐκ τοῦ πατρὸς καὶ οὕτως ἀφ' ἑτέρου χωρῶν πρὸς ἕτερον οὐκ ἂν σταίης πρὶν ἂν εἰς τὴν προτέραν ἀρχὴν ἀναβῇς. Οὐδὲν οὖν τῶν ὄντων αὐθυπόστατον, ὡς ἀφ' ἑαυτοῦ τὴν γέννησιν ἔχον, αὐθυποστάτους δέ φαμεν τὰς οὐσίας οὐχ ὅτι μὴ παρ' ἑτέρου προήχθησαν, ἀλλ' ὅτι ἀπὸ κρειττόνων αἰτιῶν παραχθεῖσαι ἀρκοῦσιν ἑαυταῖς πρὸς τὴν ὕπαρξιν.

Ἐβουλόμην καὶ τὸν λόγον τῆς προσθήκης εἰπεῖν «πρᾶγμα γάρ φησιν αὐθύπαρκτον μὴ δεόμενον ἑτέρου πρὸς σύστασιν". Δοκεῖ γὰρ ἐκ περιττοῦ τοῖς πολλοῖς προσκεῖσθαι ὡς ἀρκοῦντος τοῦ αὐθυπάρκτου. Ἐπεὶ δὲ πολὺ ἐντεῦθεν ὁρῶ τὸ ῥεῦμα τοῦ λόγου, ὑμῖν δὲ ἡ δύναμις πρὸς τὸ ἀντιβαίνειν ἀπώκνησε, μικρόν τι ἐπὶ τῆς ἠόνος ἀναπαυσάμενοι αὖθις ἐπαφήσομεν εἰς τὸ πέλαγος.

Въ напечатанной мною лекціи Пселлъ старается доказать, что общепринятое въ его время опредѣленіе одной изъ Аристотелевскихъ категорій именно сущности совершенно вѣрно. Опредѣленіе это гласило: „сущность есть вещь самобытная" (οὐσία ἐστι πρᾶγμα αὐθύπαρκτον). Но Пселлъ ошибался, думая что опредѣленіе это принадлежитъ Платону или Аристотелю, можетъ быть оно составлено Прокломъ; по крайней мѣрѣ, на сколько я знаю, оно попадается въ первый разъ въ коментаріи Аммонія на Аристотелевское сочиненіе „объ истолкованіи", Аммоній же перерабатывалъ недошедшее до насъ сочиненіе Прокла. Опредѣленіе это впослѣдствіе стало въ Византіи стереотипнымъ и повторяется во множествѣ философскихъ трактатовъ.

Приведенное опредѣленіе возбуждало однако недоумѣніе нѣкоторыхъ философовъ, находившихъ, что сущность нельзя называть самобытной, такъ какъ всѣ явленія находятся въ зависимости другъ отъ друга и самобытенъ одинъ Богъ, такъ какъ онъ одинъ не произошелъ отъ бывшей до него причины. Они не понимали, какимъ образомъ сущность можетъ быть названа самобытной, когда ничто изъ сущаго не можетъ само себя создать, но есть слѣдствіе какой-нибудь другой причины и когда вся цѣпь причинъ сводится къ Богу, который одинъ только и есть первопричина всего сущаго.

На это мнѣніе возражаетъ Пселлъ въ своей лекціи. Прежде всего, говоритъ онъ, помянутые философы не вѣрно понимаютъ терминъ самобытный. Подъ самобытнымъ они разумѣютъ, когда не сущее становится явленіемъ само по себѣ, а не приводится къ бытію высшей причиной. Но не такъ надо понимать этотъ терминъ. Самобытное получаетъ бытіе отъ высшаго рода, но придя въ непосредственное со-

прикосновеніе съ первопричиной совмѣщаетъ въ себѣ всю исходящую отъ нея силу (творчества) и такимъ образомъ становится уже само по себѣ достаточнымъ для существованія.

Это туманное толкованіе заимствовано Пселломъ у Прокла, говорящаго въ коментаріи на Тимея, что отъ единого произошло вѣчное, отъ вѣчнаго рожденное и временное, отъ лучшаго изъ само-себя творящаго самобытное. (Procli in Tim· 91 D. οὐκοῦν οὐδὲ ἔχει λόγον ἀπὸ τοῦ ἑνὸς τὸ γιγνόμενον εὐθὺς παράγειν, ἀλλὰ τὸ αἰώνιον, ἵνα ἀπὸ μὲν τοῦ ἑνὸς ᾖ τοῦ πρὸ αἰῶνος ἅπασα ἡ αἰώνιος φύσις, ἀπὸ δὲ ταύτης ἡ γενητὴ καὶ ἔγχρονος, καὶ ἀπὸ μὲν τοῦ κρείττονος τῶν ἑαυτὰ ποιούντων τὰ αὐθυπόστατα, ἀπὸ δὲ τούτων τὰ ὑφ'ἑτέρων γιγνόμενα). Въ другомъ мѣстѣ Проклъ говоритъ, что единое самобытно, вѣчное сущее получаетъ самобытность отъ единаго, слѣдующее за вѣчно сущимъ въ одно и то же время самобытно и получаетъ существованіе отъ другаго творческаго начала (Procli in Tim. 71 C. τὸ μὲν οὖν ἓν καὶ τοῦ αὐθυπόστατον εἶναι ἐστι, δεῖ γὰρ αὐτὸ παντὸς ἐξηρῆσθαι πλήθους τὸ δὲ ἀεὶ ὂν αὐθυπόστατον μέν, διὰ τὸ ἓν δὲ τὴν δύναμιν ἔχει ταύτην, τὸ δὲ μετ'αὐτὸ καὶ αὐθυπόστατον ἅμα καὶ ἀπ'αἰτίας ἄλλης ὑφίσταται ποιητικῆς, οἷον που καὶ τὸ ἡμέτερόν ἐστιν). Слова нашего философа напоминаютъ слѣдующее мѣсто Іоанна Дамаскина, гдѣ объясняется разница между сущностью (οὐσία) и естествомъ (φύσις): οὐσίαν μὲν εἰπόντες τὸ ἁπλῶς εἶναι, φύσιν δὲ οὐσίαν εἰδοποιηθεῖσαν ὑπὸ τῶν οὐσιωδῶν διαφορῶν, καὶ μετὰ τοῦ ἁπλῶς εἶναι καὶ τὸ τοιῶσδε εἶναι ἔχουσαν, εἴτε λογικὴν, εἴτε ἄλογον, εἴτε θνητὴν, εἴτε ἀθάνατον, ἤγουν αὐτὴν, ὡς φαμεν, τὴν ἀμετάβλητον καὶ ἀμετάθετον ἀρχὴν, καὶ αἰτίαν καὶ δύναμιν, τὴν παρὰ τοῦ δημιουργοῦ ἐντεθεῖσαν ἑκάστῳ εἶδει πρὸς κίνησιν. (Migne, patr. t. 94 p. 592). Если я не ошибаюсь Пселлъ выразилъ очень туманно нѣчто подобное тому, что сказано гораздо яснѣе Іоанномъ Дамаскинымъ. Послѣдній отличаетъ ἀγένητον черезъ одно ν, т.-е. не сотворенное (τὸ ἄκτιστον), отъ ᾽αγέννητον черезъ два ν, т.-е. не рожденнаго (τὸ μὴ γεννηθέν). Есть сущности сотворенныя и не сотворенныя, говоритъ онъ, но всѣ сущности ἀγέννητοι не рожденныя. Пселлъ кажется хотѣлъ сказать тоже, что самобытность сущности должна быть понята въ томъ смыслѣ, что сущность сотворена, но не рождена. (Migne, patr. t. 94, p. 817).

Вслѣдъ за опредѣленіемъ самобытнаго Пселлъ говоритъ, что для доказательности рѣчи надо начать сначала и показать, какъ дѣлится природа сущаго. Бога, говоритъ онъ, мы называемъ Творцомъ всего, а ученые Еллины называли единымъ и добромъ, единымъ потому, что онъ одинъ изъ сущаго абсолютенъ и не составной, добромъ же по-

тому что это совершеннѣйшее начало, ибо все нуждается въ добрѣ и ничего лучше добра не постигаетъ насъ.

Пселлу слѣдовало сказать, что единымъ и добромъ называли Бога новоплатоники. (Procli, institutio theologica cap. 12. πάντων τῶν ὄντων ἀρχὴ καὶ αἰτία πρωτίστη τὸ ἀγαθόν ἐστιν... καὶ τί ἂν γένοιτο τῆς ἀγαθότητος κρεῖττον; cap. 114 πᾶς θεὸς ἑνάς ἐστιν αὐτοτελής). Онъ могъ прибавить, что Діонисій Ареопагитъ принялъ это опредѣленіе новоплатониковъ и онъ позаимствовалъ у него объясненіе, почему Бога называли единымъ и добромъ. (De divinis nominibus cap. I, § 4 въ парафразѣ Пахимера: ὅθεν καὶ ἐν ἁπάσαις ταῖς θείαις γραφαῖς τὸν θεὸν ὁρῶμεν ἱερῶς ὑμνούμενον ὡς μονάδα μὲν καὶ ἑνάδα, ἐπεὶ ἡ μονὰς ἀσύνθετός ἐστι καὶ ἀμερής. Cap. 13, § 2 въ парафразѣ Пахимера: ὁ μὲν γὰρ Θεὸς ἓν ἐστι καθὸ ἁπλοῦς τε καὶ ἀμερὴς καὶ τῆς κατ' εἶδος διαφορᾶς ἄμοιρος. Cap. 4, § 1: εἶεν δὴ οὖν ἐπ' αὐτὴν ἤδη τῷ λόγῳ τὴν ἀγαθωνυμίαν χωρῶμεν, ἣν ἐξηρημένως οἱ θεολόγοι τῇ ὑπερθέῳ θεότητι καὶ ἀπὸ πάντων ἀφορίζουσιν αὐτὴν, ὡς οἶμαι, τὴν θεαρχικὴν ὕπαρξιν ἀγαθότητα λέγοντες καὶ ὅτι τῷ εἶναι τὸ ἀγαθὸν, ὡς οὐσιῶδες ἀγαθὸν, εἰς πάντα τὰ ὄντα διατείνει τὴν ἀγαθότητα. Migne, patr. t. 8).

Тотъ, кого мы называемъ Богомъ, Еллины же единымъ, продолжаетъ Пселлъ, приступая къ созданію міра не создалъ сейчасъ же видимые предметы, но сотворилъ прежде всего родственное себѣ, именно сущее (τὸ ὄν), имѣющее съ нимъ сродство и ему подобное, подъ сущимъ надо разумѣть собственно сущее, а не измѣняющееся и находящееся въ постоянномъ теченіи, не временное, но сопричастное вѣчности, познаваемое какъ всегда сущее и потому называемое вѣчнымъ. Богъ же не вѣченъ, хотя такъ неправильно опредѣляютъ его естество богословы, но предвѣченъ. Какимъ же образомъ Богъ вѣченъ, когда вѣчность не стоитъ выше него? Когда мы называемъ Бога вѣчнымъ, это только злоупотребленіе словами, какъ и вообще мы имѣемъ обыкновеніе прилагать къ Богу самыя лучшія названія и поэтому называемъ его полионимомъ и анонимомъ. Самъ же онъ сообразуясь со слабостью слушающихъ называетъ себя самыми простыми именами, говоря: Я есмь жизнь и свѣтъ (Ев. отъ Іоана гл. 11 ст. 25, гл. 9 ст. 5). И Моисею онъ сказалъ: тако речеши сыномъ Ісраилевымъ, сый посла мя къ вамъ (Исх. гл. 3 ст. 14). Богъ есть единое, всеобъемлющее единое, всеобъемлющая простота, отъ котораго происходитъ прежде всего сущее, непосредственно соприкасающееся съ единымъ и самобытное, потому что не нуждается въ творящей рукѣ, но насытившись однажды творческимъ началомъ и поглотивъ его всего, само по

себѣ достаточно для существованія, поэтому оно (сущее) неподвижно, потому что сопричастно первому неподвижному.

Здѣсь Пселлъ опять слѣдуетъ ученію Прокла (Procli inst. theol. cap. 40. πάντων τῶν ἀφ'ἑτέρας αἰτίας προιόντων ἡγεῖται τὰ παρ' ἑαυτῶν ὑφιστάμενα καὶ τὴν οὐσίαν αὐθυπόστατον κεκτημένα. Cap. 70. δεῖ γὰρ γενέσθαι πρῶτον ὄν, εἶτα ζῶον, εἶτα ἄνθρωπον. Cap. 137 πᾶσα ἑνὰς συνυφίστησι τῷ ἑνὶ τὸ μετέχον αὐτῆς ὄν, τὸ μὲν γὰρ ἓν, ὡς πάντων ἐστὶν ὑποστατικὸν, οὕτω καὶ τῶν ἑνάδων τῶν μετεχομένων καὶ τῶν ὄντων τῶν εἰς τὰς ἑνάδας ἀνηρτημένων αἴτιον. Cap. 138. πάντων τῶν μετεχόντων τῆς θείας ἰδιότητος καὶ θεουμένων πρώτιστόν ἐστι καὶ ἀκρότατον τὸ ὄν... τὸ δὲ ὂν εὐθὺς κατὰ τὸ ἕν. Procli in Tim. 85 E. εἴρηται δὲ, ὅτι τὸ μὲν νοητὸν αὐθυπόστατόν ἐστι καὶ αἰώνιον. 77 D. τὰ μὲν γὰρ ὄντως ὄντα γεννᾷ τε ἑαυτὰ καὶ συνέχεται παρ' ἑαυτῶν). Вмѣстѣ съ Діонисіемъ Ареопагитомъ называетъ онъ Бога простотою, омонимомъ, полионимомъ и предвѣчнымъ (De divin. nom. cap. 1 § 3. καὶ τῶν ἁπλουμένων ἁπλότης. Cap. 3 § 6. τοῦτο γοῦν εἰδότες οἱ θεολόγοι καὶ ὡς ἀνώνυμον αὐτὴν ὑμνοῦσι... καὶ ὥσπερ ἀπὸ πάσης αὐτὸν θεωνυμικῆς γνώσεως ἀπάγουσαν φαναι τὸ „καὶ ἵνα τι ἐρωτᾷς τὸ ὄνομα μου καὶ τοῦτ' ἔστι θαυμαστόν". Η οὐχὶ τοῦτο ὄντως ἐστὶ τὸ θαυμαστὸν ὄνομα, τὸ ὑπὲρ πᾶν ὄνομα τὸ ἀνώνυμον. Πολυώνυμον δέ ὡς ὅταν αὖθις αὐτὴν εἰσάγωσι φάσκουσαν „ἐγώ εἰμι ὁ ὤν". Cap. 5 § 4 καὶ οὐ τὰ ὄντα μόνον, ἀλλὰ, καὶ αὐτὸ τὸ εἶναι τῶν ὄντων ἐκ τοῦ προαιωνίως ὄντος, αὐτὸς γάρ ἐστιν ὁ αἰὼν τῶν αἰώνων, ὁ ὑπάρχων πρὸ τῶν αἰώνων).

Богъ или единое не самобытно, ибо мы не говоримъ, что Бога достаточно только для собственнаго бытія, это значило бы, что онъ самодовлѣющее, а самодовлѣющее недостаточно для передачи своей силы другимъ; Богъ не самодовлѣющее и не избыточествующее, но преизбыточествующее и истекаютъ изъ него какъ изъ полной чаши потоки добра. Онъ превышаетъ самодовлѣющее и самобытное. Итакъ прежде всего единое, затѣмъ сущее, которое какъ мы показали самобытно, въ третьихъ самодвижущееся.

Въ этомъ отрывкѣ Пселлъ опять заимствуетъ свои мысли у Прокла и Діонисія Ареопагита, послѣдователя новоплатоновскаго ученія. (Procli, inst. theol. cap. 10 ἐκεῖνο γὰρ sc. τὸ ἀγαθὸν καὶ τοῦ μετέχειν καὶ τοῦ πλῆρες εἶναι κρεῖττον ὡς δέδεικται. εἰ οὖν τὸ αὐταρκες πεπλήρωκεν ἑαυτὸ, κρεῖττον ἂν εἴη τοῦ αὐτάρκους καὶ ὑπὲρ αὐτάρκειαν. Dion. Areop. de divin. nom. cap. 1 § 2 въ парафразѣ Пахимера: ἀλλ' ἐφ' ἑαυτοῦ μονίμως ἱδρῦσαν τὴν θείαν ἀκτῖνα τὸ ἀγαθὸν μετεχόμενον δι' ἀγαθότητα ἐπιφαίνεται ἀγαθοπρεπῶς τῶν ἑκάστου τῶν ὄντων ἀναλόγοις ἐλλάμψεσι κατὰ τὸ μέτρον καὶ τὴν τάξιν τῆς ἑκαστου φύσεως. Cap. 5, § 1 καὶ γὰρ

ἡ ταγαθοῦ θεωνυμία τὰς ὅλας τοῦ πάντων αἰτίου προόδους ἐκφαίνουσα καὶ εἰς τὰ ὄντα καὶ εἰς τὰ οὐκ ὄντα ἐκτείνεται καὶ ὑπὲρ τὰ οὐκ ὄντα ἐστίν. De divin. nom. cap. 2 § 10 въ парафразѣ Пахимера: οὕτω πλήρης ἐν τοῖς ἐνδεέσι καὶ ὑπερπλήρης ἐν τοῖς πλήρεσιν). Въ концѣ онъ устанавливаетъ Плотиновскую тріаду: единое или добро, сущее или разумъ, душа (по Платону самодвижущаяся). Plotini, Enneadis V, lib. 1 cap. 10 (ed. Didot p. 356). ὅτι δὲ οὕτω χρὴ νομίζειν ἔχειν, ὡς ἔστι μὲν τὸ ἐπέκεινα ὄντος τὸ ἕν. ἔστι δὲ ἐφεξῆς τὸ ὂν καὶ νοῦς, τρίτη δὲ ἡ τῆς ψυχῆς φύσις.

Далѣе Пселлъ объясняетъ, почему Платонъ называлъ душу самодвижущеюся и кстати говоритъ о душѣ вообще, заимствуя это мѣсто изъ Тимея.

Наконецъ, по словамъ Пселла, нѣкоторые философы признавали пять родовъ сущаго, другіе меньше, Аристотель же, слѣдуя Пиѳагорейцу Архитѣ, установилъ десять категорій, причемъ онѣ не дѣлятся на роды и виды, но находятся между собою въ такомъ же соотношеніи, какъ главнокомандующій къ начальникамъ отдѣльныхъ частей войска. Сушность главная категорія и она одна не нуждается ни въ чемъ другомъ для своего существованія. Сущность есть отображеніе перваго сущаго, которое, какъ мы показали, самобытно, а потому и сущность какъ подобіе того также самобытна.

Въ этомъ отдѣлѣ Пселлъ также не самостоятеленъ, заимствуя свое объясненіе Аристотелевскихъ категорій у коментаторовъ Аристотеля, преимущественно Аммонія. Многіе византійскіе ученые полагали, что Аристотель заимствовалъ ученіе о категоріяхъ у Архиты; а сравненіе категорій съ начальниками войска было введено Ямвлихомъ (Brandis Scholia in Aristotelem, p. 40 Simplic.: Ἀρχύτου γὰρ τοῦ Πυθαγορικοῦ καὶ πρὸ Ἀριστοτέλους τὴν εἰς δέκα τῶν πρώτων γενῶν ποιησαμένου διαίρεσιν... διότι φαίνεται πανταχοῦ τῷ Ἀρχύτᾳ κατακολουθεῖν ὁ Ἀριστοτέλης βουλόμενος. Ib. p. 47, Simplic.: ἀρ' οὖν τοῖς ἐπὶ στρατιᾶς ἔοικεν ἡ διαίρεσις τοῖς κατὰ λόχους συντεταγμένοις, ὥστε ὥσπερ λόχου λοχαγόν, οὕτως τὴν μὲν οὐσίαν ἐξηγεῖσθαι τῶν οὐσιῶν... ταῦτα μὲν ὁ Ἰάμβλιχος ἀξιοῖ).

Итакъ заключаетъ Пселлъ, если принимать терминъ самобытный въ томъ смыслѣ, какъ я показалъ, опредѣленіе сущности какъ самобытной вещи можно считать основательнымъ. Дѣйствительно ничто изъ сущаго не можетъ считаться причиной другаго и цѣпь причинъ должна быть сведена къ высшему первому началу (т. е. къ Богу). Ничто изъ сущаго не можетъ считаться самобытнымъ въ томъ смыслѣ, что оно само себя сотворило; но мы называемъ сущность самобытной

въ томъ смыслѣ, что вызванная къ бытію высшимъ началомъ она сама себѣ достаточна для существованія.

Пселлъ кончаетъ лекцію словами, что онъ хотѣлъ еще объяснить, почему полное опредѣленіе сущности дается такъ: „сущность есть вещь самобытная, не нуждающаяся ни въ чемъ другомъ для своего существованія“ и почему послѣдняя часть этого опредѣленія представляющаяся многимъ излишнею на самомъ дѣлѣ не лишняя, но такъ какъ онъ уже много говорилъ и слушатели устали его слушать, онъ откладываетъ это до другаго раза.

Мы видимъ, что Пселлъ является въ этой лекціи послѣдователемъ новоплатоновской школы, преимущественно Прокла и тѣхъ отцовъ церкви, которые опирались въ своихъ доказательствахъ на ученіе тѣхъ же новоплатониковъ. Нашъ философъ стоитъ на той же почвѣ, на какой стояли средневѣковые реалисты, девизомъ которыхъ было „universalia sunt realia“ въ противоположность universalia sunt nomina номиналистовъ. Только на этой почвѣ былъ возможенъ споръ, самобытна ли сущность или сотворена Богомъ, такъ какъ номиналисты считали сущность категоріею и слѣдовательно произведеніемъ нашего ума. Приведенная лекція Пселла изложена довольно не ясно и не послѣдовательно; такъ приведя извѣстную тріаду александрійской школы, абсолютное единство, разумъ тожественный съ бытіемъ и всемірную душу, онъ напрасно распространяется о послѣдней, такъ какъ она никакого отношенія къ темѣ не имѣетъ.

Изъ первой лекціи видно, что Пселлъ занимался въ школѣ не только метафизическими вопросами, но и чисто богословскими, объяснялъ напр. псалмы. Кромѣ того онъ занимался и явленіями природы, такъ какъ естествовѣдѣніе входило по тогдашнимъ воззрѣніямъ въ философію. Въ cod. Barocc. 131 (fol. 316—318) Бодлеевой библіотеки сохранилась неизданная лекція Пселла, начинающаяся словами: Ὁ μὲν περὶ τῆς ἴριδος λόγος, περὶ ἧς δὴ πρῶτον ἠρωτήκατε ἐς ἄλλην ἡμέραν ἀναβεβλήθω, πολὺς γὰρ ἐστι καὶ ποικίλος ὁ λόγος καὶ πλείστης δεόμενος ἐξετάσεως. Τὸ γὰρ ἐν τοῖς μετεώροις λεγόμενον τοῦτό μοι δοκεῖ τὸ θεώρημα μόνον βασάνου δεῖσθαι πολλῆς καὶ γραμματικῶν ἀποδείξεων, διὸ ἡ μὲν ἶρις μετὰ τῆς ἄλω εἰς ἕτερον ἀποταμιεύσθω καιρόν. Ученики просили Пселла объяснить, что такое радуга, но онъ откладывалъ это до другаго раза и прежде считаетъ нужнымъ заняться разными атмосферными явленіями молніей, дождемъ и т. п., что и дѣлаетъ въ указанной лекціи, которой я къ сожалѣнію не успѣлъ списать въ бытность мою въ Оксфордѣ. Впрочемъ желающіе ознакомиться со взглядами Пселла въ области естествовѣдѣнія могутъ обра-

титься къ его энциклопедіи (de omnifaria doctrina у Migne patrol. t. 122), которая будетъ подробно разобрана во второй части моего труда.

Изъ одной рѣчи къ ученикамъ видно, что Пселлъ объяснялъ на своихъ лекціяхъ, почему морская вода соленая и отчего происходятъ землетрясенія (Boiss. p. 150).

Какъ видно изъ панегирика матери, Пселлъ училъ не только философіи, но и праву, такъ какъ по византійскимъ понятіямъ юридическія науки не могли быть чужды философу. Въ царствованіе Константина Мономаха была основана въ Константинополѣ отдѣльная юридическая школа; но какъ видно ученики Пселла не посѣщали этой школы, а потому онъ рѣшился дать имъ объясненіе юридическихъ терминовъ древнеаттическаго права и римскаго. Сохранилась лекція Пселла по исторіи права, гдѣ онъ объясняетъ, что у Аѳинянъ называлось искомъ, обвиненіемъ, судебнымъ слѣдствіемъ, пританіемъ, ареопагомъ и т. п., и тутъ же говоритъ о праздникахъ, времясчисленіи и другихъ особенностяхъ древнегреческой жизни (Boiss. p. 95—110). Лекція эта составлена не на основаніи классическихъ писателей, а извлечена (какъ я докажу во второй части моего труда) изъ византійскихъ словарей: Λέξεις ρητορικαί (Bekker, Anecdota p. 197—318) и συναγωγὴ λέξεων χρησίμων ἐκ διαφόρων σοφῶν τε καὶ ρητόρων πολλῶν (Bachmann, Anecdota I p. 1—422).

Изъ рѣчей Пселла къ ученикамъ видно, что онъ преподавалъ не только философію, но и риторику (Boiss. p. 140, 145). Пселлъ придавалъ большое значеніе риторикѣ: „у меня въ рукахъ постоянно находятся двѣ книги, одна риторическая, другая философская“, говоритъ онъ въ письмѣ къ одному пріятелю. Въ томъ же письмѣ онъ совѣтуетъ сыну своего пріятеля сначала научиться риторикѣ, а потомъ уже приступить къ философіи. (Ps. V, 476). Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу онъ говоритъ: „посади ребенка между двумя источниками, знаніемъ и искусствомъ; словесное же искусство лишь одно, такъ называемая риторика. Дай ему испить въ мѣру отъ обѣихъ чашъ и позаботься о томъ, чтобы онъ не вдался въ односторонность, чтобы изучивъ одну лишь философію, не получилъ ума безъ языка (т. е. умѣнья говорить) или же усвоивъ одну лишь риторику, не пріобрѣлъ языка безъ ума“. (Ps. V, 480 [1]).

---

[1]) Привожу это мѣсто въ переводѣ г. Скабалановича. Византійская наука и школы XI вѣка (Христіанское Чтеніе 1884 г. часть 1 стр. 744).

Изъ учебника риторики, написаннаго Пселломъ (Walz, Rhetores graeci v. III p. 687—703), видно, чему онъ могъ учить; учебникъ этотъ представляетъ ничто иное, какъ сокращеніе риторики Ермогена. Рѣчи свои онъ составлялъ по правиламъ, начертанымъ риторомъ Менандромъ. Слѣдовательно онъ училъ той риторикѣ, представителями которой были Ермогенъ и Менандръ. Для большей наглядности Пселлъ написалъ для своихъ учениковъ риторическіе образцы, которымъ они должны были подражать. Буассонадъ напечаталъ четыре такихъ образца, это двѣ похвалѣ блохѣ, похвала вши и похвала клопу. Привожу здѣсь въ переводѣ два такихъ риторическихъ упражненія, чтобы показать, на чемъ воспитывалось византійское юношество.

Похвала блохѣ.

По истинѣ удивительно, что въ то время, какъ всѣ подчиняются блохамъ и подвержены ихъ укусамъ, прекраснѣйшій нашъ Сергій избѣжалъ ихъ укусовъ. Онъ будетъ думать на этомъ основаніи, что сталъ выше всѣхъ, будетъ удивляться самъ себѣ, благодарить природу за то, что она сдѣлала его выше обыкновеннаго человѣческаго естества, и будетъ считаться, что природа его совсѣмъ иная, потому что онъ недоступенъ для такого звѣря. Но если кто откроетъ ему причину этого обстоятельства, онъ сейчасъ же оставитъ свою надменность по отношенію къ намъ и будетъ сожалѣть, что онъ не подверженъ разрушенію, причиняемому этимъ звѣремъ.

Нужно знать, что наше тѣло представляетъ смѣсь четырехъ элементовъ, и соединеніе ихъ въ разной пропорціи даетъ и разныя смѣси, изъ этихъ же смѣсей вырабатываются жидкости, жидкость крови, мокроты и обоего рода желчи. Желтаго цвѣта желчь протекаетъ въ печень, а черная приливаетъ во внутренность селезенки; кровь же не помѣщается въ какомъ-нибудь отдѣльномъ органѣ, но разлита по венамъ по всему тѣлу и оживотворяетъ наше тѣло; она также бываетъ разная по качеству. Когда кровь представляетъ очень хорошую смѣсь, она сладка и благовонна, на нее тогда устремляется и вошь, и блоха, вообще всѣ насѣкомыя, питающіяся нашимъ тѣломъ. Если же кровь представляетъ дурную смѣсь, она или водяниста и преисполнена соленаго состава или имѣетъ въ себѣ горечь желтоватой желчи или отдаетъ черною желчью. Какъ не всѣ земные соки поглощаются колосомъ, но есть и такіе, которые кажутся ему отвратительными; точно также изъ соковъ образующихся въ тѣлахъ одни представляютъ хорошую

смѣсь и возбуждаютъ аппетитъ блохи, другіе же можетъ быть сгнили или горьки на вкусъ или отдаютъ соленымъ.

Это прелестнѣйшее животное, распознавая вкусомъ качество пищи, привлекается только къ соотвѣтствующему природѣ и ѣстъ только это; къ тому же, что пахнетъ иначе, чувствуетъ отвращеніе и отъ того уходитъ.

Болѣе жадные люди лишены такого тонкаго вкуса, ѣдятъ всякое мясо и рѣшаются пробовать всякіе соки. Это прекраснѣйшее животное превосходитъ своею прелестью нѣкоторыя разумныя существа, какъ говорятъ, тремя пальцами и ладонью. Какъ сильнѣйшее животное, левъ не прикасается къ вчерашней пищѣ и ѣстъ только свѣжую, точно также прелестнѣйшая блоха изслѣдуетъ источники нашего тѣла или лучше потоки, изъ этихъ источниковъ исходящіе. Чашами, содержащими въ насъ красную жидкость, служатъ вены, или лучше не чашами, а водопроводами и каналами, вводящими въ наше тѣло пищу. Найдя прозрачный источникъ и годный для питья, она тотчасъ же прикладываетъ свой ротъ, разбираетъ его качество и пьетъ сколько требуетъ ея аппетитъ. Если же она замѣчаетъ, что сокъ испорченъ водою, она покидаетъ этотъ источникъ, обращается къ другому и изслѣдуетъ другую пищу. Такъ великолѣпно это животное.

Намъ и Маронское вино кажется пріятнымъ и Хіосское и Лесбосское; но за это нельзя насъ порицать. Большинство же пьютъ вино, только что налитое въ бочку и еще не перебродившее, любятъ испорченное и я видѣлъ, какъ нѣкоторые пьютъ первую попавшуюся чашу. Но блоха пьетъ годное для питья, пренебрегаетъ дурно пахнущимъ, наслаждается благорастворенным, отворачивается отъ испорченнаго и сгнившаго. Она разсматриваетъ венозную чашу; когда видитъ, что она превосходно очищена, наслаждается ея блескомъ и радуется ея прелести; когда же она имѣетъ въ себѣ твердую часть желчи и особенно черной желчи, блоха относится къ ней съ презрѣніемъ и даже не станетъ пить чистой крови, если она течетъ по испорченной венѣ.

Я люблю тѣхъ людей, которые выказываютъ свое великолѣпіе даже въ сосудахъ для вина и чашахъ; а самые милые приготовляютъ себѣ кубки и псиктиры (сосуды для вина), какъ напр. оирикліискіе изъ чистаго стекла, глубокіе съ длиннымъ узкимъ горлышкомъ, откуда напитокъ течетъ чистѣйшимъ, пріятнымъ, наиболѣе радующимъ гордую душу. Изъ насъ одни таковы, другіе же нѣтъ, родъ же блошиный весь благороденъ, гордъ и преисполненъ великолѣпной прелести. Онъ не любитъ ни горькаго сока, ни соленаго и ѣстъ толь-

ко сладкій; ему доставляетъ удовольствіе чаша сладкой и благовонной крови.

Видишь ли ты, милѣйшій мой Сергій, какъ драма, начавшись съ комической болтовни, принимаетъ для тебя трагическій конецъ? Ты думаешь, что стоишь выше толпы, потому что избѣгъ блохи, считая, что не подвергаешься ея нападеніямъ вслѣдствіе превосходства своей силы. Она не испугалась тебя, но понюхавъ отшатнулась отъ тебя. Она подходила къ маленькимъ колодцамъ твоего тѣла, увидѣла, что чаши не чисты, увидѣла что влага испорчена, отказалась пить, не допустилъ ее исходящій оттуда запахъ. Поэтому она воздержалась и не удовлетворила своего аппетита.

Случайно она перешла на меня и припала ко всѣмъ моимъ чашамъ, у затылка, у горла, у ключицы; она радуется корму очень довольна моими потоками, ибо она находитъ все преисполненнымъ прелести. Когда она открывала мнѣ жилу, тотчасъ текла прелестная влага. Поэтому она даже не знала, какъ ей воспользоваться множествомъ радостныхъ предметовъ: она прыгаетъ по бокамъ, сейчасъ же оттуда перескакиваетъ на спину, высасываетъ подколѣнокъ, наслаждается потоками вокругъ голени. Ибо не даетъ ей одинъ источникъ одно питье, другой другое, но изъ всѣхъ источниковъ истекаетъ одинаково прелестная влага. Что же? развѣ природа меня хорошо составила для того, чтобы я сдѣлался пищею блохѣ? Я не желаю этой прелести, я отказываюсь отъ хорошей крови; пусть она будетъ испорчена, я буду отлично жить. Если бы кто украсивъ меня сейчасъ же сокрушилъ, я не сталъ бы радоваться такому украшенію, но тотчасъ устранилъ бы такой нарядъ.

Благодари Бога, прекраснѣйшій Сергій, что онъ укрѣпилъ тебѣ тѣло настолько, что сдѣлалъ его не доступнымъ для животныхъ желающихъ ограбить тебя, что онъ обезопасилъ тебя твердымъ оплотомъ и не нападетъ на тебя ни блоха, ни вошь, ни клопы, но всѣ будутъ бояться и страшиться тебя и устраняться какъ отъ тирана. Но не поднимай бровей въ знакъ недовольства: я предпочелъ бы быть уничтожаемымъ блохами, чѣмъ чтобы тѣло мое пахло и чтобы я внушалъ страхъ коварствомъ.

Скажу тебѣ правду: природа составила наше естество, какъ желала, и твое естество сдѣлала противнымъ блохѣ, мое же ей пріятнымъ и годнымъ для ѣды. (Boiss., p. 73—78).

Похвала вши.

Можетъ быть вошь завидуетъ похвалѣ, которую мы написали блохѣ. Оба эти животныя принадлежатъ къ разнымъ видамъ, но мы будемъ говорить о нихъ вмѣстѣ, разсматривая одно какъ бы мужа другое какъ бы жену, потому, что въ нихъ есть общія черты.

Мы показали, что блоха произведеніе равноденствія (т.-е. родится во время весенняго равноденствія) [1], слуга и копьеносецъ роста солнца; нисколько не меньше можемъ мы похвалить ее съ другой стороны. Чтобы рѣчь шла по порядку, начнемъ лучше всего съ ея происхожденія.

Мы объяснили и доказали, что блохи рождаются другъ отъ друга и хвалили ихъ за это, вошь же рождается другимъ образомъ и еще болѣе удивительнымъ чѣмъ блоха. У нея нѣтъ рожденія, не выдѣляется матеріальнаго сѣмени, а зарожденіе ея самопроизвольно (αὐτόματον).

Мы больше удивляемся рѣдкому, чѣмъ обычному; и если изъ рѣдкаго одно больше, другое меньше, насъ поражаетъ то, что меньше. Нѣтъ ничего удивительнѣе солнца; тѣмъ не менѣе увидѣвъ комету, мы больше удивляемся. Поэтому мы и стрижа любимъ больше ласточки и летучаго муравья больше слона. Слѣдовательно необычный способъ происхожденія удивительнѣе обычнаго. Человѣкъ родится отъ человѣка, это дѣло самое обыкновенное въ природѣ, и этотъ фактъ нисколько не поражаетъ ума; вошь родится изъ ничего, что въ высшей степени поразительно. Естествоиспытатели думаютъ и говорятъ, что невозможно происхожденіе изъ ничего; вошь же опровергаетъ это мнѣніе, такъ какъ она никѣмъ не зачинается, но зарождается сама по себѣ.

Такъ какъ сущее и несущее имѣетъ у философовъ разные признаки, мы не скажемъ, что она (вошь) не произошла ни изъ какой матеріи, но допустимъ, что изъ одного вещества она могла произойти, изъ другаго—нѣтъ. Мы отрицаемъ, чтобы она могла произойти вслѣдствіе совокупленія, но допускаемъ, что она получила бытіе изъ вещества разнороднаго. Ослы, сгнивая порождаютъ жуковъ, лошади—осъ, быки—пчелъ, испорченная вода—комаровъ; вошь же порождаетъ прекраснѣйшее живое существо, не сгнивая, не портясь, но будучи одушевленнымъ и живымъ; ибо она зарождается изъ головы человѣка.

---

[1] Объ этомъ говорится во второй похвалѣ блохѣ. (Boiss. p. 78—84).

Часть пищи, измѣняемой нашими физическими свойствами, переходитъ въ селезенку, часть въ мочевой пузырь, часть же поднимается къ печени; та же часть пищи, которая согрѣвается и измѣняется въ желудкѣ, превращается въ испаренія. Такъ какъ испаренія эти очень легки и тонки, они, какъ бы къ небу, поднимаются къ головѣ. Но, чтобы присутствіе этихъ испареній не производило головокруженія и онѣмѣнія, природа раздѣлила черепъ на разные швы; всѣ кости природа отдѣлила другъ отъ друга ямочками, испаренія какъ бы протекаютъ черезъ нихъ, и оставаясь въ черепной кожѣ, порождаютъ удивительнымъ образомъ вошь.

Такъ рождается она, вскармливается же массою волосъ на головѣ. Волосы играютъ для нея роль повивальной бабушки и копьеносцевъ.

То что гніетъ сначала и измѣняется имѣетъ разнообразную причину зарожденія. Но вши даетъ зарожденіе не гніеніе сѣмени, но тончайшая и легчайшая часть пищи. Ибо что легче и тоньше испаренія?

Испаренія земли порождаютъ метеоры и кометы; а испаренія нашего желудка вошь. Такъ же какъ наше испареніе имѣетъ нѣкоторое соотношеніе съ испареніемъ земли, такъ и вошь имѣетъ нѣкоторое соотношеніе со свѣтомъ кометы. Въ небесной сферѣ рождаются удивительныя явленія, въ сферѣ же нашей головы удивительно это животное.

Всего поразительнѣе, что въ то время какъ въ нашемъ тѣлѣ много разныхъ частей—даже никто не можетъ сказать сколько ихъ—всѣ остальныя части тѣла это животное считаетъ какъ бы недостойнымъ себя и одну голову избираетъ органомъ своего зарожденія. Оттуда оно переходитъ и на другія части тѣла, но вновь возвращается, какъ бы двигаясь съ востока на западъ и возвращаясь къ точкѣ отправленія.

Какъ я слышалъ отъ одного мужа, отличнаго философа, природа не безъ причины сдѣлала голову круглой, но потому что въ ней живетъ умъ, любящій шарообразный видъ круглаго тѣла; это животное также бѣжитъ къ шарообразному, какъ къ чему-то своему, а потому и помѣщено въ головѣ. Итакъ то и другое представляется головѣ желаннымъ: умъ, вселяющійся въ нее сверху, и вошь, зарождающаяся снизу. Но умъ находится внутри головы и какъ бы съ акрополя управляетъ живымъ существомъ, вошь же живетъ снаружи.

Хотите, я приведу вамъ другое болѣе таинственное положеніе о вши? Но не считайте меня болтуномъ и излѣдующимъ безъ метода

за то, что я взялся изслѣдовать недостойное изслѣдованія и задался цѣлью соединить то, что нельзя сравнивать между собою.

Что касается движенія души, я вижу, что философы признаютъ двоякій умъ; одинъ находится внутри сферы, гдѣ Платонъ помѣщаетъ даже идеи, другой же внѣ всякаго тѣла. Чтобы меня не обвинилъ кто въ отсутствіи хорошаго вкуса, не дерзаю сказать ничего больше, кромѣ заключенія, что животное, находящееся внѣ головы, лучше ума, внутри ея находящагося.

Это животное предполагаетъ не одну идею (сущность), но одна совершенно бѣлая и блистаетъ этимъ цвѣтомъ, другая же—черная, подобная черному морю. Часть ея составляютъ височныя части и поскольку она вскармливается на мѣстахъ безъ волосъ, она кажется черной и сильной.

Итакъ, какъ сказано, все человѣческое тѣло представляетъ для вши улицу, по которой она можетъ ходить; но жилищемъ служитъ ей голова, какъ бы дворецъ, предназначенный для нѣкоей царицы. Затылокъ же и грудь, спина и руки и все остальное до ногъ представляютъ для нея возвышенности и равнины. Въ тихую погоду выходитъ она, раскрывъ двери; если же двигается противъ нея что-нибудь, что можетъ погубить ее, она благоразумно возвращается въ свое старое жилище и какъ бы тиранъ, занявъ возвышенность головы предоставляетъ рукамъ осаждать стѣны; она же охраняется головою словно башнею. Поймать тутъ это животное очень трудно. Какъ колосъ удерживаетъ пшеницу отъ паденія при ударахъ, такъ же волосы отражаютъ отъ вши всякую опасность. Даже если начинается охота по поверхности тѣла, она, какъ разсказываютъ про губки, совершенно уходитъ подъ кожу головы, и такимъ образомъ избѣгаетъ лова. Она крѣпко цѣпляется ногами и на поверхности тѣла не видно никакого прибавленія; но вполнѣ сравнявшись съ кожею, этотъ тиранъ дѣлаетъ безполезными попытки рукъ, осаждающихъ стѣны.

Нѣкоторыя животныя питаются тѣмъ что произрастаетъ изъ земли; она же ѣстъ все самое лучшее. Ибо то что вкушается человѣкомъ, вторично служитъ ей трапезой. Вамъ готовятъ жаркое руки поваровъ (ὀψοποιοί) и пирожники (οἱ τὰ πέμματα ποιοῦντες) остальную пищу; мы же замѣняемъ вши поваровъ и стряпуновъ. Мы приготовляемъ ей яства, вырабатывая соки, кровь, испаренія, чтобы пища ея была разнообразна. Когда мы хорошо служимъ ей, она пользуется предлагаемыми кушаньями, если же мы предлагаемъ ей грубую пищу, она отвергаетъ ее, а съ нами поступаетъ какъ съ рабами и бичуетъ насъ, царапая голову ногами и кусая ртомъ.

Итакъ мы начальствуемъ надъ остальными животными, надъ нами же начальствуетъ вошь. Въ то время какъ глаза все видятъ, она одна не видима. Тѣло ея по виду слабо и причисляется она къ безтѣлеснымъ существамъ. Существованіе ея прекращается, когда мы умираемъ и она лишается пищи, хоронится она въ могилѣ нашей головы и слѣдовательно, гдѣ зарождается тамъ и умираетъ.

Не видите ли вы, что все это—состязаніе рѣчи, и что риторика выказываетъ свою силу даже въ самыхъ ничтожныхъ сюжетахъ. Ибо я вовсе не имѣлъ въ виду написать похвалу вши (я еще не сошелъ съ ума), но доказать вамъ какую силу имѣетъ слово, дабы вы, имѣя предъ собою такой образецъ, упражнялись бы надъ самыми ничтожными темами и подражали мнѣ. (Boiss. p. 85—91).

Мы видимъ, что Пселлъ въ видѣ упражненія заставлялъ своихъ учениковъ доказывать при помощи риторики положенія въ родѣ слѣдующихъ: „человѣкъ, имѣющій блохъ, стоитъ выше человѣка ихъ не имѣющаго“, „блоха лучше человѣка“. Выборъ сюжета и близкое знакомство Пселла съ насѣкомыми указываетъ на нѣкоторую нечистоплотность почтеннаго преподавателя.

Мы видѣли, что Пселлъ занимался въ школѣ языческой философіей; это могло повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, такъ какъ признавая за Платономъ и новоплатониками большой авторитетъ легко было уклониться отъ догматовъ православной церкви и впасть въ ересь. Попадались такіе ученики, которые изъ лѣни или по дѣйствительному убѣжденію, находили что безполезно заниматься изслѣдованіями въ области естествовѣдѣнія. Къ чему разбирать, говорили они, причины землетрясенія, когда извѣстно, что всему одна причина, все дѣлается Богомъ. Поэтому Пселлъ счелъ нужнымъ выразить свой взглядъ на языческую философію въ рѣчи къ ученикамъ, въ которой онъ бранитъ ихъ за равнодушіе къ наукѣ.

„Я желаю, говоритъ онъ, чтобы вы не признавали ходячихъ и невѣрныхъ представленій, чтобы вы имѣли научное образованіе и съ одной стороны заботились о развитіи мыслительной способности, съ другой стороны работали бы надъ очищеніемъ языка и красотою рѣчи, чтобы вы знали, что хотя еллинская философія ошибалась въ своихъ мнѣніяхъ о божествѣ и богословская часть ея далеко не безошибочна, тѣмъ не менѣе она изслѣдовала природу въ томъ видѣ, какъ ее сотворилъ Создатель. Вамъ слѣдуетъ извлекать оттуда (изъ еллинской философіи) ученіе о природѣ, изъ нашего же богословія познавать первообразъ и истину, букву сокрушать какъ оболочку, скрытый же духъ хоронить въ себѣ какъ жемчугъ; и не слѣдуетъ считать сочине-

нія Моисеевы окончательной истиной и думать, что представленія о высшемъ не нуждаются ни въ какихъ объясненіяхъ. Точно также не слѣдуетъ отвергать всѣхъ еллинскихъ ученій о богѣ; отцовскій же источникъ, три тріады, десять міроправителей, опоясаннаго отца, бока и кудри Екаты, а также другія подобныя вещи слѣдуетъ считать миѳами, при помощи которыхъ они выясняютъ начало всего сущаго [1]). Что все произошло отъ этого начала, что это не рожденное начало есть сущее и остальное, что похоже на нашу вѣру, надо стараться соединять съ божественными изреченіями и дѣлать изъ нашей души чашу, совмѣщающую и то и другое. Допускайте и монаду Ерма Трисмегиста и остальныя сочиненія этого мужа, написанныя имъ въ назиданіе своего сына Тата, которыя прямо не противорѣчатъ истиннымъ догматамъ; ибо эти сочиненія лучше платоновской философіи, они очень похожи на пророчества и душу выводятъ изъ матеріи. Отвергайте его Пимандра (такое заглавіе далъ онъ своему сочиненію), какъ представляющаго грезы, точно также „похищеніе разума“ Емпедотима, которое хвалитъ Ямвлихъ, но отвергаетъ философъ Посидоній. То что говорятъ эти философы, представляя доказательства о единомъ, сущемъ, самодвижущемся и раздѣльномъ принимайте, если оно согласуется съ выводами нашей религіи, если же расходится, отвергайте. Не вѣрьте въ Аристотелевскую энтелехію душъ, въ мученіе душъ въ мутныхъ рѣкахъ ада, въ Проклово дѣланіе чудесъ и его разсказы о чудесахъ, также въ Плотиновское призываніе Бога. Уклоняйтесь и отъ божества Сократа, о которомъ онъ часто говорилъ и которымъ пользовался чтобы придать своей рѣчи больше силы.

Если будете поступать такъ, то какъ моряки будете извлекать изъ соленой воды годную для питья. Какъ же это дѣлаютъ моряки? Когда они находятся на морѣ и у нихъ нѣтъ прѣсной воды, они вѣшаютъ губки надъ моремъ и выжимая изъ испареній воду, пьютъ пріятнѣйшую влагу. Поэтому и вы, прикрѣпивъ свою душу надъ еллинскими ученіями, какъ солеными, превращайте исходящее оттуда эхо

---

[1]) Пселлъ говоритъ здѣсь о халдейскомъ ученіи, которое онъ самъ изложилъ. Тамъ читается: πατρικόν τινα βυθὸν σέβονται, ἐκ τριῶν τριάδων συγκείμενον... οἱ καλούμενοι καὶ κοσμαγωγοί.. θεῖον γὰρ γένος ἐστὶ παρ' αὐτοῖς ζωναῖον... τῶν δὲ ζωογόνων ἀρχῶν ἡ μὲν ἀκρότης Ἑκάτη καλεῖται. Какъ видно изъ этого трактата Пселлъ считалъ, что Платонъ и Аристотель многое заимствовали изъ халдейскаго ученія, а Плотинъ, Ямвлихъ, Порфирій и Проклъ слѣдовали ему вполнѣ. Pselli dogmatum chaldaicorum expositio (Migne, patrol. t. 122 p. 1149—1153).

тяжелое и землевидное въ тонкое и легкое, и вы тотчасъ же услышите плѣнительнѣйшую пѣсню, исходящую изъ самой верхней струны" (Boiss. p. 151—153).

Пселлъ вообще держался того воззрѣнія, что не слѣдуетъ совершенно отрицать древнегреческую философію и не заниматься ею только потому, что она языческая, что напротивъ у философовъ можно найти воззрѣнія, согласныя съ христіанскою религіею и подкрѣпляющія православные догматы; такой взглядъ высказалъ онъ въ неизданномъ панегирикѣ игумену Николаю, котораго хвалитъ за занятія философіей. „Большинство, говоритъ онъ, не такъ судитъ объ этомъ дѣлѣ, т.-е. полагаютъ, что еллинская философія находится въ полномъ противорѣчіи съ христіанствомъ и потому не должна быть изучаема. Правда же заключается въ томъ, что еллинская мудрость состоитъ изъ двухъ частей, одна довольствуется миѳами и выдумками, другая же занимается объясненіемъ и разслѣдованіемъ сущаго (τὸ δ' ἀληθὲς οὕτως ἔχοι τῆς ἑλληνικῆς σοφίας δύο μερίδες εἰσὶν, ἡ μὲν μύθοις καὶ πλάσμασι χαίρουσα, ἡ δὲ τὰ ὄντα πολυπραγμονοῦσα καὶ θεωροῦσα). Первая часть этой мудрости, представителями которой служатъ Орфей и Гомеръ, можетъ быть принята только отчасти и то объясняемая аллегорически, вѣрить же въ древнихъ боговъ невозможно. Относительно второй части еллинской мудрости, философіи, надо разсуждать такъ: тѣ ученія, которыя противорѣчатъ нашему богословію должны быть отвергнуты, тѣ же, которыя совпадаютъ съ нашей вѣрой должны быть принимаемы (τῶν παρ' ἐκείνων δογμάτων, ὅσα μὲν πρὸς τὴν καθ' ἡμῶν ἀντιπίπτει θεολογίαν, ἀποκριτέον, ὅσα δὲ τῇ ἡμετέρᾳ συνάδει, δοκιμαστέον καὶ ἐγκριτέον).

Церковь не совсѣмъ такъ относилась къ языческой философіи, она считала предосудительнымъ занятія Платономъ и новоплатониками. На такую чисто церковную точку зрѣнія становится Пселлъ въ обвинительной рѣчи противъ патріарха Михаила Кирулларія. „Благочестіе, говоритъ онъ въ этомъ документѣ, есть исповѣданіе Святой и Божественной Троицы и вѣра въ евангельское и божественное ученіе; вѣрный не тотъ, кто одни изъ догматовъ, переданныхъ намъ отцами церкви, принялъ, другіе, на счетъ которыхъ есть сомнѣніе, отвергъ, а тотъ, кто слѣдуетъ въ точности и неуклонно догматамъ, переданнымъ свыше евангельскимъ ученіемъ, священными соборами и канонами. Кромѣ того, согласимся, что признаваемому по истинѣ благочестивымъ слѣдуетъ не только исповѣдовать основные и неопровержимые догматы богословія, но придерживаться всѣхъ установленій и обычаевъ отцовъ церкви. Не слѣдуетъ благочестивому не принимать

ученіе Аріанъ, а тѣхъ кто учитъ халдейской мудрости; ибо церковь устраняетъ отъ себя не только ею осужденныхъ на соборахъ, разумѣю Аполлинаріевъ, Несторіевъ, Евтихіевъ и остальныхъ еретиковъ, но и лживое іудейское ученіе, еллинскую науку и выдумки, распространенныя халдейскою философіей о прорицаніяхъ, о различіи духовъ и ихъ нисхожденіи, о раздѣленіи боговъ". Стараясь обличить патріарха въ ереси, Пселлъ выставляетъ однимъ изъ доказательствъ тотъ фактъ, что Кирулларій будто бы былъ послѣдователемъ Прокла [1]).

Подобнаго воззрѣнія держался повидимому другъ Пселла и впослѣдствіе патріархъ Іоаннъ Ксифилинъ. На одно письмо Пселла, гдѣ онъ по всей вѣроятности сообщалъ о своихъ ученыхъ занятіяхъ, Ксифилинъ отвѣтилъ упреками за то, что онъ занимается Платономъ, стоикомъ Хрисиппомъ и философами новой Академіи (подъ которыми разумѣются вѣроятно и новоплатоники), и иронически написалъ „твой Платонъ". Самъ же Ксифилинъ, по словамъ Пселла въ панегирикѣ, не любилъ Платона (Ps. V, 429. Πλάτωνος μὲν καταφρονήκει καὶ τῶν ἐκείνου δογμάτων); онъ отдавалъ предпочтеніе Аристотелю и занимался его комментированіемъ. Поэтому онъ указывалъ Пселлу, какъ опасно заниматься Платономъ и какъ легко стать еретикомъ. Пселлъ отвѣтилъ Ксифилину въ прекрасномъ письмѣ, гдѣ онъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства и умно защищаетъ занятія древней философіей и доказываетъ, что онъ остается все такимъ же истиннымъ православнымъ.

„Мой Платонъ, священнѣйшій и мудрѣйшій, пишетъ онъ, мой! Если ты бранишь меня за то, что я часто читаю діалоги этого мужа, удивляюсь манерѣ его изложенія, покланяюсь силѣ его доказательствъ, почему же ты не ставишь въ обвиненіе великимъ отцамъ церкви того, что они уничтожали ереси Аполинаріевъ и Евноміевъ, поражая ихъ точностью силлогизмовъ? Если же ты укоряешь меня за то, что я слѣдую ученію Платона и опираюсь на его законы, ты, братъ, не вѣрно судишь о насъ. Я раскрывалъ много философскихъ книгъ, я читалъ много риторическихъ произведеній, не скрылись отъ меня сочиненія Платона—не стану отрицать этого—но и Аристотелевскую философію я не просмотрѣлъ; я знаю и то, чему учатъ Халдеи и Египтяне, клянусь твоей честной головой; о секретныхъ книгахъ слѣдуетъ ли говорить? Но сравнивая всѣ эти сочиненія съ нашимъ боговдохновеннымъ

[1]) См. мои матеріалы для истор. виз. имп. (Ж. М. Н. Пр. 1889 г. сентябрь, стр. 33).

Писаніемъ, чистымъ, блестящимъ и по истинѣ неподдѣльнымъ, я нашелъ ихъ поддѣльными и преисполненными обмана.

Мой Платонъ! Не знаю, какъ мнѣ снести это тяжкое обвиненіе. Развѣ я прежде не предпочелъ ему божественнаго креста, а теперь духовнаго ярма? Боюсь, что онъ скорѣе твой—говоря твоимъ же словомъ,—такъ какъ ты не опровергъ ни одного его мнѣнія, я же почти всѣ, хотя и не всѣ худы. Его разсужденія о справедливости и о безсмертіи души стали основаніемъ и нашихъ схожихъ съ этимъ догматовъ. Не какъ слѣпой черпалъ я изъ Платона, но полюбивъ свѣтлую часть потока, пренебрегалъ мутной.

Когда же ты видѣлъ, чтобы я былъ послѣдователемъ Хрисиппа или новой Академіи? Вѣдь не было этого и раньше, когда не укрѣплена была наша палатка, но изукрашена серебромъ или золотомъ. Развѣ мы не имѣли въ мысляхъ облечься въ одежду Христову, развѣ мы не имѣли въ мысляхъ монашескую рясу, о которой много размышляли, а затѣмъ привели свои мысли въ исполненіе и теперь стали членами паствы Господней? Но мы не прилѣпились къ Хрисиппу.

Ты удивляешься, что кипитъ во мнѣ желчь и потрясаетъ меня гнѣвъ. Но вѣдь и у меня тѣло не безъ печени, гдѣ образуется гнѣвный духъ, и я не могу выносить такого оскорбленія. Клянусь священной твоей душой, еслибы ты ударилъ меня по головѣ, еслибы ты вырвалъ остающіеся у меня волосы, я бы легче снесъ подобныя оскорбленія. Но обвиненіе въ сочувствіи Хрисиппу, то, что ты, мой другъ и судья, считаешь меня отпадшимъ отъ Бога и присоединившимся къ Платону и Академіи, не знаю, какъ мнѣ снести это!

Почему ты, о все презирающій, упомянувъ о линіяхъ, приложилъ къ нимъ не вещественность? Первый говорившій о нихъ сказалъ весьма возвышенно и по-философски, что онѣ нигдѣ не находятся; одно—не быть, другое—нигдѣ не находиться; линіи не не суть, но по философу мысленная длина нигдѣ не находится. Но я относительно этихъ не сущихъ линій и презираемыхъ тобою силлогизмовъ, собралъ изъ ученій о высшемъ значительный товаръ; эти не сущія линіи, о ненавистникъ науки, суть начало всей естественной науки (τῆς φυσικῆς θεωρίας). Эту естественную науку общій учитель Максимъ, или лучше мой—ибо онъ философъ,—считаетъ второю добродѣтелью послѣ дѣлъ [1].

---

[1] Maximi Confessoris capitum quinquies centenorum cent. V, 94. τῆς μὲν πρακτικῆς φιλοσοφίας ἔργον εἶναι φασι πάσης τὸν νοῦν εμπαθοῦς φαντασίας καταστῆσαι τῆς δὲ φυσικῆς θεωρίας, πάσης τῆς ἐν τοῖς οὖσι καθ' ἣν αἰτίαν ὑπάρχουσιν ἀληθοῦς γνώσεως αὐτὸν ἐπιστήμονα δεῖξαι (Migne, patrol. t. 90 p. 1388).

Если ты мнѣ еще сколько нибудь довѣряешь, скажу тебѣ, не гордись своимъ пребываніемъ на горѣ и не хвастайся тѣмъ, что ты не наслаждаешься наукой; но если есть гдѣ равнина или глубокая долина или скрытый и сокровенный уголокъ земли, спрячься тамъ, сойдя съ горы и сначала пріобрѣтя должное упражненіе въ силлогизмахъ, поднимись къ знанію непостижимому, изъ силлогизмовъ не выводимому. Ибо всякая добродѣтель, дорогой братъ, соединенная съ хвастовствомъ и тщеславіемъ составляетъ крайній порокъ и есть порожденіе незнанія, которое уничтожаетъ мой, какъ ты считаешь, философъ.

Но такъ какъ вновь придя на память оскорбляетъ меня это выраженіе, выслушай, что говоритъ тебѣ философъ-платоникъ. Я, любезнѣйшій братъ, издавна отъ предковъ удостоился божественнаго названія христіанина, я ученикъ Распятаго, воспитанникъ св. Апостоловъ, я, осмѣлюсь сказать, аккуратнѣйшее хранилище великаго и таинственнаго ученія о Божествѣ. Платоновъ и Хрисипповъ, о которыхъ ты говоришь, я полюбилъ и почему же нѣтъ? Но только за ихъ цѣль и гладкое изложеніе. Но изъ ихъ положеній я одни тотчасъ же отвергъ, другія же могущія подкрѣпить наши догматы позаимствовалъ отъ нихъ и соединилъ ихъ съ священными книгами, какъ это дѣлали Григорій и Василій, великія свѣтила церкви. Силлогизмовъ я не презиралъ, чтобы мнѣ видѣть Господа ясно, а не только при посредствѣ загадочныхъ выраженій. Дѣлать выводы при помощи силлогизмовъ, это, братъ, не есть ученіе противное церкви и не какое-нибудь невѣроятное философское положеніе, силлогизмы только органъ истины и способъ отыскать искомое.

Холмомъ и равниной ты разграничиваешь добродѣтель и порокъ, я же дѣлаю не такъ, но и къ другому морю отправляюсь изъ общаго пункта добраго расположенія. Горы и города не лишены противоположныхъ свойствъ, но и не производятъ ихъ. Смотри, я городской житель, уступая тебѣ первенство въ добродѣтели, приписалъ тебѣ и умъ, оставляя за собой одинъ умъ и обвиняя себя въ отсутствіи добродѣтели. Я засвидѣтельствовалъ, что въ тебѣ всѣ добродѣтели, прибавивъ къ этому и нѣкоторую умственную прелесть, не пренебрегающую закономъ дружбы. Ты же горный житель не такъ поступилъ съ нами: ты тотчасъ возгордился надъ нами и укорялъ насъ за скромность, которую долженъ былъ бы хвалить; за то же что мы приписали себѣ частицу ума, ты оскорбилъ насъ, и намекая будто наша фраза, „что ты стоишь выше всѣхъ“ относится къ намъ, ты разразился противъ насъ за хвастовство въ письмѣ къ тебѣ. Ты, поражающій силлогизмы, прибѣгъ къ доказательству чрезъ свидѣтелей, приводя то

Стефана, то Григорія, какъ будто доказательство заключается въ однихъ свидѣтельствахъ. Затѣмъ ты вступилъ въ борьбу съ географическими понятіями, ты не знаешь, что сѣверу противоположенъ югъ, а не Азія и противоположными сѣвернымъ жителямъ мы считаемъ Европейцевъ или Ливійцевъ. Хоть ты и оклеветалъ меня, если принимать такія географическія свѣдѣнія, дѣли какъ хочешь страны свѣта. Вѣдь я написалъ тебѣ предыдущее письмо, вовсе не желая заниматься географіей или дѣлить земной шаръ на части, но засвидѣтельствовавъ твою твердость по отношенію ко всякому искушенію, я счелъ это наслѣдствомъ, доставшимся тебѣ отъ предковъ и отечества, себѣ же я приписалъ слабохарактерность, и можетъ быть ошибался, любезнѣйшій братъ, но старался тщательно изобразить монаха и исполнялъ законъ дружбы".

Сказавъ, что Синайская гора, на которую взошелъ Моисей и съ которой сошелъ Богъ, вовсе не есть матеріальная гора, а только символъ нашего восхожденія отъ матеріи къ душѣ и Богу, и что Богъ вездѣ, Пселлъ пишетъ: „Такъ я любезнѣйшій, живу на горахъ и въ городахъ, слѣдуя за моимъ Богомъ и владыкою, ради котораго я принялъ на себя его ярмо и надѣлъ эту власяную одежду, который часто приходилъ на площади, рѣдко же поднимался на горы". И далѣе: Мой Платонъ, братъ, и Хрисиппъ! а Христосъ, съ которымъ я сораспятъ, чей же? Тотъ ради кого я остригъ вещественное излишество (т.-. постригся), ради котораго обратился къ другой жизни. Если я всецѣло принадлежу Христу, я не стану изъ за этого отрекаться отъ самыхъ мудрыхъ сочиненій, не стану уклоняться отъ знанія сущаго, отъ знанія того, что такое мысленное и чувственное. Молитвою на сколько могу я буду стараться достичь Бога, но сойдя оттуда на землю буду шагать по лугамъ науки".

Въ заключеніе Пселлъ еще разъ повторяетъ, что хотя онъ занимается философіей еллинской, халдейской и египетской, онъ ставитъ выше всего христіанскіе догматы и Священное Писаніе. (Ps. V, 444—451).

Пселлъ былъ совершенно правъ, когда, онъ защищаясь противъ Ксифилина опирался на отцовъ церкви. Отцы церкви, какъ извѣстно, старались опровергнуть язычество и по одному этому занимались греческой философіей; въ христіанской догматикѣ отразился очень сильно платонизмъ, что особенно замѣтно въ сочиненіяхъ Оригена, Діонисія Ареопагита, Синесія и Максима Исповѣдника. Укажу здѣсь только на мнѣнія двухъ отцовъ церкви, признаваемыхъ столпами православной догматики, Климента Александрійскаго и Іоанна Дамаскина. Кли-

ментъ Александрійскій посвятилъ особую главу въ собственную защиту противъ говорившихъ, что онъ слишкомъ много черпаетъ изъ языческой философіи. Если философія безполезная вещь, говоритъ онъ, полезно доказать ея безполезность и въ этомъ смыслѣ она уже полезна. Затѣмъ нельзя осуждать еллинскую философію и говорить, что въ ней нѣтъ ничего кромѣ пустыхъ словъ, прежде чѣмъ подробно изслѣдуешь ее. Нѣкоторые клеветали на философію (находя ее вредной и лживой) между тѣмъ какъ она ясное изображеніе истины, данное Еллинамъ какъ даръ Божій (ἀληθείας οὖσαν εἰκόνα ἐναργῆ, θείαν δωρεὰν Ἕλλησι δεδομένην). Она не отвлекаетъ насъ отъ вѣры, не околдовывая насъ какъ будто какимъ то лживымъ искусствомъ, но она еще больше подкрѣпляетъ насъ, доставляя намъ доказательства нашей вѣры. Отъ столкновенія противоположныхъ догматовъ яснѣе выступаетъ истина, и слѣдствіемъ является знаніе. (Stromata lib. I cap. 2). До пришествія Господа философія была необходима Еллинамъ для достиженія справедливости, теперь же она полезна для благочестія, служа подготовительнымъ ученіемъ для воспринимающихъ вѣру посредствомъ доказательствъ. Ибо она была Еллинамъ такимъ же пѣстуномъ во Христа, какимъ Евреямъ былъ законъ (Посл. къ Галат. гл. 3 ст. 24). Нѣкоторые прельщенные прелестями служанокъ пренебрегаютъ ихъ госпожею философіей, одни состарились на музыкѣ, другіе на геометріи, третьи на грамматикѣ, большинство на риторикѣ. Но какъ подготовительныя (энкиклическія) науки приводятъ къ философіи, своей госпожѣ, такъ и философія содѣйствуетъ пріобрѣтенію мудрости. Ибо философія есть упражненіе въ мудрости, мудрость же знаніе вещей божественныхъ и людскихъ, а также ихъ причинъ. (Stromata lib. I cap. 5). Кажется подготовительныя еллинскія науки вмѣстѣ съ самой философіей пришли къ людямъ отъ Бога. Философіей я называю не стоическую, не платоновскую или эпикурейскую, не аристотелевскую, а что хорошо сказано каждою изъ этихъ школъ, что учитъ справедливости и благочестивому знанію, все это избранное ученіе я называю философіей". (Stromata lib. I, cap. 7).

Климентъ Александрійскій ставилъ очень высоко Платона, онъ посвятилъ особую главу доказательству, что этотъ философъ считалъ высшимъ благомъ уподобленіе Богу и что онъ въ этомъ сходится съ Священнымъ Писаніемъ. Климентъ называетъ Платона аттическимъ Моисеемъ (Strom. l. II cap. 22) и приводя одно мѣсто изъ Критона, говоритъ, что сказалъ это любитель истины Платонъ, какъ будто вдох-

новленный Богомъ (ὁ φιλαλήθης Πλάτων οἷον θεοφορούμενος, Strom. l. I, cap. 7) [1].

Іоаннъ Дамаскинъ въ сочиненіи о ересяхъ подъ ересью еллинизма разумѣетъ преимущественно идолопоклонство и тѣ философскія ученія, которыя противорѣчатъ христіанскимъ догматамъ. У него нѣтъ осужденія всякой языческой философіи, напротивъ онъ говоритъ, что у древнихъ философовъ существовало благочестіе (λοιπὸν εὐσεβείας χαρακτὴρ ὑπῆρχεν ἅμα), и кромѣ того самъ занимался философіей и написалъ извѣстную діалектику. (De Haeresibus liber, Migne, patr. t. 94, p. 680 сл.).

Максимъ Исповѣдникъ въ своихъ κεφάλαια θεολογικά считалъ возможнымъ наравнѣ съ выдержками изъ Священнаго Писанія приводить въ доказательство своей мысли соотвѣтствующія мѣста изъ Платона Аристотеля и другихъ языческихъ писателей.

Изъ сказаннаго видно, что взглядъ Пселла на языческую философію совпадаетъ со взглядомъ Климента Александрійскаго и Максима Исповѣдника; когда Ксифилинъ видѣлъ опасность въ занятіяхъ Платономъ, онъ смотрѣлъ на науку съ болѣе узкой точки зрѣнія, чѣмъ отцы церкви.

Чтобы понять какое значеніе могли имѣть для Пселла укоры Ксифилина необходимо опредѣлить, когда было написано приведенное письмо: до избранія Ксифилина въ патріархи или послѣ. Обыкновенно полагаютъ, что письмо писано въ патріаршествованіе Ксифилина и что патріархъ угрожалъ отлучить Пселла отъ церкви. „Когда Ксифилинъ былъ вызванъ съ Олимпа для занятія патріаршаго престола, пишетъ г. Скабалановичъ, Пселлъ написалъ ему дружественное письмо, въ которомъ, между прочимъ, съ обычнымъ увлеченіемъ отозвался о Платонѣ. Ксифилинъ отвѣтилъ рѣзко, называлъ Пселла отступившимъ отъ Бога, полюбившимъ Платона, Хризиппа и прилѣпившимся къ новой академіи,—поступки, которые могутъ повлечь къ извержению изъ христіанской плиромы. Пселлъ былъ устрашенъ угрозой и написалъ Ксифилину оправдательное письмо“ (Христіанское Чтеніе 1884 г. часть I, стр. 359). Совершенно то же самое говоритъ Дрезеке въ недавно появившейся статьѣ о богословскихъ воззрѣніяхъ Пселла: „Da schrieb Psellos einen freundschaftlichen Brief an ihn, in welchem er u. a. mit gewohnter Begeisterung für seinen Platon eintrat. Der

[1] Migne, patrol. t. 8 p. 709, 717, 721, 1079, 737. Ср. Nirschl, Lehrbuch der Patrologie und Patristik Bd. I, p. 216.

Patriarch, welchem Platon und seine Philosophie verhasst war, antwortete hierauf und gab Psellos drohend zu verstehen, dass die Bewunderer Platons allmählich aufhörten Glieder und Theilhaber der christlichen Vollkommenheit zu sein. Durch diese unerwartete Drohung beunruhigt, richtete Psellos an den auf den erzbischöflichen Stuhl erhobenen Freund jenes ihn selbst auf das höchste ehrende, vortreffliche Schreiben" (Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie 1889, Heft 3, p. 318). Оба изслѣдователя находятся въ зависимости отъ Саѳы, представившаго Пселла безо всякаго основанія великимъ борцомъ за Платона противъ антиплатоновскаго ученія церкви (Предисловіе къ V тому Bibliotheca Graeca, p. 42. Οἱ ἀτελῶς τὸν Ψελλὸν γνωρίσαντες... ἀγνοοῦσιν ὅμως καὶ τὰ ἐπεισόδια τοῦ μεγάλου ἀγῶνος, ὃν ὑπὲρ τοῦ Πλάτωνος ἀνέλαβε πρὸς τοὺς τότε ἀριστοτελίζοντας θεολόγους, τῶν ὁποίων αἱ ἀπειλαὶ ἦσαν τοσοῦτον μᾶλλον ἐπίφοβοι, ὅσον ἐπιδείκνυον εἰς τὸν ἑλληνίζοντα μοναχὸν ὅτι ὁ συμπαθῶν τῷ Πλάτωνι παύει ἀποτελῶν μέλος τοῦ χριστιανικοῦ πληρώματος... Ὡς ἐν τῇ πρὸς τὸν πατριάρχην Ἰωάννην Ξιφιλῖνον νῦν δημοσιευομένῃ ἐπιστολῇ, οὕτω καὶ ἐν ἄλλοις αὐτοῦ συγγράμμασι δείκνυται ὁ πλατωνικὸς φιλόσοφος, παλαίων πρὸς τὴν ἑλληνικὴν αὐτοῦ συνείδησιν καὶ τὰς ἀντιπλατωνικὰς τῆς ἐκκλησίας προλήψεις).

Саѳа и другіе изслѣдователи были введены въ заблужденіе заглавіемъ письма Пселла, значущимся въ парижскомъ кодексѣ такъ: τῷ μοναχῷ κῦρ Ἰωάννῃ καὶ γεγονότι ποτριάρχῃ τῷ Ξιφιλίνῳ. Но изъ содержанія письма видно, что оно писано тогда, когда Ксифилинъ не былъ еще патріархомъ. Прежде всего обращенія не тѣ, которыя употреблялись въ письмахъ къ патріархамъ. Когда Пселлъ пишетъ патріархамъ, онъ называетъ ихъ „владыко", „богочтимый, богоподобнѣйшій или великій владыко". Въ письмахъ къ Антіохійскому патріарху онъ пишетъ: θεοτίμητε δέσποτά μου (Ps. V, 275 и 461) и θεοειδέστατε δέσποτά μου (Ps. V, 292). Въ письмахъ къ Михаилу Кируллаpію: θεοτίμητε δέσποτα (Ps. V, 412) или σοὶ τῷ μεγάλῳ δεσπότῃ (Ps. V, 290). Въ письмѣ къ Лихуду: τῷ ἁγίῳ καὶ σεβασμίῳ δεσπότῃ μου (Ps. V, 299). Даже архіереевъ и митрополитовъ онъ величаетъ „честнѣйшій владыко"; напр. δέσποτά μου τιμιώτατε въ письмахъ къ митрополиту Евхаитскому (Ps. V, 314) и къ одному архіерею (Ps. V, 383). Между тѣмъ, назвавъ Ксифилина въ началѣ письма „священнѣйшимъ и мудрѣйшимъ", какъ онъ называлъ простыхъ смертныхъ, онъ дальше пишетъ нѣсколько разъ или просто „братъ" (ἀδελφέ) или „любезнѣйшій братъ" (φίλτατε ἀδελφέ) и ни разу не называетъ его владыкой. Уже этого одного обстоятельства было бы достаточно для доказательства, что

разбираемое письмо писано, когда Ксифилинъ не былъ еще патріархомъ. Это подтверждается намеками, имѣющимися въ письмѣ. Пселлъ называетъ себя городскимъ, а Ксифилина горнымъ жителемъ (Ps. V, 447—448. ἐγὼ μὲν ὁ ἀστικός... αὐτὸς δὲ ὁ ὀρειφόιτης), совѣтуетъ ему сойти съ горы въ долину (Ps. V, 446). Это намеки на то, что Ксифилинъ живетъ на горѣ; а мы знаемъ, что Ксифилинъ до избранія въ патріархи проживалъ на малоазіятскомъ Олимпѣ. Самое заглавіе не только не противорѣчитъ такому выводу, но даже подкрѣпляетъ его; очевидно оно написано не Пселломъ, потому что онъ не написалъ бы Ксифилину монаху, бывшему патріархомъ (и переставшему имъ быть); γεγονὼς имѣетъ значеніе „бывшій и переставшій имъ быть“, что въ данномъ случаѣ могло быть сказано только послѣ смерти Ксифилина. По всей вѣроятности на подлинномъ письмѣ стояло только τῷ μοναχῷ Ἰωάννῃ τῷ Ξιφιλίνῳ, а переписчикъ вставилъ отъ себя τῷ γεγονότι πατριάρχῃ. Слѣдовательно пререканіе между Пселломъ и Ксифилиномъ случилось тогда, когда послѣдній еще не былъ патріархомъ, а первый былъ уже монахомъ, т.-е. послѣ смерти Константина Мономаха [1].

Далѣе изъ разбираемаго письма не видно, чтобы Ксифилинъ считалъ поступки Пселла такими, что они могутъ повлечь къ изверженію изъ христіанской плиромы. Въ устахъ константинопольскаго патріарха подобная фраза была бы равносильна угрозѣ отлучить Пселла отъ церкви. Но угрозу эту придумалъ Саѳа, о ней ничего не говорится въ письмѣ Пселла и въ немъ нѣтъ самаго слова „плирома“. Изъ разобраннаго письма можно сдѣлать только то заключеніе, что Ксифилинъ не одобрялъ занятія Платономъ и позднѣйшими философами и говорилъ, что слѣдуя Платону Пселлъ уклоняется отъ истиннаго ученія Христа (Ps. IV, 451. εἰ καὶ μετὰ τοῦ Πλάτωνος ἡμᾶς ἠριθμηκας ἀποστήσας Χριστοῦ). Если принять во вниманіе, что говоритъ это не патріархъ, а монахъ, то дѣло сводится къ дружескому увѣщанію, къ совѣту, а не какъ не къ угрозѣ отлучить отъ церкви. Понятно, что Пселлъ написалъ письмо въ свою защиту, онъ не могъ не обращать вниманія на слова своего просвѣщеннаго друга и, какъ

[1] Не знаю, на какомъ основаніи г. Скабалановичъ пишетъ: „такимъ образомъ въ средѣ ученой корпораціи произошелъ философическій раздоръ, къ нему примѣшалось и соревнованіе преподавательское; одинъ дидаскалъ былъ приверженцемъ и защитникомъ Аристотеля (Ксифилинъ), другой—Платона (Пселлъ)“. См. Христіанск. Чтеніе 1884 г. часть I, стр. 459. О преподавательскомъ соревнованіи ничего не говорится въ извѣстныхъ мнѣ источникахъ.

мы видѣли, отвѣтилъ, что не настолько увлекается Платономъ, какъ думаетъ Ксифилинъ, и все-таки ставитъ Священное Писаніе выше языческой философіи.

Этотъ эпизодъ съ Ксифилиномъ ставится Саθсю (а также Дрезеке) въ связь съ исповѣданіемъ вѣры, написаннымъ Пселломъ въ царствованіе Константина Мономаха. Говорятъ, что на Пселла наклеветали, будто онъ уклоняется отъ православія, но императоръ удовольствовался тѣмъ, что заставилъ его написать исповѣданіе вѣры. Это основано на каталогѣ Бандини (библіотеки Laurentiana во Флоренціи), гдѣ имѣется слѣдующее заглавіе одного сочиненія Пселла: τοῦ σοφωτάτου καὶ ὑπερτίμου κυρίου Κωνσταντίνου τοῦ Ψελλοῦ ἔκθεσις πίστεως ἐκδοθεῖσα τῷ βασιλεῖ κυρίῳ Κωνσταντίνῳ τῷ Μονομάχῳ πρὸς ἔλεγχον τῶν διαβαλλόντων αὐτόν (Plut. LIX cod. 28, кодексъ XV вѣка). Прежде всего замѣтимъ, что заглавіе можетъ быть понято такъ: исповѣданіе вѣры, написанное для царя Константина Мономаха съ цѣлію изобличить клеветавшихъ на него (т.-е. на Мономаха). Такое пониманіе кажется будетъ правильнѣе. Наконецъ, Пселлово исповѣданіе вѣры есть не что иное, какъ первая глава его энциклопедическаго учебника (de omnifaria doctrina), написаннаго по большинству рукописей для Михаила Дуки (См. Migne, patrol. t. 122, p. 510 и 523).

Хотя Пселлъ занимался въ школѣ изученіемъ языческой философіи, онъ не давалъ никакого повода къ обвиненію въ ереси, тщательно обходилъ сомнительные пункты и настаивалъ на томъ, что положенія древней философіи могутъ быть принимаемы только тогда, когда они не противорѣчатъ православнымъ догматамъ. Въ лекціи о сущности онъ два раза останавливается на вопросѣ объ еллинской философіи и говоритъ, что не во всемъ она противорѣчитъ христіанству и потому можетъ подкрѣплять наши догматы. Какъ мы видѣли онъ указывалъ своимъ слушателямъ, что нельзя признавать несотворенность матеріи и метапсихозу душъ. Это были какъ разъ тѣ опасныя положенія платоновской философіи, на невѣрность которыхъ указывалъ Іоаннъ Дамаскинъ и за которыя впослѣдствіе былъ отлученъ отъ церкви ученикъ Пселла Іоаннъ Италъ [1].

---

[1] Ioanni Damasceni de Haeresibus: μεταγγισμὸν δὲ ὡσαύτως ψυχῶν εἰς σώματα ἄχρι κνωδάλων (Migne patr. t. 94, p. 684). 3-й пунктъ анаѳематствованія Итала гласитъ: τοῖς τὴν μωρὰν τῶν ἔξωθεν φιλοσόφων λεγομένην σοφίαν προτιμῶσι καὶ τοῖς καθηγηταῖς αὐτῶν ἑπομένοις καὶ τάς τε μετεμψυχώ-

Пселла обыкновенно называютъ возстановителемъ платонизма, говорятъ, что онъ проповѣдовалъ съ каѳедры преимущества Платона предъ Аристотелемъ, Платона ставилъ на одномъ уровнѣ съ Григоріемъ Богословомъ, на Аристотеля смотрѣлъ, какъ на философа туманнаго, чуждаго фантазіи, не дающаго пищи высшимъ порывамъ души [1]. Это справедливо только отчасти. Изъ сочиненій Пселла видно, что онъ былъ знакомъ съ Платономъ, несомнѣнно читалъ его Федона, Федра, Критона и Тимея; въ мемуарахъ, рѣчахъ и письмахъ онъ нерѣдко примѣняетъ по тому или другому случаю платоновскія теоріи. Правда, что онъ назвалъ разъ платоновскую философію всей философіей (τὸ μὴ ἔχειν ὁμιλεῖν βιβλίῳ Πλατονικῷ, λέγω δὲ οὕτω φιλοσοφίαν ξύμπασαν), но въ рѣчи къ ученикамъ онъ ставитъ Ерма Трисмегиста выше Платона. Неодобреніе Аристотеля онъ выразилъ только въ одной фразѣ, извлеченной Саѳою изъ неизданнаго сочиненія [2]. Но въ то же время

σεις τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν ἢ καὶ ὁμοίως τοῖς ἀλόγοις ζώοις ταύτας ἀπόλλυσθαι καὶ εἰς τὸ μηδὲν χωρεῖν δεχομένοις καὶ διὰ τούτων ἀνάστασιν καὶ κρίσιν καὶ τὴν τελευταίαν τῶν βεβιωμένων ἀνταπόδοσιν ἀθετοῦσιν ἀνάθεμα. Тѣмъ, которые предпочитаютъ тщетную мудрость внѣшнихъ (т.-е. языческихъ) философовъ и слѣдуютъ за ихъ учителями, которые вѣрятъ въ переселеніе душъ человѣческихъ или принимаютъ, что онѣ погибаютъ и обращаются въ ничто, подобно безсловеснымъ животнымъ, и которые отвергаютъ посему воскресеніе и судъ и послѣднее воздаяніе за дѣла, совершенныя въ жизни, анаѳема. Четвертый пунктъ, того же анаѳематствованія: τοῖς τὴν ὕλην ἄναρχον καὶ τὰς ἰδέας ἢ συνάναρχον τῷ δημιουργῷ πάντων καὶ θεῷ δυγματίζουσι... ἀνάθεμα. Принимающимъ вещество безначальное и идеи, или собезначальное Творцу всяческихъ Богу... анаѳема. Успенскій, Образованіе втораго болгарскаго царства, приложенія, стр. 2.

[1] Πρὸς δὲ τούτοις τολμᾷ ν' ἀνεγείρῃ ἐκ τοῦ τάφου αὐτὴν τὴν πλατωνικὴν φιλοσοφίαν (Sathas, Bibliotheca Graeca v. IV p. LI). Скабалановичъ, Византійскія школы въ Христ. Чтеніи 1884 г., часть I, стр. 358. „Von besonderer Wichtigkeit erscheint mir die in erster Linie von Psellos herbeigeführte begeisterte Erneuerung des Platonismus“ (Dräseke, zu Michael Psellos въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie 1889, Heft 3, p. 309).

[2] Ἀριστοτέλης ἀνθρωπικώτερον τὰ πολλὰ τῶν θεολογικῶν δογμάτων ἥπτετο, καὶ ἵνα ταληθὲς ἐρῶ περὶ τοῦ ἀνδρὸς, πολὺ τοῦ Πρωτέως ἐμοὶ πέφυκε ποικιλώτερος. μεταβάλλεται γὰρ θᾶττον ἢ λόγος, καὶ ὁ νῦν ὡς πῦρ ἐξημμένος, ὡς θάλασσα χεῖται, καὶ οὔτε θεολογοῦντος γνοίης ὃ φησιν, οὔτε φυσιολογοῦντος ὅτι βούλεται (Ps. IV, p. LI—LII). Изъ одной фразы невозможно дѣлать

Пселлъ былъ совершенно правъ, когда писалъ Ксифилину, что занимается не только Платономъ, но и Аристотелемъ. Дѣйствительно, онъ написалъ коментарій къ категоріямъ Аристотеля и другой къ его книгѣ объ истолкованіи [1]. Когда другарій виглы Константинъ Ксифилинъ обратился къ Пселлу съ просьбой, чтобы онъ истолковалъ Аристотелевскій органонъ, онъ отказался отъ этой работы не потому, чтобы не стоило трудиться надъ Аристотелемъ, а потому что онъ находилъ эту задачу очень трудной. Онъ сравнивалъ ее съ подвигами, которые Еврисѳей заставилъ совершить Геркулеса, и говорилъ, что легче было очистить Авгіевы конюшни отъ навоза, чѣмъ передѣлать священный запахъ философскаго мира (τὴν τοῦ φιλοσοφίας μύρου ἱερὰν ὀσμήν). Онъ соглашался помочь Ксифилину, если тотъ возьмется за эту трудную задачу (Ps. V, 499—502).

Изъ двухъ лекцій Пселла не видно, чтобы онъ въ школѣ преимущественно занимался Платономъ. Напротивъ, въ первой лекціи (о родахъ философскихъ ученій) одинаковое мѣсто отведено Платону и Аристотелю. Вторая же лекція посвящена одной изъ Аристотелевскихъ категорій и, хотя Пселлъ черпаетъ доказательства преимущественно изъ новоплатониковъ, видно, что онъ считалъ нужнымъ заниматься съ учениками и Аристотелемъ.

Мы слишкомъ мало знаемъ византійскую науку, чтобы утверждать, будто въ XI вѣкѣ Платонъ былъ совершенно забытъ и былъ такъ сказать воскрешенъ Пселломъ. Правда, что въ Византіи были такіе видные ученые, какъ патріархъ Фотій, которые не долюбливали Платона и отдавали преимущество Аристотелю. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы не существовало противоположнаго теченія. Платономъ занимались непрерывно во все существованіе византійской имперіи, его сочиненія постоянно переписывались, въ чемъ легко убѣдиться изъ каталоговъ греческихъ рукописей. Еслибы это было иначе, откуда же досталъ бы Пселлъ діалоги знаменитаго философа? Кто-нибудь обратилъ же его вниманіе на Платона, иначе ему никогда не пришло бы въ голову читать всѣми забытаго Тимея или Федона. Г. Скабалановичъ справедливо указываетъ на то, что учитель Пселла

общаго вывода; надо знать прежде всего, что хотѣлъ доказать Пселлъ въ этомъ неизданномъ сочиненіи. Смотря по преслѣдуемой имъ цѣли онъ могъ отозваться объ Аристотелѣ и хорошо и дурно.

[1] Эти коментаріи не изданы, а коментарій Пселла на Аристотелевскую книгу „объ истолкованіи“, напечатанный Альдомъ вмѣстѣ съ Аммоніемъ, я считаю не принадлежащимъ Пселлу.

Іоаннъ Мавроподъ былъ приверженцемъ Платона, котораго называлъ и по ученію, и по дѣламъ близкимъ къ законамъ Христа (Христіанск. Чтеніе 1884 г. ч. I, стр. 349). Слѣдовательно Пселлъ даже въ XI в. не былъ первымъ поклонникомъ Платона.

„Живи Пселлъ во время Плотина, говоритъ Саѳа, основатель новоплатоновской философіи, встрѣтилъ бы въ немъ неумолимаго противника. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ христіанство такъ отвернулось отъ Платона, которому оно обязано существеннымъ содержаніемъ своихъ догматовъ. Поэтому Пселлъ является суровымъ судьею надъ новоплатонизмомъ, на который опирались первые еретики“ (Sathas, Bibl. Gr. V, стр. 40 предисловія). Эти слова повторяетъ, какъ нѣчто дѣльное Дрезеке въ вышеупомянутой статьѣ, написанной вообще безъ достаточной критики. Но трудно было высказать, что-нибудь болѣе невѣрное о философіи Пселла. Онъ былъ не противникомъ Плотина, а послѣдователемъ новоплатониковъ. Свои комментаріи на Тимея онъ списалъ буквально съ новоплатоника Прокла, котораго зналъ лучше Платона и называлъ божественнѣйшимъ.

Вотъ все, что можно сказать о содержаніи лекцій Пселла на основаніи имѣющагося у насъ матеріала. Изъ рѣчей къ ученикамъ, напечатанныхъ Буассонадомъ, узнаемъ кое-что объ его отношеніяхъ къ учащейся молодежи. Привожу эти рѣчи въ переводѣ.

Рѣчь къ ученикамъ, не пришедшимъ въ школу по случаю дождя.

Развѣ вы ѣдите только лѣтомъ, а зимой воздерживаетесь отъ пищи? А для души наука служитъ пищею, отъ которой не слѣдуетъ воздерживаться или пользоваться ею, смотря по атмосферическимъ измѣненіямъ. Если вы желаете ставить ученіе въ зависимость отъ внѣшнихъ причинъ, вы никогда не достигнете мудрости, ибо всякое состояніе погоды имѣетъ въ себѣ что-нибудь дурное. Холодъ сгущаетъ тѣла, тепло ихъ разслабляетъ и отнимаетъ силу, сухость порождаетъ изнуреніе, сырость вызываетъ мокроту въ излишнемъ количествѣ; проистекающія отсюда состоянія видоизмѣняютъ насъ. Пугаютъ громы, страшатъ молніи, а еще больше землетрясенія; видя побочныя солнца или радуги, мы считаемъ, что видимъ поразительныя творенія. Если вы изъ-за дождя отказываетесь заниматься наукою, вы можетъ быть будете уклоняться отъ ученія и изъ-за молніи или падающихъ звѣздъ или изъ-за какихъ-нибудь другихъ значительныхъ или ничтожныхъ физическихъ явленій. Не бываетъ времени, когда бы во вселенной не

происходило подобныхъ явленій. Изъ всего этого окажется, что вы не будете знать никакой философіи.

Но не такъ поступаютъ земледѣльцы или сражающіеся за отечество и ремесленники. Пробующій золото (χρυσογνώμων) вынужденъ во всякую погоду тереть золото о пробирный камень, и точно также во всякое время золотыхъ дѣлъ мастеръ очищаетъ огнемъ вещество и отдѣляетъ его отъ постороннихъ примѣсей; вообще всякій ремесленникъ работаетъ надъ своимъ матеріаломъ, не сообразуясь съ погодой, исключая тѣхъ случаевъ, когда сообразоваться съ погодой есть дѣло его ремесла, какъ напр. дѣлаетъ земледѣлецъ. Ибо въ такое-то время онъ сѣетъ, въ такое то сажаетъ отростки, теперь рубитъ лѣсъ, въ другой разъ подрѣзаетъ деревья.

Но не изъ соревнованія съ земледѣльцемъ вы манкируете, а потому что легкомысленно относитесь къ высшему знанію, поэтому вы пользуетесь всякимъ предлогомъ, чтобы лишить себя этого знанія. Вы настолько же интересуетесь наукою, какъ какимъ-нибудь происшествіемъ на площади.

Прежніе философы не довольствовались школами въ своемъ отечествѣ. Они отправлялись изъ Азіи въ Европу, Европейцы же переѣзжали на другой материкъ, поступая какъ мореплаватели, одинъ товаръ привозящіе съ собой къ тѣмъ, къ кому пріѣзжаютъ, другой нагружающіе на свой корабль и съ собою увозящіе; ихъ не удерживали ни волны морскія, ни буйные вѣтры, ни высокія горы, ни труднодоступныя вершины холмовъ; но всюду неслись они какъ вѣтеръ, не встрѣчая препятствій. Такъ какъ различные виды музыки (разумѣй: наукъ) распредѣлены по разнымъ частямъ вселенной, они въ одномъ мѣстѣ посвящались въ таинства риторики, въ другомъ учились геометріи; желая научиться философіи отправлялись въ Египетъ, собираясь заняться астрономіей доискивались земли Халдейской; чужая земля представлялась цѣннѣе своего отечества, своимъ и чужимъ они считали силу науки или ея безсиліе. Они уходили изъ отечества не только ради науки, но также, чтобы увидѣть таинственныя явленія природы въ Сициліи или Египтѣ, въ Сициліи, гдѣ огонь поднимается къ верху изъ подъ земли, въ Египтѣ, гдѣ Нилъ выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ всю страну. Они меньше интересовались обыкновенными зрѣлищами и науками, больше стремились къ необыкновенному и таинственному; поэтому лучшіе изъ нихъ не заботясь о доказательствахъ всячески старались сдѣлаться самовидцами подлинныхъ явленій.

Тѣ, исходя изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, старались достичь пупа земли, вамъ же самый центръ Византіи представляется такимъ воздушнымъ пространствомъ, куда невозможно подняться. Поэтому вамъ мѣшаетъ холодъ, набѣжавшая туча и слишкомъ горячій лучъ солнца. Почему же вы не выставляете предлогомъ вашего манкированія камней, которые у васъ подъ ногами, пріѣзжающіе верхомъ пѣшеходовъ, а пѣшеходы верховыхъ? вѣдь вы мѣшаете другъ другу, неудобно идти вмѣстѣ съ конными и ѣхать верхомъ среди пѣшеходовъ. Удивляюсь, какъ это летающіе надъ вашими головами воробьи не мѣшаютъ вамъ и не отвлекаютъ васъ отъ ученья, особенно же кузнечики, въ полдень оглашающіе воздухъ и плѣняющіе всякое ухо.

И какого дождя вы испугались? Когда начало лѣта, блескъ свѣтила уничтожаетъ унылую атмосферу, нигдѣ нѣтъ скопленія облаковъ, въ тотъ же часъ облачное небо становится безоблачнымъ, и намъ особенно пріятенъ дождь послѣ долгаго бездождія. Еслибы вы стояли вооруженные, развѣ перемѣна погоды сняла бы съ васъ вооруженіе? „Но это менѣе опасно, скажетъ кто-нибудь, ибо тутъ нѣтъ войны“. Войны конечно нѣтъ, о другъ, но за то совершенствованіе и возвышеніе души и приведеніе ея къ высшему благу. Я полагалъ бы, что вамъ слѣдовало бы приходить къ намъ даже проходя чрезъ огонь, но отъ меня не ускользаетъ, что вы мало заботитесь о моихъ лекціяхъ. А причиною этому то, что я готовъ отвѣчать на всякіе ваши вопросы, открылъ вамъ ворота всякаго искусства, всякой науки,—доступность ученія для васъ достаточна, чтобы его презирать. Если же я запру двери приходящимъ, или не стану отвѣчать на вопросы, тогда наука сдѣлается для васъ желанной. Но я никакъ не стану подражать вашему образу мыслей и не буду сообразоваться съ вашимъ рвеніемъ и нерадѣніемъ, потокъ моей рѣчи будетъ течь все одинаково и въ изобиліи; тѣ же изъ васъ, которые не черпаютъ теперь, будутъ вѣчно жаждать, потому что можетъ быть будетъ недостатокъ въ водѣ. (Boiss. p. 135—139).

Къ ученикамъ, рѣдко приходящимъ въ школу.

Вы, занимающіеся философіей, и вы, направляющіе свой языкъ на путь риторики, не дѣлаете ничего новаго, но слѣдуете обычаямъ, издавна у васъ установившимся; когда же слѣдуя этимъ обычаямъ вы окажетесь такими, какими они обыкновенно дѣлали людей? А я глупый, думалъ внести къ вамъ кое-что новое и измѣнить кое-что изъ установившагося обычая, отчасти реченіями плѣняющими слушателей,

отчасти разсужденіями возвышающими вашъ умъ и приводящими его къ божественной красотѣ. Но оказывается, что вы не желаете и не любите ни того, ни другаго; риторику и философію вы считаете, какъ бы ворованною вещью, подобающей другимъ, и которую вы хотите себѣ присвоить, почему васъ можно было бы обвинить въ святотатствѣ за то, что вы какъ воры унесли безо всякаго стыда достояніе божественныхъ мужей. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вы поступаете хуже святотатцевъ, потому что тѣ тайно пользуются похищенными вещами, вы же безстыднымъ образомъ дѣлаете это явно. Хотя вы и таковы, я пекся о васъ и ласкалъ васъ, то называя васъ дѣтьми, то братьями, то какимъ-нибудь другимъ именемъ, выражающимъ родство, думая что ласкою такихъ словъ вызову въ васъ взаимность. Но я и раньше замѣчалъ, что ваши образы изображены другими красками чѣмъ мой; однако я дѣлалъ видъ, что не знаю этого, чтобы не быть вынужденнымъ сказать, что не умѣю сдѣлать васъ лучше. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Я все таки буду оставаться все тѣмъ же, отъ кого вамъ не будетъ никакой пользы, и сохраняя свой характеръ буду исправлять разнообразныя обязанности учителя, который разными способами старается вернуть учениковъ на правый путь.

Васъ не прельщаетъ нѣжная гармонія и вы оказываетесь безразсуднѣе дельфина въ извѣстномъ разсказѣ; ибо онъ Аріона Миѳимнскаго, пѣвшаго какую-то сладкую пѣснь, посадилъ къ себѣ на спину и привезъ къ гавани чрезъ большое море. Вы же меня (нужно ли говорить каковъ я? я краснѣю отъ такого сравненія) не принимаете, когда я хочу сѣсть на васъ и далеко до того, чтобы вы провели меня по волнующемуся морю и привели къ пристани. Такъ какъ вы такіе непрямые и кривые, не дѣлаете свои души прямыми какъ отвѣсъ, не направляете своего слова къ высшему слову, почему и мнѣ тоже не уклониться въ сторону? Ибо я не лучше перваго и несмѣшаннаго естества, уклоняющагося отъ уклоняющихся въ сторону и вновь выпрямляющагося для выпрямляющихся.

О скверныя дѣти, и ложно называющіеся философами, даже не умѣющіе замаскироваться философами, до какихъ же поръ я буду выносить васъ, до какихъ поръ буду съ вами? до какихъ поръ я не буду приносить вмѣсто рѣчи плетку, вмѣсто ласки удары, вмѣсто кротости грубость? Ибо если васъ нельзя обуздать словами, не слѣдовало ли бы и мнѣ стянуть нѣсколько узду? Такъ какъ вы точно тугоуздые кони при каждомъ прикосновеніи узды оттягиваете руку и не хотите слушаться ни тогда, когда васъ кротко и ласково гладятъ, ни когда укрощаютъ, причиняя вамъ боль, почему мнѣ не сказать о васъ словъ

отчаянія, что никогда вы не будете имѣть тріумфа побѣдителя, во время войны не направите своихъ ушей къ призывной трубѣ и, если бы кто захотѣлъ воспользоваться вами въ качествѣ бѣгуна, вы не въ состояніи будете исполнить этой службы. До такой степени вы лѣнивы, нерадивы и готовы ничего не дѣлать, только бы вамъ не обременять колѣнъ толстыми книгами.

Или вы можетъ быть думаете, что обманываете меня своимъ не долго продолжающимся притворствомъ и неумѣстными вопросами, которыми не во время забрасываете меня, какъ будто вы въ самомъ дѣлѣ обдумываете вопросы и готовитесь къ нимъ. Я отлично знаю вашъ характеръ, вашу лѣнь учиться, ваше большое нераденіе; только при входѣ въ гимназію появляется у васъ изступленіе относительно вопросовъ, а какъ только вы уйдете изъ школы, вамъ уже нѣтъ никакого дѣла до науки. Нѣкоторые изъ васъ плачутся, что жизнь ихъ неудачна, и больше говорятъ объ этомъ, чѣмъ объ наукахъ. Одни изъ васъ занимаются театромъ или находятся въ обществѣ занимающихся театромъ, другіе изъ васъ отдаются сценѣ; одни восхищаются людьми, выдающимися своимъ богатствомъ, другіе страстно желаютъ и стремятся имѣть на рукахъ кольца. А долгъ по отношенію къ наукамъ вы отдаете такъ, какъ будто бы это былъ необходимый долгъ, который требуютъ съ должника даже противъ его желанія уплатить. Когда вамъ нужно идти въ какое-нибудь другое мѣсто, съ какою быстротою двигаются ваши ноги, какъ вы тогда толкаете другъ друга, чтобы поскорѣе поспѣть, и часто повторяете „медленно появляется солнце изъ подъ земли и да не застанетъ насъ разсвѣтъ въ постели“. Вы стыдитесь тогда восхода солнца, какъ Скиѳы, что не успѣли еще принести жертвы, когда же вы собираетесь идти въ храмъ музъ (εἰς τὰ μουσεῖα), вы точно только что съѣли голову полипа (считавшагося неудобоваримымъ), такъ вы отягчены и мыслительная способность у васъ омрачена; вѣки лежатъ на глазахъ точно они сдѣланы изъ свинца, такъ что ихъ можно открыть только съ большимъ усиліемъ. Солнце поднялось надъ горизонтомъ всего на 16 стадій, вы же какъ будто васъ клонитъ ко сну, приникли головою къ ложу; я же быстро иду къ вамъ, какъ къ людямъ, пробудившимся для борьбы и ее ожидающимъ.

Думаете ли вы, что я при такихъ обстоятельствахъ буду сообщать вамъ что-нибудь полезное или кротко относиться къ вамъ. Вѣдь это (т.-е. преподаваніе науки) нѣчто другое, чѣмъ плавать по морю, когда я долженъ радѣть о васъ, не смотря на ваше нерадѣніе, и выносить ваше малодушіе. Поэтому я настрою свой языкъ на иной ладъ

и бросивъ нѣжную гармонію выберу сильный тонъ, въ надеждѣ, что вы отъ этого направите свои души на прямую дорогу. Ибо это единственный остающійся способъ воспитанія, такъ какъ я отказался отъ остальныхъ. Если же вы и при такомъ способѣ не измѣнитесь, окажется, что я напрасно съ вами говорилъ, напрасно вспахивалъ васъ и засѣвалъ сѣменами, такъ какъ не дадите вы колоса, а произведете только большое горе". (Boiss. p. 140—144).

Къ манкирующимъ ученикамъ [1].

Моя рѣчь обращена къ вамъ манкирующимъ, которыхъ не знаю, какъ бы тронуть своимъ словомъ; ибо какъ же мнѣ не почтить словомъ тѣхъ, кого я родилъ съ умственными родовыми муками? Но такъ какъ и родители по естеству не переносятъ оскорбленій отъ дѣтей и Создатель нашъ не допускаетъ, чтобы сошедшіе съ прямаго пути неслись въ бездну, но стягивая узду воспитанія не повинующагося направляетъ на прямую дорогу (V. πρὸς τὴν ὀρθὴν οἶμον ἀπευθύνει τὸν ἀφηνιάζοντα, Bois. πρὸς τὴν ὀρθὴν οἶμαι ἀπευθύνει), я, имѣя передъ собою такіе примѣры, буду поступать точно такъ же. Какая же причина вашего рѣдкаго посѣщенія школы, говорю рѣдкаго, чтобы не сказать къ своему огорченію, вашего полнаго отсутствія? Еслибы гимназія не улучшала вашей мыслительной способности или еслибы я не прельщалъ душу своими разнообразными уроками, ваше неаккуратное посѣщеніе имѣло бы основаніе. Но такъ какъ преподаваемыя мною науки таковы, что одна изъ нихъ поднимаетъ душу къ небу, другая же изощряетъ языкъ въ риторическомъ искусствѣ, и такъ какъ я удачно излагаю обѣ науки, какъ вы сами часто говорили обо мнѣ, васъ будутъ обвинять за вашъ глубокій сонъ. Имѣя возможность напиваться ежедневно нектаромъ и оставаться при этомъ трезвыми и бодрыми, вы напиваетесь изъ мутнаго источника такъ сильно, что даже не знаете, когда нужно идти въ школу. Или думаете вы, я настолько безуменъ, что за ваше нерадѣніе буду отплачивать старательнымъ обученіемъ, съ идущими вкось также не пойду вкось, въ то время, какъ вы не подвигаетесь къ прекрасному, я перестану двигаться вкось? Ради чего я отправляюсь въ гимназію очень рано утромъ,

---

[1] Ватиканскій списокъ 672 (fol. 166—167) исправнѣе парижскаго, по которому эта рѣчь напечатана Буассонадомъ. Въ ватиканскомъ кодексѣ рѣчь озаглавлена: πρὸς τοὺς μαθητὰς ἀπολειφθέντας τῆς ἑρμηνείας τοῦ περὶ ἑρμηνείας. Въ скобкахъ привожу нѣкоторыя разночтенія изъ этого кодекса.

задолго приготовившись къ этому умственному состязанію? Развѣ я прихожу къ вамъ за какимъ-нибудь товаромъ? За какимъ же это? Вѣдь это не золото, но то что обыкновенно даетъ душа. Я не нуждаюсь въ томъ, чтобы мысленно рождать васъ, мнѣ достаточны для научнаго рожденія роды Платона и Аристотеля, которыми я рождаюсь и образуюсь [1].

Вы видите какъ моя рѣчь со всѣхъ сторонъ доказала ваше неразуміе, и ваша мѣшкотность не имѣетъ основанія.

Но васъ можетъ ввести въ заблужденіе евангельская притча, что пришедшіе предъ послѣднимъ часомъ получили ту же плату, какъ работавшіе съ перваго часа. Однако тамъ, о други (объясню вамъ сокрытый смыслъ притчи) различныя времена увѣровавшихъ уподоблены одному дню, какъ это принято въ Писаніи, и тотъ же самый трудъ понесъ пришедшій въ одинадцатый часъ, какъ и пришедшій раньше всѣхъ [2]. Тутъ пришедшіе въ пятый и двѣнадцатый часъ приняли самую малую часть трудоваго дня и работа, которую слѣдовало совершить въ теченіе цѣлаго дня, была уменьшена имъ сообразно съ тѣмъ, что могъ сдѣлать пришедшій въ двѣнадцатый часъ. Но я не такой мздовоздатель, который имѣлъ бы такое большое богатство рѣчи, что его хватило бы поровну на всѣхъ (V. ὡς τὸν αὐτὸν ἐπίσης ἐξαρκεῖν ἅπασιν) [3]. Я этимъ оказалъ бы несправедливость по отношенію къ тѣмъ, которые приходятъ въ гимназію съ большимъ рвеніемъ, а не съ нерадѣніемъ, какъ вы.

Слѣдовало бы мнѣ теперь внести раздѣленіе и отдѣлить козлищъ отъ овецъ, однихъ ввести туда, гдѣ имъ пріятно, другихъ отослать; но такъ какъ божественна преподаваемая вамъ наука, слѣдуетъ всѣмъ уподобляться божественному. Какой же примѣръ дается тамъ? Богъ

---

[1] Boiss. ἵνα τί; παρ' ὑμῶν αὐτὸς ἐπιδεής εἰμι λογικῆς; ἀρκεῖ γὰρ μοι εἰς γνωστικὴν ἀποκύησιν ἡ τοῦ Πλάτωνος καὶ Ἀριστοτέλους ὠδίς. Vat. ἵνα τί παρ' ὑμῶν ἀπέλθω ἐμπορευσάμενος, ποῖον τοῦτο; εἰ μὲν χρυσὸν εἴποι τις—ἀλλ' ὑμεῖς μοι τούτῳ τῷ μέρει καί μάρτυρες καὶ καυχήσεως στέφανος—ἀλλ' ὃ ψυχὴ διδόναι εἴωθεν, ἀλλ' οὐ τῆς ὑμῶν αὐτὸς ἐπιδεής εἰμι γεννήσεως λογικῆς, ἀρκεῖ γὰρ.

[2] Текстъ Буассонада не даетъ смысла: οἱ διάφοροι τῶν πιστευσάντων καιροὶ μιᾷ ἡμέρᾳ ἀφωμοιώθησαν, κατὰ τὴν συνήθειαν τῆς γραφῆς καὶ τὸν αὐτὸν πόνον. Ἢ πόθεν εἰσήνεγκε καὶ ὁ ἑνδεκαταῖος ὢν καὶ ὁ πρωϊαίτατα συνεληλυθώς; Vat. οἱ διάφοροι τῶν πιστευσάντων καιροὶ μιᾷ ἡμέρᾳ ἀφωμοιώθησαν, κατὰ τὴν συνήθειαν τῆς γραφῆς, καὶ τὸν αὐτὸν πόνον εἰσήνεγκε καὶ ὁ ἑνδεκαταῖος, ὢν καὶ ὁ πρωϊαίτατα συνεληλυθώς.

[3] Boiss. ὡς τὸν αὐτὸν ἐπίσης ἐξ ἀρχῆς ἅπασιν.

не тотчасъ натягиваетъ лукъ и пускаетъ стрѣлу, не тотчасъ обнажаетъ мечъ и ударяетъ (V. παίει, Boiss. τέμνει), не тотчасъ возжигаетъ угли и сожигаетъ; но онъ удерживаетъ приготовленную стрѣлу, готовитъ, но не паноситъ удара, возжигаетъ угли, но ставитъ ихъ вдали отъ тѣхъ, кого хочетъ сжечь (Vat. οὐκ ἐπιφέρει δὲ τὴν πληγὴν καὶ τοὺς ἄνθρακας ἀνάπτει μὲν, πορρώτατα δέ τῶν καιομένων τίθησιν). Когда же взыскиваемые не обуздываются даже угрозами, тогда пускается стрѣла, сѣкира срубаетъ дерево съ корнемъ и угли, до тѣхъ поръ только собиравшіеся загорѣться, становятся пещею вавилонскою.

Пусть будетъ вамъ моя рѣчь приготовленнымъ лукомъ, обнаженнымъ мечемъ, возженнымъ огнемъ; мы пустимъ стрѣлу, поразимъ васъ мечемъ, сожжемъ, когда вы надменно отнесетесь и къ натянутому луку и къ обнаженному мечу и къ приготовленному огню (V. καὶ πρὸς τὴν βολὴν καὶ πρὸς τὴν ἀνάτασιν καὶ πρὸς τὴν ἅξαψιν).

Къ нерадивымъ ученикамъ.

Платонъ, Пиѳагоръ, Аристотель и Ѳеофрастъ, стоявшіе во главѣ философіи, гнѣвались на относившихся нерадиво къ наукамъ, и не открывали имъ въ изобиліи источникъ науки, но предлагая ученикамъ нѣкоторыя начала и сѣмена, затѣмъ требовали, чтобы имъ возвращено было въ нѣсколько разъ больше того, что они отдали, и большинство слушателей, получивъ незначительное ученіе, превосходили учителей. Вы же не отдаете мнѣ даже самой малой части того, что я вамъ даю.

Я пренебрегаю всѣмъ остальнымъ, забочусь только о васъ и занимаюсь только вами. Поэтому просидѣвъ до поздней ночи, я вновь по своему обыкновенію занимаюсь книгами какъ только взойдетъ солнце, не для того, чтобы самому научиться чему-нибудь, но чтобы собрать нужныя вамъ свѣдѣнія. Къ чему мнѣ мнѳы или звуки? Но ради васъ снисхожу я къ этому, и гармонически соединяя эти низменные предметы съ болѣе высокими, приношу вамъ философскій напитокъ. Вы же какъ будто тоже провели безсонную ночь въ занятіяхъ и подпирая щеку рукою, подталкиваете другъ друга задавать мнѣ вопросы и одинъ изъ васъ говоритъ, что ему случайно взбредетъ на умъ, другой же похожъ на размышляющаго объ изображеніяхъ Анаксагора.

Платонъ, представляя рѣчь Сократа о душѣ, сказанную въ темницѣ, перечисляетъ пришедшихъ, Критона и Аполлодора, Евклида изъ Мегары и Кевиса. Они вели рѣчь о безсмертіи души. Симмій и

аѳинянинъ Кевисъ задавали вопросы не случайно и внезапно, какъ вы, но съ давнихъ поръ къ нимъ приготовившись. Боюсь, о Сократъ, сказалъ первый, не есть ли душа—гармонія тѣла, и затѣмъ когда разрушено тѣло, не исчезаетъ ли гармонія, какъ это происходитъ съ лирой и струнами. Послѣ того какъ Сократъ сказалъ кое-что другое, а также то, что гармонія является позже лиры, душа же по ихъ признанію была раньше тѣла, второй (Кевисъ) возразилъ: боюсь, Сократъ, что душа перемѣнивъ много тѣлъ, какъ ткачъ, сдѣлавшій много хитоновъ, погибаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ тѣломъ [1]. Тутъ философъ представилъ большое изслѣдованіе о природѣ и затѣмъ, направляясь къ изслѣдуемому предмету, отлично разрѣшилъ неудомѣніе учениковъ. Вы же поступаете совсѣмъ не такъ и нисколько не интересуетесь наукой. Къ чему мнѣ знать причины землетрясенія? говоритъ одинъ. Какой толкъ оттого, что я узнаю, почему морская вода соленая, говоритъ другой, и какую я могу извлечь изъ этого практическую пользу? [2] (Boiss. p. 148—150).

Изъ приведенныхъ рѣчей Пселла видно, что у него были лѣнивые ученики, не интересовавшіеся наукой и пользовавшіеся всякимъ предлогомъ не ходить въ школу. Пселлъ убѣждалъ ихъ исправиться и даже грозилъ, что приметъ болѣе суровыя мѣры, но какія именно онъ не говоритъ, такъ что остается неизвѣстнымъ, могъ ли онъ подвергать учениковъ какимъ-нибудь дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Изъ одной рѣчи, напечатанной Буассонадомъ, узнаемъ, что ученики бранились между собою, писали другъ на друга памфлеты и позволяли себѣ не только разныя насмѣшки, но даже обвиненія въ ереси. Пселлъ проситъ ихъ не ссориться, но дружно заниматься наукою, совѣтуетъ не обижаться на шутки и уговариваетъ никоимъ образомъ не позволять себѣ намековъ на отступленіе отъ православія, такъ какъ они всѣ исповѣдуютъ туже вѣру (Εἰς δύο τινας τῶν μαθητῶν αὐτοῦ λογογραφήσαντας πρὸς ἀλλήλους Boiss. p. 131—135) [3].

---

[1] Пселлъ не точно передаетъ слова Симмія и Кевиса изъ діалога „Федонъ“. Phaedon 85 E—86 B.

[2] Конецъ этой рѣчи приведенъ мною выше.

[3] Во Флорентійскомъ сборникѣ сочиненія Пселла заглавіе этой рѣчи: τοῦ αὐτοῦ Ψελλοῦ λόγος εἰς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ γράφοντας κατ' ἀλλήλων ἄτακτα καὶ ἀσύντακτα καὶ παιδιώδη. Изъ содержанія этой рѣчи не видно, чтобы она была обращена только къ двумъ ученикамъ.

Если у Пселла были лѣнивые ученики, то были и прилежные. Мы знаемъ, что одинъ изъ его учениковъ представилъ ему однажны ученое сочиненіе. Хотя Пселлъ раскритиковалъ это сочиненіе, тѣмъ не менѣе написалъ автору, что считаетъ его своимъ лучшимъ ученикомъ (Ps. V, 255).

Самымъ даровитымъ ученикомъ Пселла былъ извѣстный Іоаннъ Италъ, занявшій въ послѣдствіе мѣсто учителя. Онъ находилъ, что Пселлъ двигается впередъ слишкомъ медленно и просилъ его приступить поскорѣе къ математическимъ наукамъ. На это Пселлъ возразилъ Италу, что рвеніе его конечно похвально, но его нужно выказывать не только на словахъ—говорить легко—но на дѣлѣ. Далѣе Пселлъ указываетъ на то, что математика (ариѳметика, геометрія, музыка) трудная наука и раньше чѣмъ приступить къ ней надо имѣть извѣстныя предварительныя свѣдѣнія. Математическая наука представляетъ лѣстницу, по ступенямъ которой восходятъ къ познанію невещественныхъ сущностей. Когда поднимаешься по лѣстницѣ на какую-нибудь вершину, нужно послѣдовательно переходить со ступени на ступень, иначе ноги перепутаются, можно упасть и никогда не достигнешь цѣли. Точно также въ ученіи нужна извѣстная постепенность, не надо торопиться, но послѣдовательно переходить отъ одного предмета къ другому (Εἰς τὸν Λογγίβαρδον Ἰωάννην καταναγκάζοντα αὐτὸν εἰς τὸ ἑρμηνεῦσαι τάχιον τὰ μαθήματα. Boiss. p. 164—169).

Мы видѣли, что Пселлъ преподавалъ въ школѣ всевозможныя науки: математику, риторику, естественныя науки, право, литературу, философію. Это одно исключаетъ предположеніе, будто въ Константинополѣ существовала академія въ родѣ нашихъ университетовъ и будто Пселлъ былъ преподавателемъ на одномъ изъ факультетовъ. Что же тогда преподавалось на остальныхъ факультетахъ? Напрасно Саѳа, Дрезеке и г. Скабалановичъ говорятъ о византійской академіи. „Возстановленіемъ византійской академіи, говоритъ г. Скабалановичъ, прославилъ свое царствованіе Константинъ Мономахъ. Въ академіи для каждой науки учреждена была особая каѳедра, которая замѣщена особымъ маистромъ. Каѳедру философіи занялъ Михаилъ Пселлъ съ титуломъ ипата философовъ, каѳедру законовъ—Іоаннъ Ксифилинъ, съ титуломъ номофилакса, каѳедру риторики—Никита, съ титуломъ маистра риторовъ. Академія помѣщена была въ монастырѣ при основанномъ Мономахомъ храмѣ св. Георгія Побѣдоносца и получила офиціальное значеніе, маистрамъ ея назначено отъ казны опредѣленное содержаніе“. (Христ. Чт. 1884 г. часть I, стр. 356—357).

Замѣтимъ прежде всего, что терминъ „академія“ (въ смыслѣ учебнаго заведенія) не встрѣчается ни у Пселла и ни въ другихъ источникахъ. До насъ дошла новелла объ учрежденіи въ царствованіе Константина Мономаха юридической школы. Въ этомъ оффиціальномъ документѣ школа называется διδασκαλεῖον νόμων, а учителю, которымъ назначенъ былъ Іоаннъ Ксифилинъ, дано было названіе номофилакса (νομοφύλαξ δὲ κληθήσεται ὁ διδάσκαλος). Если бы эта школа была только факультетомъ, то была бы указана связь его съ другими факультетами, но ничего подобнаго нѣтъ въ подробной новеллѣ. Напротивъ, юридическая школа представляла совершенно самостоятельное учебное заведеніе съ учителемъ никому не подчиненнымъ. Въ помянутой новеллѣ есть даже указаніе, что отдѣльные школы не имѣли между собою ничего общаго. Въ то время какъ для другихъ наукъ, говорится тамъ, и даже для нѣкоторыхъ ремеслъ есть школы, помѣщающіяся въ отдѣльныхъ зданіяхъ и имѣющія своихъ учителей, нѣтъ школы гдѣ бы можно было изучать право (δεινὸν γὰρ ταῖς μέν ἄλλαις ἐπιστήμαις καὶ τέχναις ὅσαι τε λογικαὶ καὶ τῶν βαναύσων ἑνίαις καὶ χώρας ἰδίας καί καθηγεμόνας ἀποτετάχθαι, τὸ δὲ πάντων μὲν μαθημάτων ἀναγκαιότατον μήτε τόπον ἔχειν οἰκεῖον) [1]. Изъ этого ясно, что каждая школа имѣла свое помѣщеніе, и если Ксифилинъ преподавалъ въ монастырѣ св. Георгія, то Пселлъ училъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, но гдѣ не знаемъ.

Въ рѣчахъ къ ученикамъ Пселлъ называетъ свою школу, какъ въ новеллѣ Мономаха, διδασκαλεῖον и παιδευτήριον или же архаически гимназіей. Тѣ же выраженія употребляетъ онъ въ панегирикѣ Ксифилину, гдѣ говоритъ, что были въ Константинополѣ школы піитики, риторики, философіи, но не было юридической (Ps. IV, 433. ἦν μὲν πάλαι ἀνὰ τὴν ἡμετέραν πόλιν τεχνῶν καὶ ἐπιστημῶν διδασκαλεῖα καὶ παιδευτήρια καὶ σεμνοὶ θρόνοι καθίστασαν οὐ τῆς πανδήμου μόνης ποιητικῆς, ἀλλὰ καὶ τῆς τῶν λόγων τέχνης καὶ τῆς θαυμασιωτάτης φιλοσοφίας, νομικῆς δέ τοῖς πολλοῖς ἐλάττων φροντίς). Изъ этого мѣста не видно, чтобы въ Византіи существовала академія; если здѣсь говорится о καθεδрахъ, этотъ терминъ не можетъ быть понятъ въ современномъ смыслѣ, καθεδра и здѣсь синонимъ школы. Не говорится о византійской академіи и въ томъ мѣстѣ продолжателя Θеофана, на которое ссылается г. Скабалановичъ. (Христ. Чт. 1884 г. часть I, стр. 354).

---

[1] Νεαρὰ ἐκφωνηθεῖσα παρὰ τοῦ φιλοχρίστου δεσπότου Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου ἐπὶ τῇ ἀναδείξει, καὶ προβολῇ τοῦ διδασκάλου τῶν νόμων. P. de Lagarde Iohannis Euchaitorum metropolitae quae supersunt p. 195—202.

Тамъ сказано только, что Левъ математикъ (въ IX вѣкѣ) былъ начальникомъ философской школы, помѣщавшейся въ Магнаврскомъ дворцѣ, а ученики его Θеодоръ, Θеодигій и Комита стояли во главѣ отдѣльныхъ школъ геометріи, астрономіи и грамматики (Theoph. Contin. p. 192. τῆς κατὰ τὴν Μαγναύραν μὲν οὗτος ἦρχε φιλοσόφου σχολῆς, ὁ δὲ τούτου φοιτητὴς Θεόδωρος τοῦ τῆς γεωμετρίας διαιτητηρίου προΐστατο, καὶ Θεοδήγιος τοῦ τῆς ἀστρονομίας καὶ Κομητᾶς τῆς τὰς φωνὰς ἐξελληνιζούσης γραμματικῆς).

Была ли школа, гдѣ преподавалъ Пселлъ, казенной или частной? Отвѣтить на этотъ вопросъ опредѣленно нѣтъ возможности. Но первое представляется вѣроятнѣе, потому что Пселлъ казывался ипатомъ философовъ, что соотвѣтствуетъ номофилаксу казенной юридической школы. Номофилаксъ, какъ намъ положительно извѣстно изъ оффиціальнаго документа, получалъ казенное содержаніе, такъ называемую ругу въ четыре литры. Получалъ ли жалованье Пселлъ въ качествѣ учителя философіи? Мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы прямо отвѣтить на этотъ вопросъ. Нѣкоторыя смутныя указанія приводятъ на первый взглядъ къ убѣжденію, что Пселлъ не получалъ вознагражденія за уроки. Въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ, что охотно передавалъ другимъ свои знанія и не требовалъ за это мзды (Ps. IV, 123. ἃ δὴ πόνῳ συνειλήχειν πολλῷ, τούτων πᾶσι μετέδωκα, οὐ μισθοῦ τοὺς λόγους πωλῶν, ἀλλὰ καὶ πρὸς ἐπιδιδοὺς εἴ τις λαμβάνειν ἐβούλετο). Одного учителя философіи, содержавшаго вѣроятно частную школу Пселлъ называлъ торгашемъ за то, что онъ бралъ деньги съ учениковъ (Ps. V, 502). Но это по всей вѣроятности только придирка къ конкуривовавшему съ нимъ ученому.

Изъ одного мѣста византійскаго свода законовъ видно, что учителя получали вознагражденіе и преподаватели риторики, грамматики, геометріи, медицины могли требовать неотданной платы судомъ, предъявляя искъ къ магистрату, рѣшавшему дѣло extra ordinem [1]; не позволено было дѣлать это только истолкователямъ законовъ (т. е. преподавателямъ права) и философамъ, потому что философія—дѣло священное и философы должны презирать деньги, а также потому что

[1] „Процессъ extra ordinem—это процессъ безъ назначенія judicium, слѣдовательно, безъ litis contestatio и безъ приговора въ техническомъ смыслѣ слова. Процессъ extra ordinem служитъ свободной власти магистрата и по формѣ обозначаетъ процессъ, производимый административнымъ путемъ, въ противоположность обыкновенному процессу, производимому путемъ юридическимъ". Зомъ. Институціи римскаго права (переводъ Нечаева), стр. 166—167.

есть вещи, которыя даются честнымъ образомъ, но требовать которыя безчестно. (Basilic. l. LIV, tit. 14. τοῖς παιδευταῖς μόνον τῶν ἐλευθερίων σπουδασμάτων, οἷον ῥήτορσι, καὶ γραμματικοῖς καὶ γεωμέτραις καὶ ἰατροῖς περὶ μισθῶν ἐξτραορδιναρίως ὁ ἄρχων δικαιοδοτεῖ, οἱ δὲ φιλοσόφοι τοῖς παιδευταῖς οὐ συναριθμοῦνται. τὸ μὲν γὰρ πρᾶγμά ἐστιν ἱερὸν καταφρονεῖν δὲ πραγμάτων ὀφείλουσιν. οὔτε δὲ τοῖς ἐξηγηταῖς τῶν νόμων δικάζει περὶ μισθῶν... εἰσὶ γάρ τινα εὐπρεπῶς διδόμενα οὐκ εὐπρεπῶς δὲ ἀπαιτούμενα). Приведенное мѣсто повторено въ юридическомъ синопсисѣ Атталіата (Attaliatae synopsis tit. 49 въ Leunclavii Jus Graeco-Romanum t. II, p. 44) и слѣдовательно сохраняло силу въ концѣ XI вѣка. Изъ этого видно, что законъ не считалъ безчестнымъ брать деньги за преподаваніе даже философіи, и надо думать, что Пселлъ получалъ ругу въ качествѣ начальника философской школы такъ же, какъ получалъ ее номофилаксъ. Съ этимъ легко согласовать вышеприведенныя слова самаго Пселла, что онъ не бралъ денегъ съ учениковъ. По новеллѣ объ учрежденіи юридической школы преподавателю права приказано было довольствоваться казеннымъ содержаніемъ и отнюдь не брать платы съ учениковъ. Въ такомъ же положеніи находился вѣроятно и Пселлъ, если только онъ стоялъ во главѣ казеннаго учебнаго заведенія.

О способѣ преподаванія мы почти ничего не знаемъ, изъ рѣчей Пселла къ ученикамъ видно, что онъ готовился къ лекціямъ и что лекціи записывались учениками. Если судить по объему извѣстныхъ намъ лекцій, можно догадываться, что Пселлъ не говорилъ, а диктовалъ. Трудно думать, чтобы существовала опредѣленная программа, исполнявшаяся преподавателемъ. Пселлъ очень часто читалъ лекціи о предметахъ, почему либо особенно интересовавшихъ его слушателей, отвѣчалъ на предлагавшіеся ему вопросы.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о философской школѣ и преподавательской дѣятельности Пселла. Правда въ статьѣ г. Скабалановича есть одно указаніе, которымъ я до сихъ поръ не воспользовался. „Правительство, говоритъ онъ, повидимому не стѣсняло учителей заводившихъ школы. Оно смотрѣло на дѣло съ фискальной точки зрѣнія, и такъ какъ школы были своего рода промыселъ, приносившій доходъ дидаскалу, то ограничивалось только взиманіемъ сбора со школы въ пользу казны. Чѣмъ болѣе было школъ, тѣмъ слѣдовательно сборъ былъ больше; неудивительно, что правительство, всегда ставившее на первомъ планѣ фискальныя соображенія, не находило нужнымъ дѣлать стѣсненія частному преподаванію, могшія повліять на сокращеніе доходовъ. Школьнымъ государственнымъ сборомъ (τὰ ἀργυρὰ τοῦ κλη-

τωρίου) завѣдывалъ маистръ Халкопратій. Такъ какъ сборъ составлялъ извѣстный процентъ съ ученическихъ взносовъ за ученіе, эти же послѣдніе зависѣли отъ соглашенія между учителями и учениками или ихъ родителями, родственниками и опекунами, да и самое посѣщеніе школы было дѣломъ доброй воли, слѣдовательно размѣръ взносовъ не могъ быть регулированъ и заранѣе опредѣленъ, то и сборъ въ пользу казны не могъ получить большой правильности и регулярности. Во всякомъ случаѣ это была почва для взаимныхъ пререканій между чиновниками фиска и дидаскалами: первые требовали возможно большаго, послѣдніе указывали на то, что сами получаютъ не много. Однажды, когда Пселлъ послалъ деньги маистру Халкопратій, тотъ денегъ не принялъ, на томъ основаніи, что сумма неполная, онъ требовалъ большаго" (Христ. Чт. 1884 г. часть I, стр. 294—735). Въ этомъ мѣстѣ г. Скабалановичъ смотритъ кажется на Пселла какъ на частнаго преподавателя, между тѣмъ какъ раньше онъ считалъ его однимъ изъ профессоровъ казенной академіи. Почтенный изслѣдователь сообщаетъ странный и безпримѣрный фактъ, будто школы не субсидію получали отъ государства, но еще сами должны были платить въ казну—фактъ этотъ основанъ исключительно на одномъ письмѣ Пселла. (Ps. V, 428. τῷ μαίστωρι τῶν Χαλκοπρατίων, ὅταν ἀπεστάλησαν αὐτῷ τὰ ἀργυρᾶ τοῦ κλητωρίου καὶ οὐ παρέλαβεν αὐτὰ διὰ τὸ ζητεῖν πλείονα). Сознаюсь, что многое въ этомъ письмѣ осталось для меня неяснымъ, но во всякомъ случаѣ изъ него совсѣмъ не слѣдуетъ того, что говоритъ г. Скабалановичъ. Прежде всего надо остановиться на вопросѣ, кому писалъ Пселлъ? Лицо, которому онъ пишетъ былъ прежде преподавателемъ философіи (τὴν ἀρχαίαν ζητεῖς φοράν καὶ ἐγκύκλιον, διατὶ δὲ μὴ τάλλα προσαπαιτεῖς τῇ ἀρχαιότητι, τὸ φιλόσοφον βῆμα); въ заглавіи же называется маистромъ Халкопратій. Маистрами назывались учителя, какъ это справедливо сказано въ статьѣ г. Скабалановича. Халкопратіями называлось одно мѣсто въ Константинополѣ, гдѣ находился между прочимъ храмъ Богоматери [1]. Слѣдовательно Пселлъ

[1] Καὶ πάλιν ἐν γαστρὶ συνέλαβεν ἡ Μελετινή καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὰ λεγόμενα χαλκοπράτια (Sathas, Bibliotheca Graeca V, 573). De Ceremon. I, 30. κατέρχεται ἕως τοῦ ναοῦ ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν χαλκοπρατείων. Theophan. Contin. p. 339. καὶ τὸν ἕτερον δὲ τῆς πανυμνήτου Θεοτόκου, τὸν ἐν τοῖς χαλκοπρατείοις Θεῖον ναόν. Georg. monach. p. 829. γενομένης δὲ τῆς προελεύσεως εἰς τὰ χαλκοπράτεια τῷ εὐαγγελισμῷ καὶ τῆς εἰσόδου γενομένης καὶ τοῦ εὐαγγελίου τελεσθέντος.

пишетъ, по всей вѣроятности, преподавателю школы, находившейся въ въ Халкопратіяхъ; далѣе, изъ письма видно, что Пселлъ послалъ адресату деньги, но что тотъ остался недоволенъ суммой и требовалъ больше. Самое важное то, что по словамъ Пселла, онъ посылаетъ ему деньги, которыхъ вовсе не обязанъ посылать ему (οὐ γὰρ ἐκδεδανεισμένον, ὡς οἶσθα, ἀπώφληκα σοι ἀργύριον, οὐδ᾽ὡς ἐκτετισμένον εἰ μὴ τὸ κεχαρισμένον, ἀλλὰ πρῶτος καταβαλὼν καὶ προφάσεις εὐγνωμοσύνης ποιούμενος, σύ δὲ δέον εὐχαριστεῖν ἀλλοτρίᾳ γνώμῃ τὴν χάριν ἠμείψω), онъ могъ бы ничего не заплатить и тогда маистръ не имѣлъ бы права жаловаться (πῶς οὖν μηδὲν μὲν εἰληφώς, οὐκ ἔχεις βοᾶν, λαβὼν δὲ, ὡς ἀπεστερημένος ἐπεγκαλεῖς); если бы Пселлъ обязанъ былъ доставлять ему деньги въ опредѣленные промежутки времени, онъ могъ бы жаловаться на неисполненіе этого; но такъ какъ Пселлъ случайно оказываетъ ему такую милость, онъ долженъ цѣнить это добровольное приношеніе и не требовать, чтобы ему ежегодно посылались деньги, какъ это дѣлалось прежде, когда онъ былъ преподавателемъ философіи (εἰ μὲν τῆς δόσεως ἡ περίοδος τὴν ἀνακύκλησιν εἶχε συνεχῆ τε καὶ ἀδιάκοπον, ἔδει σε δυσχεραίνειν πρὸς το ἐλλελειμμένον τῆς ἀποκαταστάσεως. ἐπεὶ δὲ τυχαία μᾶλλον ἡ χάρις, οὐ περιοδική, διατὶ μὴ τὸ αὐτόματον ἀγαπᾷς ἀλλὰ τὴν ἀρχαίαν ζητεῖς φορὰν καὶ ἐγκύκλιον). Изъ этихъ словъ по моему мнѣнію совершенно ясно, что рѣчь идетъ никакъ не о государственномъ сборѣ; о подати Пселлъ не сказалъ бы чиновнику фиска, что онъ не имѣетъ права требовать ее и что это не періодическая уплата, а случайное и добровольное пожертвованіе. Трудно сказать за что платилъ Пселлъ маистору, можетъ быть это было какое-нибудь частное дѣло и Пселлъ вносилъ деньги вовсе не въ качествѣ преподавателя. Мнѣ лично представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что Пселлъ занялъ мѣсто адресата; послѣдній былъ можетъ быть перемѣщенъ въ другую школу, и Пселлъ обѣщалъ вознаградить его. Но это конечно только догадка, на которой я нисколько не настаиваю и которой не стану выдавать за непреложную истину [1].

Изъ ἀργυρὰ τοῦ κλητωρίου выраженія, находящагося только въ заглавіи письма, г. Скабалановичъ дѣлаетъ техническій терминъ. Смыслъ этого выраженія неясенъ. κλητώριον часто встрѣчается въ церемоніалѣ Константина Багрянороднаго, означаетъ пиръ, обѣденный столъ, а также залу во дворцѣ гдѣ обѣдали. De Ceremon. p. 70, 585, 702. Reiske, Comment. ad De Cerem. Cibr. p. 169. Vocabulum hoc variae significationis est, et interdum notat convivium, interdum autem triclinium, salam, ubi convivium celebratur.

[1] Кстати позволю себѣ указать еще на маленькое недоразумѣніе, вкрав-

Всего мудренѣе отвѣтить на вопросъ, на сколько была полезна преподавательская дѣятельность Пселла? Онъ былъ несомнѣнно очень образованный и знающій человѣкъ и могъ передать слушателямъ множество разнообразныхъ свѣдѣній. Но умѣлъ ли онъ учить, умѣлъ ли вселить въ учениковъ принципы нравственности, сказать невозможно.

шееся въ статью г. Скабалановича о византійскихъ школахъ. „Долго ли маистры трудились на академическомъ поприщѣ, говоритъ онъ, въ точности опредѣлить не можемъ, во всякомъ случаѣ еще при Константинѣ Мономахѣ въ положеніи и личномъ составѣ ихъ произошла перемѣна. Профессора переведены были во дворецъ, получили какъ бы въ награды за труды государственныя должности и сдѣлались въ собственномъ смыслѣ слова придворными учеными. Мономахъ пожелалъ самъ слушать ихъ лекціи, повторилось явленіе имѣвшее мѣсто на Западѣ при Карлѣ В. съ тѣмъ различіемъ, что Мономахъ не только смиренно выслушивалъ произносимое съ каѳедры, но и записывалъ слышанное. Пселлъ получилъ должность протасикрита, и исполняя въ этой должности статсъ-секретарскія обязанности при Мономахѣ, имѣлъ удовольствіе видѣть, что и Мономахъ становился его секретаремъ, когда онъ вступалъ въ роль ината философовъ. Спрашивается, прекратила ли свое существованіе академія съ переводомъ ко двору ея учителей. Безъ сомнѣнія нѣтъ. Самое большое измѣненіе въ ней, можетъ быть, происшедшее, это переселеніе ея изъ монастыря св. Георгія въ зданіе дворца. Но и это измѣненіе — предполагаемое, исправленіе новыхъ обязанностей при особѣ императора не исключало возможности совмѣщенія съ ними прежней преподавательской должности и отправленія ея на прежнемъ мѣстѣ. Несомнѣнно однакожъ, что мѣра Мономаха относительно учителей не была благопріятна для процвѣтанія академіи. Была ли академія оставлена въ монастырѣ св. Георгія, или была переведена во дворецъ, въ обоихъ случаяхъ преподаваніе въ ней должно было ослабѣть, вслѣдствіе отвлеченія преподавателей отъ ихъ прямаго дѣла другими для школы посторонними занятіями. Если же академія переведена была во дворецъ, и уроки, которые учители должны были давать императору, были общеакадемическими уроками, а не составляли уроковъ отдѣльныхъ отъ тѣхъ, которые читались обыкновеннымъ слушателямъ, то, кромѣ указаннаго результата—ослабленія преподаванія, такой порядокъ вещей естественно долженъ былъ еще наложить аристократическій отпечатокъ на преподаваніе, доступъ къ слушанію для обыкновенныхъ смертныхъ, если не былъ прегражденъ окончательно, то долженъ былъ сдѣлаться труднѣе, чѣмъ онъ былъ въ прежнее время“ (Христ. Чт. 1884 г. часть I, стр. 360 — 362). Все это разсужденіе основано на одномъ мѣстѣ Пселлова панегирика Ксифилину. Вотъ это мѣсто. Ὥσπερ γὰρ εἰς μισθοφορὰν ἡμᾶς κατακτήσας ἐπὶ τοῖς λόγοις, αὖθις ἀνακαλεῖται πρὸς ἑαυτὸν, τὴν πρὸς οὓς ἐξεδόθημεν συμμαχίαν ἀποτελέσαντας. καὶ ἦμεν τούτῳ ὅπερ ἑτέροις, ἐγὼ μὲν πρὸς ρητορικὴν ἐξασκῶν καὶ τι φιλοσοφίας παραμιγνὺς, ὁ δὲ τεχνῶν τούτῳ τὰ νομικὰ καὶ τὰ ἐλευσίνια

Во всякомъ случаѣ безусловно вреднымъ нужно признать его занятія риторикой. Онъ старался научить юношество доказывать что угодно, черное представлять бѣлымъ, истину ложью. Его собственный примѣръ также не могъ дѣйствовать благотворно на учениковъ, потому что Пселлъ былъ человѣкомъ безо всякихъ убѣжденій, безо всякихъ принциповъ.

ὥσπερ μυσταγωγῶν. Ἐπειδὴ γὰρ Μάρκον τὸν ἐν βασιλεῦσι φιλοσοφώτατον ἠκηκόει, ὡς δέλτον ἐξαψάμενος ἐς διδασκάλου ἐφοίτα, ζηλοῖ τὸν ἄνδρα τῆς τοιαύτης συνέσεως, καὶ πλέον τι τοῦ φιλοσόφου ποιεῖ. αὐτὸν γάρ με πολλάκις ἐπὶ θρόνου καθίζων, εἶτα μοι καὶ λέγοντι ὑπεγραμμάτενε, καὶ τὰ ὦτα πρὸς διδασκαλίαν ἀνίστα μεθ' ὅσης τις ἂν εἴποι τῆς ἐγρηγόρσεως (Ps. IV, 434). Что же говорится въ приведенномъ отрывкѣ? Только то, что Пселлъ и Ксифилинъ давали уроки Константину Мономаху. Но зная, какъ гиперболически представляется все хорошее въ панегирикахъ, нельзя сдѣлать даже такого вывода. Если императоръ иногда распрашивалъ преподавателей объ ученыхъ предметахъ, этого было достаточно для Пселла, чтобы нарисовать приведенную картину; если Мономахъ хоть разъ заставилъ Пселла прочесть ему лекцію, онъ могъ сдѣлать изъ этого въ панегирикѣ обычное и часто повторявшееся явленіе. Далѣе совершенно невѣрно, будто Пселлу и Ксифилину даны были государственныя должности за ихъ занятія въ школѣ. Пселлъ, какъ мы видѣли, находился въ императорской свитѣ при нашествіи Руси (1043 г.) въ самомъ началѣ царствованія Мономаха. Въ новеллѣ объ учрежденіи юридической школы сказано, что преподавателемъ назначается Ксифилинъ, судья на ипподромѣ и эксакторъ. По моему не можетъ быть рѣчи о томъ, будто академія была переведена изъ монастыря св. Георгія во дворецъ, потому что въ этомъ монастырѣ помѣщалась только одна юридическая школа и академіи вообще не существовало.

Можетъ быть на г. Скабалановича повліялъ Саѳа, ложно истолковавшій вышеприведенное мѣсто изъ Пселлова панегирика. Вотъ что написалъ Саѳа по этому поводу: Προτιμῶν δηλονότι ὁ βλακώδης ἐκεῖνος μονάρχης ν' ἀπολαμβάνῃ μόνος τῆς συνομιλίας καὶ τῆς διδασκαλίας τοῦ Ψελλοῦ καὶ τοῦ Ξιφιλίνου, ἀνεκάλεσε τούτους ἐν τῇ βασιλικῇ αὐτοῦ θεραπείᾳ. Μετὰ λύπης δὲ ὑπήκουσαν οἱ δυστυχεῖς εἰς τὴν διαταγὴν τοῦ ἡγεμόνος, ὅστις ἐθεώρει αὐτοὺς ὡς εὐτελεῖς μισθοφόρους, καὶ ἀνταλλάξαντες τὰς ἐν τῇ ἀκαδημίᾳ ταπεινὰς μὲν πλὴν ἐνδόξους ἕδρας προς τοὺς πλουσίους τῶν ἀνακτόρων θρόνους, ἐδίδασκον καὶ θεατρικῶς ἀγορεύοντες ἐφυχαγώγουν τό διεφθαρμένον καὶ παρειμένον ἐκεῖνο ἀνθρωπάριον, το ὁποῖον ἡ ἐρωτοτροπία τῆς Ζωῆς εἶχεν ἀναβιβάσει ἐπὶ τοῦ Μακεδονικοῦ θρονου (Предисловіе къ IV т. Bibliotheca Graeca, p. LV).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Характеристика Михаила Пселла.

Мы прослѣдили, насколько это позволяютъ источники, государственную дѣятельность Михаила Пселла, мы видѣли, что она сказалась, главнымъ образомъ въ двухъ крупныхъ фактахъ. Пселлъ содѣйствовалъ возведенію на престолъ Константина Дуки; благодаря его вліянію былъ низложенъ Романъ Діогенъ и провозглашенъ царемъ Михаилъ Дука. Въ обоихъ случаяхъ цѣль была одна — поддержать династію Дукъ, не дать царствовать Комнинамъ и Діогенамъ. Для Пселла старые знакомые Дуки были конечно пріятнѣе суровыхъ полководцевъ Исаака Комнина и Романа Діогена. Но не пострадала ли византійская имперія отъ интригъ Пселла? Мы не станемъ повторять вслѣдъ за византійскими историками (Атталіатомъ, Скилицомъ, Зонарой), будто Пселлъ преподаваніемъ философіи и діалектики сдѣлалъ Михаила VII не способнымъ къ управленію, но стоитъ только прочесть изслѣдованіе В. Г. Васильевскаго „Византія и Печенѣги“, чтобы убѣдиться до какого грустнаго состоянія довело восточную имперію правленіе неспособныхъ, малодушныхъ Дукъ. „Безпощадное и разорительное хозяйничанье логооета Никифора, любимца и всесильнаго министра Михаила Дуки, довело наконецъ до послѣдней крайности ненависть къ существующему правительству подданныхъ Михаила VII“ (слова В. Г. Васильевскаго). Наступило нѣсколько лѣтъ смуты, борьбы между собой, претендентовъ на престолъ окончившейся воцареніемъ Алексѣя Комнина. Этотъ императоръ нашелъ государственную казну до того разоренной, что ему пришлось продавать священные церковные сосуды. Печенѣги и Половцы, отъ которыхъ Дуки кое-какъ откупались, поставили имперію въ почти безвыходное положеніе, такъ что императору приходилось по его собственнымъ словамъ „бѣгать предъ лицомъ Печенѣговъ“, звать на помощь западныхъ рыцарей, унижаться предъ иностранцами. Дѣло дошло до того, что „государственная Византія, гордая своими римскими преданіями, своимъ незапятнаннымъ православіемъ, своимъ безконечнымъ превосходствомъ надъ всѣмъ варварскимъ міромъ, потеряла вѣру въ себя и въ высокія заслуги своего православія“. (Слова В. Г. Васильевскаго).

Пселлъ былъ знакомъ съ Константиномъ Дукою еще до его воцаренія, онъ хорошо зналъ его сына и своего воспитанника Михаила, онъ не могъ не видѣть ихъ полную неспособность; если онъ поддер-

живалъ Дукъ изъ за личныхъ интересовъ, если онъ рѣшился посадить на престолъ никуда не годныхъ царей, за одно это мы не можемъ называть его патріотомъ, какъ онъ самъ себя величаетъ.

Еще менѣе можно сказать вмѣстѣ съ Саѳой, что Пселлъ былъ филеллиномъ въ современномъ смыслѣ слова, что онъ любилъ классическую землю, какъ ее любятъ современные археологи. Эти необдуманныя слова греческаго ученаго перешли въ новѣйшее сочиненіе знаменитаго Грегоровіуса [1]. Такой взглядъ основанъ на нѣсколькихъ письмахъ Пселла. „Не удивляйся, пишетъ онъ въ письмѣ неизвѣстному намъ лицу, что я другъ Аѳинянъ и Пелопонисцевъ; въ отдѣльности я ихъ люблю по той или иной причинѣ, всѣхъ же вообще ради Перикла, Кимона и древнихъ философовъ и ораторовъ, ибо ради отцовъ

---

[1] Sathas, Bibliotheca Graeca, v. V p. 40 (предисловія): Ὁ Ψελλὸς ἠγάπα τὴν κλασίκην γῆν, ὡς οἱ σημερινοὶ ἀρχαιολόγοι, διότι καὶ τοιοῦτος ἦν. Ἀλλ' ὁ Ψελλὸς ἦν φιλέλλην οὐ μόνον κατὰ τὴν σημερινὴν τῆς λέξεως σημασίαν, ἀλλὰ καὶ κατ'αὐτὴν τὴν παρεφθαρμένην βυζαντινὴν ἑρμηνείαν τῆς λέξεως. Cp. Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, v. IV, p. XXIX.

F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen, p. 177, 180, 181. Seine Begeisterung für Plato, dessen Ideenlehre er eigentlich wieder an's Licht zog, und seine gründliche Kenntniss der antiken Literatur erfüllten Psellus mit leidenschaftlicher Verehrung für das lange miszachtete Griechenland. Um des Cimon und Perikles willen und aus Ehrfurcht vor den alten Philosophen und Rednern bekannte er offen seine Liebe zu den Athenern und Peloponnesiern. Denn man müsse wegen der Väter die Söhne ehren, auch wenn diese die Art jener nicht mehr bewahrt haben. Mit Freimut nahm er das Land der Griechen gegen die Vorurteile der Byzantiner in Schutz, und rief diesen die Bedeutung des Namens „Hellene" in's Bewusztsein zurück. Er rief das Erbarmen der Präfoten an und brandmarkte die Raubgier der Steuereintreiber. So gab es noch im 11 Jahrhundert einen Mann, der das alte, einst von Cäsar und Augustus anerkannte Privilegium der Athener, im Schutze ihrer groszen Todten zu stehen, wieder zur Geltung brachte. Liest man die Worte des Psellus, mit denen er den Hochmut der byzantinischen Verächter Griechenland's getadelt hat, so glaubt man die Stimme Petrarcas zu hören, welcher die vor dem Aufenthalt in dem verödeten Rom zurückbebenden Cardinäle Avignon's zurechtwies, da es lächerlich sei zu denken, dasz 20 oder 30 Prälaten nicht in Rom leben könnten, wo so viele Kaiser und Fürsten, so zahllose Bürger und Fremde in Ueberflusz gelebt hatten. Es ehrt das damalige Haupt der byzantinischen Philosophen, den Anhänger Plato's, dasz er mitten in der Pedanterie der Schulweisheit seines Zeitalters nicht nur ein Herz für die miszhandelten Hellenen hatte, sondern Griechenland auch mit lebhaftem Sinn für das vergessene Altertum ansah. Seine lebhafte Sympathie für Athen läszt sich aus seiner attischen Bildung leicht erklären.

надо любить сыновей, даже тогда когда они не сохраняютъ отцовскаго типа. Поэтому я просилъ тебя и за остальныхъ Аѳинянъ и теперь прошу за подателя этого письма; кромѣ того что у меня есть общая причина любить его, онъ старинный мой другъ“ (Ps. V, 258). Что же можно вывести изъ этого письма? Пселлъ рекомендуетъ аѳинскаго уроженца, проситъ любезно принять своего друга. „Я люблю его за одно то, что онъ Аѳинянинъ“, это очевидно фраза въ родѣ другой „люблю я городъ Филадельфію, потому что его жители любезно принимали меня въ дни моей юности“. (Ps. V, 459). Подобныхъ фразъ въ перепискѣ Пселла не мало. „Всѣ дома, всѣ деревни, всѣ города, всѣ народы, пишетъ онъ напр. признаютъ меня своимъ, и какъ Гомера считаютъ меня своимъ уроженцемъ, то Хіосъ, то Самосъ, то какая-нибудь другая мѣстность въ Европѣ или Азіи“. (Ps. V, 339). Неужели и эти слова нужно понимать буквально? Мнѣ кажется, что въ указанномъ письмѣ, въ которомъ по мнѣнію Грегоровіуса, сказалась любовь Пселла къ Аѳинамъ, высказано скорѣе пренебреженіе къ современнымъ ему аѳинянамъ: они совсѣмъ не похожи на предковъ говоритъ онъ, т. е. на Перикловъ и Кимоновъ, знаменитыхъ философовъ и ораторовъ.

Пселлъ пишетъ одному судьѣ Еллады, просившему о переводѣ въ другую ѳему: „Надежда твоя не сбылась [1]. Если желанныя и воспѣтыя мѣста славной Еллады, откуда произошли борцы при Марафонѣ, знаменитые Филиппы и Александры, недостаточны для твоего продовольствія, какая другая часть вселенной окажется достаточной, чтобы принять тебя? Развѣ то, что говорили объ Аттикѣ и что древніе мудрецы писали о Пиреѣ, развѣ все это невѣрно и ложно? (Ps. V, 261—262). Но тутъ же онъ говоритъ своему кореспонденту: ты не получишь лучшей ѳемы, лучше имѣть не много хлѣба, чѣмъ совсѣмъ его не имѣть, помни пословицу „Спарта досталась тебѣ въ удѣлъ, ее и украшай (т.-е. въ ней и живи)“. А пословица эта примѣнялась въ печальныхъ случаяхъ жизни, получить Спарту это значило

---

[1] Письмо начинается выраженіемъ, употреблявшимся о не сбывшейся надеждѣ: ἄνθρακες ὁ θησαυρός. Diogenian. Cent. I, 52, ἄνθρακες ὁ θησαυρος: ἐπὶ τῶν ἐφ'οἷς ἤλπισαν διαψευσθέντων καὶ ἐν ἄλλοις ἐντυχόντων. Apostol. Cent II, 86. ἄνθρακες ὁ θησαυρός: ἐπὶ τῶν ἐλπιζόντων μὲν ἀγαθὰ κακουμένων δὲ ἀφ'ὧν ἦν αὐτοῖς ἡ τῶν ἀγαθῶν ἐλπις, ἢ ἐπὶ τῶν ἐφ'οἷς ἤλπισαν διαφευσθέντων, ὡς Λουκιανὸς, ἄνθρακάς μοι τὸν θησαυρὸν ἀπέφηνας. (Corpus paroemiographorum, v. II).

получить нѣчто худое. Начало письма звучитъ скорѣе ироніей, и вообще изъ него можно вывести только то, что Елладская θема была бѣдна и мѣсто судьи въ этой провинціи не было хлѣбнымъ.

Въ другихъ письмахъ Пселлъ неодобрительно отзывается объ Елладѣ; онъ говоритъ объ одномъ протонотаріи, что тотъ назначенъ въ Елладскую θему и что это равносильно ссылкѣ. Правитель Аѳинъ пишетъ онъ, какъ только увидѣлъ прославленную Елладу, подумалъ, что онъ находится въ Скиѳіи и оплакивалъ судьбу, потому что плательщики не хотѣли вносить податей (Ps. V 268). Будь удобною пристанью этому мужу, плывущему по бурному морю, пишетъ онъ Елладскому судьѣ о подчиненномъ ему сборщикѣ податей, ибо Аттика уподобляется ненастью или еще чему-то худшему, чѣмъ непастье (Ps. V, 269. γενοῦ χειμαζομένῳ λιμὴν εὔδιος, ἐγὼ γὰρ χειμῶνι προσεικάζω τὴν Ἀττικὴν ἤ καὶ χειμῶνος χείρονι).

Гдѣ же тутъ пламенная любовь къ классической землѣ? Когда же онъ выказывалъ живую симпатію къ Аѳинамъ, когда указывалъ византійцамъ на великое значеніе названія „Еллинъ“, какъ утверждаетъ Грегоровіусъ? Еслибы Пселла назвалъ кто-нибудь еллиномъ, онъ несомнѣнно обидѣлся бы, потому что еллинъ противополагался христіанину и означалъ древняго грека-язычника. Пселлъ также, какъ всѣ византійцы, называлъ себя римлянином и желая выразить, что онъ патріотъ, говорилъ „я филоромэй“, а не филеллинъ.

Маленькій Константъ, сынъ бѣдныхъ и нетитулованныхъ родителей, съумѣлъ пробить себѣ дорогу; онъ разбогатѣлъ, изъ юноши, искавшаго мѣста и протекціи, сталъ вліятельнѣйшимъ сановникомъ, милости котораго добивались провинціальные и столичные чиновники. Переписка Пселла указываетъ на его высокое положеніе; въ числѣ его корреспондентовъ находимъ четырехъ императоровъ, двухъ императрицъ, трехъ константинопольскихъ патріарховъ, одного антіохійскаго, не мало митрополитовъ и епископовъ, начальниковъ многихъ провинцій, важныхъ столичныхъ сановниковъ. Не рѣдко обращаются къ нему провинціальные чиновники, и онъ устраиваетъ имъ мѣста и повышенія. Пселлъ обѣщаетъ судьѣ Кивирреотской θемы, что онъ скоро будетъ переведенъ въ столицу; другому судьѣ онъ предлагаетъ на выборъ лучшую θему или мѣсто въ Константинополѣ (Migne, patrol. t. 136 p. 1331. δήλωσον δὲ ἡμῖν, ὁπότερα βουλει εἰσεληλυθέναι εἰς τὴν βασιλίδα καὶ τῆς ἐνταῦθα προνοίας τυχεῖν ἤ εἰς κρεῖττον θέμα). Онъ выхлопатывалъ высочайшія аудіенціи для протежируемыхъ лицъ (Ps. V, 341. ἔξεις τὸ τέλος τῆς ἐπιθυμίας σου καὶ θεάσῃ καὶ τήν βασιλεύουσαν καὶ τὸν βασιλεύοντα), прямо говорилъ съ царемъ о просьбахъ

и нуждахъ своихъ друзей; безъ него необходились даже важные іерархи, какъ епископъ Мадитскій (Ps. V, 148), и лица, почтеныя важнымъ чиномъ магистра (Ps. V, 394, 341, 308).

Очевидно Пселлъ имѣлъ большое вліяніе на назначенія, и дѣйствительно онъ не рѣдко рекомендовалъ начинающихъ чиновниковъ. Выбиралъ ли онъ достойныхъ молодыхъ людей, это конечно вопросъ темный. Но куріозно то, что рекомендуя чиновника, онъ рѣдко говорилъ „это умный, честный, образованный, молодой человѣкъ“, а по большей части писалъ „это мой другъ“, или „я люблю этого юношу, а потому и ты долженъ любить его“, или „если ты исполнишь просьбу рекомендуемаго лица, онъ по всему городу будетъ хвалить тебя“, или „податель этого письма рекомендованъ мнѣ важнымъ сановникомъ, а потому я рекомендую его тебѣ“. Онъ просилъ однажды начальника отпустить подчиненнаго нотарія въ столицу повидаться съ матерью. Впрочемъ, пишетъ онъ, если тебѣ представляется это неудобнымъ, дѣлай какъ знаешь, но знай, что этотъ нотарій въ письмахъ ко мнѣ постоянно хвалитъ тебя и хвастается твоей благосклонностью и симпатіей къ нему (Ps. V, 342) [1]).

Пселлъ служилъ при девяти императорахъ (Михаилѣ IV, Михаилѣ V, Константинѣ Мономахѣ, Θеодорѣ, Михаилѣ VI, Исаакѣ Комнинѣ, Константинѣ Дукѣ, Романѣ Діогенѣ, Михаилѣ Дукѣ), и все возвышался въ чинахъ, пріобрѣталъ все болѣе вліятельное положеніе. Нужно было обладать особеннымъ искусствомъ, чтобы держаться при самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ режимахъ, чтобы нравиться въ одинаковой степени легкомысленному, преданному

---

[1] Привожу примѣръ подобныхъ рекомендацій. Ps. V, 257. δεομένους οὖτ τῆς σῆς ἀντιλήψεως συνίστημι σοι τοὺς ἄνδρας κοὶ ἀντ ᾽ἄλλης τινὸς ἀξιώσεως τὸ ὅτι φιλῶ τούτους προστίθημι. Ps. V, 276. ὁ γοῦν χρυσοτελὴς τοῦ σοῦ θέματος τῆς πρός με οἰκειώσεως καὶ φιλίας τετυχηκὼς αἰτεῖται καὶ τὴν σὴν εὐτυχῆσαι δί ᾽εμὲ ἡμερότητα καὶ εὐμένειαν. Migne patrol. t. 136, p. 1328. ὁ παρὼν οὗτος ἡμέτερός ἐστι φίλος. Ps. V, 339. βούλεται δὲ τοσοῦτον αὐτῷ παρ᾽ ἐμοῦ γενέσθαι, ὥστε γνῶναι σε ὅτι τε φιλῶ τοῦτον καὶ ὅτι βούλομαι γενέσθαι τι αὐτῷ ἀγαθόν. Ps. V, 377. τὸν δέ παρόντα ἄνθρωπον συνέστησέ μοι εἷς τις τῶν περὶ τὸ βασιλικὸν βῆμα καὶ τῶν πλεῖστα πρὸσ τὸν βασιλέα δυναμένον καὶ κατεδεήθε πολλὰ συστῆσαι τοῦτον τῇ ὑπερτίμῳ σου σεβασμιότητι. Τοῦτο οὖν αὐτὸ ποιῶ καὶ συνιστῶν ἀξιῶ, ἵνα καὶ ὁμιλοίης αὐτῷ προσηνῶς καὶ προσδέχῃ εὐμενῶς. Ps. V, 489. διὰ ταῦτα ἀντιλαβοῦ πλέον, καὶ διατίθεσο πρὸς αὐτὸν γνησιώτερον, ἵνα καὶ ἡμεῖς μᾶλλον σοι εὐγνωμονήσωμεν καὶ ἐπὶ πλέον εὐχαριστήσομεν.

чувственнымъ наслажденіямъ Мономаху, противнику духовенства, суровому солдату Комнину и защитнику монаховъ набожному Дукѣ. Нужно было угодить всѣмъ, и Пселлъ обладалъ въ высшей степени талантомъ угождать. Талантъ этотъ заключался въ умѣньи льстить и одинаково убѣдительно говорить противоположное, сегодня утверждать, завтра отрицать собственное утвержденіе. Онъ преклонялся предъ всякимъ вѣнценосцемъ, кто бы онъ ни былъ, какова бы ни была его нравственность; онъ хвалилъ поступки, за которые надо было краснѣть, онъ восхвалялъ малодушіе и трусость, онъ превозносилъ до небесъ царей, разорявшихъ народъ, несправедливыхъ и развратныхъ. Монарха Пселлъ считалъ богомъ только за то, что онъ монархъ и облеченъ въ порфиру; не было имени, не было сравненія достаточно высокаго, достаточно избраннаго, чтобы восхвалить его добродѣтели. Онъ самъ сознавалъ, что говоритъ неправду, но онъ понималъ, что вѣнценосецъ это все, что стоитъ ему сказать слово и завтра онъ, Пселлъ, будетъ стертъ съ лица земли. А монахъ Михаилъ, отказавшійся отъ всего земнаго, дорожилъ болѣе всего благами земными. Поэтому сегодня онъ хвалилъ военный режимъ, а завтра доказывалъ, что преобладающимъ сословіемъ въ государствѣ должно быть гражданское; сегодня онъ увѣрялъ, что не вести войны и откупаться отъ дикихъ Печенѣговъ это верхъ благоразумія, а завтра утверждалъ, что это малодушіе и хорошій царь долженъ лично вести войска на непріятеля. Что бы монархъ ни приказалъ сдѣлать, хотя бы самое безнравственное дѣло, его не надо ослушиваться—вотъ единственный принципъ нравственности, которому Пселлъ слѣдовалъ всю свою жизнь. По велѣнію царя соглашается онъ быть прокуроромъ явно невиннаго лица, смѣшиваетъ съ грязью достойнаго представителя церкви, обвиняетъ патріарха въ ереси, въ убійствѣ, въ гробокопательствѣ.

Но недостаточно было льстить царю, можно было лишиться мѣста изъ-за нерасположенія великихъ міра сего. И вотъ мы видимъ, что Пселлъ вступаетъ въ дружбу съ царской фавориткой, заискиваетъ у всесильныхъ временщиковъ. Временщики падаютъ, но Пселлъ остается на своемъ мѣстѣ; ему нужно только знать, кто займетъ мѣсто павшаго, чтобы подольститься къ его преемнику. Ласково обращается онъ съ вліятельными лицами, ему дѣла нѣтъ до того, что этотъ сановникъ грязной репутаціи, что тотъ держится противоположнаго съ нимъ политическаго направленія, онъ въ силѣ, слѣдовательно ему надо поклониться. Читая многія письма Пселла, въ которыхъ онъ съ такой изысканной любезностью, съ такимъ изяществомъ обращается къ вліятельнымъ сановникамъ, можно подумать, что это дели-

катная, нѣжная натура. Ничуть не бывало. Стоило только колесу фортуны измѣниться, мѣнялся и Пселлъ, изъ утонченно-вѣжливаго придворнаго становился онъ грубымъ, позволялъ себѣ площадныя выраженія. Какъ только патріархъ Михаилъ Кируллаpій впалъ въ немилость, Пселлъ, раньше называвшій его богомъ и старавшійся добиться его благосклонности, пишетъ ему самое дерзкое письмо. Мы видѣли уже, какъ до цинизма грубо насмѣхался Пселлъ надъ монахомъ Іаковомъ, какъ рѣзко писалъ монаху Феревію. Понятно, что это были люди незначительные, которые не могли повредить ему. Въ неизданномъ памфлетѣ онъ осмѣиваетъ одного священника, бывшаго учителемъ первоначальной школы (грамматикомъ) и нотаріемъ вѣроятно въ патріаршемъ приказѣ. Мой попъ, говоритъ онъ, не умѣетъ даже спѣть ирмоса и вовсе не похожъ на духовное лицо. Грамматикомъ его можно называть только иронически, какъ ораторы называютъ блудницу почетнымъ именемъ подруги (гетеры), или какъ эѳіопы, имѣющіе черную кожу, называются серебряными. Въ молодости онъ ходилъ въ разныя школы, но не съ тѣмъ чтобы учиться, а только чтобы мѣшать другимъ; поэтому онъ не умѣетъ писать и не имѣетъ понятія о томъ, что такое удареніе и окончаніе. Онъ играетъ по цѣлымъ днямъ въ кости и при этомъ мошенническимъ образомъ обманываетъ игроковъ, потому что держитъ у себя фальшивыя кости; онъ изучилъ всѣ столичные трактиры и поднеся кубокъ ко рту пьетъ, не переводя дыханія, какъ животное". Пселлъ не посовѣстился обругать родителей священника, увѣряя что его мать была колдуньей, а въ концѣ высказываетъ ему не гуманное пожеланіе, умереть поскорѣе [1].

---

[1] Этотъ памфлетъ сохранился въ кодексѣ Vaticanus 672 (fol. 247—249) подъ заглавіемъ: πρὸς τὸν ἑαυτοῦ παπᾶν. Καὶ ποταπὸς παπᾶς ὁ παπᾶς ὁ ἐμὸς μήθ' εἱρμὸν μήτε πρὸς εἱρμὸν ἄδειν εἰδως... καὶ ὅθεν οὕτω πόρρω τῆς τῶν λευΐτων διακονίας ἐστὶν, ὅσον γε οὐδὲ τὸ σχῆμα δεῖν ἔχειν τὸ ἱερὸν ἠτήσατο. Ἆρ' οὖν τῆς μὲν ἐν τοῖς ἱεροῖς διακονίας ἀπέστη καὶ τάξεως, ἑτέραν δὲ ἰδέαν καλλίστου βίου προείλετο; πολλοῦ γε καὶ δεῖ. Ἀλλὰ πολλοῖς μὲν τῶν σεμνῶν ὀνομάτων κικλήσκεται, γραμματικὸς καὶ νοτάριος. ἔστι δὲ αὐτῷ ταῦτα ὥσπερ οἱ ἀρτοὶ κῦνες παρὰ τῷ ποητῇ καὶ ἡ πόρνη ἑταίρα παρὰ τοῖς ῥήτορσι σεμνοποιουμένη καὶ ἡ λαιὰ χεὶρ λεγομένη εὐώνυμος καὶ οἱ παρ' ἡμῖν Αἰθίοπες τὴν μὲν χρόαν μελάντεροι ἀργυροῖ δὲ ἐξ ἀντιφασεως προσαγορευόμενοι, τοιοῦτον αὐτῷ καὶ τὸ γραμματικὸς ὄνομα καὶ τὸ νοτάριος. Παιδίον μὲν γὰρ ὢν ἐς ἀμφοτέρας ἐφοίτησε τὰς διατριβὰς καὶ πολλὰ τῶν γυμνασίων μετήμειψεν, ἀλλ' οὐχ ὥστε μαθεῖν ἀλλὰ τοῖς μανθάνουσι συγχέαι τὴν παίδευσιν, ὥστε εἴ τις αὐτὸν ἐρωτώη τίποτε τὸ ὀρθογραφεῖν ἢ τὸ ἐπιμεριζόμενον ἢ κλίσις ἢ πτῶσις ἢ λό-

Человѣкъ преслѣдующій свои личные интересы не можетъ не быть трусомъ. И дѣйствительно Пселлъ былъ трусомъ физическимъ и нравственнымъ. Онъ самъ сознается въ своей трусости и говоритъ, что пугался, страшился, боялся лошадей, также какъ другіе боятся слоновъ и львовъ, и можетъ ѣздить только на самомъ кроткомъ конѣ [1]. Когда онъ находился въ лагерѣ Комнина, онъ безъ всякаго основанія провелъ отъ страху безсонную ночь, дрожа, что вотъ-вотъ придутъ въ его палатку заговорщики и убьютъ. Онъ вспоминалъ, не сказалъ ли чего лишняго узурпатору Комнину, теперь уже провозглашенному царемъ, тогда какъ игралъ ему въ руку и плохо защищалъ интересы пославшаго его царя Михаила. Онъ боялся говорить правду, онъ боялся не понравиться, обидѣть вліятельнаго сановника, хотя бы презрѣннаго взяточника; не боялся онъ одного, не боялся своей совѣсти, не боялся нарушать правила нравственности.

Да ему нечего было нарушать, онъ не признавалъ нравственныхъ принциповъ. Честность и соблюденіе закона онъ считалъ привилегіей Апостоловъ и идеальныхъ людей; а такъ какъ идеалъ недостижимъ, онъ считалъ честность для себя недостижимой. Дѣйствительно честность не совмѣстима съ крайнимъ корыстолюбіемъ, со стремленіемъ нажиться во чтобы то ни стало. Пселлъ былъ корыстолюбивъ: онъ выпрашивалъ подарки [2], онъ не могъ примириться съ мыслью, что у него

του σύνταξις, ὁ δὲ ὡς πρὸς βάρβαρά τινα ἐξαπορεῖται τὰ ἐρωτώμενα καὶ εἰπεῖν τι ἑλληνικώτερον τὸν ἐρωτῶντα καταναγκάζει. Κυβεύει γὰρ ὅσαι ὧραι οὐ τὴν συνήθη ταύτην κυβείαν, ἀλλὰ τὴν ἐκτετραμμένην τε καὶ ἐπιρρητον, πεττοὶ γοῦν αὐτῷ πολυειδεῖς καὶ ποικίλοι, οἱ μὲν πλείω οἱ δ'ἐλάττω βάλλοντες. Διηκριβώσατο δὲ ξύμπαντα τὰ καπηλεῖα τῆς πόλεως. Καὶ ἵνα δή κακὸς περὶ αὐτὸν καὶ ἄτεχνος ῥήτωρ γένωμαι, ὕστερα τὰ πρῶτα τιθεὶς οὐδὲ γὰρ δεῖ λόγον τοῖς ἀλόγοις ἐπαγαγεῖν, τοιοῦτος αὐτῷ καὶ ὁ πατὴρ καὶ ἡ μήτηρ καὶ ὁ ἀδελφὸς. ἀλλὰ τὰ μὲν τοῦ φύσαντος ἑτέροις ἀφίημι λέγειν, ἡ δὲ μήτηρ αὐτῷ ἦν καὶ τεθέαμαι μάγος καὶ φαρμακὶς καὶ οἵα τε ἐλευθέρας φύσεις ἀνδραποδίσασθαι καὶ πόρρω τῆς ἐνεγκούσης ἐξαγαγεῖν, ὁποῖον αὐτὸς περὶ τὰ φίλτατα παρ'αὐτῆς πέπονθεν. Ἵνα συνελὼν εἴπω τὸ πᾶν, τοιοῦτος ὁ παπᾶς ὁ ἐμὸς, ᾧ τί ἂν ἄλλο ἐπαρασαίμην ἢ ταχύ θανεῖν, ὥστε μὴ τοιοῦτον ἐν ἑαυτῷ θάλπειν κακόν.

[1] Ἐγὼ δὲ οὕτω τοὺς ἵππους δέδοικα, πέφρικα τε καὶ ἐπτόημαι ὥσπερ δὲ οἱ λοιποὶ τοὺς ἐλέφαντας καὶ τοὺς λέοντας. κἂν βραχύ τι περικινήσῃ τὴν κεφαλὴν ὁ φέρων ἐμὲ, εὐθὺς αὐτός τῆς ἕδρας ἀπολισθαίνω καὶ ἀκρατής μοι ἡ χεὶρ τοῦ χαλινοῦ γίνεται. Ἀλλ' εἰ μοι τοῦτο πρότερον ἐξ ἁπαλῆς καὶ δειλῆς φύσεως, νῦν δέ μοι καὶ προσγενόμενον νόσημα τὴν φυσικὴν πτοίαν ἐδίπλασεν. (Migne, patrol t. 136, p. 1320). Ср. Ps. V, 438.

[2] См. напр. Ps. V, 299, 384.

украли незначительную сумму денегъ. Монахъ Михаилъ, давшій обѣтъ нестяжанія, доходилъ въ своемъ корыстолюбіи до того, что желалъ смерти лицу, мѣшавшему ему нажиться. Это фактъ поразительный, но засвидѣтельствованный самимъ Пселломъ. „Когда же ты доставишь мнѣ желанную вѣсть объ Еврипѣ, пишетъ онъ митрополиту Кизическому. Когда же ты сообщишь мнѣ, что онъ умеръ? до какихъ же поръ будетъ онъ жить? Я видѣлъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ до такой степени сморщенъ, что я предсказалъ ему близкую смерть. Къ чему же онъ все еще живъ? о малодушный и забывчивый Харонъ"! Почему же Пселлъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ смерти Еврипа? Потому что этотъ старецъ былъ харистикаріемъ одного монастыря, который послѣ его смерти согласно обѣщанію митрополита Кизическаго долженъ былъ поступить въ харистикію къ Пселлу [1].

Не удивительно, что при такомъ корыстолюбіи знаменитый философъ бралъ взятки, не гнушался вступать въ компанію съ лихоимцами и дѣлить съ ними неправильно взысканныя, добытыя вымогательствомъ трудовыя деньги народа. Онъ защищалъ лихоимцевъ и совѣтовалъ областнымъ начальникамъ смотрѣть сквозь пальцы на взяточничество сборщиковъ податей. Въ его перепискѣ сохранилось одно чрезвычайно краснорѣчивое письмо. Привожу его цѣликомъ.

„Объ этомъ человѣкѣ мы просили тебя, когда ты уходилъ изъ столицы и теперь опять просимъ, помогать ему въ сборѣ податей и относиться къ нему благосклонно. Услышавъ не такъ давно, что ты поступилъ съ нимъ сурово, мы не обидѣлись, но подумали, что ты покаралъ его за какой-нибудь небольшой проступокъ. Но теперь стань снисходительнѣе и не будь съ нимъ жестокъ. Ибо принимая во вниманіе бывшіе у него расходы, онъ не можетъ вполнѣ довольствоваться законнымъ сборомъ, такъ какъ сборъ положенный закономъ не составилъ бы даже суммы пошлины (шедшей въ пользу сборщика податей). Но ты не позволяй поступать незаконно, глядя на это, а не замѣчай всего этого, такъ чтобы тебѣ глядя не видѣть и слыша не слышать. Ибо только такъ, ты можешь въ одно и то же время избѣ-

---

[1] Πότε δέ, μοι καὶ κομίσεις τὰ περὶ τοῦ Εὐρίπου ποθεινὰ εὐαγγελια; μέχρι δέ τινος ἐκεῖνος βιώσεται, καὶ προσθήσει τοῖς ἔτεσιν; ἔγωγ'οὖν αὐτὸν πρὸ ἐνίων ὀλυμπιάδων ἰδών, ὥσπερ οἰωνισάμην, τοσοῦτον αὐτὸν διέφθειρεν ἡ ρυτίς, καὶ ἐμαντευσάμην ὡς αὐτίκα τεθνήξεται. τί οὖν ἔτι βιοῖ; βαβαὶ, τοῦ ραθύμου καὶ ἐκλελησμένου Χάρωνος (Ps. V, 265). Изъ этого письма видно, что въ харистикіи у Еврипа находился монастырь Артигена, а изъ письма № 178 къ тому же митрополиту Кизическому явствуетъ, что этотъ монастырь былъ обѣщанъ Пселлу.

жать упрековъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ и быть снисходительнымъ и милостивымъ къ сборщикамъ податей“ [1].

Вотъ нѣсколько, строкъ ярко характеризующихъ развращенное чиновничество. Если сборщикъ податей заплатилъ за мѣсто, это по мнѣнію Пселла достаточное основаніе, чтобы обирать народъ. Онъ кривитъ душой, когда говоритъ, что протежируемый имъ чиновникъ законнымъ образомъ не могъ собрать полагавшейся ему пошлины: такъ называемая пошлина это добавочный сборъ въ количествѣ $^1/_{12}$ съ основной подати. Пошлина не представляла абсолютной величины, это былъ процентный сборъ, различный въ разныхъ мѣстностяхъ.

Монашеское платье было для Пселла личиною, которой онъ прикрывался, когда это было удобно. Но вообще онъ отличался отъ остальныхъ придворныхъ только наружнымъ видомъ, не смотрѣлъ серіозно на данные имъ обѣты, служилъ больше мамонѣ чѣмъ Богу. Онъ любилъ свѣтскія удовольствія и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе монаха считалось неприличнымъ, онъ старался найти какой-нибудь обходъ. Такъ напр. начальникъ императорской стражи (друнгарій виглы) Константинъ звалъ его къ себѣ на свадьбу. Онъ сначала отказывался, говоря, что можетъ прійти только въ церковь, но что присутствовать при домашнемъ торжествѣ не можетъ, потому что на свадьбахъ имѣютъ обыкновеніе играть на гитарѣ, поютъ пѣсни и не всегда пристойныя, а потому монахамъ считается неприличнымъ принимать участіе въ такихъ праздникахъ. Но когда Константинъ продолжалъ звать Пселла къ себѣ на свадьбу, онъ придумалъ способъ, какъ соблюсти приличіе и въ то же время повеселиться. „Знаешь ли ты, какъ соблюсти обычай и въ то же время исполнить свое желаніе? пишетъ онъ Констан-

[1] Περὶ τοῦ παρόντος ἀνθρώπου καὶ ἐξιόντα σε τῆς πόλεως ἠξιώσαμεν, καὶ νῦν αὖθις ἀξιοῦμεν, ἀντιλαμβάνεσθαι αὐτοῦ ἐν ταῖς εἰσπράξεσι, καὶ εὐμενῶς βλέπειν, καὶ ὡς οἰκείου ἀντέχεσθαι. Ἀκούσαντες δὲ μικρῷ πρόσθεν, ὡς χαλεπῶς πρὸς αὐτὸν διετέθης, οὐκ ἠνιάθημεν, αλλ' ᾠήθημεν, ὡς ἐκόλασας, πρὸς βραχὺ ἀδικοῦντα εὑρών. Ἀλλὰ νῦν, μεταβλήθητι πρός τὸ ἡμερώτερον, καὶ μὴ πάντα φαίνου τούτῳ πικρὸς. Ἀποβλέπων γὰρ οὗτος πρὸς τὰς ἐξόδους, ἃς κατέβαλετὸ, οὐ δύναται διὰ πάντων τῷ δικαίῳ στοιχεῖν, ἐπεὶ οὐδ'ἂν ἐξισωθείη ταῖς ἀπὸ τοῦ δικαίου εἰσπράξεσι πρὸς τὴν τῶν συνηθειῶν ποσότητα. Ἀλλὰ σὺ μὴ πρὸς τοῦτο βλέπων συγχώρει ἀδικεῖν, ἀλλὰ παράβλεπε, ὥστε σε ὁρῶντα μὴ ὁρᾶν καὶ ἀκούοντα μὴ ἀκούειν. Οὕτω γὰρ ἂν μόνως καὶ τὴν κατὰ τῶν δικαστῶν μέμψιν ἐκφύγῃς, καὶ τοῖς φορολογοῦσι μέτριος φανήσῃ καὶ ἐπιεικής. (Migne, patrol. t. 136, p. 1329—1330). Это одно изъ тѣхъ писемъ, которыя Тафель напечаталъ какъ принадлежащія Евстафію Солунскому, но которыя на самомъ дѣлѣ по справедливому указанію Саѳы принадлежатъ Пселлу.

тину. Когда я пріѣду къ тебѣ на домъ, чтобы поздравить тебя, и захочу уходить, раньше чѣмъ начнутся пѣсни и пляска, ты не пускай меня. Я буду дѣлать то, что мнѣ подобаетъ, буду жеманиться и краснѣть, а ты силою не пускай меня; тогда я услышу пѣсни сиренъ и меня нельзя будетъ винить за это; вѣдь я не почтеннѣе Давида, пѣвшаго священные псалмы, играя на гитарѣ и на гусляхъ". Пселлъ дѣйствительно былъ на этой свадьбѣ и написалъ виновнику торжества восторженное письмо о томъ, что видѣлъ и слышалъ [1].

На ряду со всѣми этими мрачными чертами слѣдуетъ указать и на одно большое качество Пселла. Это былъ человѣкъ высокообразованный и много знавшій, много читавшій, много работавшій, не лишенный извѣстнаго рода таланта. Но Саба совершенно напрасно сравниваетъ его съ Бекономъ, составившимъ эпоху въ исторіи науки, и примѣняетъ къ нему слова Вольтера, сказанныя о Бекнѣ: c'était de l'or encroûté de toutes les ordures de son siecle. Послѣдняго много, но золота, что-то не видно. Талантъ всегда оригиналенъ, если не вполнѣ то хоть сколько-нибудь; а ни въ одномъ изъ сочиненій Пселла не исключая философскихъ нѣтъ и проблеска оригинальной мысли, всѣ они представляютъ самыя ничтожныя компиляціи, по большей части буквально списанныя съ какого-нибудь древняго автора. Если въ чемъ проявился талантъ Пселла, это въ его ораторскихъ произведеніяхъ, въ его панегирикахъ и надгробныхъ рѣчахъ. Но и тутъ канва дана была ему риторомъ Менандромъ, онъ слѣдовалъ правиламъ византійской риторики и только вышивалъ искусные узоры по этой канвѣ. У него былъ талантъ стилиста, онъ владѣлъ языкомъ, онъ умѣлъ писать витіевато, испещрять свою рѣчь мѣстами изъ Священнаго Писанія, примѣрами изъ классической жизни, метафорами и гиперболами. Слава же его какъ мыслителя, названіе знаменитаго философа могло быть дано

---

[1] Ps. V, 221—222. μελῶν δὲ ἢ ρυθμῶν οὐκ ἀκούσομαι, ἵνα μὴ τοῖς λογολέσχαις διατριβὴ γένωμαι. Ps. V, 321. Οἶδας οὖν ὃ ποιήσεις, ἵνα καὶ τὸν νόμον ἐμοὶ σώσῃς καὶ σαντῷ τὸ ἐνθύμημα; ἐπειδὰν ἀφίξωμαί σοι συμμεθέξων τῆς πανηγύρεως ὅπόσον εἰκὸς ἐμοί, μήτε αὐτίκα ἐάσῃς ἀπεῖναι τῆς τελετῆς ἀλλὰ συλλαβὼν καὶ δεσμεύσας, ἀκριβῶς φύλαττε. εἶτα δὴ ἐγὼ μὲν προσποιήσομαι τουμὸν ἴδιον. καὶ ἀκκιοῦμαί σοι καὶ ἀπερυθριάσω, σὺ δὲ ἔτι μᾶλλον ἐπίσφιγγε, μόνον οὐκ ἐν ἱστοπέδῃ δήσας, ὥσπερ τὸν Κεφαλλῆνα οἱ συγκατάπλεόντες ἑταῖροι αὐτοῦ εἶθ' οὕτως ἀνεγκλήτως ἀκούσομαι τῶν σειρηνίων ὠδῶν. καὶ ναὶ πρὸς φιλίου, εἰ οὕτως μέλλεις ποιεῖν, ἔστωσαν ἐμοὶ καὶ σειρῆνες. οὐκ εἰμὶ σεμνότερος Δαυΐδ, ὃς δὴ καὶ κιθάραις καὶ ναύλαις τοὺς ἱεροὺς ἐμέλουργει ψαλμούς. Ps. V, 322 -- 323.

ему только въ Византіи, откуда какъ будто изгнана была всякая глубокая и оригинальная мысль.

Но самъ Пселлъ былъ о себѣ совсѣмъ другаго мнѣнія, онъ считалъ себя великимъ ученымъ и любилъ хвастаться своими знаніями и своей мудростью. „Мы украсили столицу своей наукой, пишетъ онъ Исифѣ, молва о нашемъ образованіи дошла до крайнихъ предѣловъ вселенной, мы единственные, изучившіе всѣ роды философскихъ ученій, Еллинскихъ, Египетскихъ, Халдейскихъ, Еврейскихъ, мы, истолковавшіе Священное Писаніе по философски и съ необыкновенной тщательностію, мы, установившіе правила риторики, мы, изучившіе римское право и всѣ науки, мы, кого называютъ единственнымъ учителемъ всѣхъ наукъ“ (Ps. V, 491 — 492). „Мы сдѣлали своими плѣнниками Кельтовъ и Арабовъ, пишетъ онъ патріарху Кирулларію объ успѣхѣ своихъ лекцій, узнавъ о нашей славѣ, приходятъ къ намъ и изъ другой части свѣта; Нилъ орошаетъ и дѣлаетъ плодоносной землю Египетскую, мы же дѣлаемъ плодотворными самихъ Египтянъ. Спроси Персовъ или Эѳіоповъ, они скажутъ, что знаютъ меня, восхищаются и плѣняются мною. Недавно пришелъ къ намъ одинъ человѣкъ изъ земли Вавилонской, чувствуя непреодолимое желаніе послушать мои лекціи. Одинъ народъ называетъ насъ „свѣточемъ мудрости“, другой „свѣтиломъ“ (Ps. V, 508). „Сочиненіе мое, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, прочтутъ въ Египтѣ, въ Аравіи, на западномъ океанѣ“ (Ps. V, 513).

Хотя Пселлъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ сыномъ православной церкви, стоявшимъ на сторонѣ Михаила Кирулларія въ его спорѣ съ Римомъ, считавшимъ, что прибавка filioque въ символѣ вѣры потрясаетъ христіанскую догматику, онъ былъ зараженъ суевѣріемъ и предразсудками своего времени. Положимъ, онъ не допускалъ возможности предсказывать будущее по движенію небесныхъ свѣтилъ, но тѣмъ не менѣе онъ вѣрилъ въ волшебство, сноголкованіе, въ амулеты и симпатическія средства. „Знай, пишетъ онъ друнгарію виглы Константину, что въ животныхъ, камняхъ, травахъ есть таинственныя и большинству неизвѣстныя силы“. „Такъ называемое Епименидово средство противъ голода (ἡ ἐπιμενίδειος ἅλιμος), говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, есть составъ изъ разныхъ веществъ, дающій возможность его употребляющимъ долго ничего не ѣсть. Унимающій печаль (τὸ νηπενθὲς) есть напитокъ, который даетъ пьющему его забвеніе. Подобно тому, какъ унимающій печаль заставляетъ забывать непріятное, такъ есть средство, благодаря которому является въ душѣ воспоминаніе о хорошемъ. Заячья кровь и гусиное сало

имѣютъ таинственную силу, способствующую дѣторожденію, что хорошо знаютъ женщины, долго не имѣвшія дѣтей. Развѣ мозгъ лягушки не есть средство не имѣть дѣтей?“ (Ps. V, 327) [1].

Михаилъ Пселлъ—типъ преуспѣвающаго византійца, добившагося высокихъ чиновъ лестью, низкопоклонствомъ, потворствомъ животнымъ инстинктамъ монарховъ, достигшаго благосостоянія выпрашиваніемъ и взяточничествомъ, типъ образованнаго сановника, мѣняющаго убѣжденія, жертвующаго правдою въ угоду царю; это человѣкъ безъ принциповъ, безъ идеала, способный хвалить и бранить одно и то же, готовый обѣлять преступленія, чернить добродѣтель, настоящій прелюбодѣй слова, печальное порожденіе печальнаго времени, развратное дѣтище развратнаго общества.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Естественных наук
Академии Наук СССР

[1] О всѣхъ этихъ средствахъ Пселлъ подробнѣе толкуетъ въ особомъ сочиненіи „περὶ παραδόξων ἀναγνωσμάτων“ (Westermann, scriptores rerum mirabilium p. 143).